

UNIWERSYTET WARMIŃSKO-MAZURSKI W OLSZTYNIE
UNIVERSITY OF WARMIA AND MAZURY IN OLSZTYN

Acta
Polono-
Ruthenica

XXVI/3

WYDAWNICTWO
UNIWERSYTETU WARMIŃSKO-MAZURSKIEGO
OLSZTYN 2021

Kolegium redakcyjne
Iwona Anna NDiaye (redaktor naczelna), Joanna Orzechowska (sekretarz naukowy)

Redaktorzy tematyczni
Nikołaj Barysznikow (kulturoznawstwo i komunikacja międzykulturowa)
Wiktor Jermakow (Polacy na Kaukazie)
Tatiana Marczenko (literaturoznawstwo i emigrantologia)
Dmitrij Nikołajew (literaturoznawstwo i emigrantologia)
Joanna Orzechowska (językoznawstwo i przekładoznawstwo)

Redaktorzy językowi
Miroslawa Czetyrba-Piszczako (język ukraiński)
Anna Krawczyk-Łaskarzewska (język angielski)
Alla Kamalova (język rosyjski)
Helena Pocietchina (język białoruski)

Redaktor wydawniczy
Katarzyna Zawilska

Skład i łamanie
Marzanna Modzelewska

Projekt okładki
Barbara Lis-Romańczukowa

Czasopismo jest dostępne na licencji Creative Commons – Uznanie autorstwa – Użycie niekomercyjne
– Bez utworów zależnych (CC BY-NC-ND)

Adres redakcji
Instytut Literaturoznawstwa UWM
ul. Kurta Obizta 1, 10-725 Olsztyn
tel./fax 89 527 58 47
e-mail: acta.pol.rut@gmail.com

ISSN 1427-549X
e-ISSN 2450-0844

© Copyright by Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego • Olsztyn 2021

Wydawnictwo UWM
ul. Jana Heweliusza 14, 10-718 Olsztyn
tel. 89 523 36 61, fax 89 523 34 38
www.uwm.edu.pl/wydawnictwo/
e-mail: wydawca@uwm.edu.pl

Ark. wyd. 20,90; ark. druk. 17,75
Nakład: 90 egz., druk: Zakład Poligraficzny UWM w Olsztynie, zam. 369

CZASOPISMO NAUKOWE UKAZUJE SIĘ OD 1994 ROKU

Rada Naukowa

Ludmiła Babiienko (Uralski Uniwersytet Federalny im. Pierwszego Prezydenta Rosji Borysa Jelcyna w Jekaterynburgu, Rosja)
Nikołaj Barysznikow (Piatigorski Uniwersytet Państwowy, Rosja)
Irina Biełobrowcewa (Uniwersytet Talliński, Estonia)
Michaela Böhmig (Uniwersytet Neapolitański im. Fryderyka II, Włochy)
Jolanta Brzykcy (Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu, Polska)
Indira Dzagania (Suchumski Uniwersytet Państwowy w Tbilisi, Gruzja)
Elda Garetto (Uniwersytet w Mediolanie, Włochy)
Svetlana Garziano (Uniwersytet Jean Moulin Lyon III w Lyonie, Francja)
Frank Göbler (Uniwersytet Johanna Gutenberga w Moguncji, Niemcy)
Natalia Gordijenko (Białoruskie Państwowe Archiwum-Muzeum Literatury i Sztuki, Białoruś)
Tatiana Kirilłowa (Astrachański Państwowy Uniwersytet Medyczny, Rosja)
Marina Kolesnikowa (Północno-Kaukaski Uniwersytet Federalny w Stawropolu, Rosja)
Galina Krasnoszczekowa (Południowy Uniwersytet Federalny w Taganrogu, Rosja)
Wadim Krysko (Instytut Języka Rosyjskiego im. W.W. Winogradowa Rosyjskiej Akademii Nauk, Rosja)
Andrzej Ksenicz (Uniwersytet Zielonogórski, Polska)
Czesław Lachur (Uniwersytet Opolski, Polska)
Natalia Lichina (Bałtycki Uniwersytet Federalny im. Immanuela Kanta w Kaliningradzie, Rosja)
Pewieł Ławriniec (Uniwersytet Wileński, Litwa)
Leonid Malcew (Bałtycki Uniwersytet Federalny im. Immanuela Kanta w Kaliningradzie, Rosja)
Tatiana Marczenko (Dom Rosyjskiej Zagranicy im. A. Sołżenicyna w Moskwie, Rosja)
Walentina Masłowa (Witebski Uniwersytet Państwowy im. Piotra Maszeraua, Białoruś)
Manatkul Musatajewa (Kazachski Narodowy Uniwersytet Państwowy im. Abaja w Ałma Acie, Kazachstan)
Natalia Nesterowa (Permski Narodowy Badawczy Uniwersytet Politechniczny w Permie, Rosja)
Dmitrij Nikołajew (Instytut Literatury Światowej im. A.M. Gorkiego Rosyjskiej Akademii Nauk w Moskwie, Rosja)
Vera Ozheli (Państwowy Uniwersytet im. Akakija Cereteli w Kutaisi, Gruzja)
Vladimir Papoušek (Uniwersytet Południowoczeski w Czeskich Budziejowicach, Czechy)
Tatiana Rybalczenko (Uniwersytet Państwowy w Tomsku, Rosja)
Michaił Sarnowski (Uniwersytet Wrocławski, Polska)
Andrzej Sitarski (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Polska)
Giovanna Spendel de Varda (Uniwersytet Turyński, Włochy)
Aħa Szelajewa (Sankt-Petersburski Uniwersytet Państwowy, Rosja)
Sevinç Üçgül (Uniwersytet Erciyes w Kayseri, Turcja)
Enisa Uspensky (Uniwersytet Sztuki w Belgradzie, Serbia)
Swietłana Waulina (Bałtycki Uniwersytet Federalny im. Immanuela Kanta w Kaliningradzie, Rosja)
Katarzyna Wojan (Uniwersytet Gdański, Polska)
Lola Zwonariowa (Rosyjska Akademia Edukacji w Moskwie, Rosja)

Rada Programowa

Walenty Piłat (Honorowy Przewodniczący, Olsztyn, Polska)
Jan Czykwini (Białystok, Polska)
Wolfgang Gładrow (Berlin, Niemcy)
Joanna Mianowska (Toruń, Polska)
Leontij Mironiuk
Irena Rudziewicz (Olsztyn, Polska)
Lucjan Suchanek (Kraków, Polska)
Alicja Wołodźko-Butkiewicz (Warszawa, Polska)

Editorial Board

Iwona Anna NDiaye (Editor-in-Chief), Joanna Orzechowska (Managing Editor)

Thematic Editors

Nikolay Baryshnikov (Cultural Studies and Intercultural Communication)

Victor Jermakov (Poles in the Caucasus)

Tatiana Marchenko (Literary Studies and Study of Emigration)

Dmitrij Nikołajew (Literary Studies and Study of Emigration)

Joanna Orzechowska (Linguistics and Translation Studies)

Language Editors

Mirosława Czetyrba-Piszczako (Ukrainian language)

Anna Krawczyk-Laskarzewska (English language)

Alla Kamalova (Russian language)

Helena Pocięchina (Belarusian language)

This journal is the open access and non-profit enterprise. The published papers may be collected, read and downloaded free of charge – with Author's rights reserved. We have adopted a Creative Commons licence CC BY-NC-ND (Attribution-NonCommercial-NoDerivatives).

ISSN 1427-549X (Print)

ISSN 2450-0844 (Online)

© Copyright by University Publisher of Warmia and Mazury in Olsztyn • Olsztyn 2021

Address of the Editorial Department
Institute of Literary Studies
University of Warmia and Mazury in Olsztyn
Kurta Obiża 1, 10-725 Olsztyn (Poland)
Phone: +48 89 527 58 47
E-mail: acta.pol.rut@gmail.com

Editorial Council

Ludmila Babenko (Ural Federal University the first President of Russia B.N. Yeltsin of Ekaterinburg, Russia)
Nikolay Baryshnikov (Pyatigorsk State University, Russia)
Irina Belobrovseva (Tallinn University, Estonia)
Michaela Böhmig (University of Naples Federico II, Italy)
Jolanta Brzykcy (Nicolaus Copernicus University of Toruń, Poland)
Indira Dzagania (Sukhumi State University of Tbilisi, Georgia)
Elda Garetto (The University of Milan, Italy)
Svetlana Garziano (Jean Moulin Lyon 3 University, France)
Frank Göbler (Johannes Gutenberg University of Mainz, German)
Natallia Harziyenka (Belarusan State Archives-Museum of Literature and Art, Belarus)
Tatiana Kirillova (Astrakhan State Medical University, Russia)
Marina Kolesnikova (North-Caucasus Federal University of Stavropol, Russia)
Galina Krasnoshchekova (Southern Federal University of Taganrog, Russia)
Vadim Krysko (V.V. Vinogradov Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences of Moscow, Russia)
Andrzej Ksenicz (University of Zielona Góra, Poland)
Czesław Lachur (University of Opole, Poland)
Pevel Lavrinec (Vilnius University, Lithuania)
Natalia Likhina (Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia)
Leonid Malcev (Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia)
Tatiana Marchenko (Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad of Moscow, Russia)
Valentina Maslova (Vitebsk State University, Belarus)
Manatkul Musataeva (Abai Kazakh National Pedagogical University of Almaty, Kazakhstan)
Natalia Nesterova (Perm National Research Polytechnic University, Russia)
Dmitry Nikolaev (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences of Moscow, Russia)
Vera Ozheli (Kutaisi Akaki Tsereteli State University, Georgia)
Vladimír Papoušek (University of South Bohemia of České Budějovice, Czech Republic)
Tatiana Rybalchenko (Tomsk State University, Russia)
Michał Sarnowski (University of Wrocław, Poland)
Andrzej Sitarski (Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland)
Giovanna Spendel de Varda (University of Turin, Italy)
Alla Shelaeva (Saint Petersburg State University, Russia)
Sevinç Üçgül (Erciyes University of Kayseri, Turkey)
Enisa Uspensky (University of Arts of Belgrade, Serbia)
Svetlana Vaulina (Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia)
Katarzyna Wojan (University of Gdańsk, Poland)
Lola Zvonareva (Russian Academy of Education of Moscow, Russia)

Program Council

Walenty Piłat (Honorary Chairman, Olsztyn, Poland)
Jan Czykwini (Białystok, Poland)
Wolfgang Gladrow (Berlin, German)
Joanna Mianowska (Toruń, Poland)
Leontij Mironiuk
Irena Rudziewicz (Olsztyn, Poland)
Lucjan Suchanek (Cracow, Poland)
Alicja Wołodźko-Butkiewicz (Warsaw, Poland)

Spis treści

Emigrantologia

Гаяне Мальцева, Образы-схемы метафор «жизнь – путь», «жизнь – круг», «жизнь – борьба» в русской прозе В.В. Набокова	11
Юлия Павельева, Пространство и время в повести Александра Солженицына <i>Адлуг Швенкиттен</i>	29
Елена Янчук, Мотив воды в творчестве Марины Цветаевой	41

Literaturoznawstwo

Katarzyna Drozd, Czas przełomu i nadziei – obraz schyłku XX wieku we współczesnej literaturze białoruskiej na przykładzie powieści A. Klinaua <i>Szalom</i> i I. Babkoua <i>Chwilinka. Try historii</i>	59
Małgorzata Sylwestrzak, Struktury mityczne w narracjach podróżniczych Piotra Wajla	73
Галина Соболева, Фрагмент национальной языковой картины мира в повести Николая Гоголя <i>Шинель</i>	87

Językoznawstwo

Віталія Папіш, Витоки і розбудова теорії психоакцентуації в східнослов'янському мовознавстві: фрагментарний огляд (кінець XX – початок XXI ст.)	101
Ольга Хорохордина, Xiaotang Zheng, Забавная история из жизни животных как речевой жанр интернет-коммуникации	119

Przekładoznawstwo

Magdalena Dąbrowska, <i>Wieczór u Kantemira</i> i <i>O charakterze Łomonosowa</i> Konstantina Batiuszkowa oraz ich polski przekład	133
Anna Rudyk, Przymiotniki <i>radosny</i> i <i>wesoły</i> i ich rosyjskie ekwiwalenty przekładowe	147
Людмила Береснева, Алексей Надежкин, Проблема вариативности переводов Библии на примере анализа пс. 2:12	161

Kulturoznawstwo

Piotr Koprowski, Waclawa Aleksandra Maciejowskiego spojrzenie na Rosję i Słowiańszczyznę a jego izolacja w społeczeństwie polskim w latach 50. i 60. XIX wieku	173
Николай Барышников, Агрессивность и ассертивность в межкультурной коммуникации: от чёрной к белой риторике	189

Polacy na Kaukazie

Iwona Anna NDiaje, Нина Орлова, Проектная деятельность в обучении русскому языку как иностранному (культурно-переводческий проект «Кухня народов Северного Кавказа». Из опыта международного сотрудничества ВМУ и ПГУ)	207
Виктор Акопян, Вклад архитекторов польского происхождения в становление и развитие курортов Кавказских Минеральных Вод (XIX – начало XX века)	221
Юрий Клычников, Участие польских военных чинов в боевых действиях на Северном Кавказе в 30-х гг. XIX в. (на примере Тенгинского полка)	243
Сергей Лазарян, Поляки на службе русского царя	257

Table of Contents

Emigrantology

Gayane Maltseva, Images-Schemes of Metaphors “Life Is a Way”, “Life Is a Circle”, “Life Is a Fighting” in Russian Prose by V.V. Nabokov	11
Yulia Pavelieva, Space and Time in Alexandr Solzhenitsyn’s Story <i>Adlig Schwenkitten</i>	29
Elena Janczuk, The Motif of Water in the Works of Marina Tsvetaeva	41

Literary Studies

Katarzyna Drozd, The Image of the End of the 20th Century in Contemporary Belarusian Literature on the Example of the Novels by A. Klinau <i>Shalom</i> and I. Babkou <i>Chwilinka. Try history</i>	59
Małgorzata Sylwestrzak, Mythical Structures in Peter Vayl’s Travel Narratives	73
Galina Soboleva, A Fragment of the National Linguistic View of the World in the Novel <i>Overcoat</i> by Nikolai Gogol	87

Language Studies

Vitalia Papish, The Origins and Development of the Psychoaccentuation Theory in the East Slavic Linguistics (Late 20th – Early 21st Century)	101
Olga Khorokhordina, Xiaotang Zheng, A Funny Story from the Life of Animals as a Speech Genre of Internet Communication	119

Translation Studies

Magdalena Dąbrowska, <i>The Evening at Kantemir’s</i> and <i>About Lomonosov’s Character</i> by Konstantin Batyushkov and Their Polish Translations	133
Anna Rudyk, Adjectives <i>radosny</i> and <i>wesoly</i> and Their Russian Translation Equivalents	147
Lyudmila Beresneva, Aleksey Nadezhkin, The Problem of Variability of Bible Translations on the Example of the Analysis of PS. 2:12	161

Cultural Studies

Piotr Koprowski, Waclaw Aleksander Maciejowski’s View of Russia and the Slavic Region, and His Isolation in Polish Society in the 50s and 60s of the 19th Century	173
Nikolay Baryshnikov, Aggressiveness and Assertiveness in Intercultural Communication: from Black to White Rhetoric	189

Poland in Caucasus

Iwona Anna NDiaye, Nina Orlova, Project Activities in Teaching Russian Language as a Foreign Language (Cultural and Translation Project “The Cuisine of the People of the North Caucasus”. From the Experience of International Cooperation VMU and PSU) ...	207
Victor Akopyan, The Contribution of Architects of Polish Origin to the Development of Resorts of the Caucasian Mineral Waters (19th – Early 20th Century)	221
Yuriy Klychnikov, The Participation of Polish Military Officials in the Hostilities in the North Caucasus in the 30s of the 19th Century (on the Example of the Tengin Regiment)	243
Sergey Lazarian, Poles in the Service of the Russian Tsar	257

Emigrantologia

ОБРАЗЫ-СХЕМЫ МЕТАФОР «ЖИЗНЬ – ПУТЬ», «ЖИЗНЬ – КРУГ», «ЖИЗНЬ – БОРЬБА» В РУССКОЙ ПРОЗЕ В.В. НАБОКОВА

Гаяне Мальцева

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0136-2583>

e-mail: maltseva_g@bsu.edu.ru

Аннотация: В статье представлен анализ русскоязычной прозы В.В. Набокова, написанной в годы эмиграции, в Берлине, а именно – рассказов *Путеводитель по Берлину*, *Круг* и *Истребление тиранов*. Выявление ключевого образа текста и его схематизация обоснованы позицией В.В. Набокова: «я мыслю образами». Образ, лежащий в основании исследуемых текстов, выявляется через ассоциативные ряды (направления ассоциирования), позволяющие определить ключевую текстовую метафору – «жизнь – путь», которая в свою очередь, включает в себя такие метафоры, как «жизнь – круг», «жизнь – борьба». Условия игрового текста затрудняют процесс декодирования, требуют особенного читателя (для В.В. Набокова это «перечитыватель»), глубокого анализа языкового материала. Предложенный автором метод построения матричной модели идиосети позволяет выявить закодированные текстовые смыслы. Нестандартная языковая личность писателя представляет нам особые способы концептуализации мира. Схематизация сложной философии жизни позволяет большие объемы информации «упаковывать» в атом смысла. Отсылка к прецедентным текстам разных культур и эпох подтверждает универсальность кумулированной в образе информации. Выявленные образы представлены графически, сделаны выводы о философии жизни В.В. Набокова: представление о дуалистичности бытия, противопоставление материального и духовного, обывательского и поэтического, философия бесконечности жизненных процессов, повторяемости и перетекания. Образ становится местом максимальной концентрации текстового смысла.

Ключевые слова: образ, концепт, образ-схема, метафора, игровая поэтика, игровая функция, ассоциации, направления ассоциирования, матричная модель построения идиосети, В.В. Набоков

Submitted on August 20, 2021
Accepted on September 20, 2021

IMAGES-SCHEMES OF METAPHORS “LIFE IS A WAY”, “LIFE IS A CIRCLE”, “LIFE IS A FIGHTING” IN RUSSIAN PROSE BY V.V. NABOKOV

Gayane Maltseva

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0136-2583>

e-mail: maltseva_g@bsu.edu.ru

Abstract: The article presents an analysis of the Russian-language prose by V.V. Nabokov, written during the years of emigration, in Berlin, namely, the stories *A Guide to Berlin*, *The Circle* and *Tyrants Destroyed*. The identification of the key image of the text and its schematization are justified by the position of V.V. Nabokov: “I think in images”. The image underlying the texts under study is revealed through associative series (directions of association), which make it possible to define a key textual metaphor – “life is a way”, which in turn includes such metaphors as “life is a circle”, “life is a fighting”. The conditions of the game text complicate the decoding process, require a special reader (for V.V. Nabokov, this is a “re-reader”), a deep analysis of the language material. The author’s proposed method of constructing a matrix model of an idioset allows identifying encoded textual meanings. The non-standard linguistic personality of the writer presents us with special ways of conceptualizing the world. Schematization of the complex philosophy of life allows large amounts of information to be “packed” into an atom of meaning. The reference to precedent texts of different cultures and epochs confirms the universality of the information accumulated in the image. The revealed images are presented graphically, conclusions are drawn about the philosophy of life of V.V. Nabokov: the idea of the duality of being, the opposition of material and spiritual, philistine and poetic, the philosophy of the infinity of life processes, repetition and flow. The image becomes a place of maximum concentration of textual meaning.

Keywords: image, concept, image-scheme, metaphor, game poetics, game function, associations, directions of association, matrix model of building an idioset, V.V. Nabokov

*Ах, угонят их в степь, Арлекинов моих,
в буераки, к чужим атаманам!
Геометрию их, Венецию их
назовут шутовством и обманом.*

Это строки из последнего стихотворения, посвященного жене, – идеальному читателю, музе, написанного 1 октября 1974 года, сразу после завершения работы над романом *Смотри на арлекинов!*. Арлекины – тексты, слова, образы творчества Набокова, мерцающие, манящие множественностью смыслов, играющие с читателем неразгаданностью тайны.

Для работы с набоковским кодом А.И. Люксембург разработал термин *игровая поэтика*, который стал одним из базовых понятий в изучении творчества «магистра игры» Владимира Набокова, показателем лингвокреативности его прозы. Игровой поэтикой называют «систему художественных средств, способствующих созданию игровой специфики текста» [Рахимкулова 2004, 35]. Игровая поэтика произведений Набокова позволяет применять новые подходы к изучению текста-механизма, текста-сооружения [Набоков 2018, 45], где важны такие понятия, как «узел» и «узор». «Узел как метод игровой поэтики В.В. Набокова – это место, где слово в сильной текстовой позиции увеличивает свою смысловую ценность. Узловые элементы с разветвленной сетью ассоциаций составляют узор, в каждом тексте уникальный. Узлы и узор позволяют выделить идиосеть текста, дающую представление о механизмах построения игровой поэтики произведений В.В. Набокова, и зафиксировать уникальные индивидуально-авторские способы концептуализации мира» [Мальцева 2021, 12].

Проникнуть на глубинные уровни познания текста позволяет матричная модель построения идиосети [Мальцева 2021], в которой у Набокова доминирующей является вертикаль – игра со значениями слова, с его этимологией, мерцанием смыслов, связанных с сопоставлением внешней оболочки и внутренней формы. Для языка художественных произведений, в которых в основном реализуются переносные значения слова, характерна особая – художественная (поэтическая) внутренняя форма, так, смысл концепта обусловлен «эстетическими переживаниями и воображаемыми ассоциативно-образными импликациями» [Алефиренко 2009, 11].

Результатом познания мира является концепт, который представляет собой свернутый глубинный «смысл» предмета [Красных 2003, 269], «сгусток культуры» в ментальном мире человека. Концепт зарождается в сознании человека как чувственный образ, становясь постепенно, с нарастанием признаков, мыслительным образом [Попова 2001, 70–71].

Как концептуализирует мир нестандартная языковая личность? Как вернуть закодированные смыслы в тексте-головоломке, тексте с игровой поэтикой?

Обозначенные выше методики и теории позволяют читателю разгадать «головоломку», выйти на первообраз [Колесов 2000, 56], спрятанный за тонкой паутиной ложных ходов, рассмотреть водяной знак: «знак нестираемый, исконный, узор, придуманный в раю» [Набоков 1991, 367].

Именно образ является центральным звеном игровой поэтики Набокова. Писатель отмечал: «я мыслю образами» [Набоков 2018, 26], «образ вещи предшествует ей» [Набоков 2018, 125]. Вычленение (декодирование) образа связано с читательской интерпретацией горизонтали и вертикали игровой поэтики, то есть структурных и языковых ловушек. Возвратимся еще раз к стихотворению-эпиграфу: там говорится о геометрии и Венеции набоковских арлекинов, то есть о структуре (узоре, геометрии) и глубине (Венеция – под водой). Творец страдает, потому что геометрию и Венецию его арлекинов назовут «шутовством и обманом».

Часто именно в этом ключе и рассматриваются элементы игровой поэтики Набокова: анаграммы, каламбуры, шарады, по мнению исследователей, призваны доставить эстетическое удовольствие читателю [Рахимкулова 2004], развлечь его. Однако *геометрия* и *Венеция* дают возможность раскрыть образ – ядро набоковской поэтики, квинт-эссенцию текстового смысла, в котором кумулируются философские взгляды творца.

Средством создания художественного образа является метафора. Метафора – явление речевое, следовательно, дискурсивное. Ее изучение связано с обращением к сознанию, глубинным сферам человеческого мышления [Мак-Кормак 1990, 385], к концептуальным системам [Арутюнова 1990, 8]. Новый взгляд на метафору был сформирован в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакоффа 2004; Джонсон 2011].

Если «путь автора – от идеального образа (образа-зародыша) – к его воплощению и корректировке первоначального замысла» [Тарасова 2020, 52], то путь читателя – от материализованного через метафору и ассоциативные связи – к первообразу, зерну текстового смысла. Чтобы вычленить образы, лежащие в основе текста, следует двигаться путем, обратным авторскому: находить узлы (места сцепления структуры и языковых средств, сильные позиции текста), которые помогают обнаружить цепочку ассоциаций (направления ассоциирования). Те, в свою очередь, ведут к определению ключевой метафоры текста, за которой стоит первообраз. Его «прорисовывание» в читательском сознании ведет к постижению глубины текста.

Для Набокова доминантной темой творчества является тема *потусторонности*, «формирующая и ключевой концепт, отраженный в творчестве писателя. Потусторонность Набокова равна вечности, тогда как жизнь человека – конечности. Следовательно, в творчестве писателя формируются вертикальная оппозиция *потусторонность – жизнь* и горизонтальная оппозиция *жизнь-смерть*» [Мальцева 2021, 76–77]. В рассказах, написанных Сириным-эмигрантом, кочующим по «немецким мебелишкам» [Набоков 2018, 145], жизнь осмысливается с двух позиций: жизнь обывателя и жизнь поэта, гения. Образы, прорисовывающиеся как «водяной знак» в рассказах *Путеводитель по Берлину*, *Круг*, *Истребление тиранов*, дают представление о философии жизни и смерти В.В. Набокова.

1. Образ-схема ОТТО в рассказе *Путеводитель по Берлину*

Рассмотрим, как концептуальная метафора ЖИЗНЬ-путь реализуется в русскоязычной прозе Набокова – рассказе *Путеводитель по Берлину*.

Рассказ *Путеводитель по Берлину* (1925) содержит небезынтересный пример игры – *алфавитный иконизм*, явление, отмеченное Д.Б. Джонсоном как особенность идиостиля Набокова. Джонсон обратил внимание на то, что буквы в дискурсе писателя – это «алфавитные иконические образы, которые не только что-то означают, но и что-то изображают» [Джонсон 2011, 48]. Исследователем впервые отмечено особое отношение к букве в текстах Набокова, когда буква не есть условно принятый знак, символ, а приобретает значение и образность посредством визуализации ее очертаний. То есть буква-символ через игру приобретает статус иконического знака, так как ее зримая форма схожа с денотатом. Кроме изобразительной функции алфавитного иконизма, Джонсон выделяет и смыслообразующую. Именно эта функция реализуется в рассказе «*Путеводитель по Берлину*» на примере алфавитной иконы ОТТО.

Сильной текстовой позицией является начало рассказа, где читателю исподволь, как бы мимоходом, сообщается об имени Отто, начертанном на трубе: «Сегодня на снеговой полосе кто-то пальцем написал «Отто», и я подумал, что такое имя, с двумя белыми «о» по бокам и четой тихих согласных посерединке, удивительно хорошо подходит к этому снегу, лежащему тихим слоем, к этой трубе с ее двумя отверстиями и таинственной глубиной» [ПБ, 336]. Полагая, что сильная текстовая позиция – узел текстового кода, ищем ближайшие подсказки: автор сообщает нам, что это имя.

Этимологический анализ распространенного немецкого имени «Отто», которое означает «богатство, владение, господство», подтверждает и отношение Набокова к немецкому миру как миру бургерства. Человек в низших проявлениях земной жизни – накопитель, стяжатель, он стремится и жаждет материального. Отметим, что в словаре В. Даля слово «жизнь» имеет значение «живот» [Даль 2002, 243], (древнерусское – животь (жизнь, имущество, животное). У лексем *имущество* и *богатство* общая сема – ‘накопление’. Слова с корнем *жизн-/жи-* повторяются в каждой главе рассказа, кроме главы «Работы»: «*живу*» («Трубы»), «*отжившее*» («Трамвай»), «*переживших*» («Эдем»), «*жить*», «*жизни*» («Пивная»). Эти сильные текстовые позиции подводят читателя к мысли, что автор представляет нам свое осмысленные жизни. Возвращаясь к знаку ОТТО, попытаемся высветить авторское наполнение для каждой буквы-иконки.

ОТТО по мере прочтения предстает как образ-схема метафоры ЖИЗНЬ – ПУТЬ. Этот образ дает представление о человеческой жизни как о пути, который имеет начало – вход, рождение, продолжение – длительность жизни, в основе которой повторяемость событий и явлений, конец – выход, смерть.

Буква «о» в алфавитной иконе ОТТО напоминает своими очертаниями образы входов-выходов, отверстий. В словесной ткани произведения есть слова со значением «отверстие» (отверстие – «трубе с ее двумя отверстиями...» [ПБ, 336]; пасть – «...почтальон захлопывает квадратную пасть отяжелевшего мешка» [ПБ, 338], жерло – «... по внутреннему скату, у самого жерла...» [ПБ, 336]), описаны помещения, имеющие вход и выход, которые предстают как модели реального мира для иллюстрации синтетичности образа ОТТО. Так, описывая трамвай, автор делает акцент на этих элементах:

«о» – посадка («отпахивается окошечко в передней двери, чтобы дать билеты стоящим на площадке»), «тт» – сам путь, движение («вагон качает, люди в проходе хватаются за висячие ремни, при каждом толчке подаются то вперед, то назад»), «о» – высадка, конечная остановка («у остановки, на краю панели...»); «на конечной станции передний вагон отцепляется...» [ПБ, 337]) [Мальцева 2021, 116].

Третий вектор матрицы идиосети (прецедентные тексты) связан с отсылкой к двум произведениям русской классической литературы: *Заблудившийся трамвай* Н. Гумилева и *Телега жизни* А.С. Пушкина. Гумилев воспринимает трамвай так же, как Набоков: это символизация пути «от жизни через смерть в бессмертие». Роковое предопределение жизни символизирует вагоновожатый: («Остановите, вагоновожатый...» [Гумилев 1991, 297, 298], у Набокова

– кондуктор с «особыми руками» символизирует плату за жизнь: «они так же проворно работают, как руки пианиста, – но вместо того, чтобы быть бескостными, потными, с мягкими ногтями, руки кондуктора – такие жесткие, что когда, – вливая ему в ладонь мелочь, – случайно дотронешься до этой ладони, обросшей словно грубым, сухим хитином, становится нехорошо на душе» [ПБ, 337]. Жизнь человека связана с понятиями «несвобода»/«тюрьма»: «Понял теперь я: наша свобода – Только оттуда бьющий свет...» [ПБ, 298]. Образы палача («В красной рубашке, с лицом как вымя, Голову срезал палач и мне...») [ПБ, 298] и зоологического сада, имеющиеся в стихотворении, использует и В.В. Набоков. В стихотворении Пушкина «Телега жизни» также реализуется метафора ЖИЗНЬ – ПУТЬ: телегой управляет ящик – «седое время», утро связано с началом жизненного пути («С утра садимся мы в телегу...»), полдень – середина жизни («и в полдень нет у той отваги; порастрясло нас...»), а вечер, ночлег – конец жизни («катит по-прежнему телега; Под вечер мы привыкли к ней И дремля едем до ночлега, А время гонит лошадей») [Пушкин 1985, 298].

Как и в *Телеге жизни* А.С. Пушкина, в *Путеводителе по Берлину* концепт 'Жизнь' связан с категорией времени с помощью ассоциатов «куранты», «груз времен», «будущих времен». Тема времени, быстротечности земной жизни особенно важна, так как она дает ответ на вопрос: «Может ли быть жизнь счастливой?». Для В.В. Набокова счастье в управлении временем – в возможности подсмотреть «что-то будущее воспоминание» [Набоков 1990, 340], «изображать обыкновенные вещи так, как они отразятся в ласковых зеркалах будущих времен» [Набоков 1990, 337].

Буквы «тт», определяемые рассказчиком как «чета тихих согласных», – это сам тоннель, тело трубы, символизирующей жизненный путь человека. Человек рождается (о-вход), проживает свой жизненный путь (тт-путь, таинственная глубина) и умирает (о-выход). В икону, графически представленную как «тт», вписывается и труба, и трамвай (люди входят, платят за проезд и выходят на своей остановке), и лиственница (с ее корнями и подрагивающей верхушкой). Образ жизненного пути, реализованный в иконе ОТТО, имеет следующие части: «начало пути – рождение – в алфавитном иконическом знаке ОТТО его символизирует о-начальное; путь – длительность жизни – в алфавитном иконическом знаке ОТТО его символизирует пара *тт*; конец пути – смерть – в алфавитном иконическом знаке ОТТО его символизирует о-конечное».

В главе «Работы» актуализируются ассоциации смерти как одной из составляющих жизненного пути. Лексемы *пустые, опораживается* рождают

ассоциации завершенности, конца жизненного пути. Тема смерти связана и с лиственницей, которую везут на переработку: «тайнственно провезли на телеге длинную черную лиственницу: она лежит плашмя, макушка мягко вздрагивает, а корни с землей, завернутые в плотную рогожу, образуют у ее основания огромную, желтовато-бурую бомбу» [ПБ, 338], с почтовым ящиком: «Почтальон подставил мешок под кобальтовый почтовый ящик, нацепляет его снизу и тайно, незримо, с поспешным шелестом, ящик опоражнивается, и почтальон захлопывает квадратную пасть отяжелевшего мешка» [ПБ, 338]. Со смертью связан и образ мясника, по описанию напоминающего палача, и туши убиты животных: «...прекраснее всего – бланжевые, в розовых подтеках и извилинах, туши, наваленные на грузовик, и человек в переднике, в кожаном капюшоне с долгим затыльником, который берет тяжкую тушу на спину и, сгорбившись, несет ее в румяную лавку мясника» [ПБ, 338]. Пекарь, везущий пустые бутылки из кабаков, похож на ангела: «молодой белый пекарь в колпаке промахнул на трехколесном велосипеде: есть что-то ангельское в человеке, осыпанном мукой» [ПБ, 338].

Глава «Эдем» раскрывает ассоциации жизни с зоологическим садом. Для В. Набокова «человек способен рай восстановить», но только он уподобляется земной жизни: «весь в решетках, но правда, не будь оград, лев пожрал бы лань» [ПБ, 339].

Ценностно-оценочный слой актуализируется косвенно: для автора жизненный путь таинствен («...тайнственной глубиной...» [ПБ, 336]), мимолетен (*отжившее*; лексемы *исчезнет/исчезла* повторяются 4 раза), дорог и скучен («Скучно, одним словом. Скучный, чужой город. И жить в нем дорого...» [ПБ, 340]; требует платы (*кондуктор, билет, мелочь, сдача, монеты*).

В рассказе *Путеводитель по Берлину* образ-схема ОТТО конкретизирует такие признаки макроконцепта «Жизнь», как «путь», «временность», «замкнутость», «рождение», «смерть», «материальность». Семантическая структура метафоры «жизнь – это путь» имеет следующие составляющие: рождение, путь, смерть. Амбивалентность мировидения Набокова заключается в представлении о жизни, как одновременно скучной, беспощадной для обывателя и благодатной, счастливой для поэта.

2. Образ-схема «Круг» в рассказе *Круг*

В игровой поэтике рассказа *Круг* реализована метафора ЖИЗНЬ – КРУГ, которая в то же время является составной частью метафоры ЖИЗНЬ – ПУТЬ (так как это путь по кругу).

Ключевое слово-репрезентант *Круг* занимает сильные текстовые позиции: являясь заглавием произведения, фиксируется в процессе декодирования текста как повтор. Кроме того, сильная текстовая позиция (узел) подкреплена композиционным ходом: рассказ начинается с фразы «во-вторых...» и заканчивается фразой «во-первых...». Такую кольцевую композицию Набоков назвал «змея, кусающая собственный хвост», замечая, что таковой же является и «круговая структура» главы IV романа *Дар*. Очевидна соотношенность композиционного трюка с символом Уроборос, который в гностических мифах отражал конечность материального мира, об этом пишет и С. Давыдов [Давыдов 2004]. Гностическое учение представляет архитектуру мира как тюрьму, а «душа человека заточена в семь плотских оболочек, соответствующих семи вожделениям» [Александров 1999, 77-78].

Лексический слой, репрезентирующий метафору ЖИЗНЬ – КРУГ, представлен рядом однокоренных слов с корнем *-круг-/-круж-*: *круглый, окружало, кружева*: «...рвал крючок из маленького, круглого, беззубого рта рыбы...» [К, 325]; «...так, ему казалось омерзительным все, что окружало летнюю жизнь Годуновых-Чердынцевых...» [К, 326]; «...Годунов-Чердынцев громко говорил через стол со старухой в кружевах...» [К, 328]. Круг встречается в рассказе в синтагмах круг сна [К, 326] и расходясь кругами [К, 325].

Декодирование метафорического образа связано с анализом ассоциативных рядов со смыслами «форма», «материя», «граница», которые прослеживаются в тексте. Ассоциативное направление «форма» включает такие слова, как *золотой* [К, 322, 323] (в значении «монета»), *монета* [К, 322], *мяч/мячик* [К, 327, 328], *солнце* [К, 325], *луна* [К, 329], *шляпа* [К, 327, 331], *кольцо* [К, 327]. Семантическая структура этих лексем содержит компоненты 'форма' и 'круг' («круглая форма

Ассоциативное направление «вращение» отражает индивидуально-авторское понимание круга, так как сема 'вращение' в лексеме *круг* толковыми словарями не фиксируется. Если форма передает визуальные очертания, то вращение – динамичность, постоянное движение как характеристику жизненного процесса. Важно отметить, что это не хаотическое, свободное движение – оно предопределяется наличием центра и края-периферии («так случилось, что к центру их жизни он все равно не был допущен, а пребывая

на ее зеленой периферии, участвуя в летних забавах, но никогда не попадая в самый дом» [К, 328], центра и границ («...там и сям появлялся другого происхождения круг, с внезапным центром... А какое наслаждение было купаться под этим теплым ситником, на границе смешения двух однородных, но по-разному сложенных стихий...» [К, 325]), определяющих радиус перемещения (в словаре Д.Н. Ушакова: *вращение* – «движение вокруг своей оси по окружности» [Ушаков 2005, 99]). Движение по кругу с заданным центром ограничено: «Как домашний скот вынужден вращаться вокруг колышка, вбитого в землю, очерчивая круг, так и человеческая душа – пленница тела, а движение вперед – всего лишь вращение вокруг центра. Таким образом, как и круг В.В. Набокова – не круг вовсе в смысле математическом, так и вращение как сема круга – не полное действие, оно лишено свободы совершения за счет наличия центра. Круг в дискурсе В.В. Набокова – результат (фигура) несвободного действия (вокруг заданного центра) – вращения» [Мальцева 2021, 140–141].

Вращение встречаем в следующих контекстах: «Засим Годунов-Чердынцев уехал в Самарканд или в Верный (откуда привык начинать свои прогулки); долго не возвращался, семья же его, по-видимому, предпочитала крымское имение петербургскому, по зимам жила в столице» [К, 323–324]; «Иннокентий молча шагал рядом, вращая ртом (лушил семечки)» [К, 327]; «Вращаясь, медленно падал на скатерть липовый летунок» [К, 328].

Стоит обратить внимание на этимологическую обусловленность чередования в корнях *-ворот-/-вращ-*, на родство глаголов *вращать-вертеть*, имеющих общие семы с глаголами *поворачиваться, становиться, опрокидываться, обращать*. Этимологическое родство глаголов *вращать, вертеть* просматривается и с существительным *время* (*vertmen). Первоначальное значение слова *время*, согласно словарю Н.М. Шанского, – «нечто вращающееся» [Шанский 1994, 95]. Важность времени в жизненном круге человека связана с главным героем рассказа, Иннокентием. Повторяющееся вращение превращает жизнь в «порочный круг». Иннокентию же, как и многим наделенным даром героям В.В. Набокова, дана высшая благодать реинкарнации прошлого через преодоление земной преграды времени («Все это прошлое поднялось вместе с поднимающейся от вздоха грудью, – и медленно восстал, расправил плечи покойный его отец, Илья Ильич Бычков...» [К, 322]). Выражаясь словами А. Долинина, «...изгнанник Набокова получает возможность усилием воображения и памяти превратить потерянное в сверхреальное, вечно сущее и потому быть счастливым вопреки любой трагической утрате...» [Долинин 2004, 41].

Кроме вращения динамику ассоциативного авторского восприятия круга репрезентируют такие сочетания, как «свиваясь» и «развиваясь» [К, 324], «взаимно пересекающимися кругами» [К, 325], «расползлось, но постепенно стянулось» [К, 329], через которые раскрываются характеристики круга, его качества: сужается и расширяется, пересекается с другими кругами.

Направление ассоциирования со смыслами «граница, конец» реализуют «идею бытия-тюрьмы, несвободы духа в телесной оболочке и, одновременно, – конечности бытия» [Мальцева 2021, 144]. Экзистенциализм, рассматривающий материю как одну из форм бытия, провозглашает ее конечность, в то же время отмечая, что она обретает бесконечность, освобождение через небытие. В творчестве В.В. Набокова важен мотив возможности заглянуть за край, в то самое небытие, потусторонность, посмотреть вокруг извне человеческой жизни: «...словно завернулся краешек этой ужасной жизни и сверкнула на миг подкладка» [Набоков 1990, Т. 4, 78]; «...будто на миг она завернулась, и он увидел ее необыкновенную подкладку» [Набоков 1990, Т. 3, 164].

Метафизика Набокова, определяющая жизнь человека как несвободу души в оболочке-тюрьме, определяет множество отграниченных объектов в рассказе. Границами также являются социальные маркеры: профессия, социальное положение, интересы и т.д. Иннокентий по этим признакам не входит в круг семьи Годуновых-Чердынцевых: Так случилось, что к центру их жизни он все равно не был допущен, а пребывая на ее зеленой периферии, участвуя в летних забавах, но никогда не попадая в самый дом [К, 328]. В рассказе названо огромное количество объектов, имеющих границы, являющихся кругами-отъединителями: это жилые и нежилые помещения (гимназия, усадьба, школа, крымское/петербургское имение и т.д.), географические объекты (Петербург, Крым, Лешино, Париж, Берлин и т.д.), природные объекты (пустыни, животное царство, минеральное царство, горы и т.д.).

Круги жизни, перечисленные нами, стекаются в один – круг воспоминания Иннокентия. Память способна разомкнуть «порочный круг», незаметные ранее мелочи и детали превратить в сокровища, которые при правильном рассмотрении дают ответ на вопрос о тайне человеческого бытия, возможность освободиться от «беганья по кругу», от границ окружности. В конце рассказа Иннокентий прозревает, преодолевает «слепость» круга: «...ничто-ничто не пропадает, в памяти накаплиются сокровища, растут скрытые склады в темноте, в пыли, – и вот кто-то проезжий вдруг требует у библиотекаря книгу, не выдававшуюся двадцать лет» [К, 330]. Воссозданное в памяти рассматривается повзрослевшим человеком, который дает другую оценку мелочам и деталям.

Ассоциативное направление со смыслом «граница» актуализирует такие характеристики концепта 'Круг', как отграниченность, замкнутость, несвобода/тюрьма, а также антитезы земное-небесное, тело-душа.

Третий вектор идиосети представлен сложным вкраплением: экфрасис, совмещенный с прецедентным текстом. Для игровой поэтики обращение к экфрасису и прецедентным текстам важно, так как позволяет создавать сложные лабиринты смыслов, формировать замысловатый код, отсылать читателя к собственному культурному запасу. В рассказе *Круг* экфрасисом является портрет Л.Н. Толстого: «...в простенке портрет Льва Толстого, всецело составленный из набранного микроскопическим шрифтом «Холстомера» [К, 325-326]. Таким образом, ассоциативный рад, связанный с метафорой ЖИЗНЬ – КРУГ, пополняется еще одной лексемой – «холстомер». Сложное двухкорневое слово имеет значение «мерить холсты». Рассказ *Холстомер* имеет схожую кольцевую композицию: сначала говорится о старости мерина, позже – о юности. Образ круга прослеживается и здесь: мерин (опять же метафора человека-раба) окружен не любящими его лошадьми аристократического происхождения, на кругу он соревнуется с Лебедем. Тема жизни и смерти, платы за прожитое, отмеренности звучит в обоих произведениях.

3. Образ-схема «Борьба» в рассказе *Истребление тиранов*

В рассказе *Истребление тиранов* (1936) сильная позиция текста – заглавие – является узловым элементом игровой поэтики и идиосети. Синтагматическая связь, основанная на игре, сплавлении двух противоположных смыслов, раскрывается по прочтении всего текста. Жизнь главного героя подчинена одной идее – убить ненавистного человека, тирана.

Анализ элементов горизонтального вектора идиосети (лексических единиц) связан с их толкованием в словарях. Так, словарь Д.Н. Ушакова дает следующее толкование лексеме *истребление*: «действие по глаг. истребить-истреблять» [Ушаков 2005, 318]. В других известных словарях слово отсутствует в связи с возможностью толкования по глаголу, от которого образовано – *истреблять*, то есть уничтожить, погубить. *Тиран* в толковом словаре – 'человек, насильственно захвативший власть'; «жестокий правитель, действующий произволом и насилием, деспот»; «тот, кто мучит, лишает спокойствия» [Ушаков 2005, 1022]. Семантический анализ позволяет выявить общую сему процесса, синтагматическая связь противопоставляет эти процессы, направляет друг против друга. Если существительное

истребление восходит к глаголу несовершенного вида (процесс протекает сейчас), то существительное *тиран* дает представление об уже совершившемся процессе (уже истребил). «Нам представлены два субъекта, один из которых закончил действие против другого и утвердился в статусе тирана. Другой начинает свое противодействие, желая истребить истребителя. Парадокс, игра заглавия заключается в необходимости уничтожить того, кто уничтожает. Как только полюс истребления достигнет совершенного вида (тиран истреблен), он сам займет место тирана, который плавно переключается на полюс угнетенного, начинающего свой путь истребления» [Мальцева 2021]. Существительное *тираны* употреблено в заглавии во множественном числе, что говорит о собирательности образа тирана, так как истребление «направлено против будущих тиранов, тигроидов, полоумных мучителей человека» [ИТ, 405]. Семантика синтагмы *истребление тиранов* перекликается с известным выражением К. Маркса «экспроприация экспроприаторов». Действия, направленные друг против друга, соединенные в синтагме *истребление тиранов*, не имеют завершения. Победа над тираном превращает победителя в угнетателя, то есть тирана, а тирана – в угнетенного, желающего мстить и т.д. Сопоставить такой процесс можно с символом инь-ян философии Древнего Китая. Инь-ян является символом «...универсального дуализма мира. Буквальный перевод – темная и светлая стороны горы. Изображается как круг, который делится на две части, где темная представляет инь, светлая – ян. Каждая половина имеет внутри себя точку противоположного цвета, чтобы обозначить, что инь всегда есть зачаток ян, и наоборот» [Телицын 2005, 205]. Совпадения подтверждаются контекстами: «И еще: может быть я не мог бы его убить из гадливости, как иной человек, испытывающий лютое отвращение ко всему ползучему, не в состоянии раздавить червяка на борозде, оттого что это было бы для него так, как если бы он каблуком давил пыльные концы своих собственных внутренностей» [ИТ, 400]; «Поутру проснувшись, этак в половине девятого, я силуюсь представить себе его пробуждение – он встает не рано и не поздно, а в средний час, точно так же как чуть ли не официально именуется «средним человеком». В девять я, как и он, удовлетворяюсь стаканом молока и сладкой булочкой, и, если в данный день у меня нет занятий в школе, продолжаю погоню за его мыслями» [ИТ, 401]; «Убивая себя, я убивал его, ибо он весь был во мне, упитанный силой моей ненависти» [ИТ, 403]. Контексты подтверждают совпадение семантики борьбы и взаимообусловленности двух полюсов в символе инь-ян и синтагме *истребление тиранов* (ср.: у Ф.М. Достоевского в *Братьях Карамазовых*: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей»).

Прецедентным текстом, также являющимся узловым элементом игровой поэтики рассказа, является трагедия *Гамлет* У. Шекспира. Прецедентное имя Гамлет вводит новое направление ассоциирования, становясь его актуализатором. Метафора ЖИЗНЬ – БОРЬБА находит новое преломление в интертексте. Безымянный герой «Истребления тиранов», готовясь к мести, говорит: «Но какие бы объяснения я ни подыскивал своей нерешительности, было бы неразумно скрыть от себя, что я должен его истребить, и что я его истреблю, – о, Гамлет, о лунный олух...» [ИТ, 398]. Характеризуя себя, произносит: «Я вял и толст, как шекспировский Гамлет. Что я могу?» [ИТ, 400]. Таким образом, Набоков сопоставляет рассказчика и Гамлета, принца Датского, фокусируя внимание читателя на мотиве борьбы. Гамлет жаждет «мести и убийства дяди, занявшего престол, то есть, по сути, тирана. Гамлет в трагедии предстает как деятель (желание мстить, убивать, разрушать себя и других, разоблачать), то есть на него ложится функция истребления» [Мальцева 2021].

Таким образом, метафора ЖИЗНЬ – БОРЬБА раскрывается как через прямую пресуппозицию (через прецедентное имя Гамлет), так и через совпадение с философемой инь-ян. За заглавием «Истребление тиранов» стоит образ, отражающий тщетность суеты бытия, вечную борьбу добра и зла, тела и души. Оба смысла соединены автором в единый образ, выражающий следующие смыслы: месть тщетна, любое действие компенсируется ответным противодействием, уравновешивая друг друга, постоянно перетекая друг в друга.

Нестандартная языковая личность писателя В.В. Набокова представляет нам особые способы концептуализации мира. Схематизация сложной философемы жизни позволяет большие объемы информации «упаковывать» в атом смысла. Отсылка к прецедентным текстам разных культур и эпох подтверждает универсальность кумулированной в образе информации. Образы схемы рассмотренных нами рассказов можно представить так:

Образы-схемы играют цементирующую роль в концептуализации абстрактной идеи. В творчестве Набокова отмечается философия дуальности бытия, противопоставление материального и духовного, обы-

вательского и поэтического, философия бесконечности жизненных процессов, повторяемости и перетекания. Образ становится местом максимальной концентрации текстового смысла. Игровая поэтика набоковского дискурса вовлекает читателя в увлекательную игру: дойти до самой сути, до образа.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александров Владимир Евгеньевич. 1999. *Набоков и потусторонность*. Санкт-Петербург: Алетей.
- Алефиренко Николай Федорович. 2009. *Живое слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография*. Москва: Флинта – Наука.
- Арутюнова Нина Давидовна. 1990. *Метафора и дискурс*. В: *Теория метафоры*. Москва: Прогресс: 5–32.
- Аскольдов Сергей Алексеевич. 1928. *Концепт и слово*. В: *Русская речь. Новая серия*. Ленинград: 28–44.
- Гумилев Николай. 1991. *Заблудившийся трамвай*. В: *Сочинения. В 3 т. Т. 1: Стихотворения; Поэмы*. Москва: Художественная литература: 279–299.
- Давыдов Сергей. 2004. *«Тексты-матрешки» Владимира Набокова*. Санкт-Петербург: Кирцидели.
- Даль Владимир Иванович. 2002. *Толковый словарь русского языка. Современная версия*. Москва: ЗАО Изд-во ЭКСМО – Пресс.
- Джонсон Дональд Бартон. 2011. *Миры и антимиры Владимира Набокова*. Санкт-Петербург: Издательство «Симпозиум».
- Долинин Александр. 2004. *Истинная жизнь писателя Сирина*. Санкт-Петербург: Академический проект.
- Колесов Владимир Викторович. 2000. *Ологике логоса в сфере ментальности*. «Мир русского слова» № 2: 52–59.
- Красных Виктория Владимировна. 2003. *«Свой» среди «чужих»: миф или реальность?* Москва: 269–272.
- Лакофф Джордж, Джонсон Марк. 2004. *Метафоры, которыми мы живем*. Москва: Едиториал УРСС.
- Мак-Кормак Эрик. 1990. *Когнитивная теория метафоры*. В: *Теория метафоры*. Москва: Прогресс: 358–387.
- Мальцева Гаяне Юриковна. 2021. *Игровые аспекты репрезентации макроконцепта «Жизнь» в художественном дискурсе (на материале русскоязычной прозы В.В. Набокова)*. Диссертация канд. фил. наук. Белгород.
- Набоков Владимир Владимирович. 1990. *Истребление тиранов*. В: *Собрание сочинений. 4 т. Т. 1*. Москва: Правда: 384–405 [ИТ].
- Набоков Владимир Владимирович. 1990. *Круг*. В: *Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4*. Москва: Правда: 322–331 [К].
- Набоков Владимир Владимирович. 1990. *Путеводитель по Берлину*. В: *Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4*. Москва: Правда: 336–340 [ПБ].
- Набоков Владимир Владимирович. 1991. *Стихотворения и поэмы*. Москва: «Современник».
- Набоков Владимир Владимирович. 2018. *Строгие суждения*. Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус.
- Попова Зинаида Даниловна. 2001. *Очерки по когнитивной лингвистике*. Воронеж: Изд-во «Истоки».

- Пушкин Александр Сергеевич. 1985. *Сочинения. В 3-х т. Т. 1: Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: поэма.* Москва: Художественная литература.
- Рахимкулова Галина Федоровна. 2004. *Языковая игра в прозе Владимира Набокова: К проблеме игрового стиля.* Диссертация доктора. фил. наук. Ростов-на-Дону.
- Символы, знаки, эмблемы. 2005. Ред. Телицын В.Л. Авт.-сост. Багдасарян В.Э., Орлов И.Б., Телицын В.Л. Москва: Локид-Пресс: Рипол Классик.
- Тарасова Ирина Анатольевна. 2020. *Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы: монография.* Москва: ИНФРА-М.
- Ушаков Дмитрий Николаевич. 2005. *Толковый словарь современного русского языка.* Москва: Альта-Пресс.
- Харченко Вера Константиновна. 1992. *Функции метафоры.* Воронеж: Воронежский университет.
- Шанский Николай Максимович. 1994. *Этимологический словарь русского языка.* Москва: Прозерпина.

REFERENCES

- Alefirenko Nikolaj Fedorovich. 2009. *Zhivoe slovo: Problemy funkcional'noj leksikologii: monografiya* [The living word: Problems of functional lexicology: monograph]. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)
- Aleksandrov Vladimir Evgen'evich. 1999. *Nabokov i potustoronnost'* [Nabokov and otherworldliness]. St. Petersburg, Aletejya. (In Russian)
- Arutyunova Nina Davidovna. 1990. *Metafora i diskurs* [Metaphor and discourses]. In: *Teoriya metafory* [Metaphor Theory]. Moscow, Progress, pp. 5–32. (In Russian)
- Askol'dov Sergej Alekseevich. 1928. *Concept i slovo* [Concept and word]. In: *Russkaya rech'. Novaya seriya* [Russian speech. A new series]. Leningrad, pp. 28–44. (In Russian)
- Dal' Vladimir Ivanovich. 2002. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya versiya* [Explanatory dictionary of the Russian language. Modern version]. Moscow, ZAO Izd-vo EKSMO – Press. (In Russian)
- Davydov Sergej. 2004. *“Teksty-matreshki“ Vladimira Nabokova* [“Texts-matryoshka dolls” by Vladimir Nabokov]. Saint-Petersburg, Kirtsideli. (In Russian)
- Dolinin Aleksandr. 2004. *Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina* [The true life of the writer Sirin]. St. Petersburg, Akademicheskij proekt. (In Russian)
- Dzhonson Donal'd Barton. 2011. *Miry i antimiry Vladimira Nabokova* [The worlds and anti-worlds of Vladimir Nabokov]. St. Petersburg, Izdatel'stvo “Simpozium”. (In Russian)
- Gumilev Nikolaj. 1991. *Zabludivshijsya tramvaj* [The lost tram]. In: *Sochineniya* [Essays]. Moscow: Hudozhestvennaya literature, pp. 279–299. (In Russian)
- Harchenko Vera Konstantinovna. 1992. *Funkcii metafory* [Metaphor function]. Voronezh, Voronezh. un-t. (In Russian)
- Kolesov Vladimir Viktorovich. 2000. *O logike logosa v sfere mental'nosti* [On the logic of the logos in the sphere of mentality]. “Mir russkogo slova” [The world of the Russian word] no 2, pp. 52–59. (In Russian)
- Krasnyh Viktoriya Vladimirovna. 2003. *“Svoj” sredi “chuzhih”:* mif ili real'nost'? [“Your” environment of “strangers”: myth or reality?]. Moscow, pp. 269–272. (In Russian)
- Lakoff Dzhordzh, Dzhonson Mark. 2004. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors that we live by]. Moscow, Editorial URSS. (In Russian)
- Mak-Kormak Erik. 1990. *Kognitivnaya teoriya metafory* [Cognitive theory of metaphor]. In: *Teoriya metafory* [Metaphor Theory]. Moscow, Progress, pp. 358–387. (In Russian)

- Mal'ceva Gayane Yurikovna. 2021. *Igrovye aspekty reprezentacii makrokoncepta "Zhizn'" v hudozhestvennom diskurse (na materiale russkojazyčnoj prozy V.V. Nabokova)* [Game aspects of the representation of the macro-concept "Life" in artistic discourse (based on the material of Russian-language prose by V.V. Nabokov)]. Belgorod. (In Russian)
- Nabokov Vladimir Vladimirovich. 1990. *Istreblenie tiranov* [Tyrants destroyed]. In: *Sobranje sochinenij. V 4 t.* Vol. 1 [Collected works]. Moscow, Pravda, pp. 384–405. (In Russian)
- Nabokov Vladimir Vladimirovich. 1990. *Krug* [The circle]. In: *Sobranije sochinenij. V 4 t.* Vol. 4 [Collected works]. Moscow, Pravda, pp. 322–331. (In Russian)
- Nabokov Vladimir Vladimirovich. 1990. *Putevoditel' po Berlinu* [To a traveler in Berlin]. In: *Sobranje sochinenij. V 4 t.* T. 4 [Collected works]. Moscow, Pravda, pp. 336–340. (In Russian)
- Nabokov Vladimir Vladimirovich. 1991. *Stihotvoreniya i poemy* [Poems and poems]. Moscow, "Sovremennik". (In Russian)
- Nabokov Vladimir Vladimirovich. 2018. *Strogie suzheniya* [Strict judgments]. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus. (In Russian)
- Popova Zinaida Danilovna. 2001. *Očerki po kognitivnoj lingvistike* [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh, Izd-vo "Istoki". (In Russian)
- Pushkin Aleksandr Sergeevich. 1985. *Sochineniya. V 3-h t.* Vol. 1. *Stihotvoreniya; Skazki; Ruslan i Lyudmila: poema* [Essays. In 3 volumes, vol. 1. Poems; Fairy tales; Ruslan and Lyudmila: a poem]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura. (In Russian)
- Rahimkulova Galina Fedorovna. 2004. *Jazykovaya igra v proze Vladimira Nabokova: K probleme igrovogo stilya* [Language game in Vladimir Nabokov's prose: On the problem of game style]. Rostov-on-Don. (In Russian)
- Shanskij Nikolaj Maksimovich. 1994. *Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Prozerpina. (In Russian)
- Simvolj, znaki, emblem* [Symbols, signs, emblems]. Ed. Telicyn V.L. Collect. Bagdasarân V.È., Orlov I.B., Telicyn V.L. Moscow, Lokid-Press, Ripol Klassik. (In Russian)
- Tarasova Irina Anatol'evna. 2020. *Kognitivnaya poetika: predmet, terminologija, metody: monografiya* [Cognitive poetics: subject, terminology, methods: monograph]. Moscow, INFRA-M. (In Russian)
- Ushakov Dmitrij Nikolaevich. 2005. *Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka* [Explanatory dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Al'ta-Press. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.7112>

Дата подачи статьи: 20 июня 2021 г.

Дата принятия к печати: 20 августа 2021 г.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ПОВЕСТИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА *АДЛИГ ШВЕНКИТТЕН*

Юлия Павельева

ГБУК г. Москвы «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына»,
Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5231-2706>

e-mail: up1469@yandex.ru

Аннотация: Многие произведения Александра Солженицына имеют автобиографическую основу. Алленштейн (современный Ольштын) стал одной из тех отметок в личной судьбе писателя, что привели его к Нобелевской премии и всемирной известности. Алленштейн – это та пространственная точка, которая организует сюжет военной повести *Адлиг Швенкиттен*. Данное произведение имеет весьма характерный подзаголовок – *Односуточная повесть*, что указывает на временной отрезок, в котором заключено действие повести. Заголовок говорит о пространственных координатах: узкой локальной зоне в Восточной Пруссии, куда делается переброска войск тяжелой артиллерии, лишенных поддержки пехоты и далеко отставшего тыла. Хронотоп повести задан предельно конкретно уже в самом названии: заголовок определяет пространственные, а подзаголовок – временные координаты. В художественном отношении это те моменты, которые характеризуют сюжетную специфику повести. Художественное преобразование событий жизни писателя становится знаковым явлением в литературе, когда за обычными деталями выступает целая художественная вселенная, связанная, по мысли писателя, «с первоосновами человеческого бытия».

Ключевые слова: Александр Солженицын, время, пространство, хронотоп, сюжетная специфика

Submitted on June 20, 2021
Accepted on August 20, 2021

SPACE AND TIME IN ALEXANDR SOLZHENITSYN'S STORY *ADLIG SCHWENKITTEN*

Yulia Pavelieva

State Budgetary Institution of Culture of Moscow “House of Russian abroad named after Alexander Solzhenitsyn”, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5231-2706>

e-mail: up1469@yandex.ru

Abstract: Many literary works of Alexandr Solzhenitsyn have an autobiographical basis. Allenstein (present-day Olsztyn) is one of the important points in Solzhenitsyn's personal life which led to the Nobel Prize and worldwide fame for the writer. Allenstein becomes one of crucial spatial points that organize the plot of Solzhenitsyn's military story *Adlig Schwenkitten*. This work has a very characteristic subtitle, “A Tale of 24 Hours”. The subtitle indicates the time of the story. The header contains information about spatial (geographic) coordinates. This is a narrow local area in East Prussia. The forward units of heavy artillery troops move here, while the infantry and rear services remain far behind. The chronotope of the story is set in an extremely specific way already in the title itself: the title defines the spatial coordinates, and the subtitle defines the temporal coordinates. In artistic terms, these are the moments that characterize the plot specificity of the story. The writer transforms the events of his life with the help of artistic means. This transformation becomes a landmark phenomenon in literature. Behind the usual details, you can see the whole artistic universe, which, as the writer said, is connected “with the fundamental principles of human existence”.

Keywords: Alexander Solzhenitsyn, time, space, chronotope, the specifics of the plot

Профессор Люциан Суханек, основоположник польской эмигрантологии и автор не только одной из первых в Польше книг о Александре Исаевиче Солженицыне, но и многих других работ о творчестве писателя, ставших классикой литературоведения, объяснял причину неподдельного интереса к литературной деятельности русского нобелиата в Польше:

Среди писателей третьей волны эмиграции особое место принадлежало Солженицыну, и его тексты нужно было прежде всего донести до польского читателя. В Польше судьба его произведений была аналогична советской: в либеральную эпоху польского Октября (синоним русской оттепели) появился его *Один день Ивана Денисовича* и другие рассказы, а потом наступило молчание. Творчество писателя подвергалось нападкам и получало лишь критические оценки, выносимые, как правило, на основании переводов с русского» [Суханек 2000, 180].

Проводя обзор знаменитой научной конференции «Лики России», организованной Ягеллонским университетом еще при жизни писателя, в декабре 1981 года, Люциан Суханек выделил таких известных исследователей творчества Солженицына, как Анджей Дравич и Гжегож Пшебинда [Суханек 2000, 182]. Со всей определенностью можно говорить о неподдельном интересе и многих других польских ученых к различным аспектам литературной деятельности Солженицына. Вместе с тем, как заметила Моника Сидор:

Adlig Schwenkitten należy do tych utworów w spuściźnie Aleksandra Sołżenicyna, które dotychczas nie były obiektem badania polskich uczonych. Dzieło to powstało w roku 1998, czyli 5 lat po powrocie „pustelnika z Vermont” do ojczyzny. Sołżenicyn był wówczas już dobrze znany czytelnikom polskim, a w obiegu literaturoznawczym funkcjonowały polskie opracowania monograficzne twórczości pisarza. Mimo wielkiego autorytetu, którym autor *Archipelagu Gulag* cieszył się w Polsce i wzmożonego zainteresowania jego wcześniejszą twórczością, demaskującą zbrodnie systemu komunistycznego, działalność społeczna i literacka Sołżenicyna po roku 1994 pozostała właściwie poza spektrum badawczym polskich uczonych, choć jego późne utwory dość szybko zostały przełożone na język polski i doczekały się polskich wydań [Sidor 2014, 99].

В творческом наследии Солженицына художественная проза о войне – Великой Отечественной, Второй мировой – по замечанию американского слависта Алексея Климова, по количественному показателю занимает небольшое место, но в качественном отношении весьма значительна [Климов 2011, 3]. Повесть *Адlig Швенкиттен* критики не раз называли одним из лучших произведений Солженицына, написанных в 90-е годы ушедшего века. Скупую формулу Сергея Сергеевича Аверинцева: «Солженицын – замечательный баталист», – развивает Юрий Михайлович Кублановский: «Маленькая повесть *Адlig Швенкиттен* – о боях в Восточной Пруссии в январе 1945-го – настоящий шедевр позднего Солженицына, где его литературное мастерство достигло предельной концентрации» [Кублановский 2005, 516].

Польская исследовательница Моника Сидор отмечает, что несмотря на близость Солженицына «...к традиционной модели русского реализма»

и стилистическую родственность «...соцреалистическому руслу литературы», писатель «...удивительно внимателен к самым новым художественным течениям, чувствителен к малейшим нюансам эстетической сферы» [Сидор 2012, 124; см. также: Sidor 2014, 100–101]. Этим замечанием литературовед предваряет разговор о жанровой особенности повести Солженицына.

Со времен введения Михаилом Михайловичем Бахтиным в активный литературоведческий обиход термина «хронотоп» [Бахтин 1986, 5–25; 121–290], это понятие определяется как один из важнейших компонентов художественного произведения, характеризующий особенности сюжета и жанра. Именно время и пространство высвечивают авторскую специфику военной повести Солженицына.

Адлиг Швенкиттен имеет весьма характерный подзаголовок: *Односуточная повесть*. Эта часть заголовочного комплекса определяет временной отрезок повести: сутки, состоящие из 24-х часов, – и, в соответствии с этим, повесть имеет 24 главки. Главки пронумерованы, но при этом дополнены непронумерованным эпилогом, что не нарушает логику повествовательного времени, поскольку в эпилоге идет рассказ о том, что выходит за рамки одних суток. Действие повести ограничено, с одной стороны, утром 26-го января и длится, соответственно, до утра 27-го, а эпилог расширяет временные границы: речь идет о вечере 25-го января, когда Восточная Пруссия оказывается отрезанной от Германии (что упомянуто и в начале повести) до 2-го февраля 1945 года: «2 февраля мы снова отбили и Либштадт, и восточнее, и разведка пушечной бригады вошла в Адлиг Швенкиттен» [Солженицын 2006, I, 527], – и далее – до марта: «Спустя многие дни, уже в марте, подали наградную и на майора Боева – Отечественной войны 1-й степени. Удовлетворили» [Солженицын 2006, I, 527], и еще дальше – до послевоенного времени:

Тоже и командир стрелковой дивизии в своих послевоенных мемуарах – однодневного комполка майора Балужева не упомянул.
Провалился, как не был [Солженицын 2006, I, 528].

Пространственные координаты в повести также четко определены: это узкая локальная зона вокруг одноименной местности в Восточной Пруссии, куда делается переброска войск тяжелой артиллерии без поддержки пехоты и в отрыве от далеко отставшего тыла.

В комментариях к произведению об этом подробно написал Владимир Владимирович Радзишевский:

В повести тяжелая пушечная бригада двумя дивизионами выдвигается от Алленштейна¹ на север, к городу Либштадту². Расстояние между городами 25 километров. От Либштадта один из дивизионов забирает севернее, другой направляется на восток, чтобы занять позиции километрах в семи-восьми от города: переезжает на восточный берег реки Пассарге³, через полтора километра оставляет за спиной деревню Адлиг Швенкиттен⁴. На ее восточной окраине устанавливаются четвертая и пятая батареи (восемь пушек). Шестая (еще четыре пушки) располагается метрах в восьмистах южнее и наискосок назад, у деревушки Кляйн Швенкиттен. Звукобатарея от Адлига отправляется на два с лишним километра на северо-восток, к Дитрихсдорфу⁵ [Радзишевский 2006, 655].

Научный комментарий находит отклик в интернет-пространстве: сравнивая карты, Войцех Бещински, именующий себя на Форуме Поисковых Движений «Войцехом из Гданьска», пишет: «Оказалось, что происходящие события довольно крепко определены в реальном пространстве, примерно на половине пути между городами Ольштын и Эльбленг» [Бещински, online].

Таким образом, хронотоп повести задан предельно конкретно уже в самом названии: заголовок определяет пространственные, а подзаголовок – временные координаты. И первые строки повести обращены именно к этим ориентирам:

В ночь с 25 на 26 января в штабе пушечной бригады стало известно из штаба артиллерии армии, что наш передовой танковый корпус вырвался к балтийскому берегу! И значит: Восточная Пруссия отрезана от Германии! [Солженицын 2006, I, 487].

О художественных особенностях сюжетно-фабульного комплекса писала Ирина Владимировна Некрасова, правда, несколько смещая даты:

Эти сутки с 25 до 26 января победного года и стали фабульной основой повести. Одни сутки... один день – но сколько он вместил в себя!
Александр Солженицын использует здесь многие авторские наработки из знаменитого *Одного дня Ивана Денисовича*, в частности, расширение хронотопа за счет воспоминаний, историй жизни, писем [Некрасова 2020, 142].

И действительно, в *Адлиг Швенкиттен* мы легко найдем все эти приемы. Можно согласиться с исследовательским мнением, что

¹ Современный город Ольштын.

² Современный город Милаково.

³ Современная река Пасленка.

⁴ Ныне деревня Швенкиты.

⁵ Ныне поселок Бяла Воля.

ведущее значение в организации пространственно-временных отношений в малой прозе А.И. Солженицына приобретает детальное изображение ограниченного периода в судьбе героя, который, однако, становится целостным отражением всей жизни не только одного человека [Бай, Сорокина 2015, 24].

Время имеет специфические черты, то ускоряясь по ходу развития действия, то замедляясь, погружая нас в воспоминания героев повести и раскрывая детали их внутреннего мира.

Вот, например, целиком заполнившие 8-ю главку неторопливые и горькие воспоминания и рассуждения Павла Петровича Кандалинцева, объясняющие омертвление его чувств:

Да, война – повседневное тяжкое бремя со вспышками тех дней, когда и голову легко сложить или кровью изойти неподобранному. Однако и на ней не бывает такого угнетённого сердца, как тихому интеллигенту работать в разоряемой деревне девятьсот тридцатого – тридцать первого года. Когда бушует вокруг злобно рассчитанная чума, видишь глаза гибнущих, слышишь бабий вой и детский плач – а сам как будто от этой чумы остережён, но и помочь никому не смеешь.

Так досталось Павлу Петровичу сразу после института, молоденькому агроному, принявшему овощную селекционную станцию в Воронежской области. Берёт ростки оранжерейной рассады, когда рядом ростки человеческие и двух лет, и трёх месяцев отправляли в лютый мороз санями – в дальний путь, умирать. Видишься и сам себе душителем...

От тех месяцев-лет стал Павел Петрович всё окружающее воспринимать как-то не вполноту, недостоверно, будто омертвели кончики всех нервов, будто попригасли и зрение его, и смех, и обоняние, и осязание – и уже навсегда, без возврата...

И с этими навсегда притупленными чувствами Павел Петрович не вполноту ощутил и отправку на войну в августе сорок первого, младшим лейтенантом от прежних призывов...

Вот и война кончилась. Как будто пережил? Но и тут малочувствен оставался Павел Петрович: может, ещё и убьют, время осталось. Кому-то ж и в последние месяцы умирать [Солженицын 2006, I, 500–501].

Эти воспоминания раздвигают временные и пространственные границы произведения: знаковыми отметинами входят в повесть 30-е годы XX века, а пространственные координаты, уводят читателя от мест военных действий вглубь России, расширяясь от хлебного Черноземья (Воронежская область) до не названных прямо, но ясно прозреваемых, гибельных северных областей. И эти точки – уже символы истории поколений.

Но для солженицынской поэтики характерно не только расширение географических горизонтов или временных отрезков, но и их предельная концентрация, «сжатие». И вот в 22-й – 23-й главах время буквально проскочило, как только «из смутного ночного брезга, из полного беззвучья – грянуло на 5-ю батарею сразу от леса справа...» [Солженицын 2006, I, 522]. И воспоминания одного из героев повести, Олега Топлева, не замедляет, а подгоняет время в бою:

Уже гранат на батарее не метали. Достреливал кто-то кого-то.
 Бежали сюда, на пожар, пули просвистывали рядом, цель видна.
 И Топлев – побежал со своими штабными солдатами.
 Бежал – зная только направление верное, а весь смысл – потерял.
 Кто-то ещё сбоку бежал, с батареей, не видно.
 В голове проносилось: детство, школа – да с какой плотностью, да всё сразу [Солженицын 2006, I, 523].

Здесь скорость времени подчеркнута еще и визуально, графическим членением текста: буквально каждое предложение начинается с новой строки.

Эта плотность боевого времени возникает и в разговоре других героев повести: «Кандалинцев и Гусев потом только вместе, помогая друг другу, – могли и не могли вспомнить, как же оно точно было? Что после чего? И чья именно пушка попала в первый танк? и в третий? и отчего горел бронетранспортер?» [Солженицын 2006, I, 523].

Наконец, еще одно свидетельство Топлева как бы подводит итог временной концентрированности:

Не поверил Олег, глянувши на часы: куда три часа ушло? Как они сжались, проскочили? Будто канули в бою.
 Уже и светало [Солженицын 2006, I, 525].

Анализируя односуточную повесть, М. Сидор указывает на то, что «с ее первых строк видна динамика войны», при этом исследовательница отмечает, что «военная жизнь отображается здесь... до мельчайших подробностей: с точными определениями позиций и передвижений войск, топографическими деталями и техническими комментариями, понятными лишь знатокам военного дела. Сразу Солженицын вводит читателя в конкретное историческое время и дает информацию, позволяющую определить роль повествователя – *неизвестного* свидетеля, который *не проявляет* (курсив в обоих случаях мой. – Ю.П.) своей точки зрения и время от времени спосо-

бен проникать в мысли персонажей» [Сидор 2012, 126]. В польском издании статьи это звучит следующим образом:

Od pierwszych chwil akcji pisarz wprowadza czytelnika w konkretny czas historyczny i udziela informacji na temat roli narratora — nieznanego świadka wydarzeń, nieujawniającego swoich emocji ani stosunku do przedstawianej rzeczywistości, lecz zdolnego wnikać w myśli czy sny bohaterów. Jego status nie zmienia się do końca utworu [Sidor 2014, 104].

И если первая часть утверждения не вызывает сомнений, то вторая часть, где речь идет о роли рассказчика, требует уточнений. Свидетель (и он же летописец) военной правды, не всегда благообразной и сверкающей, если и не дает прямых оценок, то свою позицию ясно выражает благодаря четко выверенным художественным особенностям произведения. Начиная с посвящения:

Памяти майоров
Павла Афанасьевича Боева
и Владимира Кондратьевича Балужева [Солженицын 2006, I, 487].

– и заканчивая финальными строками эпилога авторская позиция не вызывает сомнений. Здесь, пожалуй, можно говорить о более чутком прочтении повести другим исследователем литературы – известным поэтом Ю.М. Кублановским, который, определяя сюжет *Адлиг Швенкиттен*, сказал об отдании на *заклание* лучших: «...бессмысленная гибель множества лучших солдат и офицеров, сформировавшихся именно в годы войны во всей своей внутренней мужественной самостоятельности...» [Кублановский 2005, 516].

В эпилоге время не просто замедляется, а словно застывает в морозной омертвелости. Никакие награды не вернут погибших бойцов, и вычеркнутые из наградного листа фамилии представителей бригадной верхушки являются будто немым свидетелем погружения в бесконечность, но эта немота нарушается наложенной резолюцией:

Начальник артиллерии армии, высокий, худощавый, жёсткий генерал-лейтенант, прекрасно сознавал и свою опрометчивость, что разрешил так рано развёртывание в оперативной пустоте ничем не защищенной тяжёлой пушечной бригады. Но тут – его взорвало. Жирным косым крестом он зачеркнул всю бригадную верхушку во главе списка – и приписал матерную резолюцию [Солженицын 2006, I, I, 527].

Ю.М. Кублановский вспоминает о ранней поэме Солженицына *Дороженька*, где нобелевский лауреат пишет:

Я ношу в себе заряд историка
И обязанности очевидца... [Солженицын 2016, XVIII, 77].

И в военной повести *Адлиг Швенкиттен*, как и в других произведениях, Солженицын не отступает от выполнения своей высокой и трудной миссии. Характеризуя еще одну военную повесть А.И. Солженицына – *Случай на станции Кочетовка* – литературовед, поэт и прозаик Ольга Александровна Седакова, отталкиваясь от известной формулировки Дмитрия Сергеевича Мережковского: «Тайнозритель плоти – Толстой. Тайнозритель духа – Достоевский», – утверждает: «Солженицын – тайнозритель социального и исторического» [Седакова 2005, 322]. Исследователь видит в этом то новое, что отличает эпоху середины XX века от других периодов истории литературы, и то, что определяет талант художника – «достойного свидетеля времени»:

Социальная история стала стихией, которая захватила частную жизнь человека: нет, не только частную, но и публичную жизнь, умственную, профессиональную жизнь. Сказать точнее – история встала между человеком и его жизнью, между ним и его же мыслью, и частной и публичной [Седакова 2005, 323].

Павел Евсеевич Спиваковский, обращаясь к опыту прочтения знаменитого солженицынского рассказа *Один день Ивана Денисовича*, отмечает писательское высказывание о том, он «умел в самых, казалось бы, обычных деталях и подробностях увидеть целую художественную вселенную, связанную с первоосновами человеческого бытия» [Спиваковский 2012, 9]. Произведения, относящиеся одно – к лагерной, другое – к военной прозе, объединены временным промежутком, имеющие границы одного дня, одних суток. И в том, и в другом случае «день», «сутки» вписываются в более широкий временной контекст, выходят на уровень не только «исторического», но и «вечного».

Многие произведения Солженицына имеют автобиографическую основу. Но художественное преображение этого материала становится знаковым событием в литературе. Алленштейн (современный Ольштын) – географическая точка, которая, благодаря художественному таланту писателя, увековечена в литературном пространстве. Одни сутки военной жизни в Восточной Пруссии – это те пространственно-временные координаты, которые организуют сюжет повести *Адлиг Швенкиттен*, точно также как восточ-

но-прусский отрезок военного пути Солженицына, организовавший сюжет его жизни, становятся важной отметкой не только в личной судьбе писателя: одним из этапов движения к Нобелевской премии и всемирной известности – но и летописным свидетельством, повествующем о формировании лика Истории человечества.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бай Ян, Сорокина Наталия Владимировна. 2015. *Пространственно-временные координаты событий в малой прозе А.И. Солженицына*. «Вестник Томского государственного университета. Филологические науки и культурология. Языкознание» Вып. 1: 20–25.
- Бахтин Михаил Михайлович. 1986. *Литературно-критические статьи*. Москва: Художественная литература.
- Бецински Войцех (Войцех из Гданьска). *Адлиг Швенкиттен*. Форум Поисковых Движений. (online) <http://forum.patriotcenter.ru/index.php?topic=12049.0> (доступ 24.12.2020).
- Климов Алексей. 2011. *Заметки о двучастном рассказе «Желябугские Выселки»*. В: *Малые жанровые формы в творчестве А. Солженицына: художественный мир. Поэтика. Культурный контекст*. Ред. Урманов. Вып. 5. Благовещенск: Изд-во БГПУ: 3–10.
- Кублановский Юрий. 2005. *Проза зримая, слышимая, обояемая... Опыт прочтения военных рассказов Александра Солженицына*. В: *Между двумя юбилеями: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына*. Москва: Русский путь: 514–518.
- Некрасова Ирина Владимировна. 2020. *Художественное воплощение Великой Отечественной войны в современной русской литературе*. В: *Отечественная литература как духовный стержень патриотической общенациональной идеи России (к 75-летию Великой Победы). Материалы Всероссийской научно-практической конференции 23 октября 2020 г.* Ред. Радаевой Э.А., Филаговой Н.С. Самара: «Научно-технический центр»: 138–151.
- Радзишевский Владимир Владимирович. 2006. *Комментарии*. В: *Солженицын Александр. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 1*. Москва: Время: 655–659.
- Седакова Ольга. 2005. *Маленький шедевр: «Случай на станции Кочетовка»*. В: *Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына*. Москва: Русский путь: 322–331.
- Сидор Моника. 2012. «Адлиг Швенкиттен» Александра Солженицына в контексте поисков жанра. «Пушкинские чтения» № XVII: 124–130.
- Солженицын Александр. 2006. *Адлиг Швенкиттен*. В: *Солженицын Александр. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 1*. Москва: Время: 485–528.
- Солженицын Александр. 2016. *Дороженька*. В: *Солженицын Александр. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 18*. Москва: Время: 9–212.
- Спиваковский Павел Евсеевич. 2012. *Через полвека*. В: *«Ивану Денисовичу» полвека: юбилейный сборник (1962–2012)*. Сост. Спиваковский П.Е., Есина Т.В. Москва: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына: Русский путь: 5–11.
- Суханек Люциан. 2000. *Русская эмиграция третьей волны и поляки*. В: *Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание*. Сост. Липатов А.В., Шайтанов И.О. Москва: Индик: 176–184.

Sidor Monika. 2014. „Adlig Schwenkitten” w kontekście Aleksandra Sołżenicyna poszukiwań formalnych. „Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze” nr 24: 99–108.

REFERENCES

- Bahtin Mihail Mihajlovič. 1986. *Literaturno-kritičeskie stat'i* [Literary and critical articles]. Moscow, Hudožestvennaâ Literatura. (In Russian)
- Baj Ân, Sorokina Nataliâ Vladimirovna. 2015. *Prostranstvenno-vremennye koordinaty sobytij w maloju proze A.I. Solženicyna* [Space-time coordinates of events in the small prose of A.I. Solzhenitsyn]. "Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologičeskie nauki i kul'turologiâ. Azykoznanie" no 1, pp. 20–25. (In Russian)
- Bešinski Vojceh (Vojceh iz Gdan'ska). *Adlig Švenkitten* [Adlig Schwenkitten]. Available at: <http://forum.patriotcenter.ru/index.php?topic=12049.0> (Accessed 24 December 2020). (In Russian)
- Klimov Aleksej. 2011. *Zametki o dvučastnom rasskaze "Želâbugskie Vyselki"* [Notes on the two-part story "Zhelyabug Settlements"]. "Malye žanrovye formy w tvorčestve A. Solženicyna: hudožestvennyj mir. Poëtika. Kul'turnyj kontekst". Ed. Urmanov A.V. No 5. Blagoveshchensk, Izd-vo BGPU, pp. 3–10. (In Russian)
- Kublanovskij Ūrij. 2005. *Proza zriimaâ, slyšimaâ, obonâemaâ... Opyt pročteniâ voennyh rasskazov Aleksandra Solženicyna* [Visible, audible, and smelled prose... The experience of reading military stories by Alexander Solzhenitsyn]. In: *Meždu dvumâ ūbileâmi: Pisateli, kritiki, literaturovedy o tvorčestve A.I. Solženicyna*. Moscow, Russkij put', pp. 514–518. (In Russian)
- Nekrasova Irina Vladimirovna. 2020. *Hudožestvennoe voplošenie Velikoj Otečestvennoj vojny w sovremennoj russkoj literature* [The artistic embodiment of the Great Patriotic War in modern Russian literature]. In: *Otečestvennaâ literatura kak duhovnyj steržen' patriotičeskoj obšenačional'noj idei Rossii (k 75-letiju Velikoj Pobedy). Materialy Vserossijskoj naučno-praktičeskoj konferencii 23 oktâbrâ 2020 g.* Eds Radaeva È.A., Filatova N.S. Samara, "Naučno-tehničeskij centr", pp. 138–151. (In Russian)
- Radžiševskij Vladimir Vladimirovič. 2006. *Kommentarii* [Comments]. In: Solženicyn Aleksandr. *Sobranie sočinenij w tridcati tomah*. T. 1. Moscow, Vremâ, pp. 655–659. (In Russian)
- Sedakova Ol'ga. 2005. *Malen'kij šedevr: "Slučaj na stancii Kočetovka"* [A small masterpiece: "The incident at the Kochetovka station"]. In: *Meždu dvumâ ūbileâmi (1998–2003): Pisateli, kritiki i literaturovedy o tvorčestve A.I. Solženicyna*. Moscow, Russkij put', pp. 322–331. (In Russian)
- Sidor Monika. 2012. „Adlig Švenkitten” Aleksandra Solženicyna w kontekste poiskov žanra. [“Adlig Schwenkitten” by Alexander Solzhenitsyn in the context of the search for the genre]. "Puškinskie čteniâ" no XVII, pp. 124–130. (In Russian)
- Sidor Monika. 2014. "Adlig Schwenkitten" w kontekście Aleksandra Solženicyna poszukiwań formalnych. "Ruscystyczne Studia Literaturoznawcze" no 24, pp. 99–108.
- Solženicyn Aleksandr. 2006. *Adlig Švenkitten* [Adlig Schwenkitten]. In: Solženicyn Aleksandr. *Sobranie sočinenij w tridcati tomah*. Vol. 1. Moscow, Vremâ, pp.485–528. (In Russian)
- Solženicyn Aleksandr. 2016. *Dorožen'ka* [Dorozenka]. In: Solženicyn Aleksandr. *Sobranie sočinenij w tridcati tomah*. Vol. 18. Moscow, Vremâ, pp. 9–212. (In Russian)
- Spivakovskij Pavel Evseevič. 2012. *Čerez polveka* [After half a century]. In: *Ivanu Denisoviču" polveka: ūbilejnyj sbornik (1962–2012)*. Comp. Spivakovskij P.E., Esina T.V. Moscow, Dom Russkogo Zarubežâ im. Aleksandra Solženicyna, Russkij Put', pp. 5–11. (In Russian)
- Suxanek Lyucian. 2000. *Russkaya e'migraciya tret'ej volny' i polyaki*. In: *Polyaki i russkie: vzaimoponimanie i vzaimoneponimanie*. Comp. Lipatov A.V., Šajtanov I.O. Moscow, Indrik, pp. 176–184. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.7110>

Дата подачи статьи: 15 июля 2021 г.

Дата принятия к печати: 20 августа 2021 г.

МОТИВ ВОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Елена Янчук

Варшавский университет, Варшава, Польша

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5535-3207>

e-mail: e.janchuk@uw.edu.pl

Аннотация: В настоящей статье представлен системный анализ мотива воды в творчестве Марины Цветаевой. Исследовательской задачей является попытка проследить, каким образом конкретная и простая лексема «вода» участвует в смыслопорождающем поэтическом процессе, доказать особое значение этого мотива как важного признака творческого мышления, мирозерцания и творческой индивидуальности в целом. В статье на обширном материале (около 630 примеров), взятом из поэтических и прозаических текстов, рассматриваются основные значения мотива воды и их функциональные особенности в индивидуально-авторской картине мира М. Цветаевой. Вода, не утрачивая природной конкретности, становится одним из важных инструментов метафоризации процессов и явлений не только физического, но и духовного мира поэта.

Ключевые слова: русская поэзия, мотив, вода, Марина Цветаева, метафоризация

Submitted on July 15, 2021
Accepted on August 20, 2021

THE MOTIF OF WATER IN THE WORKS OF MARINA TSVETAeva

Elena Janczuk

Warsaw University, Warsaw, Poland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5535-3207>

e-mail: e.janchuk@uw.edu.pl

Abstract: This article is devoted to the analysis of the motif of water in the works of Marina Tsvetaeva. The main goal is to trace how the concrete and simple lexeme “water” participates in the meaning-generating poetic process, and to prove the special significance of this motif as an important sign of her creative thinking, worldview and creative personality in general. The article uses extensive material (about 630 examples) taken from poetic and prose texts to consider the main meanings of the motif of water and its functional features in the individual author’s viewpoint. Water, without losing its natural concreteness, becomes one of the important tools for metaphorizing the processes and phenomena of not only the physical, but also the spiritual world of the poet.

Keywords: Russian poetry, motif, water, Marina Tsvetaeva, metaphorization

Как отмечает Валентина Маслова, поэтический текст представляет собой уникальный и совершенный способ познания мира, часто не поддающийся верификации научным путем, значение же категоризованного опыта поэта «бесценно и для науки (философии, истории, лингвистики и др.), и для культуры» [Маслова 2004, 31–32]. Марина Цветаева в своем стремлении «знать все до точности» [СС5, 284] осуществляет концептуализацию мира, привнося в представления о нем свои индивидуальные знания и смыслы. В этом отношении интересны как сложные семантические построения, так и простые понятия, как в данном случае «вода». Для поэта не было неважных вещей, она была уверена: «Все, что во мне „нового” – было всегда, будет всегда. – Это все очень простые вещи, но они и здесь и там одинаково не понимаются» [СС7, 244].

Мотив воды в творчестве поэта, в отличие от близких в семантическом отношении понятий моря, океана, волны, реки, потока, капли, влаги и т. п.,

насколько мне известно, не был предметом отдельного анализа [Ср. Ревзина 2009а; 2009б; 2009в; Лаврова 1994; Дворяшина, Галицкая 2014 и др.]¹. А вода, являясь неотъемлемым фактом окружающей действительности, становится для поэта импульсом для создания самых разных коннотаций, связей, ассоциаций. Перефразируя Цветаеву, можно утверждать, что «все можно понять через воду [у Цветаевой – через природу – Е.Я.], всего человека» [СС6, 244]. Целью статьи является анализ семантики лексемы «вода» и ее функциональных особенностей в индивидуально-авторской картине мира М. Цветаевой. Исходное положение, которое будет доказываться, состоит в том, что данная лексема, становясь сквозным мотивом творчества поэта, приобретает «повышенную значимость (семантическую насыщенность)» [Хализев 2007, 280].

Стоит отметить, что воду относят к ключевым универсальным категориям культуры, принадлежащим сознанию всего человечества, поскольку данное понятие

пронизывает любые эпохи, любые понятийные человеческие структуры: культурные, социальные, личностные. Вода стоит у истоков мира, она – изначальная данность, и она же «перетекает» во времени из культуры в культуру, осмысливаясь как в заданной системе координат, так и в новых образах, порожденных отдельной культурой и новой эпохой [Вардзелашвили 2009, 39].

В русском сознании также важное место отводится воде, хотя, как утверждает Ксения Кушнир, «данная стихия с давних времен остается (...) одной из самых неисследованных» [Кушнир 2019, 276]. Вода воспринимается как одна из первых стихий мироздания, источник жизни, средство магического очищения. Водное пространство осмысливается как граница между земным и загробным мирами, вода ассоциируется с первобытным хаосом, когда была лишь тьма и вода. Вода обладает символическими свойствами, связанными с ее естественными особенностями – прозрачностью, свежестью, быстрым течением, способностью очищать, а также с представлениями о ней как о «чужом» пространстве, входе в потусторонний мир [*Славянская мифология...* 2002, 80].

Стоит подчеркнуть, что отношение к воде у Цветаевой отличается неоднозначностью и изменчивостью, хотя в раннем творчестве она неоднократно соотносила свое имя, мечты и даже душу с водной стихией: «Морские они, морские!» – писала в недатированном еще стихотворении *Душа и имя* [СС1, 149].

¹ По мнению Маргариты Жадлун, «несмотря на большое число работ по изучению идиостиля М. Цветаевой, концепт «вода» изучен недостаточно» [Жадлун 2014, 223].

В 1920 г. написала одно из знаковых произведений, в котором самоидентификация изменила характер – ассоциация возникает с волной или пеной: «Мне дело – измена, мне имя – Марина,/ Я – брeнная пена морская» [СС1, 534], в другом стихотворении этого же года подчеркивала: «Я, выношенная во чреве/ Не материнском, а морском!», а также заявила: «Беседуя с пучиной водной,/ Ты все ж беседуешь со мной» [СС1, 545]. В 30-е гг. Цветаева уже убеждена: «во мне ничего от воды и от водоросли – но моя сушь – огонь» [НСТ, 488], она испытывала ужас перед водой, в письме Раисе Ломоносовой (1930) признавалась: «Моя уверенность, т.е. уверенность моего страха (ВОДЫ), вызвала бы крушение» [СС7, 316], утверждала, что вода «не моя стихия» [СС6, 425], «страшная для меня стихия», «я мало люблю – воду» [СС6, 429], а в 1939 г. писала о «враждебности, *исконной* отвратительности воды» [СС4, 610].

Противоречивые оценки воды, данные поэтом в разные годы и в разных контекстах, встраиваются в общую оценочную тенденцию: «человек с глубокой древности испытывал к ней два чувства: благодарность (как источнику жизни) и страх (к явлению огромной разрушительной силы)» [Туралина 2012, 90]. Надо помнить, что Цветаева моделировала психический мир в символах физического [Ревзина 2009б, 299], подчеркивала: «Воды, ветры, горы, деревья даны нам, чтоб понять человеческую душу, сокрытую глубоко-глубоко» [СС5, 497].

Итак, вода – достаточно частотная в идиолекте Цветаевой полисемантическая лексема, которая используется в основных словарных значениях, а также в ряде индивидуальных-авторских. В ходе исследования было рассмотрено около 630 примеров², взятых из поэтических и прозаических текстов. Лексема «вода» использована поэтом в основных словарных значениях:

1. «потоки, струи, волны, водная масса» («вода в природе»);
2. «водная поверхность, ее уровень»;
3. «прозрачная бесцветная жидкость, употребляемая в пищу»;
4. «прозрачная бесцветная жидкость, употребляемая в быту»;
5. «география» водного пространства.

В индивидуальной картине мира Цветаевой имеют место еще шесть окказиональных значений, соотносимых с данной лексемой:

² Нина Дворяшина и Юлия Галицкая приводят следующие статистические данные о близких лексемах: «море (морской) – встречается более 240 раз, океан (океанский) – более 30, река (речка, реченька, речной) – более 100, ручьи (и однокоренные с ним) более 40 раз» [Дворяшина, Галицкая 2014, 41].

6. вода как символ, подтверждающий веру в ее мистическую/сакральную силу;
7. вода как знак беды, гибели;
8. вода как метафора жизни;
9. вода как метафора чувств;
10. вода как метафора творчества;
11. вода как характеристика человека.

1. Первое из значений «потоки, струи, волны, водная масса» представляет традиционный взгляд на воду как на жидкую субстанцию, которая не имеет собственного формообразующего контура и сохраняет однородность при любом членении [Ревзина 2009а, 303]. С водой связан целый ряд действий: в нее входят, купаются, кричат, бросаются, бросают, прыгают, даже в нее что-то стряхивают (паучка) [СС3, 253] и т.п.: «Сумерки. Медленно в воду вошла/ Девочка цвета луны» [СС1, 54]; «вопили (...) из воды» [СС7, 719]; вода принимает утопших и успокаивается: «Когда ж в пруду она исчезла/ И успокоилась вода» [СС1, 24]; появляется образ утопленницы, плывущей по воде: «Вода волнуется, приняв/ Живое – за бывшее» [СС1, 201]; в воду можно бросать: «Ублюдка?! В мешок – и в воду!» [СС3, 451]; к мотиву утопления Цветаева возвращается и в середине 20-х гг.: «камнем в реку/ Нас-то – сколько/ За четыре века!» [СС2, 228]. Даже ветви, которые «в воду клонятся», соотносятся с «наполнителями» водного пространства – «водорослями и ржавчинами» [СС2, 134]; вода шумит «над моей рабою/ Молодою» [СС1, 349]; принимает кольца (обручает) [СС6, 123]; оставляет след: «По вольному следу/ Воды родниковой» [СС1, 41]; закон загоняет «воды/ в берега» [СС1, 370], «вода подступает к окнам» [СС2, 355] и даже просачивается в могилы: «Сквозь скважины, говорят,/ Вода просачивается» [СС2, 234]. Одним из повторяющихся мотивов, связанных с водой, является мотив кольца, брошенного в воду. Он появляется в 1914 г., Цветаева пишет о матери, которая в память о Людовике Баварском роняет кольцо в озеро: «вода принимает его – обручение с умершим королем» [СС6, 123], затем повторяется в 1916 [СС1, 251-252], в 1919 [СС3, 416] и даже в 1936 гг. [СС7, 503].

Вода различается по происхождению: родниковая [СС1, 41]; морская: «Соленая вода! (...) Предмет для ревности весьма обширный» [СС3, 564]; весенняя: «Прошуми весеннюю водою» [СС1, 349]; дождевая (1935): «Дождь! дождевой воды бадья» [СС2, 325]. Вода имеет особые свойства, так, речная вода хтонична (1928): «Что за река ведьмиста?! Что за вода пениста?», здесь же подчеркивается: «У ней состав такой уж:/ Обмочишь – не отмоешь» [СС3, 732]. Вода может быть быстрой (1927): «Лес, лес-зеленец!/ Быстрая

водица!» [СС3, 635]; грязной и холодной [СС7, 116] или чистой и целительной: «Исцели любовный дар/ Чистой водою» [СС3, 416], и даже огнистой: «Вот так вода огниста!» [СС3, 733]; она может измеряться: «выше щиколки» [СС7, 504]. Избыточность воды дискредитирует место, так, о Савоие Цветаева пишет: «Леса *сырые*, не тропинки, а ручьи, не дороги – потоки. Слишком много воды, и не только из-за дождливого лета: близость снеговых гор» [СС6, 387].

2. Второе значение, тесно связанное с первым, акцентирует поверхность воды. Оно связано, прежде всего, с мотивом отражения, так, в воде отражаются персонажи, например, Ева, которая впервые видит «свое отражение в воде. – Это самое белое, самое золотое, самое и т. д. что здесь есть» [НЗК1, 176-177]; в воде находят отражение небесные тела – Луна: «И месяц меж стеблей травы/ Мелькнул в воде, как круг эмали...» [СС1, 22], или Юпитер: «смотрели на красный столб встающего Юпитера в воде» [СС4, 151], а также фрагменты земной поверхности: «Доли в воды смотрятся./ Горы – в небеса» [СС2, 348].

От поверхности воды исходят звуки, нарушающие присущее воде символическое безмолвие (1920): «что за/ Звон с воды встает за чудный» [СС3, 200]; на водах встает парус: «Что там за Царь-Парус/ Встает на водах-то?» [СС3, 232]; исходит пар: «То не ладан-пар/ От воды встает», или лучи: «Что за сноп/ Из воды, за лучи-за-стрелы»; на поверхности воды могут появляться круги (1923): «Круги на воде./ Ушам и очам –/ Камень» [СС2, 220]; с мотивом смерти соотносится уход крыс под воду в *Крысолове*: «Но крыс тех уже –/ Никто и нигде./ Круги на воде» [СС3, 85]. По поверхности воды ходят (1928): «А по воде навстречу/ Солдат идет с крылами» [СС3, 731], или плавают: «Обо мне, плывучем острове/ (Понебу – не по водам!)» [СС2, 242].

Поверхность воды проявляет различные свойства, в частности, обладает цветом: прозрачно-синяя [СС1, 43]; «Сизые воды» [СС1, 251]; подчеркивается ненатуральность цвета воды: «Синь-то водная – что синькой подсинёна!» [СС3, 237]; вода может быть «серебряной от мальчиков» [СС4, 98]; у Москвы-реки «Голубые, как небо, воды» [СС1, 352], а воды каналов Венеции «как слюда./ А по ночам – как черный шелк тяжелый» [СС3, 563]. В 20-е гг. поверхность воды «одомашнивается», что приобретает зловещий оттенок в контексте мотива утопления: «Вода – глаже простынь!» [1923, СС2, 230] (ср. в *Крысолове*: «В воду –/ Как в спальню» [СС3, 83]).

3. Третье значение – «прозрачная бесцветная жидкость, употребляемая в пищу». В раннем творчестве появляется дремлющая «в графине вода» [СС1, 155]; подчеркивается ее «пищевая бесполезность»: «– Что еда!/ Блюдо

вечно блюдо/ И вода всегда вода» [СС1, 117]. В революционный период появляется мотив голода и жажды: «2,5 суток – ни куска хлеба, ни глотка воды» [НЗК1, 178], рацион времен гражданской войны описывается как «овощи на воде и картофель» [НЗК1, 448]. Отсюда и частая рефлексия о жажде (и голоде), соотношение духовного и физического в человеке: «Жажда есть – голод на определенное (воду). – Сердце. – Голод есть желание всего. – Душа» [НЗК1, 307]. Неприхотливость в своих желаниях может служить характеристикой героини, как в пьесе *Феникс* (1919): «кроме корки/ Сухой, глотка воды да вот одной/ Такой улыбки...» [СС3, 546]; или героя: «Видно, воду пьешь да постное ешь?» [СС3, 239]. В качестве характеристики няни упоминается факт, что та поила ребенка сырой водой, «чтобы заболел» [СС4, 146]. Вода нужна для прочистки голоса: «Да чтоб голос был свеж,/ Дай воды напьюсь допрежь!» [СС3, 221]. Интенсивность жажды соотносится с чувствами, в частности, со страстью: «Стакан воды во время жажды жгучей:/ – Дай – или я умру!» [1920, СС1, 548]; или с тоской: «Два дня без тебя:/ Два дня без воды!» [1923, НСТ, 269]. Жажда приобретает метафизическое измерение, воспринимается как Божье испытание, за которым последует вознаграждение: «Сижу без света, и без хлеба,/ И без воды» [1920, СС1, 537]. В конце 20-х и сер. 30-х гг. вода и жажда уже не служат описанию страстных переживаний, а соотносятся, например, с говорением правды: «Что легче чем говорить правду? (мне) – Разве что – воду пить! Плохо лгу» [НСТ, 388], или с желанием человеческого участия: «живого жизненного жара хочется больше чем воды – когда ее хочется» [СС7, 611]. В конце 30-х гг. Цветаева, среди поучений детям, в качестве первого просит не лить воду зря «п.ч. в эту же секунду из-за отсутствия этой капли погибает в пустыне человек», а также «оттого что я не пролью этой воды, он этой воды не получит!», и «на свете станет одним бессмысленным преступлением меньше» [СС7, 646].

4. Значение лексемы вода, т.е. «прозрачная бесцветная жидкость», включает еще одну функциональную особенность, связанную со сферой бытового использования воды, так, вода необходима для купания дочери (май 1914): «Сегодня я начала делать ей обтирания теплой морской водой» [НЗК1, 77], или (июнь 1914): «Ненавидит утренние обтирания комнатной водой» [НЗК1, 76]. Цветаевой приходится мыть картошку «в ледяной воде», справляться с отходами, со стиркой, мытьем посуды, «ходить за водой» [НЗК2, 9], сражаться с кухней, «залитой то солнцем, то луною – когда трубы лопнули – и водою» [СС4, 357]. В период эмиграции бытовые проблемы приобрели иной характер, Цветаева пишет о своей жизни: «с Алей (...) ходим на колодец „по воду”» [СС6, 549]. В январе 1925 г. жалуется: «Я – между плитой

(вода для стирки) и письменным столом, как сомнамбула, как мыслящий маятник» [СС6, 708]. После рождения сына бытовые проблемы усугубились: не было времени писать: «От примуса к Мурке, от Мурки за водой, от воды к уборке» [НСТ, 364]. Быт и творчество были строго разграничены: «Могу есть – грязными руками, спать – с грязными руками, писать с грязными руками – не могу. (В Сов<етской> России, когда не было воды, вылизывалась.)» [1922, НСТ, 122]; писать «разведенными чернилами, почти водой, – оскорбительно!» [1933, СС7, 384].

В произведениях бытовой аспект использования воды также присутствует: в *Каменном Ангеле* (1919): «Я к тебе не за водой,/ Не с бедой./ Доброй ночи пожелать/ Я пришла» [СС3, 420]. В *Царь-Девушке* (1920): «дружочка – дорогая/ Водой плещет, поливает,/ А он спит» [СС3, 212], или: «Вставал чтоб правую ногой,/ Чтоб мылся холодной водой» [СС3, 213]; в *Сибири* (1930): «Как молодички по воду –/ Молодчики – по корм» [СС3, 186].

5. Следующее значение связано с обозначением «географии» водного пространства. Так, Цветаева отсылает к значению лексемы «вода» как границе миров, упоминая Лету («Через летейски воды/ Протягиваю две руки» [СС1, 481]) и «воды Стикса» [СС3, 477]. Если рассматривать земные воды, то Цветаева обращается к водам «широкого Дона» (1929) [СС1, 572]; сравнивает грусть в груди с «Водой в Двине!» [СС3, 161]; подчеркивает «многоводность Кубани» [СС3, 170]; в поэме *Перекоп* упоминаются крымские воды: «В солонководных Сивашах» [СС3, 178]; в *Стихах к Чехии* (1938) – чешские воды: «Посерев от боли,/ Стонут Влтавы воды» [СС3, 347].

6. Обращает внимание мотив воды как символа, подтверждающего веру в ее мистическую/сакральную силу. В мифологии разных народов вода очищает, исцеляет, смывает грехи, лечит, дарит жизнь, стимулирует творчество и любовь. Юная Цветаева обращается с молитвой именно к морю, которое способно *усыпить, залечить, растворить*, в этом можно усмотреть имевшее место представление о воде как очистительной силе: «Вечное море,/ В мощные воды твои свой беспомощный дух предаю!» [СС1, 148]. Цветаева обращается к образу живой или освященной воды, которая очищает от плохого сна (1920): «Дай-ка взбрызну да водицей морской!» [СС3, 211] или благословляет водой: «Морской водою пенною –/ На подвиги военные/ Младенчика крещу!» [СС3, 211]. Появляется образ мертвой воды, представляющей соблазн: «хлебнешь той воды – навек ожжет тебя женская слеза, через нее погибнешь» [НСТ, 168]. В *Егорушке* (1923): «Солона – из ран.../ Той воды не пей» [СС3, 170].

В 20-е гг. вода не очищает, а служит смертоносным символом: после расставания с Константином Родзевичем Цветаева пишет (1923): «Я потонула в мертвой воде» [НСТ, 262]. Здесь показательно стихотворение *Крестины* (1925), в котором внимание сосредоточено на воде, которая используется в ритуальных целях. Так, над крещеной водой совершаются некие действия: «Воды не перетеплил/ В чану, зазнобил (...) Тот поп, что меня крестил». Дела, на которые была крещена лирическая героиня «Водю неподогретою// Речною», представляют собой отречение от нормальной жизни, она крещена: «На вечный пыл/ В печи смоляной поэтовой» или: «на свыше сил/ Дела», которые «не вершимы женами». Опыт поэта – череда посвящений, поэтому «Всё страсти водою комнатной// ...кажутся», или «Все яды – водой отварною// Мне чудятся», а слезы – «водою сахарной!» Итоговым посвящением является крещение «Водой исступленной Савловой». Цветаева за такого рода крещение ответственность возлагает на крещущего: это он должен заслужить прощение Бога: «Молись, чтоб тебя простил –/ Бог» [СС2, 252–253]. Неслучайно Анна Саакянц относит это стихотворение к разряду демонических, поскольку оно представляет собой воздаяние «тому, кто крестил Поэта на его бытие», гению, демону, «Князю Тьмы» [Саакянц 1999, 399].

Мертвая и живая вода появляется в эссе *Твоя смерть* (1927), где поэт пишет о доме, в котором кто-то умирает: этот дом тих и «мертвой водой полит по всем закоулкам», и о доме, где кто-то уже умер: этот дом громок, и он «живой – взбрызнут. Скланка с живой водой вдребезги, в каждом осколке, пусть ранищем – жизнь» [СС5, 192-193]. Цветаева своеобразно интерпретирует представления о мертвой и живой воде – мертвая должна исцелять, но не оживлять, оживляет живая вода³. В реальном мире оживление переносится на окружающих умершего людей, а не на него самого.

7. С периода революции и гражданской войны вода воспринимается Цветаевой как знак беды, гибели. В это время она испытывала апокалиптические настроения, писала (1918): «Мир окончится потопом» [СС1, 440], по этой же причине сравнивает: «Уровень воды./ Уровень беды» [НСТ, 246]. Что характерно, в воспоминаниях *Повесть о Сонечке* (1937) именно этот период приобретает «водную» оценку: «Все у нас говорят: революция... революция... (...), сразу вижу во-оду, и ничего кроме воды... Да ничего кроме воды по ней и нет...» [СС4, 369].

³ Ср. «Мертвая вода не сама мертва, а, делая тело целым, делает его целым мертвым, оставляет мертвым). Оживляет его живая вода. В этом смысле живая вода – то же, что „бессмертный напиток“» [Степанов 2004, 299].

На рубеже 10–20-х гг. звучит заклинание от самоубийства, утопления (1918): «Заклинаю тебя от (...) Воды под мостом» [СС1, 401–402]; поскольку «вода – любит концы./ Река – любит тела» [1923, СС2, 230]. В *Поэме Конца* (1924) расставание происходит на набережной, поэтому вода Влтавы кажется лирической героине единственной выходом, выходом в смерть: «И – набережная. Воды/ Держусь, как толщи плотной». В *Поэме Конца* вода однозначно соединяется со смертью: «Воды (стальная полоса/ Мертвецкого оттенка)» [СС3, 33], далее пражская Влтава преобразуется в Лету: «Во – да и твердь./ Выкладываю монеты./ День – га за смерть,/ Харонова мзда за Лету» [СС3, 40]. В конце 20-х и в 30-х гг. мотив воды-беды также присутствует (1927): «Вода льется, беда копится» [СС3, 635]; о нападении немецких войск на Чехословакию писала (1939): «Так вода подступает к окнам» [СС2, 355].

8. В русской картине мире вода сопрягается с понятием времени⁴, а также жизни, смысловой опорой сближения данных понятий является идея текучести. Сопоставление происходит по разным смысловым направлениям, вода соотносится с вечностью: Але пишет (1917): «А когда – когда-нибудь – как в воду/ И тебя потянет – в вечный путь» [СС1, 355]; жизнь соотносится с медленным течением воды (1926): «Вода текла – медленнее чем жизнь» [СС7, 97]; или с негативным опытом: «Вода льется, беда копится» [СС3, 635]; в *Стихах к Чехии* именно текучесть объединяет воду и жизнь: «Там растила сына я, / И текли – вода?! Дни?» [СС2, 348]. Поверхность воды метафоризирует внешнюю жизнь (1927): «Держит меня на поверхности воды конечно тетрадь» [СС6, 363]. Для Цветаевой важно также осознать метафизику жизни, а затем ее метафоризировать (1920), отсюда душа сравнивается с камнем, который «в воду брошенный –/ Всё расширяющимися кругами», при этом жизнь соотносится с трагизмом и непредсказуемостью: «Та глубока – вода, и та темна – вода...» [СС1, 522]. В поэме *С моря* (1926) Цветаева предлагает «водную» метафору жизни, в которую поэт, как подчеркивает Ольга Ревзина, вкладывает «представление о бессмысленности и безнадежности человеческого существования», ведь «само явление жизни есть результат случайности» и «неудачи» [Ревзина 2009в, 183]: «Обмелевающее бессмертье –/ Жизнь». И уточняет: «Жизнь? Недохват воды// Надокеанской»

⁴ Стоит отметить, что вода у Цветаевой метафоризирует также и пространство, так даль – голубей воды [СС2, 302] или степи синих вод [СС3, 205]. Это значение в данной типологии не учтено, как не учтены такие маргинальные метафоризации как свойство материала: *Падающая вода/ Чадры* [СС2, 135] или зеркала: «в зеленоватой воде расветного зеркала» [СС4, 382].

[СС3, 112]. В воспоминаниях *Дом у старого Пимена* (1933) время имеет прямую отсылку к воде: на старой фотографии мальчики плещут «друг в друга недвижимой водою Леты» [СС5, 112].

9. Следующее значение акцентирует связь воды и проявление чувств, поэт задействует в смыслообразовании как различные свойства воды, так и ассоциации, с ней связанные. Показательным примером можно назвать следующий: «Вода не может растворить больше. Таков закон. Вы – насыщенный мною раствор» [НЗК1, 186]. Кроме того, страсть Цветаева связывала с жаждой, на которую – «Нет воды» [СС3, 442]; понимание метфоризировала слиянием вод (1929): «Как река вливается в реку. Точка слияния вод – но оно никогда не бывает точкой» [СС5, 322]; о расставании писала (1932): «сделаю лишь один прыжок, как прыгают из лодки, заставляя ее плясать на воде» [СС5, 468]; о боли и горечи (1923): «Боль для меня сейчас уже колея, горечь уже – вода» [НСТ, 223]; об отношении к себе (1924): «Я никому не была нужна как вода» [НСТ, 319]; об особых отношениях (1933): «всегда слой – льда, под которым живая вода» [СС7, 243].

К этой группе можно отнести различные «водные» коннотации слез, так, Цветаева связывает слезы с целительными свойствами воды (1918): «Слезы, слезы – живая вода!» [СС1, 403]; факт слез не свидетельствует об искренности чувств (1922): «Не гляди, что слезы льются./ Вода – может статься!» [СС2, 111]; слезы так же очевидны, как льющаяся вода (1919): «Как воде не литься./ Рекам не струиться!» [СС3, 419]; слезы подчеркивают тщетность страданий (1920): «И слезы ей – вода, и кровь –/ Вода, – в крови, в слезах умылася!» [СС3, 546], или, наоборот, искренность чувств, как в *Поэме Конца* (1924): «Под ладонью –/ Слезы, а не дождь!» Настоящее чувство смысляет любые меркантильные мысли: «О каких еще соблазнах –/ Речь? Водой – имущество!» [СС3, 48]. В детских воспоминаниях (1935) Марина отряхивалась «от слез, как собака от воды» [СС5, 54]; в конце жизни (1940): «я от малейшего доброго слова – интонации – заливаюсь слезами, как скала водой водопада» [СС7, 687].

10. Вода своими свойствами сопрягается с речью, творчеством. В ранний период Цветаева свое имя соотносила с водой и простотой: «Ты меня никогда не ославишь./ Мое имя – вода для уст!» [1919, СС1, 480]; вода номинирует естественность и простоту в писании стихов (1921): «Пишу как пьют, – и не вино, а воду» [СС6, 213]. Чувство восхищения стихами сравнимо для Цветаевой с питьем воды, напишет об этом в *Пленном духе* (1934): «Восхищаться стихами – и не помочь поэту! Пить воду и давать источнику засоряться грязью» [СС4, 239]. Однако уже в середине 20-х гг. вода («темная») номинирует

недоброкачественную лирику: «Критик-дилетант – накипь на поверхности сомнительного котла (публики). Что в нем варится? Темная вода. Темна и накипь» [СС5, 291]. Слабые поэтические строки называла «поэтической „водой“», «мелью наития» [СС5, 370]. В 30-е гг. в эссе *Поэты с историей и поэты без истории* вода утрачивает положительную коннотацию: «В распространенной прозе, (...) должна быть вода (обмеление вдохновения)» [СС5, 386]. И хотя ахматовские строки Цветаева сравнивает с брошенным камнем, который вызывает, «подобно кругам на воде», богатую «россыпь широких ассоциаций» [СС5, 405], выражает горечь по поводу современной лирики: «словно (...) опаивают нас горькой, соленой, зеленой морской водой, а мы каждый раз верим, что это – питьевая вода. А она снова – горькая!» [СС5, 406]. Здесь же Цветаева излагает свои мысли о сути («стержне») лирики, используя «водную» метафорику. Лирика всегда оперирует вечными мотивами, новое в лирике – это возвращение «лирических волн при неизменной лирической сущности». Волна всегда возвращается, и она всегда иная: «С той же водой – другая волна», при этом апеллирование к вечным ценностям в настоящей поэзии должно быть неизменным: «какую бы иной она ни вернулась, она всегда вернется – *морской*» [СС5, 407]. По этой же причине слабую поэзию сравнивала с мертвой водой (1934): «эту мертвую воду немощи – в себя – с утра? В таком количестве?» [СС5, 438]; качественная лирика, напротив, обладает целительными свойствами живой воды: «То, что я сейчас делала – разводила водою живую воду поэзии» [СС5, 442].

11. Последнее из рассматриваемых функциональных значений лексемы воды – ее использование в описаниях и характеристиках близких и знакомых поэта. По словам О. Ревзиной, Цветаеву нельзя отнести к беспристрастным натуралистам, описывающим удивительные явления природного мира, поэтому ее «испытанное средство» – «метафора-олицетворение» «как способ стягивания „равнодушной“ природы в страсти, горести, и катаклизмы человеческого мира» [Ревзина 2009б, 299]. «Водные» метафоры также можно отнести к числу таких «природных» характеристик. Для Цветаевой, не принимавшей никакой формы общности, группа – это «мутная вода союзничества» [1922, НСТ, 160] или вообще – «стоячая вода» [1933, СС5, 120]; однако возможно и другое направление метафоризации – если для группы присуще отсутствие живого начала (воды): «ихнее безводье» [1930, СС2, 279].

Некоторым людям Цветаева давала «водные» характеристики, так, дочь и мужа (1919) считала существами водными и лунными (себя – огненной и солнечной) [НЗК2, 52]. В этом можно усмотреть влияние символизма, в котором обнаруживается «обилие соответствий между водой и лунным миром

(миром бессознательного и женского)» [Ханзен-Лёве 2003, 661]. Этот прием характерен для воспоминаний 30-х гг., так, любимого Константина Бальмонта описывала: «вода, ветер, солнце» [СС4, 56]; о нелюбимом Валерии Брюсове: «Любовь к своей стране он заменил любопытствованием (...) инфузорному кишению в капле воды» [1925, СС4, 62]; о подруге: «Это, в здешней скудости, моя живая вода – огневая вода!» [1925, СС6, 748]; о Саломее Андрониковой-Гальперн: «Воспоминание о Вас в этом сне, как о водоросли в воде: ее движения» [1932, СС7, 151]; Наталья Гончарова боялась воды и страстно любила море: «Старый страх, апокалипсический страх, крестьянский страх». Художница собиралась уехать в Америку, что Цветаева охарактеризовала: «Но в Америку (...), через (...) всю воду, всю бездну, все понятие воды», а также «через – и не воду даже, а собственный страх» [СС4, 105, 106]. О Пастернаке и Маяковском писала: «Идут за Маяковским и по Пастернака, как в неведомом месте по воду, (...), ощупью, наугад» [СС4, 377–378]. Вспоминала о музицировании матери, которая выходила из-за рояля «потерянная, как пловец из слишком долгой и бурной воды, никого и ничего не узнавая» [СС5, 27]. Показательна характеристика Анатолия Виноградова, героя эссе *Жених* (1933), о котором Цветаева писала, что он был потный, «точно каким-то подкожным потом, как бывает подпочвенная вода». Кроме того, «с водой он был связан целиком. Во-первых, глаза: совершенная вода без ничего, кроме первого впечатления честности. Честная голубая вода. Нестерпимо-честная. На вас глядели два честных пустых места; с такими глазами становятся пройдохами: «честные, как речная вода»⁵ [СС5, 180]. Во-вторых, «с водой жених еще был связан местом встречи: Окой». «Третья его связь с водой была баня», он почему-то всегда был в бане» [СС5, 181–182]. И если здесь герой воспоминаний приобретал ироническую «водную» характеристику, то «водная» самохарактеристика звучит трагически: с одной стороны, «все мои усилия в активной жизни – это усилия тонущего, не умеющего держаться на воде» [НЗК2, 346], а с другой, «я не в своей роли – скалы под водопадом: скалы, вместе с водопадом падающей на (совесть) человека» [1940, СС7, 687].

Итак, представленная типология функционирования мотива воды не исчерпывает всех особенностей реальных употреблений, но указывает на основные тенденции. В цветаевской картине мира вода становится важным

⁵ «Водные» характеристика глаз могут приобретать и позитивную окраску, ср. глаза Максимилиана Волошина: «две капли морской воды, в которой бы прожгли зрачок, (...) Не две капли морской воды, а две искры морского живого фосфора, две капли живой воды» [СС4, 162].

мотивом, к которому она обращается регулярно на разных этапах творчества. В раннем творчестве преобладают «природные» описания, в которых вода используется в своих словарных значениях (1). Водные эпитеты амбивалентны, указывают на происхождения и характер воды. Особым образом акцентируется поверхность воды (2), именно там наблюдается связь миров («встречаются» небо и земля), поверхность воды способна обманывать ожидания – там появляются звуки и явления, нарушающие представления о течении естественных процессов (вплоть до хождения по воде). Значения, акцентирующие питьевую и бытовую необходимость воды (3, 4), моделируют рефлексии о духовном и физическом, чувственном и нравственном начале человека. География водного пространства связана главным образом с историческими реалиями (5). Значения, связанные с верой в мистическую силу воды, появляются в раннем творчестве и активизируются в период 10-20-х гг. (6). В это же время усиливается «трагическая» коннотация воды – вода воспринимается как знак беды, актуализируются значения, связанные с мотивом смерти (утопления), трагедии, стихийного бедствия. Параллельно используется значение «текучести» воды, которое метафоризирует время и жизнь (8), проявление различных чувств (9). Особое место занимает метафоризация водой творческого процесса (10), а также использование «водных» характеристик в построении образов современников поэта (11). Таким образом, полисемантическая лексема «вода» позволяет создавать емкие художественные образы с использованием одного или нескольких значений. Вода, не утрачивая природной конкретности, становится одним из важных инструментов метафоризации процессов и явлений не только физического, но и духовного мира поэта. При сквозном мотивном анализе, представленном в настоящей статье, место данного мотива в индивидуальной картине мира поэта приобретает особую ясность и символично-архетипическую значимость.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вардзелашвили Жанетта. 2009. *Вода как образ языковой картины мира*. В: *Национально-культурный компонент в тексте и языке*. Ред. Баранова Н., Горлатов А., Прохорова С. Ч. 1. Минск: МГЛУ: 39–41.
- Дворяшина Нина, Галицкая Юлия. 2014. *Семантика водной стихии в поэзии М.И. Цветаевой*. В: *Мировая словесность для детей и о детях*. XIX Всероссийская научно-практическая конференция. Ярославль: ООО «Литера»: 41–49.
- Жадлун Маргарита. 2014. *Воплощение идеи «ВОДА – ВРЕМЯ» в поэзии М. Цветаевой*. В: *Ученые записки Таврического национального университета им. В. Вернадского*. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 27 (66), № 1, Ч. 1: 222–226.

- Кушнир Ксения. 2019. *Стихия «вода» и ее лексическая репрезентация в поэзии В.А. Солоухина.* «Неофилология» Т. 5, № 19: 275–281.
- Лаврова Елена. 1994. *Океан, море, Афродита, пена, раковина, жемчуг.* В: Лаврова Е. *Поэтическое мирозерцание М.И. Цветаевой.* Горловка: ГППИИЯ.
- Маслова Валентина. 2004. *Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой.* Москва: Наука. Флинт.
- Ревзина Ольга. 2009а. *Личность поэта в зеркале его словаря.* В: Ревзина О. *Безмерная Цветаева.* Москва: Дом-музей Марины Цветаевой: 257–285.
- Ревзина Ольга. 2009б. *О чем рассказывают поэтические метафоры.* В: Ревзина О. *Безмерная Цветаева.* Москва: Дом-музей Марины Цветаевой: 286–306.
- Ревзина Ольга. 2009в. *Явное и скрытое в стихотворении «С моря».* В: Ревзина О. *Безмерная Цветаева.* Москва: Дом-музей Марины Цветаевой: 170–192.
- Саакянц Анна. 1999. *Марина Цветаева. Жизнь и творчество.* Москва: Эллис Лак.
- Славянская мифология. Энциклопедический словарь.* 2002. Москва: Международные отношения. (online) https://inslav.ru/images/stories/pdf/2002_Slavjanskaja_mifologija.pdf (доступ 01.07.2021).
- Степанов Юрий. 2004. *Константы: словарь русской культуры.* Москва: Академический проект.
- Турачина Неонила. 2012. *Стихии воды и огня в языковом сознании писателей-женщин.* В: «Наука. Искусство. Культура» № 1: 88–92.
- Хализев Валентин. 2007. *Теория литературы.* Москва: Высшая школа.
- Ханзен-Лёве Аге. 2003. *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика.* Санкт-Петербург: Академический проект.
- Цветаева Марина. 1997. [НЗК]. *Неизданное. Записные книжки.* Т. 1–2. Москва: Эллис Лак.
- Цветаева Марина. 1997. [НСТ]. *Неизданное. Сводные тетради.* Москва: Эллис Лак.
- Цветаева Марина. 1994–1995. [СС]. *Собрание сочинений.* Т. 1–7. Москва: Эллис Лак.

REFERENCES

- Cvetaeva Marina. 1994–1995. [SS]. *Sobranie sočinenij* [Collected works]. Vol. 1–7. Moscow, Èllis Lak. (In Russian)
- Cvetaeva Marina. 1997. [NZK]. *Neizdannoe. Zapisnye knižki* [Unreleased. Notebooks]. Vol. 1–2. Moscow, Èllis Lak. (In Russian)
- Cvetaeva Marina. 1997. [NST]. *Neizdannoe. Svodnye tetradi* [Unreleased. Summary notebooks]. Moscow, Èllis Lak. (In Russian)
- Dvorášina Nina, Galickaá Ůliá. 2014. *Semantika vodnoj stihii v poézii M. I. Cvetaevoj* [Semantics of the water element in the poetry of M. I. Tsvetaeva]. In: *Mirováá slovesnost' dlá detej i o detáh, XIX Vserossijskaá naučno-praktičeskaá konferenciá* [World literature for children and about children. XIX All-Russian scientific and practical conference]. Yaroslavl, ООО “Litera”, pp. 41–49. (In Russian)
- Halizev Valentin. 2007. *Teoriá literatury* [Literary theory]. Moskva, Vysšaá škola. (In Russian)
- Hanzen-Léve Age. 2003. *Russkij simvolizm. Sistema poètičeskikh motivov. Mifopoètičeskij simvolizm načala veka. Kosmičeskaá simvolika* [Russian symbolism. The system of poetic motifs. Mythopoetic symbolism in the beginning of the century. The cosmic symbolism]. Saint-Petersburg, Akademičeskij proekt. (In Russian)

- Kušnir Kseniâ. 2019. *Stihiâ "voda" i ee leksičeskaâ reprezentaciâ v poëzii V.A. Solouhina* [The element "water" and its lexical representation in the poetry of V.A. Soloukhin]. "Neofilologiâ" Vol. 5, no 19, pp. 275–281. (In Russian)
- Lavrova Elena. 1994. *Okean, more, Afrodita, pena, rakovina, žemčug* [Ocean, sea, Aphrodite, foam, shell, pearls]. In: Lavrova E. *Poëtičeskoe mirosozercanie M.I. Cvetaevoj* [The poetic worldview of M. I. Tsvetaeva]. Gorlovka, GGPIIÂ. (In Russian)
- Maslova Valentina. 2004. *Poët i kul'tura: konceptosfera Mariny Cvetaevoj* [Poet and Culture: Marina Tsvetaeva's Concept Sphere]. Moscow, Nauka. Flint. (In Russian)
- Revzina Ol'ga. 2009a. *Ličnost' poëta v zerkale ego slovarâ* [The poet's personality in the mirror of his dictionary]. In: Revzina O. *Bezmeriâ Cvetaeva* [Immeasurable Tsvetaeva]. Moscow, Dom-muzej Mariny Cvetaevoj, pp. 257–285. (In Russian)
- Revzina Ol'ga. 2009b. *O čem rasskazyvaüt poëtičeskie metafory* [What poetic metaphors tell us about]. In: Revzina O. *Bezmeriâ Cvetaeva* [Immeasurable Tsvetaeva]. Moscow, Dom-muzej Mariny Cvetaevoj, pp. 286–306. (In Russian)
- Revzina Ol'ga. 2009v. *Avnoe i skrytoe v stihotvorenii "S morâ"* [Explicit and hidden in the poem "From the Sea"]. In: Revzina O. *Bezmeriâ Cvetaeva* [Immeasurable Tsvetaeva]. Moscow, Dom-muzej Mariny Cvetaevoj, pp. 170–192. (In Russian)
- Saakânc Anna. 1999. *Marina Cvetaeva. Žizn' i tvorčestvo* [Marina Tsvetaeva. The life and work]. Moscow, Èllis Lak. (In Russian)
- Slavânskaâ mifologiâ. Ènciklopedičeskij slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. 2002. Moscow, Meždunarodnye otnošeniâ Available at: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2002_Slavjanskaja_mifologija.pdf (Accessed 01 July 2021). (In Russian)
- Stepanov Ūrij. 2004. *Konstanty: slovar' russoj kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akademičeskij projekt. (In Russian)
- Turanina Neonila. 2012. *Stihii vody i ognâ v âzykovom soznanii pisatelej-ženšin* [The elements of water and fire in the linguistic consciousness of female writers]. "Nauka. Iskusstvo. Kul'tura" no 1, pp. 88–92. (In Russian)
- Vardzelašvili Žanetta. 2009. *Voda kak obraz âzykovoj kartiny mira* [Water as an image of the linguistic picture of the world]. In: *Nacional'no-kul'turnyj komponent v tekste i âzyke*. [The national-cultural component in the text and language]. Eds Baranova N., Gorlatov A., Prohorova S. Vol. 1. Minsk, MGLU, pp. 39–41. (In Russian)
- Žadlun Margarita. 2014. *Voplošenie idei "VODA – VREMÂ" v poëzii M. Cvetaevoj* [The embodiment of the idea of "WATER – TIME" in the poetry of M. Tsvetaeva]. In: "Učenyje zapiski Tavričeskogo nacional'nogo universiteta im. V. Vernadskogo". Seriâ "Filologiâ. Social'nye kommunikacii" [Scientific notes of the Tauride National University named after V. Vernadsky. The series "Philology. Social communications"]. Vol. 27 (66), no 1, pp. 222–226. (In Russian)

Literaturoznawstwo

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.7146>

Data przesłania artykułu: 30 maja 2021 r.

Data akceptacji artykułu: 16 czerwca 2021 r.

**CZAS PRZEŁOMU I NADZIEI – OBRAZ SCHYŁKU
XX WIEKU WE WSPÓŁCZESNEJ LITERATURZE
BIAŁORUSKIEJ NA PRZYKŁADZIE POWIEŚCI
A. KLINAUA *SZALOM*
I I. BABKOUA *CHWILINKA. TRY HISTORII***

Katarzyna Drozd

Uniwersytet Warszawski, Warszawa, Polska

ORCID: 0000-0002-2544-4877

e-mail: katarzyna.drozd@uw.edu.pl

Abstrakt: W artykule omówiony został obraz schyłku XX wieku we współczesnej białoruskiej beletryście. Na Białorusi, podobnie jak i w innych państwach Europy Wschodniej i Środkowo-Wschodniej, był to okres intensywnych przemian społeczno-politycznych. Po niemal 30 latach od tych wydarzeń możliwa jest ocena leżących u ich podstaw założeń i oczekiwań, które niejednokrotnie nie wytrzymały konfrontacji z trudną rzeczywistością tranzycji. Koniec minionego stulecia wielokrotnie powraca w narracji jako z jednej strony czas nadziei, z drugiej zaś rozczarowań. Podkreślana jest więc ambiwalentna rola tego okresu.

Słowa kluczowe: współczesna literatura białoruska, Artur Klinau, Ihar Babkou, Białoruś, przemiany społeczno-polityczne

Submitted on January 01, 2020

Accepted on June 16, 2020

**THE IMAGE OF THE END OF THE 20TH CENTURY
IN CONTEMPORARY BELARUSIAN LITERATURE
ON THE EXAMPLE OF THE NOVELS
BY A. KLINAU *SHALOM* AND I. BABKOU
*CHWILINKA. TRY HISTORY***

Katarzyna Drozd

University of Warsaw, Warsaw, Poland

ORCID: 0000-0002-2544-4877

e-mail: katarzyna.drozd@uw.edu.pl

Abstract: This article discusses the image of the end of the 20th century in contemporary Belarusian fiction. In Belarus, as in other countries of Eastern and Central and Eastern Europe, it was a period of intense social and political changes. Almost 30 years after these events, it is possible to assess the underlying assumptions and expectations, which have often failed to stand up to the difficult reality of the transition. The end of the last century returns many times in the narrative as, on the one hand, a time of hope and, on the other hand, of disappointment. Therefore, the ambivalent role of this period is emphasized.

Keywords: contemporary Belarusian literature, Artur Klinau, Ihar Babkou, Belarus, socio-political changes

Lata 90. XX wieku w Europie Środkowej i Środkowo-Wschodniej były momentem przełomowym. Przyniosły bowiem transformację polityczną tej części Starego Kontynentu i zmieniły ustanowiony po II wojnie światowej ład międzynarodowy, w którym jedyną siłą dominującą z rozległą strefą wpływów był Związek Radziecki [Grzelak 2005, 14–15]. Rozwiązanie w grudniu 1991 roku ZSRR zostało poprzedzone ogłoszeniem niepodległości państw wchodzących w jego skład. Rada Najwyższa Białorusi, biorąc przykład z sąsiednich republik, dokonała tego aktu w sierpniu 1991 roku [Szybieka 2002, 435]. Tym samym rozpoczął się okres transformacji społeczno-politycznej obejmujący wszystkie aspekty życia. Na początku zdominowały go kwestie polityczne i gospodarcze. Dotychczasowe struktury republikańskie, w tym w szczególności organy władzy, musiały dostosować się

do nowych warunków – kształtowania polityki suwerennego państwa. Monopol KPZR w życiu politycznym został zastąpiony przez żywiołowy pluralizm, często pozbawiony ram normatywnych, zarówno prawnych, jak i moralnych. Z dnia na dzień upadł system wartości oparty za zasadach ideologii komunistycznej. Po rozwiązaniu partii zabrakło silnego ośrodka mogącego wyznaczać aksjologiczne ramy rozwoju społecznego. Instytucje państwowe były zbyt słabe, zaś Cerkiew prawosławna dopiero odradzała się po latach prześladowań. Zwyciężyły darwinistyczne prawa kapitalizmu, które odcisnęły negatywne piętno na społecznym postrzeganiu tranzycji ustrojowej.

Jedną z najważniejszych konsekwencji upadku Kraju Rad była dezintegracja wspólnego obszaru gospodarczego skutkująca m.in. zerwaniem łańcuchów dostaw pomiędzy dawnymi republikami [Eberhardt 2008, 81–85]. Socjalistyczną gospodarkę niedoborów zastąpił wolny rynek, który przybrał formę nieliczącego się ze słabszymi kapitalizmu. Białorusini, przyzwyczajeni do braku politycznej swobody, odgórnego narzucania decyzji regulujących każdy aspekt życia, z niepewnością obserwowali bieżące wydarzenia. Niepokój dotyczył szczególnie osób dojrzałych i starszych często niewyobrażających sobie funkcjonowania poza strukturami supermocarstwa, w którym się urodziły, dorastały i działały przez kolejne dekady¹. Inaczej tę sytuację postrzegali ludzie młodzi. W nadchodzących przemianach widzieli szansę całkowitej transformacji nie tylko politycznej, lecz także przede wszystkim w zakresie zmiany warunków życia. Spodziewano się, że wraz z ogłoszeniem suwerenności niepodległa Białoruś otworzy się na kraje Europy Zachodniej, co ułatwi dostęp do zdobyczy zarówno technicznych, jak i kulturowych. Przyszłość więc nie napawała ich lękiem, a optymizmem².

Warto nadmienić, że różne oczekiwania poszczególnych pokoleń miały odzwierciedlenie w wyborze kandydatów na prezydenta Republiki Białorusi. Osoby dojrzałe wyrażały aprobatę dla Aleksandra Łukaszenki, który obiecywał powrót do budowy silnych więzów gospodarczo-politycznych z Rosją i tym samym gwarantował przywrócenie stabilizacji znanej z czasów radzieckich. Natomiast

¹ Rozpad ZSRR był powodem fali samobójstw wśród osób w różnym wieku i odmiennej pozycji zawodowej. Popelniali je zarówno zajmujący ważne stanowiska w administracji państwowej, jak i zwykli obywatele, którzy całe swoje dorosłe życie poświęcili idei komunizmu. Swietłana Aleksijewicz w książce *Urzeczeni śmiercią* zamieściła rozmowy z rodzinami samobójców lub osobami, które udało się odratować. Zob. więcej: [Aleksijewicz 2001].

² Różnice w ocenie aktualnych wydarzeń widoczne były także w oczekiwaniach wobec literatury lat 90. XX w. Pokolenie, które w tym okresie debiutowało na scenie literackiej, postulowało tworzenie literatury niez zaangażowanej politycznie, otwartej na najnowsze prądy obecne w innych literaturach światowych. W zachodzących zmianach widziało właśnie szansę przełamania hermetyczności literatury białoruskiej, wynikającej z ciągle obecnego w niej kontekstu polityczno-historycznego. Zob. więcej: [Кісліцына 2006; Акудчыч 2004].

pokolenie młodych oczekiwało od kandydata na prezydenta stworzenia demokratycznego państwa i nie popierało Łukaszenki [Usov 2014, 101–102].

Od przemian politycznych w Europie Wschodniej i Środkowo-Wschodniej minęło 30 lat. Jest to dystans czasowy pozwalający krytycznie spojrzeć na minione wydarzenia i dokonać ich oceny – nadszedł moment rewizji oczekiwań i ich konfrontacji z rzeczywistością. Pokolenie, które w latach 90. XX wieku znajdowało się u progu dorosłości, teraz jest w pełni dojrzałe, doświadczone latami przemian dokonuje weryfikacji swych ówczesnych marzeń i aspiracji. Warto dodać, że do tej pory obraz schyłku wieku przedstawiony w literaturze białoruskiej nie był przedmiotem badań.

We współczesnej literaturze białoruskiej lata 90. XX stulecia są określane jako moment przełomu. Niejednokrotnie stanowią istotny element fabuły. Wprowadzają też podział na minioną epokę zdominowaną przez komunizm, gdzie cezurą są przemiany polityczne, zwłaszcza ogłoszenie niepodległości Białorusi i zmiana ustroju, oraz współczesność politycznie definiowaną przez rządy Łukaszenki. Z tego podziału wynika ambiwalentne ujęcie schyłku XX wieku. Z jednej strony jako moment dziejowy to czas nadziei, marzeń o demokracji, otwarcia się Białorusi na Zachód. Z drugiej zaś spojrzenie z dystansu wnosi rozczarowanie i negatywną ocenę przemian. W kontekście obecnej sytuacji na Białorusi po ostatnich wyborach prezydenckich w 2020 roku wydaje się wręcz konieczna analiza roli lat 90. XX stulecia i jej znaczenia we współczesnej literaturze.

W poniższych rozważaniach warto odwołać się do sformułowania Aleidy Assmann dotyczącego literatury jako medium pamięci³. Pozwala ona na zapamiętanie i utrwalenie konkretnego obrazu określonych wydarzeń. Jak zauważa Sylwia Dec-Pustelnik, do przewartościowania wyobrażeń o przeszłości przyczyniają się zachodzące zmiany polityczne uzależniając je od aktualnych potrzeb uczestników życia politycznego [Dec-Pustelnik 2018, 107]. Konstatacje te doskonale można odnieść do sytuacji na Białorusi.

Warto zaznaczyć, że wydarzenia lat 90. XX wieku wpisują się w pamięć komunikatywną. W przypadku pamięci komunikatywnej istotną rolę odgrywa przekaz medialny [Dec-Pustelnik 2018, 111]. Na Białorusi, gdzie rynek medialny zdominowany jest przez nadawców publicznych podporządkowanych władzy, przekaz ten stanowi odzwierciedlenie aktualnego jej stanowiska w konkretnych sprawach. Stąd też można mówić o propagandowym kształtowaniu pamięci komu-

³ Badania nad formami pamięci i jej związkami z literaturą stanowią przedmiot ożywionych dyskusji. Zagadnienie to było wielokrotnie podejmowane przez badaczy zarówno za granicą, m.in. Jana Assmanna, Aleidę Assmann, Astrid Erll [Assmann J. 2008; Assmann A. 2009; Erll 2009], jak i w Polsce [Potasińska 2017, 25–49; Tabaszewska 2013, 53–72].

nikatywniej. Z kolei literatura jako elitarny kanał przekazu nie podlega jeszcze całkowitej kontroli władzy, ponieważ zasięg jej oddziaływania jest bardzo ograniczony. Dotyczy to zwłaszcza twórczości białoruskojęzycznej, często publikowanej w prywatnych wydawnictwach w niewielkiej liczbie egzemplarzy. Taka sytuacja pozwala na kształtowanie odmiennego od medialnego, i co za tym idzie, propagandowego obrazu pamięci komunikatywnej.

Rozczarowanie rządami Łukaszenki dotyczyło w szczególności młodego pokolenia dążącego do głębokich przeobrażeń rzeczywistości. Z każdym rokiem prezydentury jasne stawało się, że wszelkie nadzieje na demokratyzację w rozumieniu zachodnioeuropejskim muszą zostać odłożone w czasie. Dynamikę pierwszych lat niepodległości zastąpił marazm przypominający epokę Breżniewa. Nastroje społeczne znalazły swe odzwierciedlenie w literaturze. Jest to szczególnie istotne w przypadku najmłodszego pokolenia zaangażowanego w zajęcia po wyborach prezydenckich w 2020 roku, którego przedstawiciele nie mają osobistego doświadczenia udziału w wydarzeniach lat 90., zaś z pomocą literatury mogą poznać niezależny obraz historii najnowszej.

Nawiązania do końca minionego stulecia są tendencją występującą we współczesnej literaturze zarówno w gatunkach fikcyjnych, jak i wspomnieniowych. Okres ten pojawia się w utworach m.in. Alhierda Bacharewicza, Uładzimira Niaklajeua, Adama Hlobusa, Wiktara Marcinowicza, Artura Klinaua. Niewątpliwie więc sam schyłek wieku to czas często wspominany przez dojrzałych bohaterów współczesnej literatury. Świadczy to o randze wydarzeń lat 90. i potwierdza konieczność określenia ich roli w dzisiejszym procesie literackim⁴.

Istotną pozycją w analizowanym zagadnieniu jest powieść A. Klinaua *Szalom* wydana w 2011 roku⁵. O wyjątkowości utworu decyduje m.in. osoba pisarza, który z wykształcenia jest architektem. Słowo dla niego jest więc tworzywem wtórnym. Ponadto wyuczona profesja wpływa na perspektywę i sposób ujęcia opisywanych wydarzeń. Na uwagę zasługuje także główny bohater powieści André, który jest artystą. Powraca on chętnie do lat 90. XX stulecia, dokonując oceny

⁴ Lata 90. XX w. są okresem, do którego powracają nie tylko bohaterowie gatunków fikcyjnych, lecz także stanowią istotny element literatury o charakterze wspomnieniowym. Do takiej niewątpliwie należy wydana w 2019 r. w Mińsku książka Alhierda Bacharewicza *Мая дзевяностыя*, gdzie już sam tytuł podkreśla ważną rolę lat 90. XX w. Ze względu na różnice między tymi gatunkami literackimi w niniejszym artykule omawiane są utwory fikcyjne. Zob. więcej: [Бахарэвіч 2018].

⁵ Nie jest to pierwszy utwór A. Klinaua, w którym lata 90. XX w. pełnią istotną rolę. Do tego okresu autor odwoływał się też w książce o charakterze wspomnieniowym *Міnsk. Преводнік по Міесьце Сьлёнца*. Ze względu jednak na odmienną przynależność gatunkową obu utworów *Міnsk. Преводнік по Міесьце Сьлёнца* jest jedynie pozycją sygnalizowaną. Zob. więcej: [Клінаў 2008].

aktualnej sytuacji życiowej i zawodowej. Jest to bowiem moment przełomowy w jego karierze i życiu prywatnym, związany z podjęciem najważniejszych decyzji i wkroczeniem w dorosłość.

Właśnie na przełomie lat 80. i 90. XX wieku André po raz pierwszy mógł wyjechać z Białorusi do Europy Zachodniej i zdobywać doświadczenie zawodowe. Wyjazd poza granice kraju i zmiana wzorców kulturowych były szansą na osobiste poznanie najnowszych tendencji w sztuce Zachodu i konfrontację własnych wyobrażeń budowanych na podstawie dostępnych w ZSRR źródeł z rzeczywistością. To także doskonała okazja do inspirujących rozmów w gronie osób o podobnych zainteresowaniach, ale o różnym doświadczeniu.

André powraca więc do schyłku wieku jako jednego z najważniejszych momentów w karierze. To także okres wielkich nadziei i wiary we własne możliwości. Jest młody, nie doświadczył jeszcze porażki, a otrzymane stypendium zagraniczne, w ramach którego odbywa się wyjazd – wręcz przeciwnie – zwiastuje rychły sukces. André jest też przekonany, że przekroczenie granicy Europy Zachodniej pozwoli mu na rozpoczęcie międzynarodowej kariery rzeźbiarza [Клінаў 2011, 48]. Szansę, jaką otrzymał od losu, postrzega nie tylko jako docenienie jego dotychczasowego dorobku, lecz także rezultat zmian, które zaszły w ojczyźnie. Pobyt w Europie Zachodniej stanowi dla niego nowy etap życia, jak też historii państwa [Клінаў 2011, 48]. Transformację na Białorusi, przynajmniej w tym momencie, postrzega pozytywnie.

Jednak po niemalże dwóch dekadach André krytycznie ocenia zarówno sam okres przemian, jak i finalnie ich kierunek. Dopiero z perspektywy czasu zauważa, że zainteresowanie jego osobą wynikało głównie z pochodzenia, które obywatele krajów Europy Zachodniej postrzegali jako wręcz egzotyczne. Jedynie bycie Białorusinem, a nie wyjątkowy talent, było przepustką na artystyczne salony Zachodu. André jest więc rozczarowany. Ponadto przemiany na Białorusi nie doprowadziły do utworzenia demokratycznego państwa stanowiącego jego marzenie. Aktualnie więc ponownie wzbudza on głównie zainteresowanie ze względu na miejsce urodzenia [Клінаў 2011, 10–11]. Wszelkie rozmowy prowadzone w międzynarodowym gronie, pomimo że rozpoczynają się od sztuki, nieuchronnie zmierzają do białoruskiej polityki. Współrozmówcy wykazują, w ocenie bohatera, nadmierną ciekawość w odniesieniu do realiów życia na Białorusi, sprawowania rządów przez Łukaszenkę. Pomijają przy tym André-rzeźbiarza, co potęguje frustrację twórcy [Клінаў 2011, 15]. Powraca więc on do lat 90. XX wieku i z rozczarowaniem dokonuje bilansu przeszłości. Jak wynika z powyższego, niezadowolenie artysty ma dwojakie podłoże. Z jednej strony spowodowane jest nieudaną, w opinii samego

bohatera, karierą, z drugiej jego przyczynę stanowi niedemokratyczny kierunek przemian na Białorusi i autorytarne rządy Łukaszenki.

Do rewizji oceny kierunku przemian na Białorusi skłania bohatera nie tylko pobyt za granicą i reakcja osób z najbliższego otoczenia, lecz także życie codzienne w ojczyźnie, w tym sytuacja artysty. André w rodzimym kraju zawodowo nie osiągnął wiele [Клінаў 2011, 23, 33, 34]. Na co dzień zajmuje się rzeźbieniem pośmiertnych popiersi. Jest to aktywność daleka od jego marzeń i artystycznych aspiracji. Swoje zajęcie traktuje wyłącznie jako źródło dochodu i sposób na zabezpieczenie (de facto, niezbyt dostatniego) bytu rodzinie. Młodzieńcze ideały oraz marzenia o wielkiej sztuce zdominowała proza życia. Należy tutaj podkreślić destrukcyjny wpływ rodziny na André. Żona regularnie przypomina bohaterowi o zawodowej porażce, której dowodem ma być ich zbyt niski, w ocenie kobiety, status materialny [Клінаў 2011, 107–108].

Rzeczywistość polityczna Białorusi pozostawia bardzo niewiele miejsca dla ekspresji artystów takich jak André – myślących kreatywnie, dalekich od podporządkowania propagowanym przez władzę kanonom. Są po prostu wykluczeni, skazani na twórczy niebyt. Jediną nadzieją na ociążnięcie sukcesu i rozwój w uprawianej dziedzinie jest kariera poza granicami Białorusi.

Warto jeszcze nadmienić, że André, co prawda, pracuje jako wykładowca na uczelni, ale tutaj również program zajęć podporządkowany jest ukształtowaniu artysty-rzemieślnika, a nie artysty-indywidualisty, wyrażającego poprzez sztukę własne postrzeżenie świata. Bohater musi więc dostosować treści przekazywane na wykładach do obowiązującej oficjalnie doktryny sztuki. Ma pełną świadomość, jak brak swobody w przestrzeni akademickiej ogranicza kształtowanie studentów. Podporządkowując się zaś panującemu, zaakceptowanemu przez władzę, wzorcowi, staje się jej narzędziem. Ma więc wyrzuty sumienia, że brak mu siły, by wyrazić własne zdanie i przeciwstawić się dominującemu konformizmowi. Jego działalność akademicka jest w pełni kontrolowana na każdym szczeblu uniwersyteckim, od kierownika jednostki przez dziekana wydziału aż do rektora. Ponadto władze uczelni interesują się André z powodu języka, w którym prowadzi wykłady, a jest nim oczywiście język białoruski [Клінаў 2011, 238].

To właśnie z okresem przemian politycznych schyłku minionego stulecia związana jest druga fala białorusenizacji⁶. Należy przy tym zaznaczyć, że w 1990

⁶ Pierwsza fala białorusenizacji nastąpiła na początku lat 20. XX w. Jej przejawem było wprowadzenie języka białoruskiego niemal we wszystkie sfery życia: od szkół aż po instytucje użyteczności publicznej. Podtrzymywano i wspierano rozwój białoruskiej kultury. W drugiej połowie lat 20. XX stulecia rozpoczął się proces wynarodowienia i unifikacji narodu białoruskiego z rosyjskim. Zob. więcej: [Szybieka 2002, 259–272].

język białoruski wprowadzono jako jedyny urzędowy na Białorusi. Sytuacja ta uległa zmianie dopiero w 1995 roku, kiedy język rosyjski otrzymał status drugiego języka urzędowego⁷. Ta urzędowa dwujęzyczność w rzeczywistości spowodowała wyparcie języka białoruskiego z przestrzeni publicznej. Przemiany społeczno-polityczne miały zatem odzwierciedlenie również w języku. Warto odnotować, że przynależność pokoleniowa wyznaczała niejednokrotnie stosunek do języka białoruskiego. Osoby starsze obawiały się konsekwencji odgórnie wprowadzonej białorutenizacji. Wynikało to najczęściej z lęku o własne stanowisko, zazwyczaj w administracji państwowej, szczególnie gdy urzędnicy nie władali dostatecznie językiem białoruskim [Mironowicz 1999, 220–221]. Takich obaw nie wykazywało młode pokolenie, dla którego porozumiewanie się po białorusku było jednym z czynników dynamicznie zmieniającej się rzeczywistości i świadczyło o pozytywnym kierunku transformacji [Бахарэвіч 2018, 61, 80]. Dopiero wprowadzane kolejno reformy Łukaszenki, zwiększające uprawnienia prezydenta, przy równoczesnym ograniczeniu roli parlamentu, jednoznacznie świadczyły o odejściu od ideałów demokracji. Sam prezydent Białorusi nie posługiwał się językiem białoruskim. W pewnym momencie zaczęto więc utożsamiać wybór języka białoruskiego z manifestacją poglądów politycznych, w tym sprzeciwem wobec reżimu Łukaszenki. Osoby porozumiewające się w języku białoruskim oceniano jako nacjonalistów [Bortnowska 2008, 46–51].

André, prowadząc zajęcia po białorusku, zwraca na siebie uwagę władz uczelni. Wynika ona z obawy, że zatrudniona została osoba o niewłaściwych poglądach politycznych, nieprzychylna obecnej władzy. Wybór języka, dokonany przez bohatera lata temu, ma więc ciągle konsekwencje. Stosunek zaś władz do osób posługujących się językiem białoruskim i kierowane wobec nich podejrzania są realnym dowodem autorytarnego charakteru współczesnej Białorusi i nieustannie przypominają o porażce transformacji schyłku minionego stulecia.

Wspomnienie lat 90. XX wieku jest też istotnym elementem fabuły powieści Ihara Babkoua *Chwilinka. Try historii*. To właśnie tuż przed tym ważnym dziejowym momentem, a więc w końcu lat 80. XX stulecia, poznało się trzech głównych bohaterów utworu: pisarz Franciszek, działacz Bogdan i muzyk Ewa Daminika. Podobnie jak w przypadku André oni również w owym czasie stawiali pierwsze kroki na ścieżce zawodowej, choć mieli za sobą już pewne doświadczenie. Transformacja polityczna końca wieku ponownie nakłada się na ważne życiowe decyzje. Jedną z nich w przypadku Franciszka była kwestia języka. Nakreślona

⁷ Sytuacja języka białoruskiego jest przedmiotem dyskusji toczonej od lat. Prowadzona jest ona zarówno na poziomie akademickim jak i w przestrzeni publicznej. Zob. więcej: [Foligowski 1999; *Ograbiony naród...* 2007].

powyżej sytuacja językowa lat 90. XX wieku wymuszała konieczność dokonania wyboru między językiem białoruskim a rosyjskim. Było to szczególnie istotne w odniesieniu do pisarzy. Oczywiście z podjętą decyzją wiązały się określone konsekwencje. Język białoruski zawęził grono czytelników – pisarz tym samym stawał się twórcą niszowym [Bortnowska 2008, 48]. Ponadto język białoruski ściągał uwagę zarówno bliskich, jak i nieznanym. Osoba rozmawiająca i pisząca w tym języku wielokrotnie musiała tłumaczyć się z dokonanego wyboru i wskazywać jego uzasadnienie. Tak też jest w przypadku Franciszka. Doświadcza on następstw podjętej decyzji. Znajomi są przekonani o popełnionym przez bohatera błędzie i starają się odwieść go od używania w przestrzeni publicznej, a także na kartach książek, języka białoruskiego. Musi więc skonfrontować się z negatywnymi komentarzami bliskich. Nie może liczyć na ich wsparcie, wręcz przeciwnie, jest przez nich atakowany i zniechęcany [Бабкоў 2013, 51–53]. Mimo to bohater nie zmienia raz podjętej decyzji. Jest wręcz zadowolony z emocji, jakie wzbudza z powodu języka białoruskiego u postronnych osób, co oddają słowa:

Ты мог гадамі блукаць па Менсуц з расейскай мовай т быць нябачным і незаўважным, сказаў мне тады Францішак. Але варта было проста запытацца ці сказаць штосьці па-беларуску, і ўсё мянялася. Некаторыя плакалі і выбачаліся, што забылі родную мову. Іншыя алразу прыгадвалі пра міліцыю і патрабавалі справядзачы, чаму і з якой мэтай. Трэція беглі па слоўнікі і даводзілі, што гэта не па-беларуску і што трэба так, так і так [Бабкоў 2013, 52].

Powyższa wypowiedź nakreśla atmosferę towarzyszącą posługiwaniu się językiem białoruskim. Różne, nieraz wręcz skrajne, reakcje otoczenia mają przybliżyć ówczesne realia wynikające z sytuacji języka białoruskiego. Taki też aspekt konsekwencji posługiwania się językiem białoruskim w przestrzeni publicznej podkreślał Walancin Akudowicz w eseju *Język*, w którym zauważył, że osoba wypowiadająca się po białorusku zwraca na siebie uwagę otoczenia, a cała sytuacja jest postrzegana nie jako zwykły akt mowy, zaś zamierzone działanie w określonym celu, który postronni obserwatorzy powinni odczytać [Akudowicz 2008, 80].

Warto zaznaczyć, że Franciszek pierwszą książkę wydał jeszcze przed upadkiem ZSRR. Czas transformacji powinien zatem być kluczowym momentem w karierze. Rzeczywiście, wówczas bohater zyskał popularność jako autor wierszy, drukowanych (co prawda sporadycznie) w czasopiśmie. Jednak nie udało mu się już wydać żadnej książki. Jak sam stwierdził, poezja jest niebezpiecznym zajęciem, a on był nadto krytyczny wobec dynamicznie zmieniającej się rzeczywistości [Бабкоў 2013, 55–57]. W przypadku Franciszka rozczarowanie przemianami nastąpiło niezwykle szybko, jeszcze w okresie ich trwania. Natomiast

wraz z dystansem czasowym pojawia się nostalgia połączona z rozgoryczeniem i ponowną analizą ówczesnych wydarzeń.

Powtarzającym się motywem jest stosunek społeczeństwa do wydarzeń lat 90. Ocena dokonana jest zarówno w formie bieżącego komentarza do dynamicznie zachodzących przemian, jak i opinii wyrażonej z dystansu czasowego niemal dekady. Troje głównych bohaterów to reprezentanci różnych grup społecznych. Ich spojrzenie na ówczesne zjawiska jest więc typowe dla warstwy, z której się wywodzą. Każdy z nich dostrzega, że uczestniczy w wydarzeniach przełomowych, które znacząco wpłyną na dotychczasowy kształt państwa i życie jego obywateli. W przyszłość patrzą z nadzieją. Dostrzegają nowe możliwości rodzące się wraz ze zmianą ustroju politycznego. Jak już wspomniano, u progu przemian mają za sobą pierwsze doświadczenia zawodowe, a nawet pewien dorobek w tym zakresie [Бабокoў 2013, 78–81]. Liczą na demokratyczny charakter niepodległego państwa. Wydaje się więc, że dla nich nowa rzeczywistość powinna być wyjątkowo sprzyjająca. Ponownie więc akcentowane jest otwarcie się Białorusi na Zachód, postrzegane jako szansa, szczególnie przez osoby u progu dorosłości.

Podobnie szerokie plany na przyszłość ma Bogdan. Zaangażowany w przemiany polityczne na Białorusi liczy na ich demokratyczny kierunek. Jest postacią niezwykle aktywną, podejmującą liczne działania mające na celu zmianę dotychczasowego ustroju politycznego. Ma też świadomość powagi sytuacji. Wie, że wydarzenia mają charakter przełomowy. Bogdan wyjeżdża do Polski na szkolenia związane z podjętą działalnością o charakterze społeczno-politycznym [Бабокoў 2013, 140–142]. Polska stanowi dla niego wzór państwa, które z sukcesem przeszło transformację polityczną. Bohater ma nadzieję, że odbyte szkolenia, a także rozmowy ze specjalistami od kampanii prezydenckiej przełożą się na sukces w wyborach na Białorusi. Ogromne zaangażowanie i wykorzystanie zachodnich metod prowadzenia walki politycznej nie przynoszą jednak spodziewanych rezultatów. Wynik wyborów prezydenckich rozczarował bohatera. Natomiast jego konsekwencje i kierunek obranej polityki są wręcz demotywuujące i odbierają Bogdanowi chęć do działania.

W kontekście opisanych wydarzeń lat. 90 XX wieku istotny jest fakt, że bohaterowie często spotykają się w mińskiej kawiarni *Chwilinka*. To w niej toczą rozmowy, tak dotyczące życia prywatnego, jak i ścieżki zawodowej. Warto zwrócić uwagę, że za oknami kawiarni zawsze jest jesień. Ta pora roku ma tutaj symboliczne znaczenie. Wydaje się, że zapowiada porażkę wyborów dokonanych przez bohaterów. Szare barwy jesieni, a także deszcz sugerują, że mimo rozległych planów i młodzieńczego zapału zamierzone cele nie zostaną osiągnięte. Stanowią też tło i jednocześnie komentarz do odbywających się przemian politycznych.

Te zaś nie przyniosą efektów zgodnych z oczekiwaniami części społeczeństwa, w tym postaci utworu Babkoua [Бабокoў 2013, 125].

Po niemal dekadzie bohaterowie dokonują konfrontacji ówczesnych oczekiwań i marzeń z rzeczywistością. Okazuje się, że ich życie nie potoczyło się według zakładanego planu. Natomiast praca, którą wykonują, nie przynosi oczekiwanej satysfakcji. Z nostalgią więc wracają do lat 90. XX stulecia, gdy wszystko było jeszcze możliwe i wydawało się, że zamierzone cele zostaną osiągnięte, a przeszkody pokonane. Wspomnienie schyłku wieku kilkukrotnie powraca w narracji [Бабокoў 2013, 135–136].

Ponadto warto podkreślić, że bohaterowie w wyborze drogi zawodowej kierują się ideałami. Nieoczekiwany kierunek transformacji sprawił, że nie potrafili odnaleźć się w nowej rzeczywistości schyłku minionego stulecia. Tym samym, jak określa narrator, zostali wykluczeni z epoki. Ich losy są więc egzemplifikacją życia osób, które nie umiały funkcjonować w zmienionych warunkach społeczno-politycznych. [Бабокoў 2013, 76–78].

Powyższa analiza skłania do wniosku, że lata 90. XX wieku są ważną cezurą we współczesnej literaturze białoruskiej i często stanowią istotny aspekt fabuły. Bohaterowie wspominają schyłek stulecia, podkreślając dynamikę zachodzących wówczas zmian. W pewnym stopniu świadczy to więc o świadomości politycznej społeczeństwa, które częściowo zdawało sobie sprawę z rangi obserwowanych wydarzeń. Często towarzysząca tym wspomnieniom nostalgia wynika z rozczarowania rzeczywistością i kierunkiem zmian, szczególnie tych politycznych. Skłania także do refleksji na temat przyczyn niepowodzenia i skali rozbieżności między oczekiwaniami a stanem faktycznym. Natomiast ocena schyłku wieku, tak często obecna we współczesnej literaturze, może również wskazywać na rosnące niezadowolenie społeczeństwa z sytuacji społeczno-politycznej, w tym warunków bytowych. Utrwalony w literaturze obraz wydarzeń lat 90. XX wieku jest też istotnym elementem pamięci komunikatywnej, często sprzecznym z oficjalnym przekazem medialnym. Ponadto negatywny stosunek bohaterów do przemian schyłku wieku stanowi odzwierciedlenie poglądów części społeczeństwa. Wskazuje także, iż niezadowolenia z rządów Łukaszenki nie jest problemem ostatnich kilku lat, a niemal trzech dekad.

BIBLIOGRAFIA

- Akudowicz Walancin. 2008. *Język*. W: Akudowicz W. *Dialogi z Bogiem*. Wrocław: Kolegium Europy Wschodniej im. Jana Nowaka-Jeziorańskiego: 80.
- Aleksijewicz Swietłana. 2001. *Urzeczeni śmiercią*. Warszawa: Grupa Wydawnicza Bertelsmann Media.

- Assmann Aleida. 2009. *Przestrzenie pamięci. Formy i przemiany pamięci kulturowej*. W: *Pamięć zbiorowa i kulturowa. Współczesna perspektywa niemiecka*. Red. Saryusz-Wolska M. Kraków: Universitas: 101–142.
- Assmann Jan. 2008. *Pamięć kulturowa. Pismo, zapamiętywanie i polityczna tożsamość w cywilizacjach starożytnych*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Bortnowska Katarzyna. 2008. *Białoruski postmodernizm. Liryka „pokolenia Bum-Bam-Litu”*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Dec-Pustelnik Sylwia. 2018. *Problem zmienności pamięci zbiorowej a media/nośniki pamięci*. „Colloquia Anthropologica et Communicativa” nr 11: 107–119.
- Eberhardt Adam. 2008. *Gra pozorów. Stosunki rosyjsko-białoruskie 1991–2008*. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych.
- Erlł Astrid. 2009. *Literatura jako medium pamięci zbiorowej*. W: *Pamięć zbiorowa i kulturowa. Współczesna perspektywa niemiecka*. Red. Saryusz-Wolska M. Kraków: Universitas: 211–247.
- Foligowski Przemysław. 1999. *Białoruś. Trudna nie-podległość*. Wrocław: Atła 2.
- Grzelak Czesław. 2005. *Ład pojaltański w Europie Środkowo-Wschodniej*. W: *Represje sowieckie wobec narodów Europy 1944–1956*. Red. Rogut D., Adamczyk A. Żelów: Wydawnictwo Atena: 13–18.
- Klinau Artur. 2008. *Mińsk. Przewodnik po Mieście Słońca*. Wołowiec: Wydawnictwo Czarne.
- Mironowicz Eugeniusz. 1999. *Białoruś*. Warszawa: Wydawnictwo Trio.
- Ograbiony naród. Rozmowy z intelektualistami białoruskimi*. 2007. Red. Nocuń M., Brzeziecki A. Wrocław: Kolegium Europy Wschodniej im. Jana Nowaka-Jeziorańskiego.
- Potasińska Paulina. 2017. *Jak pisarze pamiętają. Teoria badań nad pamięcią a praktyka literacka*. W: *Świadectwa pamięci. W kręgu źródeł i dyskursów (od XIX wieku do dzisiaj)*. Red. Dąbrowicz E., Larenta B., Domurad M. Białystok: Alter Studio: 25–49.
- Szybieka Zachar. 2002. *Historia Białorusi 1795–2000*. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej.
- Tabaszewska Justyna. 2013. *Od literatury jako medium pamięci do poetyki pamięci. Kategoria pamięci kulturowej w badaniach nad literaturą*. „Pamiętnik Literacki” CIV, z. 4: 53–72.
- Usov Pavel. 2014. *Powstanie, konsolidacja i funkcjonowanie reżimu neoautorytarnego na Białorusi*. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk.
- Акудоўіч Валянцін. 2004. *Уводзіны у новую літаратурную сітуацыю*. W: Акудоўіч Валянцін. *Разбурыць Парыж*. Мінск: Логвінаў: 121–176.
- Бабкоў Ігар. 2013. *Хвілінка. Тры гісторыі*. Мінск: Логвінаў.
- Бахарэвіч Алгерд. 2018. *Мае дзевяностыя*. Мінск: Выдавец А.М. Янушкевіч.
- Кісліцына Ганна. 2006. *Новая літаратурная сітуацыя: змена культурнай парадыгмы*. Мінск: Логвінаў.
- Клінаў Артур. 2008. *Малая падарожная кніжка па горадзе Сонца*. Мінск: Логвінаў.
- Клінаў Артур. 2011. *Шалом*. Мінск: Логвінаў.

REFERENCES

- Akudoyič Valāncin. 2004. *Uvodziny u novuŭ litaratarnuŭ situacyŭ* [An introduction to a new literary situation]. In: Akudoyič V. *Razburye' Paryž* [Destroy Paris]. Minsk, Logvinaŭ. (In Belarusian)
- Akudowicz Walancin. 2008. *Język*. In: Akudowicz W. *Dialogi z Bogiem*. Wrocław, Kolegium Europy Wschodniej im. Jana Nowaka-Jeziorańskiego, p. 80. (In Polish)
- Aleksijewicz Swietłana. 2001. *Urzeczeni śmiercią*. Warsaw, Grupa Wydawnicza Bertelsmann Media. (In Polish)

- Assmann Aleida. 2009. *Przestrzenie pamięci. Formy i przemiany pamięci kulturowej*. In: *Pamięć zbiorowa i kulturowa. Współczesna perspektywa niemiecka*. Ed. Saryusz-Wolska M. Cracow, Universitas, pp. 101–142. (In Polish)
- Assmann Jan. 2008. *Pamięć kulturowa. Pismo, zapamiętywanie i polityczna tożsamość w cywilizacjach starożytnych*. Warsaw, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego. (In Polish)
- Babkoŭ Igar. 2013. *Hvilinka. Try gistoryi* [Wait a minute. Three stories]. Minsk, Logvinaŭ. (In Belarusian)
- Baharëvič Algerd. 2018. *Mae dzevânostyâ* [My nineties]. Minsk, Vydavec A.M. Ânuškevič. (In Belarusian)
- Bortnowska Katarzyna. 2008. *Białoruski postmodernizm. Liryka pokolenia "Bum-Bam-Litu"*. Warsaw, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego. (In Polish)
- Dec-Pustelnik Sylwia. 2018. *Problem zmienności pamięci zbiorowej a media/nośniki pamięci*. "Colloquia Anthropologica et Communicativa" no 11, pp. 107–119. (In Polish)
- Eberhardt Adam. 2008. *Gra pozorów. Stosunki rosyjsko-białoruskie 1991–2008*. Warsaw, Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. (In Polish)
- Erll Astrid. 2009. *Literatura jako medium pamięci zbiorowej*. In: *Pamięć zbiorowa i kulturowa. Współczesna perspektywa niemiecka*. Ed. Saryusz-Wolska M. Cracow, Universitas, pp. 211–247. (In Polish)
- Foligowski Przemysław. 1999. *Białoruś. Trudna nie-podległość*, Wrocław, Atla 2. (In Polish)
- Grzelak Czesław. 2005. *Ład pojaltański w Europie Środkowo-Wschodniej. W: Represje sowieckie wobec narodów Europy 1944–1956*. Eds Rogut D., Adamczyk A. Żelów, Wydawnictwo Atena, pp. 13–18. (In Polish)
- Kislicyna Ganna. 2006. *Novaâ litaraturnaâ situacyâ: zmena kul'turnaj paradygmy* [A new literary situation: a change of cultural paradigm]. Minsk, Logvinaŭ. (In Belarusian)
- Klinau Artur. 2008. *Mińsk. Przewodnik po Mieście Słońca*. Wołowiec, Wydawnictwo Czarne. (In Polish)
- Klinau Artur. 2008. *Malaâ padarożnaâ kniżka pa goradze Sonca* [A small travel book on the city of the Sun]. Minsk, Logvinaŭ. (In Belarusian)
- Klinau Artur. 2011. *Šalom* [Shalom]. Minsk, Logvinaŭ. (In Belarusian)
- Mironowicz Eugeniusz. 1999. *Białoruś*. Warsaw, Wydawnictwo Trio. (In Polish)
- Ograbiony naród. Rozmowy z intelektualistami białoruskimi*. 2007. Eds Nocuń M., Brzeziecki A. Wrocław, Kolegium Europy Wschodniej im. Jana Nowaka-Jeziorańskiego. (In Polish)
- Potasińska Paulina. 2017. *Jak pisarze pamiętają. Teoria badań nad pamięcią a praktyka literacka*. In: *Świadectwa pamięci. W kręgu źródeł i dyskursów (od XIX wieku do dzisiaj)*. Eds Dąbrowicz E., Larenta B., Domurad M. Białystok: Alter Studio, pp. 25–49. (In Polish)
- Szybieka Zachar. 2002. *Historia Białorusi 1795–2000*. Lublin, Instytut Europy Środkowo-Wschodniej. (In Polish)
- Tabaszewska Justyna. 2013. *Od literatury jako medium pamięci do poetyki pamięci. Kategoria pamięci kulturowej w badaniach nad literaturą*. "Pamiętnik Literacki" CIV, no 4, pp. 53–72. (In Polish)
- Usov Pavel. 2014. *Powstanie, konsolidacja i funkcjonowanie reżimu neoautorytarnego na Białorusi*. Warsaw, Instytut Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk. (In Polish)

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.7113>

Data przesłania artykułu: 26 czerwca 2021 r.

Data akceptacji artykułu: 20 sierpnia 2021 r.

STRUKTURY MITYCZNE W NARRACJACH PODRÓŻNICZYCH PIOTRA WAJLA

Małgorzata Sylwestrzak

Uniwersytet w Białymstoku, Polska

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9754-6514>

e-mail: gosiasyl@hotmail.com

Abstrakt: Artykuł omawia problematykę wykorzystania struktur mitycznych w esejach podróżniczych Piotra Wajla (1949–2009). Tezą artykułu jest stwierdzenie, że Wajl używa tych struktur świadomie. Opowieść mityczna stanowi w jego pisarstwie podróżniczym formę konceptu eseistycznego, za pomocą którego autor próbuje wyjaśnić różnorodne zjawiska kulturowe. Struktury mityczne w narracji Wajla analizowane są na przykładzie czterech cech opowieści mitycznej: związku narracji z rytuałem, kreacji czasu w esejach na podobieństwo czasu mitycznego, wykorzystania przez autora w opisach figury modelu oraz wyposażenia bohaterów bądź miejsc w określony atrybut. Materiał badawczy stanowią utwory *Gienij miasta* [Гений места] (1999) oraz *Słowo w пути* [Слово в пути] (2010).

Słowa kluczowe: Piotr Wajl, eseistyka, mit, narracja

Submitted on June 26, 2021
Accepted on August 20, 2021

MYTHICAL STRUCTURES IN PETER WAYL'S TRAVEL NARRATIVES

Małgorzata Sylwestrzak

University of Białystok, Poland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9754-6514>

e-mail: gosiasy1@hotmail.com

Abstract: The article discusses the issue of the use of mythical structures in travel essays by Peter Vayl [Петр Вайль] (1949–2009). In Vayl's travel writing, the mythical story is a form of an essayistic concept with the help of which the author tries to explain various cultural phenomena. The mythical structures in Vayl's narratives are analyzed on the basis of four features of a mythical story: the relationship between the narrative and the ritual, the creation of time in essays similar to mythical time, the use of a model figure in descriptions, and the use of an attribute. The research material consists of the works *Genij mesta* [Гений места] (1999) and *Slovo v puti* [Слово в пути] (2010).

Keywords: Peter Vayl, essay, myth, narration

Problemem poruszonym w niniejszym artykule jest obecność struktur mitycznych w esejach podróżniczych Piotra Wajla. Hipotezą, którą chciałabym tutaj postawić, będzie stwierdzenie, że autor w rolę „opowiadacza mitu” wchodzi niejako świadomie, nawiązując do narracji mitycznych i wykorzystując ich uporządkowania znaczeniowe i konstrukcje¹. Narrator tych esejów, niczym *bricoleur* w teorii Claude'a Lévi-Straussa, stwarza nowe sensy i objaśnia różne zjawiska, korzystając ze znanych, zastanych treści, obrazów, historii. Owa logika „majsterkowicza”, wykorzystywana aktywnie w procesie objaśniania świata, stanowi, według francuskiego antropologa, jedną z cech konstytutywnych myślenia mitycznego.

Zagadnienie, o którym jest tutaj mowa, będę analizować na podstawie materiału utworów *Genij miasta* (1999) oraz *Slovo w puti* (2010), gdyż to właśnie w tych tekstach narrator kreuje opowieść o odwiedzonym miejscu na wzór opowieści

¹ Wajl orientował się w teorii mitu, czego dowody odnajdujemy w jego utworach (najlepszym przykładem jest esej pt. *Izgotowlieniye žyżni* [Изготовление жизни] z tomu *Genij miasta*, w którym autor swoje spostrzeżenia podróżnicze i lekturowe odnosi do teorii C. Lévi-Straussa).

mitycznej (duża część esejów zebranych w tomach dotyczy przestrzeni Europy i Ameryki). Problematyka tych utworów skupiona jest wokół tematu podróży, zaś charakterystyka opisywanych miejsc oparta jest, zwłaszcza w zbiorze *Gienij miasta*, o koncept *genius loci* – narrator esejów próbuje pokazać fenomen współzależności miejsca, lokalnej kultury oraz biografii znanych osób związanych z daną przestrzenią. W utworze *Karta rodziny* [*Карта родины*] z 2002 roku (dotyczącym Rosji oraz przestrzeni byłych republik Związku Radzieckiego) mamy natomiast do czynienia z sytuacją odwrotną: eseista przyjmuje w nim postawę przypominającą „mitologa”, znanego z prac Rolanda Barthesa [Barthes 1970, 47–48], dokonującego dekonstrukcji rosyjskich mitów i dystansującego się od myślenia opartego na wzorcach mitycznych.

Zgodnie z teorią Lévi-Straussa mit stanowi pewien sposób myślenia, formę wyobraźni, która poprzedza powstanie konkretnych tekstów [Lévi-Strauss 2009, 207–232]. Według ustaleń tego badacza w micie struktura okazuje się ważniejsza od treści [Lévi-Strauss 2001]. W takim ujęciu mit wykracza poza problematykę gatunku czy też klasyfikację tematów. Według Marcina Napiórkowskiego konsekwencją takiego podejścia jest stwierdzenie, że mit stanowi strategię myślenia i formę wyobraźni, fundamentalną dla człowieka – i chodzi tu nie tylko o człowieka pierwotnego (jak widzieliby to antropologowie pierwszej połowy XX wieku, z Claude’em Lévi-Straussem i Bronisławem Malinowskim na czele), lecz także człowieka współczesnego [Napiórkowski 2018, 15, 48].

W przypadku esejów podróżniczych Wajla mamy do czynienia z narracją stawiającą sobie za cel (między innymi) objaśnianie różnic kulturowych i interpretację fenomenu występowania pewnych zjawisk kulturowych w konkretnych szerokościach geograficznych². W procesie eksplikacji autor czerpie zarówno z dowodów, które określilibyśmy jako naukowe (np. teorie naukowe, wiedza historyczna), jak i sięga po struktury narracyjne, charakterystyczne dla mitu i odnoszące się do mitycznej wyobraźni, próbując wyjaśnić w ten sposób sytuację społeczną, historię miejsca czy mentalność. W tym miejscu chciałabym dokonać analizy kilku wybranych aspektów narracji mitycznej, które odnieść można do Wajlowskiej techniki opisu miejsca.

² Wokół tej koncepcji zorganizowany jest utwór *Gienij miasta*, którego tematem stał się związek artysty z miejscem oraz przejawianie się miejsca w jego utworze.

Rytuał

Pierwszym punktem analizy pisarstwa Wajla w odniesieniu do struktur mitycznych będzie rola obrzędu w opisach podróży autora. Na wstępie warto zauważyć, że Wajl chętnie uczestniczy w różnego rodzaju praktykach turystycznych i że ów fakt uczestnictwa podlega procesowi tematyзації w jego utworach. Wybierając miejsca powszechnie znane, z którymi związana jest długa tradycja podróżnicza, eseista jawi się jako wyznawca zasady, iż podróżowanie jest formą pielgrzymki, w której uczestnictwo i przeżycie przypomina odwiedzanie miejsc sakralnych. Opisane w książkach *Gienij miasta* i *Słowo w puti* praktyki turystyczne nabierają nowego znaczenia, jeśli popatrzymy na nie jak na rytuały w takim rozumieniu, w jakim zjawisko to analizują badacze mitu. Rytuał jest przecież w tych pracach nieodłącznym tematem rozważań [Goody 2012; Lévi-Strauss 1969; 2009; Napiórkowski 2018, 21–46; Czeremski 2009, 13–25; Eliade 1998, 13; 1966], Lévi-Strauss zaś nazywa go mitologią *implicite*, czyli mitologią, którą odkrywa się w obrzędach wyrażających świadomość mitologiczną [Lévi-Strauss 1969].

W utworze Wajla mamy do czynienia z rytuałem w dwóch znaczeniach. Po pierwsze, interesujący wydaje się wspomniany powyżej rytuał turystyczny. Eseista odwiedza te miejsca, które są miejscami turystycznego kultu (np. w Dublinie porusza się śladami Jamesa Joyce’a, w Londynie poszukuje miejsc opisanych w książkach Conana Doyle’a o Sherlocku Holmesie, w Weronie natomiast wybiera się do „domu Julii”), spożywa te potrawy, które są kwintesencją kuchni lokalnej (tematyce gastronomii oraz podróży kulinarnych poświęcony jest rozdział książki *Słowo w puti* zatytułowany „Nieżność’ trieskowych podborodków” [Нежность тресковых подбородков] [Вайль 2011, 233–276], wreszcie uczestniczy w kulturze lokalnej poprzez praktykę „odgrywania” człowieka miejscowego, podejmując te same formy spędzania czasu, odpoczynku, kontaktu społecznego, które charakterystyczne są dla danej szerokości geograficznej (np. we Włoszech rozmawia w restauracji o piłce nożnej, w Hiszpanii ogląda *corridó* itd.). Wszystkie te aktywności odnieść można do rytuału turystycznego (praktykowanego skądinąd przez znaczną część podróżujących [Wieczorkiewicz 2012]), który w kontekście teorii mitu, podobnie jak wszystkie rytuały i obrzędy, stanowi współczesną formę praktyki zbiorowej.

Drugie znaczenie rytuału odnieść możemy do samej narracji. Badacze tego zagadnienia podkreślają nierzadko bliskość mitu i rytuału: o ile pierwszy jest praktyką opowiadania, o tyle drugi stanowi jakby praktykę uczestnictwa w wydarzeniu, do którego odnosi się opowieść mityczna (np. praktyki przejścia w kulturach pier-

wotnych³). „Odtworzenie” historii w społeczeństwach opartych na kulturze oralnej stanowi pewien rytuał. Opowieść, co podkreśla Jack Goody, pomimo iż zawiera te same informacje, podlega w procesie kolejnych opowiadań ciągłym modyfikacjom [Goody 2012, 24–25], za każdym razem jest też na nowo przeżywana.

Spojrzenie na eseistykę podróżniczą Wajla z perspektywy prac antropologicznych badających mit i rytuał pozwala znaleźć interesującą odpowiedź na pytanie, po co właściwie autor pisze. Gdyby przeanalizować *Gienij miasta* pod kątem zawartych tam informacji, dojdziemy do wniosku, że autor nie napisał niczego nowego – zwłaszcza rozdziały mówiące o Włoszech podejmują dosłownie te same tematy, które zapisane zostały wcześniej chociażby przez Pawła Muratowa w znamienitej książce *Obrazy Włoch*. Oczywiście podejmowanie tematów uniwersalnych stanowi specyfikę eseju i realizowane jest także w innych gatunkach literackich, niemniej jednak ową praktykę opowiadania potraktować można jako pewien rytuał, podobny do rytuału opowiadania mitu⁴. Sens utworu oparty jest na kolejnym powtórzeniu znanych powszechnie historii oraz na ich przeżyciu za pośrednictwem praktyk turystycznych. Praktyka „powtarzania” oraz nawiązania do mitu lokalnego obecna jest w większości esejów ze zbioru *Gienij miasta*, jednakże najbardziej reprezentatywne w tym kontekście wydają się być utwory dotyczące Wenecji [Вайль 2016, 89–103], Pragi [Вайль 2016, 406–417] czy też Dublina [Вайль 2016, 60–69].

Czas mityczny

Uwagę czytelnika w książce *Gienij miasta* zwraca specyficzna struktura czasu, która wydaje się interesująca z perspektywy teorii mitu. Mit według badaczy funkcjonuje w specyficznym wymiarze czasowym, zasadniczo różnym od czasu historycznego – o ile ten drugi jest linearny, czas mityczny okazuje się czasem cyklicznym [Goody 2012, 181], czy, jak pisze Lévi-Strauss, ma zarazem strukturę historyczną i ahistoryczną⁵. Leszek Kołakowski stwierdza natomiast, że mit wyraża potrzebę ciągłości [Kołakowski 2005, 16] oraz potrzebę unieruchomienia czasu, która uwidacznia się w nacisku na trwanie, nie zaś na przemianę [Kołakowski

³ Opiswane są one przez wielu antropologów, począwszy od B. Malinowskiego i C. Lévi-Straussa po najnowsze, bo pisane już w XXI w., rozprawy J. Goody’ego.

⁴ Na temat roli powtarzania, odtwarzania opowieści jako pewnego rytuału oralnego zob. [Goody 2012, 74–96].

⁵ Badacz formułuje myśl, że pomimo iż mit opowiada o przeszłości, to zdarzenia tworzące jego strukturę i wewnętrzna wartość mu przypisywana odnoszą się do przeszłości, teraźniejszości i przyszłości [Lévi-Strauss 2009, 180–181].

2005, 18]. Uwaga ostatniego z badaczy jest szczególnie trafna w odniesieniu do koncepcji utworu *Gienij miasta*. W swojej opowieści Wajl nierzadko sięga po dane historyczne oraz świadectwa epoki czerpane ze źródeł historycznych⁶. Ich zadaniem jest przekonanie o niezmienności, ciągłości kultury i mentalności w danym miejscu (*genius loci*, pojęcie organizujące materiał zawarty w utworze, jest však kategorią wskazującą na trwałość, odwieczność „ducha miejsca” [Copik 2013, 92–108; *Fenomen genius loci* 2009; *Genius loci* 2007; Замятина, Замятин 2007, 62–87]). Informacje biograficzne dotyczące opisywanego przez Wajla artysty zazwyczaj przedstawiają go jako modelowego reprezentanta miejsca⁷: przykładowo przedsiębiorczość i sukces Charliego Chaplina jest esencją mentalności Los Angeles, metoda malarska Edwarda Muncha, bazująca na płynnych liniach, ściśle związana jest z pełnym opływowych form pejzażem fiordów w okolicach Oslo itd. Informacja historyczno-biograficzna służy eseiście jako komponent stwarzania mitu – i to zarówno mitu miejsca, jak i „mitu osobowego”⁸. Historia wykorzystywana jest przez Wajla ponadto w stwarzaniu obrazu ciągłości, niezmienności, tak charakterystycznego dla opowieści mitycznej⁹.

W celu ukazania fenomenu ciągłości kultury autor wykorzystuje narracyjne struktury czasowe. Czas przeszły, wprowadzający informację historyczną, służy m.in. wyrażeniu idei cykliczności – to, co miało miejsce kiedyś, jest zazwyczaj opisywane jako charakterystyczne zjawisko dla danej przestrzeni. Czas teraźniejszy zarezerwowany jest dla własnych obserwacji i spostrzeżeń, które jednak również potwierdzają koncepcję ciągłości:

В сумерках детали стираются, асфальтированная дорога становится дорогой просто, исчезают антенны и притулившиеся у домов автомобили – и делается ясно, что все это ты уже видел на холстах Рейсдаля или Гоббеми. (...) За стеклом мелькают телеблики, спиной к улице сидят персонажи картин XVII века, так

⁶ Właściwie każdy esej posiada podbudowę historyczną, na podstawie której stwarzana jest wizja ducha miejsca. Przykładem wykorzystania informacji historycznej w procesie mityzacji przestrzeni może być opis Rzymu w książce *Gienij miasta*. Obraz ponadczasowości i niezmienności stylu życia mieszkańców Wiecznego Miasta autor poszukuje m.in. w opisach antycznej kanalizacji oraz w opisach uciążliwości hałasu w metropolii epoki Juliusza Cezara [Вайль 2016, 49-50].

⁷ Oczywiście zasada ta nie jest respektowana we wszystkich tekstach – niekiedy opisywany artysta przemawia zupełnie innym językiem niż miejsce, z którym był związany – przykładem może być tutaj postać El Greco i jego przedstawienia miasta Toledo.

⁸ W tym miejscu korzystam z teorii Z. Freuda – mit rozumiany jako projekcja nieświadomych treści wydaje się zresztą bliski idei Wajla, pragnącego pokazać sztukę jako przejaw działalności artysty tworzącego (nie zawsze świadomie) pod wpływem przestrzeni [Freud 1993].

⁹ „Mitológiczny system semantyczny, podlegając – wraz z całą rzeczywistością – zmianom historycznym, zachowuje orientację na przeszłość i trwa przy opowiadaniu o przeszłości” [Mieleński 1981, 212].

же читают, только газеты и пестрые журналы, а не толстые богослужебные книги. В этих домах – те самые окна, которые писал де Хоох, которые сейчас занавесились в центре Амстердама, а в других странах таких никогда и не было (GM, s. 244–245)¹⁰.

Przywołany opis Amsterdamu prowadzony jest (z kilkoma wyjątkami) w czasie terażniejszym. Teraźniejszość w tym opisie wprzęgnięta zostaje – za pośrednictwem wykorzystania konceptu odnoszącego sceny widziane na ulicy do malarstwa holenderskiego – w ideę niezmienności: pejzaże i droga wyglądają jak na płótnach Ruisdaela i Hobbema, okna amsterdamskich domów to te same okna, które malował de Hooch. W perspektywę dzieła sztuki i ideę ciągłości wpisane zostają jednak nie tylko budynki, lecz także współcześni mieszkańcy („сидят персонажи картин XVII века”), pochłonięci od stuleci tymi samymi zajęciami. Współczesność, która w pejzaż holenderskiej ulicy wprowadziła nowe elementy (asfalt, anteny telewizyjne, samochody), zostaje wymazana i wkomponowana w obrazy klasyków malarstwa za pośrednictwem wykorzystania szczególnego momentu prowadzenia obserwacji, jakim jest pora zmroku. Rozmyte detale pomagają piszącemu dostrzec „wieczne teraz” Amsterdamu, atrybuty współczesności schodzą natomiast na drugi plan.

Inny przykład wykorzystania czasu terażniejszego w celu potwierdzenia mitu miejsca odnajdujemy w opisie Rzymu:

Античный Рим – несомненная осязаемая реальность. Снова и снова приезжая в город, убеждаешься в первоначальном подозрении: две тысячи лет назад он был таким же, как сегодня, минус мотороллеры (GM, s. 47).

W cytowanym fragmencie idea ciągłości rozwijana jest za pośrednictwem aktualizacji doświadczenia i wyobraźni piszącego, podpowiadającej, że Rzym od dwóch tysięcy lat się nie zmienił. W obraz Wiecznego Miasta wpisane zostają również elementy współczesności (nie „zamazane” tym razem w wieczornej szarości), skutery. Cecha niezmienności Rzymu wyrażona zostaje ponadto poprzez wprowadzenie do opisu informacji o cyklicznie ponawianych wizytach autora w mieście.

¹⁰ Korzystam z następujących wydań: П. Вайль. 2016. *Гений места*. Москва: Изд. АСТ: Corpus; П. Вайль. 2011. *Слово в пути*. Москва: Изд. Астрель: Corpus. Lokalizacja cytatów oznaczona jest skrótami GM (*Гений места*) i SwP (*Слово в пути*), po których podany jest numer strony.

Model

Kolejnym przykładem mitologizacji narracji Wajla będzie wykorzystanie w opisach modelu. Pojęcie modelu zaczerpnęłam z prac Claude'a Lévi-Straussa, który w analizie obrazów François Cloueta posługuje się terminem „modelu zredukowanego” [Lévi-Strauss 1969, 40] (stanowiącym zarówno przejaw myślenia mitycznego, jak i komponent estetyki dzieła). Redukcja (w sztuce, jak też w innych dziedzinach życia), przekonuje dalej antropolog, odgrywa ważną rolę w procesie poznania. Rzecz „pomniejszona” jest łatwiejsza do uchwycenia i zrozumienia [Lévi-Strauss 1969, 41], zaś „stworzenie” tej rzeczy umożliwia jej doświadczenie i jednocześnie sprawia, że obserwator modelu sam staje się elementem aktywnie współtworzącym dzieło [Lévi-Strauss 1969, 41–42]. Samo dzieło sztuki stanowi w tej koncepcji sposób poznania świata będący pomiędzy poznaniem naukowym a myśleniem mitycznym [Lévi-Strauss 1969, 39].

Lévi-Straussowska teoria modelu okazuje się inspirującą wskazówką do interpretacji eseistyki Wajla. Pojęcie modelu zredukowanego, który współuczestniczy zarówno w tworzeniu myśli mitycznej, jak i dzieła sztuki, odnieść można do spostrzeżeń, jakie autor czyni w trakcie podróży.

Obserwacje podróżnicze Wajla dalekie są od obserwacji reportażysty. Opisując mieszkańców danej szerokości geograficznej, autor rezygnuje z prezentacji ich różnorodności, złożoności sytuacji społecznej itp., próbuje natomiast pokazać pewien model¹¹ obdarzony cechami najbardziej charakterystycznymi, zgodnymi z wyobrażeniem danej grupy etnicznej. Model ten za Lévi-Straussem nazwę zredukowanym i spróbuję pokazać, jakie treści uległy w nim redukcji. Przyjrzyjmy się na początek fragmentowi opisu weneccjan z utworu *Kostium Casanovy* [Костюм Казановы]:

Венеция не превосходит нарядами богатые соседние города. Не шикарнее и не изысканнее упомянутых улиц набережная Рива-дельи-Скьявони (...). Но нет города в мире, где бы одежда стала живой мифологией – благодаря карнавалу. (...) А поскольку истинный венецианец к самому карнавалу относится пренебрежительно, (...) то старательнее всего Венеция одевается к Рождеству и Новому году (SwP, s. 28).

¹¹ Napiórkowski określa taki model jako „wzorcowego Obcego” czy też „wyobrażeniowy schemat uogólnionej obcości”, który działa zgodnie z mechanizmem dopasowywania elementów „pasujących” przy jednoczesnym ignorowaniu elementów różnicujących [Napiórkowski 2018, 108–109].

Obraz współczesnych mieszkańców Wenecji zredukowany zostaje w opisie na kilku poziomach. Po pierwsze, w perspektywie etnicznej: w tekście Wajla nie ma np. imigrantów, miasto zdają się zamieszkiwać sami Włosi; po drugie, w perspektywie społeczno-ekonomicznej: Wajl pomija tych Włochów, którzy nie biorą udziału w „wyścigu elegancji”; po trzecie, redukcja zachodzi na poziomie języka: mieszkańcy miasta w opisie występują bądź pod nazwą miasta („Венеция не превосходит”, „Венеция одевается”), bądź zbiorowość reprezentowana jest w liczbie pojedynczej poprzez model „prawdziwego weneccjanina” („истинный венецианец”). To jednak nie koniec – zgodnie z mechanizmem myślenia mitycznego, które opiera się na odniesieniu do konkretnego, autor pokazuje przykład owego „prawdziwego weneccjanina” – jest nim naturalnie Giacomo Casanova. Opis jego odzieży, zaczerpnięty ze wspomnień Casanovy, odniesiony zostaje (przypomnijmy omawianą wcześniej ideę niezmienności) do wyglądu współczesnych weneccjan (a raczej – zgodnie z nazewnictwem stosowanym przez autora – współczesnej Wenecji):

Сохранилась расписка 1760 года: Казанова заложил кое-что из своей одежды – бархат, горностаф, атлас, гипюр, кружева. Так обстоятельно и подлинно одевается нынешняя Венеция. Кожа, мех, шелк, парча – зимний город даже в самые синтетические годы не числил химию среди почитаемых дисциплин (SwP, s. 30).

Jeśli tworzenie modelu zredukowanego ma pomóc w rozumieniu świata, to Wajlowski gest uproszczenia rzeczywistości również można zinterpretować w ten sposób – model weneccjanina pozwala autorowi wyjaśnić fenomen kulturowy miasta na wodzie. Myślenie mityczne oparte jest przecież o zasadę analogii i przybliżeń [Lévi-Strauss 1969, 37]. Jak jednak pamiętamy, Lévi-Strauss pisze o roli modelu nie tylko w zrozumieniu, lecz także w aktywnym uczestnictwie w nadawaniu sensów przez odbiorcę. Narracja Wajla wydaje się właśnie aktem współtworzenia mitu miasta (podróżnik „widzi” weneccjan takimi, jakimi oni „być powinni”). Zapis świadomego współtworzenia znaczeń, w którym eseista obnaża swoją aktywną rolę i wykorzystywane przez siebie narzędzia, odnajdujemy również we fragmencie książki *Gienij miasta* dotyczącym Hiszpanii:

(...) ни один из тех городов, которые сделали славу Испании, не может считаться полномочным представителем страны. Ни один, кроме Мадрида – с чем не согласится ни один испанец, в том числе и мадриленьо. Но чужаку, иностранцу, разрешена некая безответственность, на которую не решится абориген. Мадрид позволяет додумывать больше, чем другие места этой непохожей на самое себя страны (GM, s. 136).

Dla podróżnika-bricoleura różnorodność kraju stanowi nie tyle przeszkodę w stwarzaniu spójnego mitu Hiszpanii, ile wyzwanie. Model „hiszpańskości” odnaleziony zostaje w stolicy państwa, i, co sam autor przyznaje, stoi on w sprzeczności z wyobrażeniami mieszkańców na własny temat. Ponieważ stworzenie takiego a nie innego modelu nie zostaje tutaj dowiedzione za pomocą argumentacji czerpiącej z cech „zewnętrznych” miasta, eseista odwołuje się do motywacji „wewnętrznej”, która opiera się na logice: jestem obcym, podróżnikiem, więc jestem zmuszony stwarzać modele w celu zrozumienia zjawiska; ponieważ „Madryt” nie daje mi wystarczających dowodów do stworzenia spójnego modelu, moim dowodem będzie moja własna wyobraźnia. W cytowanym fragmencie model zredukowany tworzony jest nie dla wyjaśnienia kultury, zachowań mieszkańców czy też konkretnej sytuacji społecznej [Napiórkowski 2018, 55], lecz w celu poszukiwania miniatury będącej obrazem całego kraju (Madryt jako model Hiszpanii).

Atrybut, cecha, pojęcie

Spróbujmy teraz spojrzeć na historie opisywane przez Wajla pod kątem podobieństw formalnych do mitów w pierwotnym znaczeniu słowa (opowieści przekazujących informacje i wierzenia na temat bóstw i zdarzeń nadprzyrodzonych) [Głowiński 2002, 314–315].

Cechą mitologii grecko-rzymskiej jest logika przyporządkowania konkretnemu bóstwu jakiejś cechy bądź kompetencji. Każdy z bogów posiada wyjątkowe atrybuty i odpowiada za pewną dziedzinę życia, co w konsekwencji wiąże go z określonym pojęciem (np. Eros – miłość, Hera – macierzyństwo, Apollo – piękno itd.). W niniejszej analizie pragnę odnieść się właśnie do tej cechy opowieści mitycznej – mianowicie do mechanizmu łączenia pewnego bohatera z pewnym atrybutem, cechą bądź pojęciem¹².

Mechanizm przyporządkowania pojęcia do bohatera występuje także w esejach podróżniczych Wajla. Każdy z opisywanych artystów nosi pewną konkretną cechę bądź reprezentuje jakieś pojęcie. Podobnie jest z przestrzenią: miejsce u eseisty zawsze związane jest z jakąś treścią, wyrażającą lokalną kulturę i styl życia. Mechanizm ten zaobserwować można we wspomnianym utworze dotyczącym Wenecji (*Kostium Casanovy*). Logika wyводу oparta jest tam na myśli, że ponadczasową cechą weneccjan jest śledzenie kanonów mody. Potwierdzeniem tej tezy jest zaś z jednej strony opis widzianych na ulicy dobrze odzianych wene-

¹² Oczywiście mechanizm ten charakterystyczny jest nie tylko dla mitu, lecz także dla innych gatunków, np. bajki, legendy czy przypowieści.

cjan (strategia naoczności), z drugiej zaś – przykład historyczno-mitycznej postaci Casanovy (strategia historycznej egzemplifikacji). Casanova w eseju stanowi zaś esencję „weneckości”, jest on nosicielem wszystkich atrybutów i cech związanych (w zamyśle Wajla) z daną przestrzenią.

Podobny zabieg wprowadzany jest w eseju *Złotyje worota* [Золотые ворота] ze zbioru *Gienij miasta*, który rozpoczyna się od opisu przestrzeni Ameryki. Opis daleki jest od ujęcia krajoznawczego czy też reporterskiego. Skonstruowany jest on na podstawie dwóch pojęć (bogactwa i wolności), które organizują całą dalszą opowieść:

Во все времена в Америку ехали и едут за свободой и богатством, еще вернее – за свободой богатства, за беспредельными возможностями на земле, растилающейся вдаль и вширь чистым листом, куда следует вписать свое имя и ряд цифр с нулями (GM, s. 16).

Połączenie wspomnianych pojęć z przestrzenią geograficzną potwierdzone jest w następnych akapitach na różne sposoby: od dowodów historycznych („Европейские протестанты бежали сюда от преследований, но и за преуспеванием” – GM, s. 16) poprzez mitologizowane opowieści o bogactwie i płodności amerykańskiej ziemi („Тыква на западе вырастала в три обхвата, краб не помещался в кастрюлю, девять апельсинов составляли дюжину. Размеры землевладения определялись взглядом, как у Ноздрева: «Весь этот лес, который вон синееет, и все, что за лесом, все мое»” – GM, s. 17), aż wreszcie poprzez mit poszukiwaczy złota („сюда шли, чтобы ударить киркой – и уже назавтра поить редерером лошадей” – GM, s. 17). Dowody te układane są przez Wajla zgodnie z prawami retoryki, od najsłabszych (historycznych) po najmocniejsze (oparte na „mitycznej” historii podboju amerykańskiego Zachodu). „Siła” i „słabość” dowodu wyrażają się w odniesieniu do ich użyteczności w kreowaniu mitu. Mit złota okazuje się najważniejszym dowodem połączenia przestrzeni z pojęciem i zamyka on opis.

Ameryka jako miejsce bogactwa i wolności reprezentowana jest w kolejnym fragmencie eseju przez bohatera – Charliego Chaplina, który stał się uosobieniem wymienionych cech. W opisie tej postaci pojawia się także odniesienie do sfery *sacrum*: aktor porównany zostaje do Chrystusa (GM, s. 21), zaś kinematograf opisany jest jako cud, nowa religia. Atrybuty Chaplina stawiają go na równi z bogami, bohater ten jawi się zaś w opowieści Wajla jako mieszkaniec nowego Panteonu o nazwie Hollywood. Omawiany esej stanowi dobry przykład wyposażania przez Wajla bohaterów utworów w wyraziste atrybuty. Niemniej jednak w większości przypadków eseista nie posuwa się tak daleko w mitologizacji

opisywanej postaci, nie nadaje im cech nadprzyrodzonych (w tym wypadku pozwala na to temat kina interpretowanego jako „cud” współczesności). Jednakże zamyśleniem autora pozostaje zawsze tajemniczy, niewyjaśniony związek artysty i miejsca. Owa więź pokazywana jest przez eseistę najczęściej w odniesieniu do dowodów pozanaukowych czy też pozarozumowych – konceptu *genius loci*, historii mitycznej miejsca, niewyjaśnionego wpływu przestrzeni na człowieka itd.

Powróćmy na koniec do Lévi-Straussowskiego pojęcia *bricoleur* i spróbujmy odnieść je do postawy twórczej Wajla. „Inżynieria” [Lévi-Strauss 1969, 34–35] tworzenia mitu przez bricoleura-pisarza widoczna jest w strukturze narracji, ale także w łatwości w poszukiwaniu analogii [Lévi-Strauss 1969, 36–37], w przemieszaniu w narracji synchronii i diachronii, w posługiwaniu się zdarzeniami w celu konfiguracji nowych sensów („resztkami, szczątkami zdarzeń” [Lévi-Strauss 1969, 38]).

Wyobraźnia mityczna jako perspektywa opisu świata, włączenie „żywego doświadczenia” i „wielowiekowej mądrości” do narracji stanowi przeciwagę dla erudycyjnego i intertekstualnego sposobu prezentowania materiału obecnego w sąsiadujących fragmentach, jest jakby chwytem „antyintelektualnym” (choć czerpiącym w dużej mierze z wiedzy teoretycznej na temat mitu). „Poetyka mitotwórstwa” wykorzystana przez Wajla kieruje uwagę czytelnika w stronę powtarzalności i niezmienności pewnych schematów oraz modeli, przenosząc sferę zainteresowań z obserwacji jednostkowej na perspektywę ponadindywidualną, kulturową.

BIBLIOGRAFIA

- Barthes Roland. 1970. *Mit i znak. Eseje*. Przeł. Błońska W. i in. Wyb. i wstęp Błoński J. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Copik Ilona. 2013. *Genius loci jako figura antropologiczna – transformacje znaczeniowe, konteksty interpretacyjne*. „Transformacje. Pismo interdyscyplinarne” nr 1–2: 92–108.
- Czeremski Maciej. 2009. *Struktura mitów. W stronę metonimii*. Kraków: Wydawnictwo Nomos.
- Eliade Mircea. 1966. *Traktat o historii religii*. Przeł. Wierusz-Kowalski J. Warszawa: Książka i Wiedza.
- Eliade Mircea. 1998. *Aspekty mitu*. Przeł. Mrówczyński P. Warszawa: Wydawnictwo KR.
- Fenomen genius loci. Tożsamość miejsca w kontekście historycznym i współczesnym*. 2009. Red. Gutowski B. Warszawa: Wydawnictwo Muzeum Pałac w Wilanowie.
- Freud Zygmun. 1993. *Totem i tabu*. Przeł. Prokopiuk J., Poręba M. Warszawa: Wydawnictwo KR.
- Genius loci. Studia o człowieku w przestrzeni*. 2007. Red. Kałużek Z. Katowice: Wydawnictwo FA-art.
- Głowiński Michał. 2002. *Mit*. W: *Słownik terminów literackich*. Red. Sławiński J. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich: 314–315.
- Goody Jack. 2012. *Mit, rytuał i oralność*. Przeł. Kaczmarek O. Wstęp Majewski P. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.

- Grimal Pierre. 1987. *Słownik mitologii greckiej i rzymskiej*. Red. nauk. Grzymowski P. Tłum. Bronarska M. i in. Wrocław: Zakład Narodowy im Ossolińskich.
- Kořakowski Leszek. 2005. *Obecnoř mity*. Warszawa: Prószyński i S-ka.
- Lévi-Strauss Claude. 1969. *Myśl nieoswojona*. Przeł. Zajęczkowski A. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Lévi-Strauss Claude. 2001. *Antropologia strukturalna II*. Przeł. Falski M. Warszawa: Wydawnictwo KR.
- Lévi-Strauss Claude. 2009. *Antropologia strukturalna*. Przeł. Pomian K. Warszawa: Wydawnictwo Aletheia.
- Malinowski Bronisław. 1967. *Argonauci Zachodniego Pacyfiku. Relacje o poczynaniach i przygodach krajowców z Nowej Gwinei*. Red. Waligórski A. Przeł. Olszewska-Dyoniziak B., Szykiewicz S. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Mieletinski Eleazar. 1981. *Poetyka mity*. Przeł. Dacyngier J. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Napiórkowski Marcin. 2018. *Mitologia współczesna*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Wieczorkiewicz Anna. 2012. *Apetyt turysty. O dořwiadczeniu Źwiata w podróży*. Kraków: Universitas.

- Вайль Петр Львович. 2011. *Слово в пути*. Москва: Изд. Астрель: Corpus.
- Вайль Петр Львович. 2016. *Гений места*. Москва: Изд. АСТ: Corpus.
- Замятина Надежда Юрьевна. Замятин Дмитрий Николаевич. 2007. *Гений места и город: варианты взаимодействия*. «Вестник Евразии» («Acta Eurasica») № 1 (35): 62–87.

REFERENCES

- Barthes Roland. 1970. *Mit i znak. Eseje*. Transl. Błońska W. et al. Introduction Błoński J. Warsaw, Państwowy Instytut Wydawniczy. (In Polish)
- Copik Ilona. 2013. *Genius loci jako figura antropologiczna – transformacje znaczeniowe, konteksty interpretacyjne*. “Transformacje. Pismo interdyscyplinarne”, no 1–2, pp. 92–108. (In Polish)
- Czeremski Maciej. 2009. *Struktura mitów. W stronę metonimii*. Cracow, “Nomos”. (In Polish)
- Eliade Mircea. 1966. *Traktat o historii religii*. Transl. Wierusz-Kowalski J. Warsaw, Książka i Wiedza. (In Polish)
- Eliade Mircea. 1998. *Aspekty mity*. Transl. Mrówczyński P. Warsaw, Wydawnictwo KR. (In Polish)
- Fenomen genius loci. Tożsamość miejsca w kontekście historycznym i współczesnym*. 2009. Ed. Gutowski B. Warsaw, Muzeum Pałac w Wilanowie. (In Polish)
- Freud Zigmunt. 1993. *Totem i tabu*. Transl. Prokopiuk J., Poręba M. Warsaw, Wydawnictwo KR. (In Polish)
- Genius loci. Studia o człowieku w przestrzeni*. 2007. Ed. Kađłubek Z. Katowice, Wydawnictwo FA-art. (In Polish)
- Głowiński Michał. 2002. *Mit*. In: *Słownik terminów literackich*. Ed. Sławiński J. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, pp. 314–315. (In Polish)
- Goody Jack. 2012. *Mit, rytuał i oralność*. Transl. Kaczmarek O. Introduction Majewski P. Warsaw, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego. (In Polish)
- Grimal Pierre. 1987. *Słownik mitologii greckiej i rzymskiej*. Ed. Grzymowski P. Transl. Bronarska M. et al. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich. (In Polish)
- Kořakowski Leszek. 2005. *Obecnoř mity*. Warsaw, Prószyński i S-ka. (In Polish)
- Lévi-Strauss Claude. 1969. *Myśl nieoswojona*. Transl. Zajęczkowski A. Warsaw, Państwowe Wydawnictwo Naukowe. (In Polish)

- Lévi-Strauss Claude. 2001. *Antropologia strukturalna II*. Transl. Falski M. Warsaw, Wydawnictwo KR. (In Polish)
- Lévi-Strauss Claude. 2009. *Antropologia strukturalna*. Transl. Pomian K. Warsaw, Aletheia. (In Polish)
- Malinowski Bronisław. 1967. *Argonauci Zachodniego Pacyfiku. Relacje o poczynaniach i przygodach krajowców z Nowej Gwinei*. Ed. Waligórski A. Transl. Olszewska-Dyoniziak B., Szynkiewicz S. Warsaw, Państwowe Wydawnictwo Naukowe. (In Polish)
- Mieletinski Eleazar. 1981. *Poetyka mitu*. Transl. Dacyngier J. Warsaw, Państwowy Instytut Wydawniczy. (In Polish)
- Napiórkowski Marcin. 2018. *Mitologia współczesna*. Warsaw, Państwowe Wydawnictwo Naukowe. (In Polish)
- Vajl' Petr L'vovič. 2011. *Slovo v puti* [Word on the Way]. Moscow, Astrel': Corpus. (In Russian)
- Vajl' Petr L'vovič. 2016. *Genij mesta* [Genius Loci]. Moscow, Astrel': Corpus. (In Russian)
- Wieczorkiewicz Anna. 2012. *Apetyt turysty. O doświadczeniu świata w podróży*. Cracow, Universitas. (In Polish)
- Zamâtina Nadežda Ūr'evna. Zamâtin Dmitrij Nikolaevič. 2007. *Genij mesta i gorod: varianty vzaimodejstviâ* [Genius Loci and the City: Options of Interaction]. "Vestnik Evrazii" ("Acta Eurasica") no 1 (35), pp. 62–87. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.7114>

Дата подачи статьи: 16 августа 2021 г.

Дата принятия к печати: 05 сентября 2021 г.

ФРАГМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПОВЕСТИ НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ *ШИНЕЛЬ*

Галина Соболева

город Бахмут, Украина

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9784-9606>

e-mail: g.soboleva6@gmail.com

Аннотация: В статье излагаются результаты исследования особенностей репрезентации языковыми средствами жизни Петербурга XIX века в индивидуально-авторском осмыслении. Через анализ лексических единиц повести в широком социально-историческом контексте и их описание реконструируются детали жизни города. Факты социального, бытового, культурного характера выявляются через анализ самобытного языка писателя, в том числе устойчивых сочетаний, жаргонизмов и индивидуально-авторских номинаций. Исследуется лексема 'шинель' и различные ее описания в соответствии с гражданскими чинами, а также другие наименования, связанные контекстуально с этой форменной одеждой.

Ключевые слова: языковая картина мира, широкий социально-исторический контекст, лексическая единица, семантический анализ, индивидуально-авторские наименования

Submitted on 16 August, 2021
Accepted on 05 September, 2021

A FRAGMENT OF THE NATIONAL LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD IN THE NOVEL *OVERCOAT* BY NIKOLAI GOGOL

Galina Soboleva

Bakhmut city, Ukraine

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9784-9606>

e-mail: g.soboleva6@gmail.com

Abstract: This article discusses the peculiarities of the linguistic representation of the 19th century St. Petersburg as understood by the individual author. Through the analysis and description of the lexical units of the novel against a wide historical background, it is possible to reconstruct the details of the life of the city. Facts of a social, domestic, and cultural nature are revealed through a close examination of the writer's idiosyncratic language, including fixed collocations, jargon words and names created by Gogol himself. The lexeme "shinel" and its various descriptions in accordance with civilian ranks, as well as other names contextually related to this uniform, are also examined.

Keywords: linguistic view of the world, a wide historical background, lexical unit, semantic analysis, individual author's nominations

Действие повести происходит в Петербурге XIX века. Образ этого города можно встретить во многих произведениях Николая Васильевича Гоголя. Петербург писателя многоаспектен и многогранен. Но особую роль образ северной столицы играет в *Петербургских повестях*, к которым относится и *Шинель*.

Как известно, Виссарион Григорьевич Белинский, ознакомившийся с *Шинелью* еще в рукописи, назвал ее «одним из глубочайших созданий Гоголя» [Белинский, online]. С тех пор интерес к этой повести и к образу Петербурга не ослабевает. В работах исследователей активно развивался аспект «маленького человека» и гуманистических идей в произведении. Повесть анализировали через призму её религиозного содержания и идеи жертвенности (Игорь Алексеевич Виноградов) [Виноградов, online]. Как личность и часть социума главный герой анализируется, например, у Карлы

Марии Соливетти [Соливетти, online]. Елена Геннадиевна Хомчак уделяет внимание анализу вещей-деталей и вещей-образов в *Петербургских повестях* [Хомчак, online]. Татьяна Николаевна Рябиничева описывает предикативные конструкции с лексемой 'улица' в повести *Шинель* [Рябиничева, online].

Но Петербург – город особый. Территория северной столицы, население этого города, его история и культура как особый феномен дает основание говорить о значимой для русского сознания территории Петербурга, её концептуальной картине мира и репрезентации этой картины в языке.

О повести *Шинель* Лиляна Байич пишет:

В сложной жизни Петербурга Гоголь увидел феномены большого города, к которым он отнесся как культурологическим и философско-эстетическим проблемам. В процессе их художественного анализа он выработал самобытные литературные приёмы и свою собственную «гоголевскую» поэтику [Байич, online].

Какие же характеристики города в своей поэтике передал читателю автор повести? Алла Алексеевна Камалова в связи с работой Аркадия Никандровича Грандилевского подчеркивает:

В силу исторических, социальных, территориальных факторов русское культурное пространство представляет собой совокупность индивидуальных, социальных и территориальных культурных пространств, а это значит, что картина мира этноса мозаична, и исследование региональных картин мира будет способствовать воссозданию общенациональной картины мира [Камалова, online].

Нас будут интересовать мозаичные составляющие картины мира Петербурга в повести Н.В. Гоголя *Шинель* как фрагмент русской национальной языковой картины мира.

Анализируя самобытный язык Н.В. Гоголя, мы касаемся, таким образом, актуальной в современной лингвистике проблемы региональной картины мира не только в историческом аспекте, но и в индивидуально-авторском осмыслении. Жизнь Н.В. Гоголя в Петербурге и его знания об этой жизни репрезентируются в языке его произведения и складываются во фрагменты индивидуальной языковой картины мира как составляющей общенациональной языковой и концептуальной картин мира. Таким образом, как пишет Татьяна Васильевна Симашко об исторических источниках,

все большее преимущество обнаруживается в изучении языковых образований в широком социально-историческом контексте – дискурсе, который выводит

к более объемному изучению семантики, отражающей жизненно важные для человека пространства [Симашко 2019, 121].

Семантика отдельных лексических единиц данной повести и выводит нас на широкий социально-исторический контекст того времени, когда создавалась *Шинель*, и жизни героев произведения в середине XIX века, описанных в ней.

В данной повести в центре и по количеству языкового материала, и по смысловой нагрузке и символике, безусловно, находится лексема 'шинель'. Необходимо учитывать, что шинель в царской России XIX века являлась для государственных служащих обязательной одеждой, это «форменное пальто особого покроя, со складкой на спине и хлястиком» [МАС 1988, IV, 715].

Историк костюма Юлия Демиденко отмечает, что

Петербург – город служивый, город мундира. Здесь носили мундирное платье и форменные шинели. Не только военные: свои форменные шинели были у студентов, гражданских чиновников. (...) Поскольку их не шили в промышленном масштабе, заказывали сами по единому образцу. Они могли быть из дорогой или дешевой ткани (...),

что зависело от кошелька заказчика. Интересно, что традиция носить пальто-шинели в Петербурге, начиная с конца XVIII века, сохранилась еще в XX веке:

Надо сказать, что петербуржцы так привыкли к форменной одежде, что даже существовала верная примета: если мужчина в пальто [зимой], то это петербуржец. Москва ходит в шубах, а петербуржцы – во всяком случае в начале XX века – приезжают в пальто, из-за чего над ними в других городах России все смеются и говорят, что это очень не по-русски и холодно [Демиденко, online].

Так еще в начале XX века сохранялись черты образа Петербурга служивого, изображенного Н.В. Гоголем.

Таким образом, все чиновники носили шинели, но шинели эти были разными. Языковой материал произведения дает представление о перечне гражданских чинов XIX века в столице Российской империи. Автор обрисовал целый круг чиновников Петербурга этого времени, *чиновничий народ*, чины *всякого рода должностных сословий*. Значительное лицо садился после гостей в сани, *закутавшись весьма роскошно в теплую шинель*. Воротник на его шинели был достаточно больших размеров (в отличие от воротника шинели и вицмундира Акакия Акакиевича), так как в тех же санях ветер, *хлбуча, как парус, шинельный воротник или вдруг с неестественною силою*

набрасывал ему его на голову и доставляя, таким образом, вечные хлопоты из него выкарабкиваться.

А вот титулярные советники, коим и был главный герой произведения и все его сослуживцы, бежали до департамента *в тощенькой шинелишке*. Оба слова с уменьшительно-пренебрежительными суффиксами подчеркивают, что шинели у низших чиновников были из сукна низкого качества, а значит, тонкие и довольно холодные. В то время даже «тип ткани для изготовления форменной одежды строго регламентировался правительственными постановлениями» [Кирсанова 1989, 257]. У Акакия Акакиевича же шинель была еще и в таком плачевном состоянии, что *от нее отнимали даже благородное имя шинели и называли ее капотом*. Одно из значений слова ‘капот’ говорит о том, что это «женская или мужская верхняя одежда без перехвата в талии» [Макаров, Матвеева 1989, 130]. Однако необходимо учитывать, что к 40-м годам XIX века «капот становится только домашней женской одеждой», и уже с середины века эта одежда превращается во что-то среднее между капотом и платьем. Н.В. Гоголь неоднократно употребляет это слово в своих произведениях «для того, чтобы подчеркнуть бесформенность, неопрятный облик своего героя» [Кирсанова 1989, 102]. Для сравнения: капотом называлась и военная шинель французских солдат. Но для такой ассоциации в произведении Н.В. Гоголя нет никаких оснований.

Автор повести также сравнивает шинель своего героя с серпянкой, подчеркивая тем самым ветхость и потертость сукна: *именно на спине и на плечах, она сделалась точно серпянка*. Словарь дает следующее толкование серпянки: «редкая, неплотная ткань из льняной пряжи». Такая ткань изготавливалась кустарным способом, употреблялась только в деревне и к началу XIX века полностью вышла из употребления [Кирсанова 1989, 210–211]. Осмотрев старую шинель, Петрович выносит следующее заключение: *только слова, что сукно, а подуи ветер, так и разлетится*. Если учитывать, что сукно, из которого шили шинели, – «плотная ткань из шерстяной или полушерстяной пряжи с войлокообразным застилом, скрывающим переплетение нитей» [Ефремова, online], то понятно, что шинель главного героя повести настолько потерялась, что переплетения стали не просто видны, но и весь материал местами светился.

Пределом же даже мечтаний героя была *шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу*. Таким образом, капот и серпянка в описываемое в повести время были знакомыми словами, но уже вышедшими из активного употребления. Для рядового современного же читателя данные слова

и реалии, ими обозначаемые, вовсе не известны. Но именно они помогают воссоздать детали жизни того времени.

Из дешевых шинелей Гоголь упоминает еще фризovou шинель: один раз призрак был замечен *на покушении сдернуть фризovou шинель с какого-то отставного музыканта*. Устаревшее слово 'фризовый' означает «сделанный из фриза», где фриз – это «толстая ворсистая ткань типа байки» [МАС 1988, IV, 584]. Это «грубая шерстяная ткань со слегка вьющимся ворсом, один из дешевых видов сукна» [Кирсанова 1989, 256]. Этот фрагмент повести дополняет информацию о форменных шинелях и свидетельствует о том, что в Петербурге шинели были очень разнообразны у служащих различных ведомств.

Титулярный советник – это «гражданский чин IX класса. Слово «титулярный» здесь означает «номинальный» – уже не секретарь, но ещё не полномочный советник, своего рода кандидат в советники» [Меньщиков, online]. Н.В. Гоголь показывает лишь одно отличие чина своего героя: сослуживцы подшучивали над Акакием Акакиевичем и говорили, что *выслужил* он, несмотря на свое усердие, лишь *пряжку в петлицу*. Здесь *пряжка в петлице* – жаргонное обозначение знака отличия титулярного советника в системе обозначения чинов на петлицах и погонах. Андрей Меньщиков цитирует законы о мундирах: «Чиновники 9-14 класса на петлицах имели один просвет и звездочки диаметром 11,2 мм, титулярный советник – без звездочек» [Меньщиков, online]. Таким образом, внешний вид петлицы титулярного советника напоминал пояс с пряжкой, что и служило поводом для насмешек в то время и нашло отражение в повести. Такое жаргонное выражение не только дает информацию о знаках отличия чинов, но и характеризует разговорный язык той среды, в которой жил главный герой.

Таким образом, гоголевская шинель является показателем сословного, а значит и финансового неравенства в Петербурге того времени. И только после смерти героя уже для призрака Акакия Акакиевича всякие шинели были доступны: он отбирал их у владельцев разные: и дешевые, и дорогие (*срывал со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели: на кошках, на бобрах, на вате, енотовые, лисьи, медвежьи шубы* не только с титулярных, но и с тайных советников). Более того, даже *генеральская шинель пришлась ему совершенно по плечам*, о чем при жизни он, конечно, и в мыслях допустить не посмел бы.

Обрисованный Петровичем вариант новой шинели вверх Акакия Акакиевича в сметенное состояние: *Если положить на воротник куницу да пустить капишон на шелковой подкладке, так и в двести войдет*. (Здесь авторский

текст отражает устаревший вариант произношения слова *капюшон*). Цена такой шинели в двести рублей сразу показалась нашему чиновнику нереальной. Акакий Акакиевич *боялся сильных сумм*, а также с определенного времени все подсчеты вёл *в шинельном капитале*. В данном случае *капитал* означает для него «значительную сумму денег» [МАС 1986, II, 29] и употребляется с определением *шинельный*, что ставит лексему ‘капитал’ в рамки реальной для героя стоимости шинели. Именно такое контекстуальное значение слова делает авторский текст самобытным и характеризует героя повести, исходя из именно его экономических возможностей и места в обществе. Ведь для бедного чиновника цена шинели – это предел его возможностей, поэтому для него такая цена и является целым капиталом. И конечно, цена шинели для героя – это *сильная сумма*, где переносное значение определения *сильный* в данном контексте близко к «большой, значительный (...) по величине» [МАС 1988, IV, 93], но не является общеупотребительным, а выступает индивидуально-авторской характеристикой восприятия героем денежных сумм.

По мере накопления необходимой суммы в голове Акакия Акакиевича *даже мелькали самые дерзкие и отважные мысли; не положить ли, точно, куницу на воротник*. В итоге вместо шелку на подкладку был куплен коленкор, а на воротник положена кошка, но *лучшая, которая всегда выглядит как куница*.

Коленкор – это «хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения, отбеленная и накрахмаленная в процессе отделки». Для подкладки выбирался окрашенный, то есть цветной однотонный коленкор, который стоил несколько дороже, чем белый. Клей или крахмал, которым пропитывался коленкор для «придания товарного вида, в процессе носки осыпался, и ткань теряла свой глянец» [Кирсанова 1989, 125]. Учитывая все это, понятно, что шелк был лучше, качественнее и соответственно дороже.

И хотя цена куницы по сравнению с другими мехами сравнительно невысока, кошка все же дешевле. При этом, когда мех стал модным, появилось много подделок. И даже в петербургских газетах встречались публикации о том, что каких-то кошек или кроликов выдают за дорогой мех. [Демиденко, online]. Но для бедного населения мех кошки был вполне легальным и доступным. И все же мехом.

Причем шелк и куница оказались потенциально возможными покупками героя, но такими, от которых он отказался в пользу более дешевых соответственно коленкора и кошки. Капюшон на шинели, видимо, тоже был показателем достатка, так как на него должно пойти дополнительно сукна.

Н.В. Гоголь рисует в повести отличительные черты разных районов города. Районы столицы в произведении отличаются не только домами и освещением. Бедные улочки пустынно и безлюдны, особенно вечером и ночью. Но чем ближе к месту, где жил уже помощник столоначальника, тем *улицы становились живее, населенней, по ним пешеходы стали мелькать чаще*. Меняется и одежда пешеходов: *На мужчинах попадались бобровые воротники*. У помощника столоначальника на вечеринке в честь обновления главного героя были в тот вечер разные гости: *на стенах висели шинели и плащи, между которыми некоторые были даже с бобровыми воротниками или с бархатными отворотами*. Необработанный мех бобра, то есть «в естественном виде (без стрижки и щипки) считается мужским мехом, поскольку является довольно тяжелым» [Виды меха, online; Демиденко, online]. И у Н.В. Гоголя в повести бобровый воротник встречается только на воротниках у мужчин.

Еще одной форменной одеждой Акакия Акакиевича и всех государственных чиновников был вицмундир. Он полагался для его чина зеленого цвета, но у героя он был *какого-то рыжевато-мучного цвета*, потому что он *не думал вовсе о своем платье*. Причем, цвет не мучнистый, то есть «напоминающий цветом муку», как фиксирует словарь [МАС 1986, II, 315], а именно мучной, что у Н.В. Гоголя, видимо, имеет значение потертого и/или выцветшего до белизны зеленого цвета. В отличие от мундира как парадной форменной одежды служащих вицмундир являлся «вседневной» одеждой чиновников, повседневным мундирным фракком [Шепелев, online].

Показывая в своей повести социально-экономическое неравенство чиновников, Н.В. Гоголь не мог не поднять своего читателя до высоких моральных ценностей. Автор неоднократно уравнивает своих героев, подчеркивая, что несчастье в жизни обрушивается не только на Акакия Акакиевича, но и *на царей и повелителей мира*. Царь здесь, видимо, тоже появляется не случайно. Ведь Петербург – бывшая резиденция русского царя. И все было бы в соответствие с занимаемой должностью, *если бы не было разных бедствий, рассыпанных на жизненной дороге не только титулярным, но и даже тайным, действительным, надворным и всяким советникам*.

Исследуя, таким образом, Петербург XIX века и сопоставляя его образ с городом XX и XXI веков, хочется сказать словами Галины Юрьевны Богданович: «В диахроническом – диалог выявляется во взаимодействии прошлого с настоящим, в мере и способах вхождения картины мира прошлых поколений в жизнь нынешнего (...)» [Богданович, online].

В заключение отметим, что проведенный анализ и описание его результатов помогают понять социальные, культурные, исторические и хозяйственно-бытовые обстоятельства жизни героев повести Н.В. Гоголя, а значит, представить в деталях черты того времени в рамках анализируемого фрагмента действительности и в индивидуально-авторском видении. В дальнейшем в данном аспекте возможно изучение других произведений автора, расширяя таким образом взятый для анализа языковой материал для исследования фрагмента языковой картины мира.

Данный фрагмент языковой картины мира иллюстрирует национальную картину мира и ее особенности в определенный исторический период. Учитывая это, представленный языковой материал возможно использовать в процессе изучения языковой картины мира и при обучении языку в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Байич Лиляна. *Повесть Гоголя «Шинель» и маленький человек в русской литературе XIX века.* (online) <http://domgogolya.ru/science/researches/8928/> (доступ 30.05.2021).
- Белинский Виссарион Григорьевич 1955. *Библиографическое известие. В: Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 6: Статьи и рецензии. 1842–1843.* (online) <https://russian-literature.org/tom/415802> (доступ 12.08.2021).
- Богданович Галина Юрьевна. *Культурология, лингвокультурология, этнопсихоллингвистика vs полилингвокультурология.* (online) <https://core.ac.uk/download/pdf/87393062.pdf> (доступ 30.05.2021).
- Виды меха.* (online) https://snowqueen.ru/about/about_fur/types (доступ 30.05.2021).
- Виноградов Игорь Алексеевич. *«Я брат твой». О повести Гоголя «Шинель».* (online) <https://cyberleninka.ru/article/n/ya-brat-tvoy-o-povesti-n-v-gogolya-shinel/viewer> (доступ 12.08.2021).
- Гоголь Николай Васильевич. 1986. *Шинель.* В: Гоголь Н.В. *Избранное.* Москва: Просвещение: 374–397.
- Демиденко Юлия. *Лисьи шубы, муфты и шерстяное белье: что носили петербуржцы зимой в XIX и XX веках. Рассказывает историк костюма.* (online) <https://paperpaper.ru/winter-clothing/> (доступ 30.05.2021).
- Ефремова Татьяна Федоровна. 2000. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный.* (online) <https://www.efremova.info/word/sukno.html#YRZRbYgzbZY> (доступ 13.08.2021).
- Камалова Алла Алексеевна. *О труде А.Н. Грандильевского «Родина Михаила Васильевича Ломоносова...» с позиций лингвокультурологии.* (online) <https://cyberleninka.ru/article/n/o-trude-a-n-grandilevskogo-rodina-mihaila-vasilievicha-lomonosova-s-pozitsiy-lingvokulturologii/viewer> (доступ 30.05.2021).
- Кирсанова Раиса Мардуховна. 1989. *Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX в.* Москва: Книга.
- Макаров Владимир Иванович, Матвеева Наталия Петровна. 1989. *Словарь лексических трудностей художественной литературы.* Киев: Радянська школа.
- Меньшиков Андрей. *Гражданские чины в Российской Империи.* (online) <https://vk.com/@a.menshikov69-grazhdanskije-chiny-v-rossiiskoi-imperii> (доступ 12.08.2021).

- Рябиничева Татьяна Николаевна. *Образ улицы в повести «Шинель» Н.В. Гоголя: аспекты номинации и предикации*. (online) <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/3141> (доступ 12.08.2021).
- Симашко Татьяна Васильевна. 2019. *Региональная картина мира как исторический срез дискурса*. В: *Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сборник научных трудов*. Вып. 9. Ред. Симашко Т.В. Москва-Северодвинск: «БИБКОМ»: 119–128.
- Словарь русского языка: в 4 т.* 1985–1988. Ред. Евгеньева А.П. Москва: Русский язык (В тексте – МАС).
- Соливетти Карла. *Повесть «Шинель»: семантика и структура*. (online) <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1131/> (доступ 12.08.2021).
- Хомчак Елена Геннадиевна. 2017. *Концептуализация вещей-образов в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя*. В: *Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сборник научных трудов*. Вып. 8. Ред. Симашко Т.В. Москва–Северодвинск: «БИБКОМ»: 238–244.
- Шепелев Леонид Ефимович. *«Гражданские мундиры в дореволюционной России в связи с их значением для исторических исследований»*. (online) http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2016/03/Shepelev_L_E_XXIV.pdf (доступ 30.05.2021).

REFERENCES

- Bajich Lilyana. *Povest' Gogolya "Shinel'" i malen'kij chelovek v russkoj literature XIX veka* [A novel by Gogol' "Overcoat and a little man in Russian literature of the 19th century"]. (Available at) <http://domgogolya.ru/science/researches/8928/> (Accessed 30 May 2021). (In Russian)
- Belinskij Vissarion Grigor'evich 1955. *Bibliograficheskoe izvestie* [Bibliographic news]. In: *Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. Vol. 6: Stat'i i recenzii. 1842–1843* [Complete collected works: in 13 volumes. Vol. 6 Articles and reviews. 1842–1843]. Available at: <https://russian-literature.org/tom/415802> (Accessed 12 August 2021). (In Russian)
- Bogdanovich Galina Yur'evna. *Kul'turologiya, lingvokul'turologiya, etnopsixolingvistika vs polilingvokul'turologiya* [Cultural studies, linguoculturology, ethnopsycholinguistics vs polylinguoculturology]. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/87393062.pdf> (Accessed 30 May 2021). (In Russian)
- Demidenko Yuliya. *Lis'i shuby, mufty i sherstyanoje bel'e: chto nosili peterburzhcy zimoj v XIX i XX vekah. Rasskazyvaet istorik kostyuma* [Fox coats, muffs and wool linen: what Petersburgers wore in the winter in the 19th and 20th centuries. The costume historian tells]. Available at: <https://paperpaper.ru/winter-clothing/> (Accessed 30 May 2021). (In Russian)
- Efremova Tat'yana Fedorovna. 2000. *Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational]. Available at: <https://www.efremova.info/word/sukno.html#YRZRbYgzbZY> (Accessed 12 August 2021). (In Russian)
- Gogol' Nikolaj Vasil'evich. 1986. *Shinel'* [Overcoat]. In: Gogol' N.V. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Prosveshchenie, pp. 374–397. (In Russian)
- Homchak Elena Gennadievna. 2017. *Konceptualizaciya veshchej-obrazov v "Peterburgskih povestyah" N.V. Gogolya* [Conceptualization of things-images in the "Petersburg Novels" by N.V. Gogol]. In: *Problemy konceptualizacii dejstvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoj kartiny mira: Sbornik nauchnyh trudov* [Problems of conceptualization of reality and modeling of the linguistic picture of the world: Collection of scientific works.]. Vol. 8. Ed. Simashko T.V. Moscow, Severodvinsk, "BIBKOM", pp. 238–244. (In Russian)
- Kamalova Alla Alekseevna. *O trude A.N. Grandilevskogo "Rodina Mihaila Vasil'evicha Lomonosova..." s pozicij lingvokul'turologii* [About the work of A. N. Grandilevsky "Homeland of Mikhail Vasilyevich Lomonosov..." from the perspective of linguoculturology]. Available

- at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-trude-a-n-grandilevskogo-rodina-mihaila-vasilievlomonosova-s-pozitsiy-lingvokulturologii/viewer> (Accessed 30 May 2021). (In Russian)
- Kirsanova Raisa Marduxovna. 1989. *Rozovaya ksandrejka i dradedamovyj platok: Kostyum – veshh' i obraz v russkoj literature XIX v.* [Pink xandrake and dradedam handkerchief: Costume as a thing and image in Russian literature of the 19th century.]. Moscow, Kniga. (In Russian)
- Makarov Vladimir Ivanovich, Matveeva Nataliya Petrovna. 1989. *Slovar' leksicheskikh trudnostej hudozhestvennoj literatury* [Dictionary of lexical difficulties of fiction]. Kiev, Radyans'ka shkola. (In Russian)
- Men'shchikov Andrej. *Grazhdanskije chiny v Rossijskoj Imperii* [Civil ranks in the Russian Empire]. Available at: <https://vk.com/@a.menschikov69-grazhdanskije-chiny-v-rossiiskoi-imperii> (Accessed 13 August 2021). (In Russian)
- Ryabinicheva Tat'yana Nikolaevna. *Obraz ulicy v povesti "Shinel'" N.V. Gogolya: aspekty nominacii i predikacii* [The image of the street in the story "Greatcoat" by N.V. Gogol: aspects of the nomination and predication]. Available at: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/3141> (Accessed 13 August 2021). (In Russian)
- Shepelev Leonid Efimovich. *Grazhdanskije mundiry v dorevolucionnoj Rossii v svyazi s ix znacheniem dlya istoricheskix issledovanij* [Civil uniforms in pre-revolutionary Russia in connection with their significance for historical research]. Available at: http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2016/03/Shepelev_L_E_XXIV.pdf (Accessed 30 May 2021). (In Russian)
- Simashko Tat'yana Vasil'evna. 2019. *Regional'naya kartina mira kak istoricheskij srez diskursa* [Regional picture of the world as a historical section of discourse]. In: *Problemy konceptualizacii dejstvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoj kartiny mira: Sbornik nauchnyx trudov* [Problems of conceptualizing reality and modeling the linguistic picture of the world: Collection of scientific works]. Vol. 9 Ed. Simashko T.V. Moscow, Severodvinsk, "BIBKOM", pp. 119–128. (In Russian)
- Slovar' russkogo yazyka: V 4 vol.* [Dictionary of the Russian language]. Ed. Evgen'eva A.P. Moscow, Russkij yazyk (V tekste – MAS). (In Russian)
- Solivetti Karla. *Povest' "Shinel'": semantika i struktura* [The novel "Greatcoat": semantics and structure]. Available at: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1131/> (Accessed 12 August 2021). (In Russian)
- Vidy mexa* [Types of fur]. Available at: https://snowqueen.ru/about/about_fur/types (Accessed 30 May 2021). (In Russian)
- Vinogradov Igor' Alekseevich. "Ya brat tvoj". *O povesti Gogolya "Shinel'"* ["I'm your brother". About the story of Gogol "Greatcoat"]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ya-brat-tvoj-o-povesti-n-v-gogolya-shinel/viewer> (Accessed 12 August 2021). (In Russian)

Językoznawstwo

Дата подання статті: 15 червня 2021 р.
Дата прийняття до друку: 30 серпня 2021 р.

ВИТОКИ І РОЗБУДОВА ТЕОРІЇ ПСИХОАКЦЕНТУАЦІЇ В СХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКОМУ МОВОЗНАВСТВІ: ФРАГМЕНТАРНИЙ ОГЛЯД (КІНЕЦЬ ХХ – ПОЧАТОК ХХІ СТ.)

Віталія Папіш

Ужгородський національний університет, Ужгород, Україна

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2609-1620>

e-mail: vitalija.papish@uzhnu.edu.ua

Анотація: У розвідці стисло подано історію формування теорії психоакцентуації, що зі сфери медицини (психіатрії) трансформувалася в лінгвістику; фрагментарно окреслено аспекти дослідженості цієї проблеми в сучасній східнослов'янській психолінгвістиці (лінгвостилістичний, лінгвоконцептуальний, комунікативний, педагогічний, методичний аспекти). Методологія психоакцентуації дає змогу з'ясувати провідні риси характеру особистості без наявності фактів порушення норми, психічних відхилень, що закодовані в комунікації, художньому мовленні, персонажному дискурсі й жанрах мовлення. У науковій розвідці репрезентовано концепцію психіатра К. Леонгарда, який вперше дослідив клінічні риси акцентуованих особистостей та вказав на природу акцентуованості персонажів художніх текстів. Його ідеї розвинув лікар А. Личко. Із цього й почалося вивчення акцентуації в лінгвістичній площині. Незважаючи на ґрунтовність доведення й добру теоретичну основу, ідеї К. Леонгарда в східнослов'янському мовознавстві були актуалізовані не одразу: радянський період звужував функціональні можливості психолінгвістики як науки. Наприкінці ХХ – на початку ХХІ ст. психолінгвістичні дослідження активізувалися, що спроектовано передусім на художній текстовий (дискурсивний) простір, комунікативну та педагогічну діяльність. Ідеї К. Леонгарда знову привернули увагу лінгвістів. У статті схарактеризовано класифікацію текстів на основі теорії акцентуації, розробленої В. Беляніним, простежено розвиток основних ідей психоакцентуаційного аспектуального дослідження художніх текстів (теорія фразеополів), відзначена роль цієї теорії для розвитку лінгвоконцептології, комунікативної лінгвістики, методики викладання іноземної мови, що увиразнено в працях російських учених (Т. Інкіна,

В. Ляліна, Т. Прокоф'єва, О. Гур'яничева, І. Мазирка), українські ж мовознавці актуалізують лінгвостилістичний та жанрологічний аспекти психоакцентуації (Я. Бондаренко, В. Папіш), окреслено важливість дослідження текстів в психолінгвістичній площині, здійснювані білоруськими вченими (В. Маслова, О. Уланович). Новизна статті полягає в тому, що в ній уперше синтезовано думки вчених щодо реалізації теорії акцентуації, обґрунтовано важливість акцентуаційного підходу для аналізу мовного фактажу. На підставі узагальнених результатів доходимо висновку про динаміку зазначеної проблеми, а також обумовлюємо можливість її поглиблення та втілення в нових інтерпретаційних лінгвістичних напрямках.

Ключові слова: акцентуація, мовна особистість, лінгвістика тексту, психолінгвістика

Submitted on July 15, 2021
Accepted on August 30, 2021

THE ORIGINS AND DEVELOPMENT OF THE PSYCHOACCENTUATION THEORY IN THE EAST SLAVIC LINGUISTICS (LATE 19TH – EARLY 21ST CENTURY)

Vitalia Papish

Uzhhorod National University, Uzhhorod, Ukraine

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2609-1620>

e-mail: vitalija.papish@uzhnu.edu.ua

Abstract: This article tracks briefly the history of the development of psychoaccentuation theory, which was transferred from the subject of study in medicine to the linguistic field. It outlines aspects of studies of this problem in the modern East Slavic psycholinguistics (namely, linguo-stylistic, linguo-conceptual, communicative, pedagogical, and methodological). An application of the methodology of psychoaccentuation makes it possible to identify the principal traits of personality without any evidence of norm breach, mental disorders encoded in the communication, artistic language, personality discourse and genres of speech. The article discusses psychiatrist K. Leongard's pioneer research on the clinical traits of accentuated personalities and the nature of accentuated personalities in the fiction text. His ideas were further developed by doctor A. Lychko, who laid the groundwork for the study of accentuation in the field of linguistics. Although the theory was sufficiently grounded and substantiated Leongard's ideas were not embraced by East Slavic linguistics immediately: the Soviet era limited the functional capabilities

of psycholinguistics as a science. Late 20th and early 21st century marked an increase in psycholinguistic research, but it was focused mainly on artistic texts (discourse) as well as communicative and pedagogical activities, while Leongard's ideas drew the attention of linguists. The present study offers a classification of texts based on the theory of accentuation developed by V. Belianin. It highlights the evolution of the main ideas of psychoaccentuation and aspectual studies of artistic texts (phrase field theory) and the relevance of this theory for the development of conceptual linguistics, communicative linguistics and methodology of teaching foreign languages as promoted in the works of Russian scholars (T. Inkina, V. Lialina, T. Prokofiev, O. Gurianichev, I. Mazyrka). In addition, the article examines the research by Ukrainian linguists, who were mostly preoccupied with the actualization of linguistic and generic aspects of psychoaccentuation (Ya. Bondarenko, V. Papish) as well as the potential of text research in the psycholinguistic field, making references to the work conducted by Byelorussian scholars (V. Maslova, O. Ulanovych). The novelty of the article is that it for the first time synthesizes scholars' views on the implementation of the theory of accentuation, while confirming the relevance of the accentuation approach in analysing linguistic facts. Based on the generalized results, a conclusion is made about the dynamic character of the issue under discussion and the possibility of further in-depth research and implementation in the new interpretive linguistics fields.

Keywords: accentuation, language personality, linguistics of the text, psycholinguistics

Сучасна лінгвістика вирізняється трансформацією знань з однієї наукової площини в іншу, тобто міждисциплінарністю, що стосується й напрацювань у сфері психолінгвістики. *Акцентуація* в психологічному ракурсі – це надмірне посилення індивідуальних рис особистості, що мають тенденцію до переходу в патологічний стан у несприятливих умовах. Від психопатій, як зауважують дослідники, акцентуація відрізняється тим, що відсутня однозначна визначеність їх прояву у всіх без винятку ситуаціях взаємодії людини зі світом: поведінка людини залишається варіабельною [див: Мазирка 2008, 16]. Важливість вивчення цього феномена в мовознавстві зумовлена тим, що акцентуованість може впливати на комунікативну діяльність особистості загалом, зокрема на відповідні мовленнєві стратегії і тактики, творчу самореалізацію, девіантність мовленнєвої поведінки тощо. Незважаючи на певну опрацьованість теорії акцентуації, на сьогодні відсутні праці, у яких синтезовано аналітичний огляд наукової літератури із зазначеної проблематики. *Мета* цієї наукової студії – простежити шлях міграції терміна *акцентуація* з психіатрії у філологію, показати динаміку теорії психологічної акцентуації в сучасній східнослов'янській психолінгвістиці. Матеріал опрацьовуємо в основному за допомогою описового методу, методу узагальнення та прийому класифікації дібраного матеріалу.

Поняття *акцентуація* ввійшло в метамову учених в кінці 70-их років ХХ століття, що пов'язане з виходом у світ праці Карла Леонгарда *Akzentuierte Persönlichkeiten* (1976), виданої і в російському перекладі – *Акцентуированные личности* (1989, 2000). К. Леонард (1904–1988) – німецький психіатр, який на основі довголітніх спостережень зробив відкриття щодо вияву специфіки характеру своїх пацієнтів, які не мали психічних відхилень (були психічно здоровими), але в певних стресових ситуаціях виявляли схильність до актуалізації своєрідної поведінки, зокрема й мовленнєвої. Такі риси поведінки своїх пацієнтів учений назвав *акцентуаціями*, а їх носіїв, відповідно, *акцентуйованими типами*.

Названа монографія К. Леонгарда складається з двох частин. У першій запропоновано психологічний і клінічний аналіз акцентуйованих особистостей, тобто людей зі своєрідним загостренням властивостей психіки й здатністю реалізувати цю своєрідність у поведінці, що не перевищує меж медичної норми. У другій частині зазначеної праці дослідник запропонував аналіз персонажів світової класичної літератури з художніх текстів (понад тридцятьох письменників, серед яких і Лев Толстой, Федір Достоєвський, Микола Гоголь, Вільям Шекспір, Мігель Сервантес, Оноре де Бальзак, Йоганн Вольфганг фон Гете, Фредерік Стендаль та ін.), тобто переніс свої знання у сферу філології. К. Леонгард запропонував точні клінічні описи акцентуйованих особистостей, репрезентувавши при цьому аналіз складних випадків комбінованих видів акцентуації (вияв синкретизму). Разом з тим дослідник зазначив, що «чіткі лінії» розмежування між (за його термінологією) «нормальними (абсолютно здоровими)», «середніми (із частковими змінами психіки)» особистостями та особистостями акцентуйованими відсутні [Леонгард 2000, 20], наголосив, що не варто на основі лише однієї, притаманної людині риси робити висновки про наявність патології. Це лише специфіка вияву психічних особливостей, актуалізованих у відповідних життєвих ситуаціях, що належать до типових. Психіатр зауважив, що, наприклад, населення Берліна складають на 50 % «нормальні люди», а на 50 % – акцентуйовані особистості. З огляду на свою теорію він виділив 12 типів акцентуацій характеру особистостей, серед яких: (1) педантичний, (2) демонстративний, (3) застряглий та (4) збудливий. Серед акцентуацій рис людського темпераменту – такі, як (1) гіпертимний, (2) дистимний, (3) тривожний, (4) циклоїдний, (5) екзальтований, (6) екстравертований та (7) інтравертований типи.

Оскільки постулати К. Леонгарда важливі для розвитку сучасної психолінгвістичної теорії, вважаємо за доцільне стисло схарактеризувати класифі-

кацію, запропоновану лікарем. Виокремлення кожного типу акцентуєваних особистостей здійснено на основі врахування низки основних ознак людського характеру. Кожний тип дослідник ілюструє з проєкцією на персонажів художнього тексту (дискурсу). Зокрема, для *демонстративних психотипів* характерні такі риси, як (а) виразні акторські здібності, (б) схильність до хитрощів, фантазування, (в) жвава міміка (як бачимо, враховано невербальні засоби мовлення особистості), (г) авантюризм (це Федір Карамазов, а також Смердяков з роману *Братя Карамазови* Ф. Достоєвського; Елізи з роману Олександра Готхельфа *Ули-батрак*; Фелікс Круль – персонаж Томаса Манна з роману *Авантюрист*; Дорант з комедії *Лжец* П'єра Корнеля; Нерон з роману Генріка Сенкевича *Quo vadis? Педантичні психотипи* (ананкасти) характеризуються (а) особливою тривожністю, (б) виявляють надмірну старанність та скрупульозність, (в) мають страх перед можливими помилками в роботі, а тому й намагаються докладно перевіряти свої дії, (г) здатні до самоприниження. *Застрагаючі* (параноїдні) типи виявляють (а) певний егоїзм, (б) прагнення помститися кривдникові, боротися за справедливість, (в) вони непоступливі, (г) демонструють фанатизм (це Рогожин з роману *Идиот* Ф. Достоєвського, Кольхаас з повісті *Михаель Кольхаас* Генріха фон Клейста, Електра з роману *Преступление и наказание* Ф. Достоєвського). *Збудливі* (епілептоїдні) особистості – це люди (а) імпульсивні, (б) схильні до насилля, (в) відчайдушні, але при цьому (г) дратівливі, (г) вирізняються фізичною силою і (д) жорстокістю; у стані ж спокою вони (е) добродушні (це Отелло з однойменної п'єси Вільгельма Шекспіра, П'єр Безухов з роману Льва Толстого *Война и мир*, Курт з повісті О. Готхельфа *Курт фон Коппиген*). *Тривожні* – це психотип людей, для яких характерні (а) хвороблива боязкість, (б) невпевненість у собі, (в) занижена самооцінка (це Паран з новели Гі де Мопассана, майстер Щука з однойменної новели Христіана Геббеля). *Емотивні* психотипи вирізняються серед інших своєю надмірною (а) чутливістю, (б) вразливістю, (а) сердечною м'якістю (репрезентантами цього психотипу є Соня Мармеладова з роману *Преступление и наказание* Ф. Достоєвського, герой Йоганна Вольфгана фон Гете Егмонт). *Дистимні* психотипи схильні до (а) пригніченості, (б) уповільненості дій, (в) нерішучості, (г) репресивності (такі риси лікар убачав у характерах Ніклауса з роману *Воскресний день дедушки* Єремії Готхельфа). *Гіпертимні* (гіпоманіакальні) особистості – це (а) оптимісти, (б) балакуни, (в) енергійні й жваві особистості, (г) люди веселої вдачі, але (г) дещо поверхневі в мисленні (до них належить Катерина Йосипівна Хохлакова з роману *Братя Карамазови* Ф. Достоєвського; шекспірівський Фальстаф з *Виндзорських*

насмешниц). *Афективно-лабільні* (циклотимні) особистості вирізняються (а) безпричинною мінливістю настрою, (б) повільністю дій, (в) небалакучістю (це Брайтунг у романі Отто Людвіга *Марія*). *Екзальтовані* особистості характеризуються як (а) імпульсивні, (б) з надпотужною емоційною збудливістю, (в) вони пристрасні, (г) виявляють внутрішнє напруження в складних ситуаціях (Ромео з трагедії В. Шекспіра *Ромео и Джульєтта*, Катерина Іванівна з роману Ф. Достоевського *Братья Карамазовы*). *Інтровертні* типи виявляють надмірну (а) чутливість, (б) вразливість, (в) легко збуджуються, однак вони при цьому (г) стримані, (г) ведуть замкнутий спосіб життя (Гамлет з однойменної трагедії В. Шекспіра). *Екстравертні* особистості натомість репрезентують (а) високий ступінь зовнішнього вияву почуттів, (а) відкритість, (б) сміливість, (а) схильність діяти без попередніх роздумів. Екстравертність має багато спільного з дитячим складом психіки, часто екстравертні особистості виявляються дещо незрілими в абстрактному когнітивному мисленні (Санчо Панса з роману *Дон Кіхот* Мігеля де Сервантеса; Стрепсіад з комедії *Тучи* Арістофана, Вільгельм Тель в однойменній драмі Фрідріха Шиллера, Альоша з *Унижених и оскорбленных* Ф. Достоевського). К. Леонгард не знайшов у художніх текстах, які він аналізував, типових представників *ананкастичної*, або *педантичної* акцентуації. Пояснення причини того, що письменники не описують ананкастів, на думку лікаря-експериментатора, очевидно, слід шукати у психіці самих письменників. Імовірно, вони не знаходять подібних особливостей у собі, а тому їй не можуть переконливо їх вербалізувати [див.: Леонгард 2000, 216]. Підхід до характеристики персонажів К. Леонгард здійснює з опорою на свої професійні знання психіки людини, однак його новаторство проектується на теорію психолінгвістики (лінгвоперсонології), літературознавства, лінгвістики тексту, лінгводискурсології, психології творчості.

Теорію психоакцентуації продовжував розробляти в медицині російський психіатр Андрій Личко, який досліджував психологію підлітків. У монографії *Психопатии и акцентуации характера у подростков* (1977) він запропонував класифікацію акцентуаційних типів з урахуванням конкретної вікової категорії – підлітків 14–18 років. Запропонована класифікація несуттєво відмінна від розробленої К. Леонгардом: вона різниться хіба що застосованою метамовою. А. Личко виділив 11 типів акцентуації: (1) астено-невротичний, (2) гіпертимний, (3) істероїдний, (4) конформний, (5) нестійкий, (6) сенситивний, (7) циклоїдний, (8) шизоїдний, (9) епілептоїдний, (10) лабільний, (11) психастенічний. Заслугою цього вченого було експериментальне доведення того, що акцентуованість найбільш помітна

в підлітковому віці. З віком, очевидно, під впливом життєвих подій, відповідних ситуацій, тобто умов становлення характеру, а також способу виховання, на його думку, вияв акцентуації поступово «згладжується».

Зближення медичного вчення (психіатричні постулати) про акцентуовані типи особистості, напрацювання у сфері психології в парі з філологічною наукою стали можливими в часи розвитку психологічного напрямку у філології, активного поступу психолінгвістики, що, як відомо, вивчає мову як феномен психіки. Якщо за межами СРСР психолінгвістика почала розвиватися досить активно, у Радянському Союзі вона не набула широкого розвою через ідеологічні заборони й була звужена тільки до поняття *мовна діяльність*. При цьому відкидалися такі її важливі аспекти, як духовна сутність мови, роль підсвідомості під час моделювання мовлення, тексту (дискурсу). Лише завдяки подвижницькій діяльності окремих науковців психолінгвістика в радянському мовознавстві почала активніший поступ з реалізацією нових її дослідницьких аспектів. Серед таких учених-новаторів і білоруська науковиця Валентина Маслова, яка більш відома в слов'янській лінгвістиці як лінгвокультуролог чи лінгвокогнітолог, однак її перу належить з десятків праць із теорії психолінгвістики. У 1992 році В. Маслова захистила дисертацію на звання доктора філологічних наук на тему *Онтологический и психолингвистический аспекты экспрессивности текста*. У цьому та інших дослідженнях зазначеної авторки з теорії психолінгвістики реанімовано ідеї, що ґрунтовно викладені українським славістом Олександром Потебнею (а раніше, зрозуміло, Вільгельмом фон Гумбольдтом), якого вважають родоначальником психологічного напрямку в східнослов'янській філології, зокрема це фундаментальні методологічні положення про зв'язок мови (тексту) з людською психікою. Зосереджено увагу саме на індивідуальному мовленні, особистісному началі мовлення, на вияві духовності в мові (*дух мови*), що й особливо вирізняє погляди В. Маслової з-поміж ідей інших дослідників того часу.

Після розпаду СРСР питання моделювання (вербалізації) акцентуованих особистостей у художньому тексті (дискурсі), декодування відповідних психотипів, започатковане К. Леонгардом, знайшло своє продовження. Цьому сприяли напрацювання російського лінгвіста й психолога Валерія Беляніна, який запропонував обґрунтовану концепцію психолінгвістичного аналізу текстів художньої літератури із застосуванням новаторської *методики емоційно-сислової домінанти*, розглядаючи текст як омовлену форму рефлексії особистості продуцента. В. Белянін виходить з того, що кожен текстовий елемент зумовлений психологічними чинниками: структура

кожного художнього тексту співвіднесена з тим чи тим типом акцентуації людської свідомості [див.: Беянин 2003, 45]. Але йдеться, як видається, про мовну свідомість і радше про дискурс, а не текст. Спостереження В. Беянина продемонстрували, що кожному типу акцентуації (параноїальному, епілептоїдному, маніакальному, депресивному, істероїдному) відповідає та чи та емоційно-змістова домінанта, змодельована творцем дискурсу. Кожна домінанта базується на комплексі когнітивних та емотивних еталонів, що слугують психологічною основою вербалізації картини світу в тексті (дискурсі). Текстотворець завжди описує дійсність крізь призму власних уявлень та через ті елементи мови, що мають для нього особистісний зміст, тобто через власне світосприйняття, світорозуміння та світобачення. На цьому ґрунті учений виділяє систему текстів, пропонує психолінгвістичну їх класифікацію: це «світлі», «темні», «веселі», «сумні», «красиві», «складні» тексти. У метамові вченого з'явилися метафоризовані терміни для окреслення текстових типів. Співвіднесення різних видів акцентуації з типами текстів, що запропоновані В. Беяніним, подаємо в таблиці:

Табл. 1

Класифікація текстів на основі теорії психоакцентуації, запропонованої В. Беяніним

Тип тексту	Тип акцентуації
«світлий»	параноїдна
«темний»	епілептоїдна
«веселий»	маніакальна
«сумний»	депресивна
«красивий»	демонстративна (істероїдна)
«складний»	шизоїдна

Джерело: [Беянин 2000, 36]

В. Беянін уперше ввів і терміни *психіатричне літературознавство*, й *психостилістика*, зауваживши, що психолінгвістика орієнтована переважно на дослідження того, як мовний матеріал сприймають «пересічні» мовці. Результати його досліджень засвідчують, що автор і читач по-різному декодують текст, а це залежить зокрема й від психологічних параметрів мовомислення одного й іншого. Учений простежує вияви акцентуації на всіх рівнях тексту: теми, ідеї, образів, мотивів, заголовків, вербалізації характеристик героїв, системи мовних засобів, орнаменталіки, відповідного ідіостилю. Як і К. Леонгард, він «знаходить» типи акцентуєваних особистостей серед персонажів художніх текстів (дискурсу), але більше залучає до цього процесу лінгвістичні знання й лінгвістичну методіку.

Акцентуаційна методика пронизує всю структуру мовної особистості: вона спроектована на її декодування, інтерпретацію конкретних мовних і психологічних чинників, ураховуючи залучення відповідних мовних (дискурсивних) фактів, що фокусують увагу на вербалізованій поведінці, змодельованій авторами текстів (дискурсу), чинників, що могли мотивувати вербалізацію того чи того акцентуаційного типу.

Вербально зображена характеристика поведінки є найбільш доступним для спостереження чинником, що сприяє виявленню відповідного психотипу. Це довела українська вчена Яна Бондаренко на матеріалі аналізу американських художніх текстів (дискурсу). На відміну від своїх попередників, вона пропонує дослідження, у якому докладно розробляє принципи власне лінгвістичного аналізу, зокрема це стосується дискурсу, творцями якого є *паранояльні*, *депресивні* та *демонстративні (істеричні)* мовні особистості. Увага фокусується передусім на мовленні письменників. Комунікативно-когнітивний підхід дав змогу цій дослідниці змодельовати вербальну поведінку мовної особистості письменника, показавши особливості його концептуальної картини світу, що, відповідно, співвідноситься з його мовною картиною світу, ідіостилем, та виявити девіації у свідомості досліджуваних мовних особистостей, а також простежити наявну кореляцію між ними. Зокрема, дослідниця доводить, що *паранояльні* мовні особистості мають гіпертрофовано-позитивну Я-концепцію, реалізуючи ціннісну домінанту ВЛАДА, при цьому переважає модальність самоствердження, – і все це корелює зі стратегією вербалізації жорсткості, майстерного омовлення комунікативних ролей переслідувача й мовного втілення конфронтаційної комунікативної стратегії у вербалізованих конфліктах, зображено мовні факти нехтування принципами ввічливості й кооперації. Це зреалізовується за допомогою спонукальних мовленнєвих актів [Бондаренко 2002, 5]. Як бачимо, залучено й теорію жанрології. У *депресивних* мовних особистостей складна негативно-позитивна Я-концепція, ціннісна домінанта якої – це ПОРЯДНІСТЬ. Лінгвістично пояснено вербалізацію самоприниження в дискурсі цих особистостей і, відповідно, «стратегічну м'якість, роль жертви та використання захисної й конвенціональної комунікативних стратегій у вербальних конфліктах, скрупульозне дотримання принципу ввічливості» [Бондаренко 2002, 13]. Головними засобами реалізації такого самоствердження, на думку зазначеної авторки, є негативно забарвлені автоепітети [див.: Бондаренко 2002, 7]. Розмиту ж невизначено-позитивну Я-концепцію *демонстративних* мовних особистостей учена пояснює через концептуальну й ціннісну домінанту, окреслену як СВОБОДА, що корелює «з перевагою самовираження

в їхньому дискурсі, а звідси, зі стратегічною гнучкістю, схильністю до стратегії оптимальної самопрезентації, переходом від ролі жертви до ролі переслідувача у вербальних конфліктах» [Бондаренко 2002, 13]. На мовному рівні це вербалізується в зловживанні егоцентричним займенником англійської мови *I*, інтенсифікацією орнаменталіки дискурсу надмірним використання гіпербол [див.: Бондаренко 2002, 7].

У російській науці виокремилася наукова школа Єлизавети Чалкової, під керівництвом якої було виконано низку кандидатських й одну докторську дисертацію, у яких досліджено фразеосемантичні чи семантичні поля різних видів психологічної акцентуації. З огляду на обмежені рамки статті наведемо лише окремі методологічні положення, розроблені представниками названої школи.

У кандидатській дисертації *Фразеосемантическое поле епилептоидной акцентуации личности*, виконаної на матеріалі аналізу англійських та американських художніх текстів, Тетяна Інкіна теоретично та експериментально обґрунтувала поняття фразеосемантичного поля епілептоїдної акцентуації, а також виокремила *закономірності й засоби формування іншомовного особистісно орієнтованого спілкування під час впровадження в навчальний процес результатів дослідженого поля* [Інкіна 2005, 4]. Представниками епілептоїдної акцентуації вчена вважає Отелло – героя В. Шекспіра, Соумз Форсайт – героя *Саги о Форсайтах* Голсуорсі, а також світових політичних лідерів, видатних ідеологів та талановитих риторів, серед яких Цезар, Наполеон, Ленін, Сталін. Реферована дисертація націлена на дослідження епілептоїдної акцентуації особистості в єдності (а) лінгвістичного, (б) психолінгвістичного і (в) психолого-педагогічного аспектів, оскільки акцентуації характеру особистості ускладнюють і ділове, і побутове (сімейне) спілкування, що виявляється у важкі вікові періоди [Інкіна 2005, 3] (переклад з російської автор. – В.П.). Удалим уважаємо запропонований вченою термін *епілептоїдна характерологічна акцентуація*, зокрема Т. Інкіна моделює мікрополя фразем на позначення позитивних і негативних рис акцентуантів: позитивні риси епілептоїдів, на її думку, репрезентовані фраземами на позначення цілеспрямованості, рішучості, твердості характеру, успішності, слави, а негативні втілені у фраземах на позначення ворожості, мстивості, жорстокості.

У кандидатській дисертації *Фразеосемантическое поле шизоидной акцентуации личности* Вікторія Ляліна [Ляліна 2005] пропонує вербальну характеристику шизоїдів-акцентуантів, які, на її думку, вирізняються оригінальністю мислення, високим творчим потенціалом та духовною самотністю;

серед шизоїдів зустрічаються учені, мислителі, які на кілька століть випереджають час. Дослідниця описує групу фразем на позначення нормативної і ненормативної поведінки шизоїдів. Так, їхня нормативна поведінка вербально втілюється у фраземах, що характеризують насамперед такі риси характеру, як відкритість і незалежність, а ненормативну передають фраземи на позначення егоцентризму, брехливості, неадекватності, агресії. В. Ляліна звертає увагу й на особливості граматичної структури фразем, що моделюють відповідні фраземосемантичні поля, звертаючи увагу на явище мовної дифузності.

У кандидатській дисертації *Фразеосемантическое поле гипертимной акцентуации личности* Олени Гур'яничевої [Гур'яничева 2006] подано вербальну характеристику гіпертимної акцентуації особистості, а також описано закономірності формування лінгвістично автентичного й психологічно адекватного особистісно-орієнтованого англomовного спілкування гіпертимів та схарактеризовано відповідні мовні засоби. Дослідження проведено також з одночасним урахуванням психолінгвістичного, лінгвістичного та педагогічного аспектів. У цій праці названо психологічні риси гіпертимної акцентуації: (1) надзвичайна контактність, (2) балакучість, (3) оптимізм, (4) конфліктність, (5) жага діяльності, (6) ініціативність, (7) оптимізм. Фраземи, наведені дослідницею, повністю підтверджують специфіку вербалізації цих характеристичних рис особистості.

Психолінгвистические основы вербальной характеристики личности и языковой картины мира героев художественной литературы (2008) – дисертаційне дослідження Ірини Мазирки на звання доктора філологічних наук. Учена констатує наявність самостійного наукового напрямку — *особистісно-орієнтована психоакцентуація*, уперше залучаючи до дослідження теорію лінгвоконцептології та зосереджуючись на вивченні письменницьких індивідуально-авторських концептів, що послідовно виявляються в їхніх художніх текстах, зокрема й під час моделювання мови героїв художніх текстів, виявляючи психотипи окремих письменників. На матеріалі англійських, американських і російських художніх текстів вона досліджує своєрідність концептуалізації та вербалізації різних видів акцентуації, передусім *шизоїдної* та *епілептоїдної*. Серед персонажів художніх текстів детально характеризує образ Гамлета (*шизоїдна* акцентуація в поєднанні з *істероїдною*), образ Уіма – героя роману *Полночные воспоминания* американського письменника Сідні Шелдона (*шизоїдна* акцентуація в поєднанні з *епілептоїдною*), образи Ромео і Джульєти В. Шекспіра (*циклоїдна* акцентуація

в поєднанні з *істероїдною*) та ін. Вона пропонує опис психічних захворювань, характерних для героїв художніх текстів.

У кандидатській дисертації *Семантическое поле истероидной акцентуации личности* Тетяна Прокоф'єва досліджує зміст та структуру семантичного поля істероїдної акцентуації особистості, а також особливості формування лінгвістично автентичного й психологічно адекватного особистісно-орієнтованого англломовного спілкування істероїдних акцентуантів, тобто залучає й педагогічний (методичний) аспект [Прокоф'єва 2009]. На думку цієї дослідниці, істероїдні акцентуанти – це люди мистецтва, які люблять грати на публіку, не залишаються непоміченими в суспільстві, можуть працювати з великим ентузіазмом. Семантичне поле цього виду акцентуації складають фрази на позначення зухвалості, незрозсудливості, наснаги до роботи та ін.

Дослідження Т. Інкіної, В. Ляліної, О. Гур'яничевої, І. Мазирки, Т. Прокоф'євої концептуально єднає те, що у всіх них повністю актуалізовано теорію К. Леонгарда, частково – А. Личка; матеріалом дослідження вони обрали в основному англломовний художній дискурс. Наукові розвідки названих учених близькі за методологічними засадами: у всіх описуються моделі фразеосемантичних полів, а також лексико-граматичні особливості фразем на позначення позитивних чи негативних рис акцентуєваних особистостей, явище мовної дифузності, що відбувається в межах виокремлених полів; теорія підкріплюється результатами експериментів, спрямованих на роботу з учнями загальноосвітніх шкіл.

Наявність подібних наукових розробок свідчить про популярність окресленого дослідницького напрямку. Помітним є те, що дослідження текстової психоакцентуації переважно здійснені на матеріалі текстів (дискурсу) російських чи англійських письменників. Відсутність наукових фундаментальних праць, присвячених опису психоакцентуації характеру мовної особистості, виявленого на матеріалі текстів (дискурсу) української художньої літератури, спонукали авторку цієї статті заповнити прогалину. У кількох наукових розвідках продемонстровано наявність *істероїдних рис* у художньому мовленні Лесі Українки та Пантелеймона Куліша, описано вербалізацію *депресії* та *нарцисизму* в художніх текстах Ольги Кобилянської, *гіпертичності* – у художній творчості Володимира Винниченка, *епілептоїдності* – у текстах Федора Потушняка, *емотивності* та *афективної екзальтованості* – у поетичному дискурсі Тараса Шевченка, *параноїдності* – у новелах Михайла Коцюбинського, *депресії* – у творчому спадку Івана Чендея¹.

¹ Див. про це детально: В. Папіш. 2012. *Психолінгвістичні особливості художньої мови І. Чендея*. „Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Соціальні

Вивчаючи особливості акцентуйованих осіб, опираємося на теорію К. Леонгарда та А. Личка, приймаємо й методику В. Беляніна, хоч вона потребує вдосконалення, оскільки, як бачимо, теорія акцентуації зайшла «в глухий кут» і не оновлюється упродовж останніх років. Крім В. Беляніна, її ніхто не поглиблював. Поняття психологічної акцентуації відсутні в авторитетних лінгвістичних словниках та енциклопедіях, серед яких: *Словник лінгвістичних термінів* Дмитра Ганича та Івана Олійника [Ганич, Олійник 1985], *Українська мова: короткий тлумачний словник лінгвістичних термінів* Світлани Єрмоленко та ін. [Єрмоленко 2001], *Сучасна лінгвістика: Термінологічна енциклопедія* Олени Селіванової [Селіванова 2006], енциклопедія *Українська мова* (2011) та ін. Відсутній цей термін і в авторитетних словниках лінгвістичних термінів російського мовознавства, наприклад у *Словаре лингвистических терминов* Ольги Ахманової (2007), *Лингвистическом энциклопедическом словаре лингвистических терминов* (ред. Вікторія Ярцева, 1990) та ін., а також у найбільш авторитетному білоруському словнику лінгвістичних термінів *Опыт исторического словаря русской лингвистической терминологии* в 5 томах Михайла Булахова [Булахов 2002–2005]. Щасливим винятком є *Словник сучасної лінгвістики: поняття і терміни* в 4 томах українського вченого Анатолія Загнітка, де вміщено дефініції понять *акцентуація у психолінгвістиці, істероїдність, епілептоїдність* [Загнітко 2012, I, 34], хоч, звісно, цим метамова теорії психоакцентуації не вичерпується.

У сьогоднішніх умовах спостерігаємо нові підходи текстового аналізу, що дають змогу якісно розбудувати теорію психологічної акцентуації. Нагадаймо, що основною рисою психолінгвістики, що виокремлює її від власне лінгвістики, є, по-перше, урахування контексту, дискурсивних параметрів, чому сприяло й формування дискурслінгвістики, – це конкретна ситуація

комунікації”. Ужгород. Вип. 28: 183–187; *Мовна об’єктивізація психологічної акцентуації в оповіданні В. Винниченка «Таємна пригода»*. 2014. „Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства. Збірник наук. праць”. Вип. 19. Ужгород: 74–77; *Вербалізація емотивної та афективно-екзальтованої акцентуації у поетичному дискурсі Т. Шевченка*. 2014. „Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Соціальні комунікації”. Вип. 1: 350–354; *Мовні ресурси психологічного змісту в повісті О. Кобилянської «Земля»*. 2015. „Наукові записки національного університету «Острозька академія». Серія „Філологічна”. Вип. 53. Острого: 183–185; *Психолінгвістичне декодування новели М. Коцюбинського «Цвіт яблуні»*. 2015. „Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства. Збірник наук. праць”. Вип. 20. Ужгород: 66–68; *Темні реєстри Потушнякового слова*. 2020. В: *«Challenges and achievements of European countries in the area of philological researches»*. Venice, Italy: 150–164; *Лінгвоперсона Лесі Українки у фокусі психоакцентуації: принципи аналізу*. 2021. „Грамаічні читання – XI. Матеріали Міжнародної науково-теоретичної конференції”. 13–14 травня 2021. Вінниця: 91–196.

(фрагмент дійсності з урахуванням відповідних соціальних і психологічних умов спілкування), реальність, у якій відбувається сприйняття мовленнєвого витвору; по-друге, психолінгвістика актуалізує чинник мовленнєвої особистості (лінгвоперсони і як конкретної особистості, і як певного народу загалом) – рефлексію продуцента/реципієнта під час породження і сприйняття мовлення, що призвело до зародження теорії лінгвоперсонології. Новітній фокус текстового (дискурсивного) аналізу передбачає осмислення тексту (дискурсу) на рівні теорії лінгвоперсонології, вияву індивідуально-авторської креативності, особливої ролі дискурсивних слів. У цьому плані активно працює Тетяна Космеда [Космеда 2006; 2012]. Текстовий зміст не зводять лише до суми його складників, що характерно для досліджень кінця ХХ століття. На думку білоруської вченої Оксани Уланович, текст розглядають як соціальне, психічне й психологічне явище: акт рефлексії особистості продуцента/реципієнта (мовленнєвої особистості, а не просто «ідеального» носія мови), що переломлюється крізь певний соціокультурний мовленнєвий контекст. Це свого роду спосіб відображення докільця в мовній свідомості особистості за допомогою елементів системи мови у відповідному комунікативному потоці [див.: Уланович 2010, 131]. На часі оновлення теорії психоакцентуації з її проєкцією не лише на художній текст (дискурс), але й на его-текстовий простір (мемуари, щоденники, листи та інші вторинні тексти). Доцільним вважаємо введення нового терміна *лінгвопсихоакцентуація*, що дасть змогу показати систему лінгвістичних методів дослідження психоакцентуації. Оновлену теорію лінгвопсихоакцентуації плануємо розгорнути в наступних авторських розвідках.

Отже, в історії формування та розвитку вчення про психологічну акцентуацію можна умовно виділити кілька дослідницьких періодів: перший (початковий) період – виникнення теорії акцентуації в межах психіатрії, що припадає на 1976–1977 роки (К. Леонград, А. Личко); другий період – це 2002–2003 роки, коли простежуємо трансформацію теорії, запропонованої психіатрами, у лінгвостилістику та лінгвістику тексту – психоакцентуаційна класифікація художніх російськомовних текстів (В. Белянін), третій період відзначається моделюванням відповідних фразеополів у межах художніх англійськомовних текстів (аспектуальний аналіз) на основі актуалізації методики психоакцентуації, частково актуалізується й теорія лінгвоконцептології, результати психоакцентуації використовують у методиці викладання іноземних мов (методичний та педагогічний аспекти), що здійснюють у 2005–2009 роках представники російської наукової школи Є. Чалкової (Т. Інкіна, В. Ляліна, Т. Прокоф'єва, О. Гур'яничева, І. Мазирка); четвертий

(сучасний) період, початок якого датуємо 2010 роком, триває до сьогодні: простежуємо дослідження психологічної акцентуації в руслі новітньої теорії психолінгвістики на матеріалі українськомовної прози (В. Папіш). Між першим і другим періодами спостерігався сповільнений поступ дослідження зазначеної проблеми у зв'язку з ідеологічними заборонами радянської епохи. Після розпаду Радянського Союзу теорія психоакцентуації була частково «реанімована». Як показали авторські спостереження, найбільш продуктивно аналізована теорія розробляється в російському мовознавстві. В українській лінгвістиці методика психоакцентуації здійснюється на матеріалі англomовної літератури, залучаються постулати теорії жанрології, комунікативної лінгвістики (Я. Бондаренко), дослідження на матеріалі української художньої прози тільки починаються (В. Папіш), але є добра перспектива спроектувати методику психоакцентуації на теорію его-тексту, дискурслінгвістику, лінгвоперсонологію, лінгвістику креативу (Т. Космеда). У білоруському мовознавстві безпосередньо прихильників теорії психоакцентуації не виявлено, однак В. Маслова та О. Уланович досліджують художній дискурс у психолінгвістичній площині, що є основною умовою текстуального виявлення імпліцитної акцентуації.

У вивченні психоакцентуації залишається чимало невирішених проблем, що стосуються формування її метамови, зокрема простежуємо некодифікованість поняття *психоакцентуація* в сучасних мовознавчих термінологічних лексикографічних джерелах, є потреба у вдосконаленні методики психоакцентуаційного аналізу, дослідницьких аспектів та ін.

БІБЛІОГРАФІЯ

- Ахманова Ольга Сергеевна. 2007. *Словарь лингвистических терминов*. 4-е изд. Москва: Едиториал УРСС.
- Белянин Валерий. 2000. *Основы психолингвистической диагностики (Модели мира в литературе)*. Москва: Тривола. (online): http://www.pedlib.ru/Books/3/0476/3_0476-259.shtml (доступ 03.02.2019).
- Белянин Валерий Павлович. 2003. *Психолингвистика: Учебник*. Гл. ред. Фельдштейн Д.И. Москва: Флинта: Московский психолого-социальный институт.
- Бондаренко Яна Олексіївна. 2002. *Дискурс акцентуованих мовних особистостей: комунікативно-когнітивний аспект (на матеріалі персонажного мовлення в сучасній американській художній прозі)*. Автореф. дис. ...канд. філол. наук. Київ.
- Булахов Михаил Гапеевич. 2002–2005. *Опыт исторического словаря русской лингвистической терминологии: в 5 т.* Минск: БГПУ.
- Ганич Дмитро Іванович, Олійник Іван Степанович. 1985. *Словник лінгвістичних термінів*. Київ: Вища школа.
- Гурьянычева Ольга Юрьевна. 2006. *Фразеосемантическое поле гипертимной акцентуации личности*. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Москва.

- Загнітко Анатолій. 2012. *Словник сучасної лінгвістики: поняття і терміни: в 4 т.* Донецьк: ДонНУ.
- Єрмоленко Світлана Яківна та ін. 2001. *Українська мова: короткий тлумачний словник лінгвістичних термінів.* Київ: Либідь.
- Инкина Татьяна Сергеевна. 2005. *Фразеосемантическое поле эпиптоидной акцентуации личности. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук.* Москва.
- Космеда Тетяна. 2006. *Комунікативна компетенція Івана Франка: міжкультурні, інтерперсональні, риторичні виміри.* Львів: Видавництво ПАІС.
- Космеда Тетяна Анатоліївна. 2012. *Ego і Alter Ego Тараса Шевченка в комунікативному просторі щоденникового дискурсу.* Дрогобич: Коло.
- Леонгард Карл. 2000. *Акцентуированные личности.* Ростов-на Дону: Феникс.
- Личко Андрей Евгеньевич. 2010. *Психопатии и акцентуации характера у подростков.* Санкт-Петербург: Речь.
- Лингвистический энциклопедический словарь.* 1990. Гл. ред. Ярцева В. Москва: Советская энциклопедия.
- Лялина Виктория Александровна. 2005. *Фразеосемантическое поле шизоидной акцентуации личности: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук.* Москва.
- Мазирка Ирина Олеговна. 2008. *Психолингвистические основы вербальной характеристики личности и языковой картины мира героев художественной литературы. Автореф. дисс. д-ра филол. наук.* Москва.
- Маслова Валентина Авраамовна. 1992. *Онтологические и психолингвистические аспекты экспрессивности текста. Автореф. дисс. ...д-ра филол. наук.* Минск.
- Прокофьева Татьяна Викторовна. 2009. *Семантическое поле истероидной акцентуации личности. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук.* Москва.
- Селіванова Олена. 2006. *Сучасна лінгвістика. Термінологічна енциклопедія.* Полтава: Довкілля.
- Українська мова. Енциклопедія.* 2011. Ред. Муромцев І. В. Київ: Видавництво «Майстерклас».
- Уланович Оксана Ивановна. 2010. *Психолингвистика: учеб. пособие.* Минск: Изд-во Гревцова.

REFERENCES

- Akhmanova Ol'ga Sergeevna. 2007. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 4-ye izd. Moscow, Editorial URSS. (In Russian)
- Belyanin Valeriy. 2000. *Osnovy psiholingvisticheskoy diagnostiki* [Fundamentals of psycholinguistic diagnosis (Models of the world in literature)]. Moscow. Available at: http://www.pedlib.ru/Books/3/0476/3_0476-259.shtml (Accessed 03 February 2019). (In Russian)
- Belyanin Valeriy Pavlovich. 2003. *Pyskhoholnhvystyka: Uchebnyk* [Pisholinguistics: A Textbook]. Moscow, Flynta. (In Russian)
- Bondarenko Yana Oleksiivna. 2002. *Dyskurs aktsentuiovanykh movnykh osobystostei: komunikatyvno-kohnityvnyi aspekt (na materialy personazhnoho movlennia v suchasni amerykanskii khudozhnii prozi)* [Discourse of accentuated modern features: community-cognitive aspect (on the material of the character Moving Forward in American Artistic Prose)]: *Avtoref. diss. ...kand. filol. nauk.* Kiev. (In Ukrainian)
- Bulakhov Mikhail Gapeyevich. 2002–2005. *Opyt istoricheskogo slovarya russkoy lingvisticheskoy terminologii: v 5 vol.* [Experience of the Historical Dictionary of Russian Linguistic Terminology in 5 volumes]. Minsk, BGPU. (In Russian)
- Єрмоленко Світлана Яківна та ін. 2001. *Українська мова: короткий тлумачний словник лінгвістичних термінів* [Ukrainian language: a short explanatory dictionary of linguistic terms]. Kiev, Libid'. (In Ukrainian)

- Ganich Dmitro Ivanovich, Oliynik Ivan Stepanovich. 1985. *Slovník lingvistichnikh terminiv* [Glossary of linguistic terms]. Kiev, Vishcha shkola. (In Ukrainian)
- Gur'yanycheva Ol'ga Yur'evna. 2006. *Frazeosemanticheskoye pole gipertimnoy aktsentuatsii lichnosti* [Phraseosemantic field of hyperthymic accentuation of personality]: *Avtooref. diss. ...kand. filol. nauk.* Moscow. (In Russian)
- Inkina Tetiana Sergeevyevna. 2005. *Frazeosemanticheskoye pole epileptoidnoy aktsentuatsii lichnosti* [Phraseosemantic field of epileptoid accentuation of personality]: *Avtooref. diss. ...kand. filol. nauk.* Moscow. (In Russian)
- Kosmeda Tetyana. 2006. *Komunikatyvna kompetentsiya Ivana Franka: mizhkul'turni, interpersonal'ni, rytorychni vymiry* [Communicative competence of Ivan Frank: multicultural, interpersonal, rhetorical vimiry]. Lviv, Vydavnytstvo PAIS. (In Ukrainian)
- Kosmeda Tetyana Anatoliivna. 2012. *Ego i Alter Ego Tarasa Shevchenka v komunikatyvnomu prosutorish chodennykovoho dyskursu* [Ego i Alter Ego of Taras Shevchenko in the communal space of the school discourse]. Drohobich, Kolo. (In Ukrainian)
- Leongard Karl. 2000. *Akcentuirovannye lichnosti* [Accented personalities]. Rostov-on-Don, Feniks. (In Russian)
- Lichko Andrey Yevgen'yevich. 2010. *Psihopatii i aktsentuatsii haraktera u podrostkov* [Psychopathy and character accentuation in adolescents]. St. Petersburg, Rech'. (In Russian)
- Lingvisticheskyy entsiklopedicheskyy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. 1990. Ed. Yartseva V. Moscow, Sovetskaya encyklopedia. (In Russian)
- Lyalina Viktoriya Aleksandrovna. 2005. *Frazeosemanticheskoye pole shizoidnoy aktsentuatsii lichnosti* [Phraseosemantic field of schizoid accentuation of personality]: *Avtooref. diss. ...kand. filol. nauk.* Moscow. (In Russian)
- Mazirka Irina Olegovna. 2008. *Psiholingvisticheskie osnovy verbalnoy harakteristiki lichnosti i yazykovo y kartiny mira geroev hudozhestvennoy literatury* [Psycholinguistic Foundations of Verbal characteristics of personality and linguistic picture of the world of heroes fiction]: *Avtooref. diss....d-ra filol. nauk.* Moscow. (In Russian)
- Maslova Valentina Avraamovna. 1992. *Ontologicheskyye i psiholingvisticheskiye aspekty ekspressivnosti teksta* [Ontological and psycholinguistic aspects of the expressiveness of the text]: *Avtooref. diss....d-ra filol. nauk.* Minsk. (In Russian)
- Prokofjeva Tetyana Viktorovna. 2009. *Semanticheskoye pole isteroidnoy aktsentuatsii lichnosti* [Semantic field of hysteroid accentuation personalities]: *Avtooref. diss. ...kand. filol. nauk.* Moscow. (In Russian)
- Selivanova Olena. 2006. *Suchasna lingvistika. Terminologichna yentsiklopediya* [Modern linguistics. Terminological encyclopedia]. Poltava, Dovkillya. (In Ukrainian)
- Ulanovych Oksana Ivanovna. 2010. *Psikholyngvistyka: ucheb. posoby* [Psycholinguistics: textbook. Allowance]. Minsk, Yzd-vo Hrevtsova. (In Russian)
- Ukrains'ka mova. Yentsiklopediya* [Ukrainian language. Encyclopedia]. 2011. Ed. Muromtsev I.V. Kiev, Vidavnytstvo "Maysterklas". (In Ukrainian)
- Zagnitko Anatoliy. 2012. *Slovník suchasnoilingvistiki: ponyattya i termini: v 4 vol.* [Dictionary of modern linguistics: concepts and terms in 4 volumes]. Donetsk, ДОННУ. (In Ukrainian)

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.7118>

Дата подачи статьи: 30 июня 2021 г.

Дата принятия к печати: 20 августа 2021 г.

ЗАБАВНАЯ ИСТОРИЯ ИЗ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Ольга Хорохордина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Hankuk University of Foreign Studies (HUFS), Seoul, Republic of Korea

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0598-6353>e-mail: o.khorohordina@spbu.ru

Xiaotang Zheng

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7022-3961>e-mail: zhengxiaotang19@mail.ru

Аннотация: Авторы статьи анализируют тексты интернет-коммуникации, выделяют речевой жанр забавной истории из жизни животных, выявляют его типологические параметры в соответствии с концепцией Михаила Михайловича Бахтина, показывают стиливое своеобразие, обусловленное ироническим письменно-разговорным изложением сюжета, сопоставляют указанный жанр интернет-общения с родственным ему немедийным жанром байки, демонстрируют сходства и различия сравниваемых жанров. Авторы отмечают, что жанр забавной истории из жизни животных обнаруживает принадлежность к среде интернет-коммуникации такими своими свойствами, как аттрактивность эмоциогенной ситуации, лежащей в основе его сюжета, гипертекстуальная связь в рамках развлекательных сайтов, форумов, каналов исходного текста с другими нарративными текстами того же жанра, а также с реактивными репликами-комментариями, где реализуется сокращенный вариант данного жанра и из совокупности которых формируется полилог как отражение интерактивности интернет-общения. Авторы констатируют родственность жанров байки и забавной истории из жизни животных и обращают внимание на перспективность изучения специфики интернет-жанров на фоне их немедийных аналогов. Материалом исследования послужили 40 интернет-текстов.

Ключевые слова: речевой жанр, интернет-коммуникация, книжно-письменная речь, устно-разговорная речь, категория комического

Submitted on 30 June, 2021

Accepted on 20 August, 2021

A FUNNY STORY FROM THE LIFE OF ANIMALS AS A SPEECH GENRE OF INTERNET COMMUNICATION

Olga Khorokhordina

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Hankuk University of Foreign Studies (HUFS), Seoul, Republic of Korea

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0598-6353>

e-mail: o.khorokhordina@spbu.ru

Xiaotang Zheng

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7022-3961>

e-mail: zhengxiaotang19@mail.ru

Abstract: The authors of the article analyze selected texts of Internet communication, identify the speech genre of a funny story from the life of animals, identify its typological parameters in accordance with a concept developed by Mikhail Bakhtin, show the stylistic originality of the ironically written and spoken presentation of the plot, compare the specified genre of Internet communication with the related non-media genre of funny stories, and demonstrate the similarities and differences between the compared genres. The authors note that the genre of a funny story from the life of animals reveals its belonging to the Internet communication environment with such properties as the attractiveness of the emotiogenic situation underlying its plot, hypertextual connection within the frame of entertainment sites, forums, and channels of the source text with other narrative texts of the same genre as well as with reactive replicas-comments, where an abbreviated version of this genre is implemented and from whose totality a polylogue is formed as a reflection of the interactivity of Internet communication. The authors state the kinship of the compared genres and pay attention to the prospects of studying the specifics of Internet genres against the background of their non-media counterparts. The research material consists of 40 Internet texts.

Keywords: speech genre, Internet communication, written speech, oral speech, comic category

1. Исходные положения исследования

Интернет-коммуникация как неотъемлемая часть современной жизни в силу своей полифункциональности позволяет человеку удовлетворять собственнo коммуникативные, познавательные и развлекательные потребности [Фаблинова 2012, 348].

Рассматривая дискурс Интернета, лингвисты отмечают, что его отдельные речевые жанры (далее – РЖ), как и специфика жанровой системы в целом отражают «процесс приспособления человеком известных ему коммуникативных практик и норм общения к новым техническим условиям» [Щипицина 2014, 34]. Такие черты сетевого дискурса, как виртуальность, жизнеподобие, интерактивность, гипертекстуальность, аттрактивность существенно влияют на трансформацию в нём «бумажных» РЖ [см., например, Лутовинова 2006; Горошко 2007; Горина, Лазарева 2014]. РЖ, понимаемый нами вслед за М.М. Бахтиным [Бахтин 1986] как модель высказывания, сформированная в практике общения и хранящаяся в сознании носителя языка, определяется совокупностью таких параметров, как замысел (интенция), тема, композиция и стиль (характерный набор языковых средств). РЖ по структурно-смысловой сложности делятся М.М. Бахтиным на первичные, характерные для повседневно-бытового общения, и вторичные, отражающие процесс осмысленной авторской обработки.

Материалом нашего исследования послужили отобранные с 8 различных сайтов 40 интернет-текстов, содержащих забавные истории из жизни животных, результаты когнитивно-коммуникативного анализа этих текстов и представлены в данной статье.

2. Типологическая характеристика РЖ забавной истории из жизни животных

Анализ текстового материала позволил выявить основания для рассмотрения забавной истории из жизни животных как особого РЖ интернет-коммуникации. Подчеркнём, что есть сферы и ситуации жизни, интенсивное отражение которых характерно именно для интернет-дискурса со свойственным ему (в силу существенной ориентации на развлекательность и аттрактивность) обращением к тому, что вызывает умиление и улыбку у пользователей, привлекая их внимание к определённому участку интернет-общения. Одна из таких сфер – жизнь животных.

Обобщённо **тема** отобранных нами текстов отражает ситуацию из жизни домашнего животного, комичность которой побудила автора создать и опубликовать в интернете письменный текст, чтобы поделиться с массовым адресатом своей историей и вызванным ею весёлым настроением.

Следовательно, общая доминантная **интенция** авторов текстов рассматриваемого жанра – развлечь адресата забавной историей из жизни животных и объединиться тем самым в виртуальном общении с людьми, имеющими близкие интересы.

Стилевые и композиционные особенности анализируемого РЖ отражают «разговорно-письменный характер» [Иванова 2019, 21] интернет-общения, с одной стороны, со свойственными ему чертами устно-разговорной речи – прежде всего неофициальной, непринужденной тональностью коммуникации и обыденной тематикой общения; с другой, с присущими книжно-письменной речи структурированностью и логичностью изложения, обусловленными возможностью продумать форму выражения мысли.

Осмысленная классическая композиция: вступление – основная часть – заключение – реализована в 38 из 40 текстов нашей выборки. При этом вступление дает фоновую информацию о главных участниках истории, их характеристиках; месте и времени развёртывания истории; указание на статус автора по отношению к событию как денотату истории – наблюдатель / участник и рассказчик или пересказчик услышанной истории; в основной части содержится развитие сюжета истории: от завязки к кульминации и развязке; в заключении зачастую автор делает вывод, даёт комментарии или формулирует мораль рассказанной истории. В 2 из 40 текстов заключение не выражено эксплицитно: вероятно, кульминация истории воспринимается автором как самый комичный момент, в связи с чем читателю предлагается самостоятельно домыслить её финал. Кроме того, 2 текста содержат концептуализирующие заголовки – «Бешеная кошка» и «Уважаемый кот»; в 2 текстах тезис выступает как исходный компонент текста, 1 из таких текстов завершается выводом – этот текст представляет собой своеобразную стилизацию под научный отчёт:

Говорят, котики реагируют не на слова, а на интонацию. Дома три кота. **Провела эксперимент:** ласково говорила им плохие вещи и злобно – хорошие. **Вывод: мои котики реагируют именно на текст. А вот мой муж – только на интонацию...**¹ [*Говорят, котики реагируют... online*].

¹ Здесь и далее сохраняется орфография и пунктуация авторов цитируемых текстов.

Стилевая специфика анализируемого РЖ, обусловленная двойной ориентацией на нормы книжно-письменной и устно-разговорной речи, в анализируемых текстах проявляется в отборе и сочетании разностилевых языковых средств, однако широко употребляемые книжные языковые единицы, в норме повышающие стилистический статус речи, здесь используются для номинации обиходно-бытовых реалий, что создаёт диссонанс, порождающий **комический** эффект.

Остановимся подробнее на реализации в анализируемых текстах категории **комического**, поскольку она является конститутивной чертой жанра забавной истории из жизни животных.

3. Средства реализации категории комического как конститутивного признака РЖ забавной истории из жизни животных

Комический замысел является результатом познания и осмысления окружающего мира [Плотникова 2011, 7] и реализуется на денотативном и/или на вербальном уровне. Комический эффект в тексте, с одной стороны, возникает в результате акцентирования автором в изображаемой ситуации необычного «набора» её компонентов (участников, объектов, инструментов и т.п.) и/или логических нарушений сценария её развёртывания; с другой стороны, комизм обнаруживается в нарушении норм словоупотребления. Филологи по-разному интерпретируют соотношение явлений «ситуативного комизма» и «лингвистического комизма» [Лиулиенталь 2014, 116–120]. Мы разделяем точку зрения, согласно которой ситуативный и лингвистический комизм сопряжены между собой: ситуативный комизм может усиливаться или, напротив, редуцироваться под воздействием манеры речи адресанта [Капацинская 2007, 226]. Приведём пример:

Все согласятся, что собаки знают, когда с ними пойдут гулять. Они изучают наши **предпрогулочные действия** и... **вырабатывается инстинкт. Мой собак** не глупее других – он тоже знает. Когда я исполняю **совершенно ненужный, с его точки зрения**, ритуал питья кофе утром или чая вечером он **сидит по стойке смирно**, но когда я иду в прихожую и беру поводок – он начинает лаять... Сегодня днём, в абсолютно **внепрогулочное время**, пошла в прихожую посмотреть на календарь, и думала я абсолютно о другом. Или о третьем. **Собак** начал лаять. Я немедленно взяла поводок и одела на него. **Выработался инстинкт**. В общем, пришлось идти гулять... **Собаки Павлова... хозяева Павлова...** [*Все согласятся, что собаки знают...* online].

Ироническая манера изложения в приведённом тексте, как и в анализируемых нами текстах вообще, может формироваться за счёт взаимодействия целого ряда языковых средств и речевых приёмов, таких как: окказионализмы для номинации животного в соответствии с его полом (*собак*), трансформации устойчивых сочетаний (*сидеть по стойке смирно*); «очеловечивание» животных за счёт изложения их «взглядов на жизнь»; общая схема композиции фрагментов текста, проявляющих аналогичные сценарии действий животного и хозяина; стилизация под научное изложение с использованием терминов (*вырабатывается инстинкт, выработался инстинкт*) и окказиональных псевдотерминов (*предпрогулочные действия, внепрогулочное время*), апелляции к прецедентным феноменам и употребления их номинаций в нормативном и трансформированном виде (*собаки Павлова... хозяева Павлова*).

Комический эффект истории может усиливаться и за счет использования в речи прецедентных феноменов, интерпретирующих ситуации из жизни животных в человеческой культурной парадигме. Приведем пример использования в трансформированном виде цитаты из романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина в заключительной части текста:

У моего попугая появилась зазноба – голубиха, которая каждый день прилетает на окно и через стекло с ним общается. Он даже начал вырывать кусочки разноцветной бумаги и украшать себя, чтобы выглядеть более привлекательным. **Любви, видимо, не только все возрасты покорны, но и видовые отличия** [*История 3, online*].

Ироническая манера изложения может опираться в тексте и преимущественно на один приём – изложение ситуации из жизни в «низменном» пространстве (например, в тюрьме) средствами «высокого» стиля (*благотворное влияние, всеобщим уважением пользовался, в полном соответствии с тюремным этикетом*). Столкновение в одном контексте тюремного арго (*шмон*) и поэтизмов (*чёрствые души*), используемых для характеристики социально осуждаемых феноменов (*насильников и убийц*), существенно усиливает комическую тональность текста.

В камерах часто держат котов, на что администрация смотрит сквозь пальцы – во-первых, какая-никакая защита от крыс, во-вторых, наверное рассчитывает на **благотворное влияние** мягкого и пушистого **на чёрствые души** насильников и убийц. Так вот, **всеобщим уважением** с обеих сторон **пользовался** кот по кличке Валет. Знаменит он был тем, что **во время проведения так называемого «шмона», т.е. обыска камер,** когда все заключенные выстраиваются

вдоль стены руки на стену, пристраивался в хвост шеренги, вставал на задние лапы, а передние, **в полном соответствии с тюремным этикетом**, клал на стену и терпеливо дожидался конца процедуры [*Уважаемый кот*, online].

Таким образом, ситуативный комизм РЖ забавной истории из жизни животных усиливается отбором и сочетаемостью языковых и лингвокогнитивных средств, а также широким использованием речевых экспрессивных приёмов.

4. РЖ байки и РЖ забавной истории из жизни животных: сходства и отличия

В целом РЖ забавной истории из жизни животных обнаруживает своей ориентацией на ситуативный юмор сходство с РЖ байки (= смешной истории). Однако в байке сюжет скорее вымышлен, чем реален, и только «замаскирован автором под реальный случай, – казалось бы, невероятный, но якобы действительно произошедший», «повествование ведётся в прошедшем времени, а предваряется байка обычно вводным предложением-экспозицией, представляющим собой привязку к реальности» [Орлова, Петренко 2016, 46–47]. В байке повествователь, как правило, не является героем, повествование ведётся преимущественно от 3-его лица. В современной русской коммуникации этот жанр получил распространение в литературно-художественной обработке в творчестве таких писателей, как С. Довлатов, М. Веллер, Евг. Попов.

Выделяемый нами в интернет-коммуникации РЖ забавной истории из жизни животных тематически ограничен, имеет в основе сюжета реальную ситуацию, которую рассказчик (как правило, вместе с тем и её наблюдатель, и / или участник) стремится представить в повествовании преимущественно от 1-го лица и чаще всего в репродуктивном регистре, чтобы побудить адресата как бы пронаблюдать и прожить ситуацию в момент восприятия текста, при этом нередко история завершается шуточной моралью. Получив широкое распространение именно в связи с развлекательной зоной интернет-коммуникации, этот жанр процветает на специализированных форумах, в связи с чем каждая отдельная история существует в составе гипертекста, состоящего нередко не просто из текстов того же жанра, а текстов, отражающих одну и ту же ситуацию. Например, «топик “Мурка оказалась Мурзиком:)” форум Дом > Животные».

В силу интерактивности интернет-коммуникации выделяемый нами жанр может быть представлен как в виде полноценного текста, так и в свернутом виде в реплике-комментарии:

Автор: tacc **Статус:** Опытный пользователь **Время:** 13:07 **Дата:** 09 янв 2007
(...) мы вычислили, что это КОТ. Потащила его маме, надеясь, что нас вместе с ним не выгонят. Понравился, назвали Мавриком. Через какое-то время одна знакомая посмотрела на нашего „котика” и заявила: „А Маврик-то ваш того, беременный”. Так Маврик стал Манькой. :)

Автор: Crystalik **Статус:** Пользователь **Время:** 19:21 **Дата:** 09 янв 2007
Весело:) У нас тоже так было, давно, правда:)

Автор: Anonymous **Статус:** анонимный пользователь **Время:** 00:30 **Дата:** 08 янв 2007

А у наших соседей Мурзик оказался Муркой :)

Автор: Пиковая Дама **Статус:** Опытный пользователь **Время:** 17:37 **Дата:** 08 янв 2007
У моей мамы тоже кот оказался кошкой. пока не окотилась даже и не подозревали :-)
[“*Мурка оказалась Мурзиком:*” online].

Комментарии к исходному тексту содержат множество аналогичных историй, чем утверждают реальность ситуации, лежащей в основе его сюжета, а также придают ему статус реплики-стимула в фатическом полилоге, удовлетворяющем потребность участвующих в нём пользователей в развлекательном общении.

5. Заключение

Проанализировав отобранные тексты с опорой на теорию речевого жанра М. М. Бахтина, мы выделяем речевой жанр интернет-коммуникации «забавная история из жизни животных» как *вторичный* жанр, который характеризуется типичной доминантной интенцией *развлечь* читателей и общим тематическим содержанием – *забавным, курьёзным случаем* из реальной жизни домашнего животного, изложенной автором на основании собственных наблюдений или (существенно реже) на основании сообщения об этом другого лица, что, как правило, находит отражение в нарративной рамке текста, которая может указывать на ввод либо в рассказ истории, либо в её пересказ. Тексты данного жанра строятся преимущественно по классической композиционной модели: *вступление – основная часть – заключение* – и отличаются многоаспектным взаимодействием книжно-письменной и устно-разговорной функциональных разновидностей современного рус-

ского языка, на чём, в частности, базируется и лингвистический комизм, усиливающий в рассматриваемом жанре речи комизм ситуативный.

Указанные черты исследуемого речевого жанра обнаруживают его принадлежность к сфере развлекательной интернет-коммуникации, где он выступает в составе гипертекста, формируемого из множества изложенных историй того же РЖ в полноценном нарративном тексте или в усечённых версиях в реактивных репликах-комментариях.

Проведённое сопоставление выделенного жанра забавной истории из жизни животных и байки показало, что жанр интернет-общения может рассматриваться как своего рода коммуникативный дериват по отношению к родственному внемедийному жанру, что указывает на целесообразность и перспективность такого рода сопоставительных исследований, результаты которых позволят сделать обоснованные выводы о специфике всей системы интернет-жанров.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бахтин Михаил. 1986. *Проблема речевых жанров*. В: М. Бахтин. *Литературно-критические статьи*. Москва: Художественная литература: 428–472.
- Все согласятся, что собаки знают...* (online) <https://www.anekdotovmir.ru/prikolno/citaty-vyskazyvaniya-vyrazheniya-i-drugoe/smeshnye-istorii-iz-zhizni/smeshnye-istorii-pro-zhivotnyx/chitat-smeshnye-istorii-iz-zhizni-pro-zhivotnyx/> (доступ 03.05.2021).
- Говорят, котики реагируют...* (online) https://pikabu.ru/story/raznaya_reaktsiya_4903775 (доступ 03.05.2021).
- Горошко Елена. 2007. *Теоретический анализ Интернет-жанров: к описанию проблемной области*. «Жанры речи» № 5: 370–389.
- Иванова Мария. 2019. *Активные речевые процессы в рунете*. В: *Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей III Международной научной конференции*. Москва, РУДН, 25 апреля 2019 г.: в 2 т. Т. 1. Москва: РУНД: 20–25.
- История 3*. (online) <https://novuyden.com/10-zabavnyh-istorij-o-zhivotnyh/> (доступ 03.05.2021).
- Капацкая Варвара. 2007. *Комический текст. Проблема выделения речевого и ситуативного комического в тексте*. «Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского» № 3: 224–228.
- Лиценталь Галина. 2014. *К вопросу о возможности разграничения лингвистического и ситуативного юмора*. «Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика» № 2: 113–120.
- Мурка оказалась Мурзиком* (online) https://eva.ru/static/forums/30/2007_1/843375.html (доступ 03.05.2021).
- Орлова Нина, Петренко Александр. 2016. *Функционирование жанра смешной истории / байки в творчестве С. Довлатова*. В: *Университетские чтения – 2016: Материалы научно-методических чтений ПГЛУ*. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет: 46–51.
- Плотникова Светлана. 2011. *Онтологический статус комического в коммуникации*. В: *Речевое общение: специализированный вестник*. Вып. 13 (21): Категория комического

- в аспекте теории и практики речевого воздействия. Ред. Сквородников А.П. Красноярск: Сибирский федеральный университет: 6–33.
- Уважаемый кот. (online) <https://veselka.mobi/09mar16/story5.html> (доступ 03.05.2021).
- Фаблинова Ольга. 2012. Возможности и последствия проведения досуга посредством использования Интернет-технологий. «Социологический альманах» № 3: 345–355.
- Щипицина Лариса. 2014. Виды гибридности в компьютерно-опосредованной коммуникации. «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика» т. 14, вып. 3: 30–35.

REFERENCES

- Bahtin Mihail. 1986. *Problema rečevyh žanrov* [The problem of speech genres]. In: M. Bahtin. *Literaturno-kritičeskie stat'i* [Literary and critical articles]. Moscow, Hudožestvennaâ literature, pp. 428–472. (In Russian)
- Fablinova Ol'ga. 2012. *Vozmožnosti i posledstviâ provedeniâ dosuga posredstvom ispol'zovaniâ Internet-tehnologii* [Opportunities and consequences of leisure activities through the use of Internet technologies]. "Sociologičeskij al'manah" no 3, pp. 345–355. (In Russian)
- Goroško Elena. 2007. *Teoretičeskij analiz Internet-žanrov: k opisaniû problemnoj oblasti* [Theoretical analysis of Internet genres: to the description of the problem area]. "Žanry reči" no 5, pp. 370–389. (In Russian)
- Govorât, kotiki reagiruiût...* [They say that cats react...]. Available at: https://pikabu.ru/story/raznaya_reaktsiya_4903775 (Accessed 3 May 2021). (In Russian)
- Ivanova Mariâ. 2019. *Aktivnye rečevye processy v runete* [Active speech processes in Runet]. In: *Äzyk i reč' v Internete: ličnost', obščestvo, kommunikaciâ, kul'tura: sbornik statej III Meždunarodnoj naučnoj konferencii. Moscow, RUDN, 25 aprilâ 2019 g. V dveh tomah*. [Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture: collection of articles of the III International Scientific Conference. Moscow, RUDN, April 25, 2019. In two volumes]. Vol. 1. Moscow, RUDN, pp. 20–25. (In Russian)
- Istoria 3* [History 3]. Available at: <https://novuyden.com/10-zabavnyh-istorij-o-zhivotnyh/> (Accessed 3 May 2021). (In Russian)
- Kapacinskâ Varvara. 2007. *Komičeskij tekst. Problema vydeleniâ rečevogo i situativnogo komičeskogo v tekste* [Comic text. The problem of distinguishing the verbal and situational comic in the text]. "Vestnik Nižegorodskogo universiteta im. N.I. Lobacevskogo" no 3, pp. 224–228. (In Russian)
- Liliental' Galina. 2014. *K voprosu o vozmožnosti razgraničeniâ lingvističeskogo i situativnogo ūmora* [On the question of the possibility of distinguishing linguistic and situational humor]. "Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriâ 9. Filologičeskoe. Vostokovedenie. Žurnalistika" no 2, pp. 113–120. (In Russian)
- "Murka okazalas' Murzikom:)" ["Murka turned out to be a Murzik:)]. Available at: https://eva.ru/static/forums/30/2007_1/843375.html. (Accessed 3 May 2021). (In Russian)
- Orlova Nina, Petrenko Aleksandr. 2016. *Funkcionirovanie žanra smešnoj istorii / bajki v tvorčestve S. Dovlatova* [The functioning of the genre of funny stories / tales in the work of S. Dovlatov]. In: *Universitetskie čteniâ – 2016: Materialy naučno-metodičeskikh čtenij PGLU* [University readings-2016: Materials of scientific and methodological readings of PSLU]. Pyatigorsk, Pätigorskij gosudarstvennyj lingvističeskij universitet, pp. 46–51. (In Russian)
- Plotnikova Svetlana. 2011. *Ontologičeskij status komičeskogo v kommunikacii*. In: *Rečevoe obščenie: specializirovannyj vestnik*. Is. 13 (21): *Kategoriâ komičeskogo v aspekte teorii i praktiki rečevogo vozdejstviâ* [The ontological status of the comic in communication. In: Speech communication: a specialized bulletin. Issue 13 (21): The category of the comic in the aspect of the theory and

- practice of speech influence]. Ed. Skovorodnikov A.P. Krasnoyarsk, Sibirskij federal'nyj universitet, pp. 6–33. (In Russian)
- Šipicina Larisa. 2014. *Vidy gibridnosti v komp'ûterno-oposredovanoj kommunikacii* [Types of hybridity in computer-mediated communication]. “Izvestiâ Saratovskogo universiteta. Novaâ seriâ. Seriâ: Filologîâ. Žurnalistika” Vol. 14, is. 3, pp. 30–35. (In Russian)
- Uvažaemyj kot* [The respected cat]. Available at: <https://veselka.mobi/09mar16/story5.html> (Accessed 3 May 2021). (In Russian)
- Vse soglasâtsâ, što sobaki znaût...* [Everyone will agree that dogs know...]. Available at: <https://www.anekdotovmir.ru/prikolno/citaty-vyskazyvaniya-vyrazheniya-i-drugoe/smeshnye-istorii-iz-zhizni/smeshnye-istorii-pro-zhivotnyx/chitat-smeshnye-istorii-iz-zhizni-pro-zhivotnyx/> (Accessed 3 May 2021). (In Russian)

Przekładoznawstwo

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.7119>

Data przesłania artykułu: 30 maja 2021 r.

Data akceptacji artykułu: 16 czerwca 2021 r.

WIECZÓR U KANTEMIRA I O CHARAKTERZE ŁOMONOSOWA KONSTANTINA BATIUSZKOWA ORAZ ICH POLSKI PRZEKŁAD

Magdalena Dąbrowska

Uniwersytet Warszawski, Polska

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4014-4725>

e-mail: m.dabrowska@uw.edu.pl

Abstrakt: Artykuł zawiera omówienie aneksów IV i Va do *Rysu historycznego literatury rosyjskiej* Nikołaja Grecza, wydane w przekładzie i opracowaniu Samuela Bogumiła Lindego (Warszawa, 1823). Aneksy zawierają szkice Konstantina Batiuszkowa *Wieczór u Kantemira* i *O charakterze Łomonosowa*. Antioch Kantemir (autor satyr klasycystycznych) i Michaił Łomonosow (uczony, poeta, autor ód panegirycznych) są oceniani przez Batiuszkowa z perspektywy preromantyzmu. Szkice Batiuszkowa zostały opublikowane w *Naukowej księdze literatury rosyjskiej* Grecza (Sankt-Petersburg, t. 1, 1819). Artykuł zawiera omówienie miejsca szkiców Batiuszkowa w strukturze polskiego wydania dzieła (rozdziały o Kantemirze, Łomonosowie i Batiuszkowie, przypisy; poprawki tłumacza). Kontekst interpretacyjny stanowi *Słownik języka polskiego* Samuela Bogumiła Lindego.

Słowa kluczowe: recepcja, przekład, Konstantin Batiuszkow, Antioch Kantemir, Michaił Łomonosow, Nikołaj Grecz, Samuel Bogumił Linde

Submitted on May 30, 2021

Accepted on June 16, 2021

**THE EVENING AT KANTEMIR'S
AND ABOUT LOMONOSOV'S CHARACTER
BY KONSTANTIN BATYUSHKOV
AND THEIR POLISH TRANSLATIONS**

Magdalena Dąbrowska

University of Warsaw, Poland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4014-4725>

e-mail: m.dabrowska@uw.edu.pl

Abstract: The present article discusses annex no. 4 and no. 5a to the *Historical Background of the Russian Literature* by Nikolay Gretsck, translated and edited by Samuel Bogumił Linde (Warszawa, 1823). The annex contains sketches *The Evening at Kantemir's* and *About Lomonosov's Character* by Konstantin Batyushkov. Antioch Kantemir (the author of classicist satires) and Mikhail Lomonosov (a scholar, poet, author of panegyric odes) are evaluated by Batyushkov in the light of pre-romanticism. Batyushkov's sketches were published in Gretsck's *Scientific Book of the Russian Literature* (Saint-Petersburg, vol. 1, 1819). This paper presents the place of Batyushkov's sketch in the structure of the Polish edition of the work (chapters dedicated to Kantemir, Lomonosov and Batyushkov, notes, translator's corrections). The interpretive context is *The Dictionary of the Polish Language* by Samuel Bogumił Linde.

Keywords: reception, translation, Konstantin Batyushkov, Antioch Kantemir, Mikhail Lomonosov, Nikolay Gretsck, Samuel Bogumił Linde

Z przedmowy Nikołaja Gniedicza do pierwszej części *Prób wierszem i prozą* Konstantina Batuszkowa z 1817 roku wynika, że na zbiór ten złożyły się utwory zamieszczone wcześniej w różnych wydawnictwach periodycznych oraz utwory dotychczas niepublikowane [Гнедич 1817, nlb.]. Do pierwszej grupy należy szkic *O charakterze Łomonosowa* (*О характере Ломоносова*) [Батюшков 1817a, 40–49], który ukazał się w czasopiśmie „Więstnik Jewropy” w 1816 roku [Батюшков 1816, 57–63], drugą reprezentuje szkic *Wieczór u Kantemira* (*Вечер у Кантемира*) [Батюшков 1817b, 50–80]. Oba szkice, określone przez Irinę Siemienko

jako „poświęcone źródłom nowej literatury rosyjskiej” [Семенко 1977a, 468]¹, trafiły do rąk polskich czytelników jako aneksy („dodatki”) do *Rysu historycznego literatury rosyjskiej* Nikołaja Grecza wydanego w przekładzie i opracowaniu Samuela Bogumiła Lindego w 1823 roku [Grecz 1823]. Dzieło Grecza, z którym Linde postanowił zapoznać czytelników polskich, ukazało się w Rosji w 1822 roku [Греч 1822]. Określenie „w opracowaniu” oznacza opatrzenie publikacji przez Lindego przedmową zatytułowaną *Przedmowa polskiego wydawcy* i dziesięcioma aneksami (*Wieczór u Kantemira* oraz *O charakterze Łomonosowa* noszą kolejne numery IV i Va; [zob. Batuszkow 1823a, 429–445; 1823b, 446–451]), a także – zarówno w części głównej, jak i w aneksach – dokonanie przez niego bądź skrótów przekładanego tekstu bądź, przeciwnie, jego uzupełnień w postaci różnych rodzajów przypisów. Szeroko rozumiane „nowe słowo” wniesione przez Lindego do *Rysu historycznego literatury rosyjskiej* jest tak znaczące, że praca przeszła do historii jako „polski Grecz”, zresztą za sprawą samego Lindego, posługującego się takim określeniem w listach do rosyjskiego znawcy i popularyzatora kultury polskiej Wasilija Anastasewicza [Linde 2013, 64].

„Polski Grecz” jako całość oraz jego poszczególne części składowe, pośród których pod wieloma względami *Wieczór u Kantemira i O charakterze Łomonosowa* zajmują wyjątkowe miejsce, stanowią cenny i wciąż niewyzyskany materiał do studiów historycznoliterackich o zorientowaniu komparatystycznym oraz do studiów nad przekładem. Albo inaczej: rzuca on światło na polsko-rosyjskie związki literackie w początkach XIX wieku, w szczególności dając odpowiedź na pytanie, jaką wiedzę o literaturze rosyjskiej posiadali polscy czytelnicy, a także daje wyobrażenie o praktyce przekładowo-edytorskiej tamtych czasów. Te dwie możliwości uzmysławia już przedmowa do „polskiego Grecza”, w której Linde przyznał, że za cel postawił sobie „oświecenie nas (tj. Polaków – M.D.) względem dawnego i teraźniejszego stanu literatury naszych pobratymców” i jednocześnie udostępnienie „materiałów do historii naszej własnej literatury, (...) wpływu naszej na ruską”, a jego stałą troską był „sposób tłumaczenia”, w którym starał się „o jak najskrupulatniejszą wierność”, bowiem „wierność zawsze jest najpierwszym koniecznym obowiązkiem tłumacza” [Linde 1823, III, XVII, XXIV, XXVII].

Wyjątkowość *Wieczoru u Kantemira i O charakterze Łomonosowa* wśród załączników do „polskiego Grecza” polega na tym, że zaznajamiają one czytelników od razu z trzema pisarzami: samym Konstantinem Batuszkowem i przedstawionymi przez niego Antiochem Kantemirem, wczesnym klasycystą rosyjskim, autorem satyr, oraz Michaiłem Łomonosowem, uczonym i poetą, twórcą ód

¹ Tu i dalej, o ile nie podano inaczej, przekład własny.

i programowej dla nurtu liryki obywatelskiej *Rozmowy z Anakreontem*. Oczywiście można powiedzieć, że z jeszcze większą rzeszą pisarzy zapoznają czytelników załączniki pomyślane jako omówienie całej literatury rosyjskiej (jak *Rzut oka na starożytną i nową literaturę w Rosji* Aleksandra Bestużewa) albo przegląd jej dokonań z okresu jednego roku (jak *Spis literatury ruskiej r. 1822* Faddieja Bułharyna), ale stworzony przez Batuszkowa portret Kantemira i Łomonosowa podlegał silniejszemu „przefiltrowaniu” przez jego osobowość artystyczną niż wizerunek pisarzy wzmiankowanych przez autorów opracowań przeglądowych. W kontekście *Wieczoru u Kantemira* pisał o tym Nikołaj Fridman: „Preromantyka Batuszkowa pociągała późna twórczość Kantemira, zawierająca obraz mędrca, który oddalił się od świata. [...] Batuszkow patrzył na twórczość Kantemira przez pryzmat własnej poezji preromantycznej jako wyższą wartość lansującej niezależność osobistą człowieka” [Фридман 1965, 118]. Podobny wniosek sformułowała Siemienko w odniesieniu do szkicu *O charakterze Łomonosowa*: Batuszkow przedstawia Łomonosowa „w duchu sentymentalno-romantycznego ideału «geniusza i uczuciowości» i odpowiednio do niego interpretuje epizody z jego życia” [Семенко 1977b, 503]. Epizody te pochodzą z okresu dzieciństwa i młodości Michaiła Łomonosowa na dalekiej rosyjskiej Północy, studiów w uniwersytetach niemieckich oraz kontaktów z Iwanem Szuwałowem. Oto jeden z fragmentów szkicu, odpowiadający – w takim właśnie kluczu – na pytanie o charakter Łomonosowa: „zapał do nauki, nieugaszone pragnienie wiadomości, stałość w przewyciężaniu przeszkód losu, śmiałość w przedsięwzięciach, uwieczniona świetnym skutkiem; wszystkie te przymioty połączone były z mocnymi namiętnościami, z pałającym sercem, albo raczej z tych pochodziły” (Batuszkow 1823b, 447). Przy pracy nad szkicem o Łomonosowie Batuszkow czerpał informacje z jego biografii włączonej do pierwszego tomu zbioru dzieł z 1784 roku, listów Łomonosowa do Szuwałowa i artykułu Michaiła Murawjowa *Zasługi Łomonosowa w nauce* (*Заслуги Ломоносова в учености*) [zob. Семенко 1977b, 503]. *Wieczór u Kantemira* zawiera zapis rozmowy poety z Monteskiuszem, Abbé V. i Octavienem de Guasco [zob. Алексеев 1955, 55–78; Радовский 1959, passim]. W przypadku życiorysu Kantemira Batuszkow skupił się na okresie służby dyplomatycznej w Paryżu, opierając się na jego biografii ze zbioru satyr wydanego w przekładzie francuskim [zob. Фридман 1965, 116]. Głównym tematem wymiany zdań jest w *Wieczorze u Kantemira* Rosja. Monteskiusz patrzył na państwo rosyjskie przez pryzmat teorii wpływu klimatu na ludzi. Kantemir zarzucił mu, że wypowiada się o surowym klimacie Rosji bez jego znajomości, klimat w tym wielkim kraju jest bowiem zróżnicowany; szybko też z tej kwestii skierował dyskusję w stronę problemu władzy. Batuszkow włożył w usta Kantemira zapowiedź pojawienia się

wybitnych poetów XVIII i początku XIX wieku, wśród których na plan pierwszy wysunął Łomonosowa. Istnieje zatem punkt styczny między Batuszkowowskimi szkicami o Kantemirze i Łomonosowie.

Wieczór u Kantemira i O charakterze Łomonosowa Linde zaczerpnął nie z wymienionego na wstępie zbioru *Próby wierszem i prozą*, ale z wcześniejszej od *Rysu historycznego literatury rosyjskiej* pracy Grecza na temat literatury rosyjskiej – pierwszego tomu *Naukowej księgi literatury rosyjskiej* [zob. Grecz 1819a, 215–230; 1819b, 292–297]. Takie samo źródło mają cztery inne „dodatki” do „polskiego Grecza”: fragment rozdziału 7 tomu III *Historii państwa rosyjskiego* Nikołaja Karamzina [zob. Dąbrowska 2019b, 101–111], szkic Piotra Wiaziemskiego *Dierzawin* oraz szkice Michaiła Kaczenowskiego *Rzut oka na postęp wymowy i Zdanie o pochwalnych mowach Łomonosowa*, przy czym ostatnia pozycja już z drugiego tomu książki Nikołaja Grecza [zob. Dąbrowska 2019a, 12; por. Dąbrowska 2018b: 9–24]. Artykuł Kaczenowskiego o Łomonosowie otrzymał w części aneksowej numer Vb, aby podsunąć czytelnikom pomysł zapoznania się z nim wraz ze szkicem o tym samym autorze pióra Batuszkowa. W zamyśle Grecza *Naukowa księga literatury rosyjskiej* miała być obszernym – wielotomowym – zarysem dziejów literatury rosyjskiej z przywołaniem kategorii z zakresu retoryki i poetyki oraz z wypisami z niej, zaś *Rys historyczny literatury rosyjskiej* – jej krótkim, poręczniejszym wariantem; passus ze wstępu do *Naukowej księgi literatury rosyjskiej* Grecz przeniósł zresztą do *Rysu historycznego literatury rosyjskiej*, specjalnie podkreślając, iż druga książka „wyrosła” z pierwszej². Polskiemu tłumaczowi najwyraźniej spodobał się pomysł opatrzenia zarysu dziejów literatury rosyjskiej wypisami z niej, co też uczynił, uzupełniając „swojego Grecza” częścią aneksową.

O zamyśle Grecza i swoim własnym Linde pisał w *Przedmowie polskiego wydawcy*:

Gdy zaś na wielu miejscach swojej historii literatury rosyjskiej JP. Grecz odwołuje się do wyimków w różnych częściach *Naukowej księgi [literatury rosyjskiej]* umieszczonych, postanowiłem z tych wybrać kilka takich, któreby do dokładniejszego

²Tłumaczenia tytułów obu prac Grecza (oraz wszystkich przywołanych „dodatków” do „polskiego Grecza”) pochodzą od Lindego. Przekład tytułów, nazywanych „napisami”, Linde uznawał za wyjątkowo trudne zadanie, o czym pisał w przedmowie: „W tłumaczeniu napisów czyli tytułów Ksiąg rosyjskich, nie chcąc zawsze i wszędzie kłaść je (a przynajmniej pierwsze ich wyrazy) piśmem rosyjskim, na nieszczęście do głosek naszych polskich w tym wydaniu, w niedostatku równego, mniej dobranym, zmuszony byłem do najściślejszego zachowania tychże wyrazów, i dla tego między innymi *Calkowity zbiór*, bo ten wyraz zbliża się do rosyjskiego *Полное собрание*. Wyżej opisane dzieło Grecza pod napisem *Учебная книга* przezwalem wprawdzie *Naukową księgą*, lecz nie odpowiada to tak niemieckiemu Lehrbuch, jak rosyjskie” [Linde 1823, XXVIII].

wyjaśnienia najgłówniejszych punktów literatury służyć mogły; jako to: (...) Batuszkowa wieczór u *Kantemira*, tegoż o charakterze *Łomonosowa*. (...) Tym sposobem pozyskały właśnie najgłówniejsze punkta historii tej literatury niejaki komentarz, potrzebny zwłaszcza mniej z nią jeszcze obeznanym, a w zapasy jej nieopatrzonem [Linde 1823, XXII–XXIII].

Ostatnia wypowiedź koresponduje z wielokrotnie wybrzmiewającymi w listach Lindego utyskiwaniami na niedostateczny dostęp polskich czytelników do literatury rosyjskiej w języku oryginału i w przekładach polskich [zob. Linde 2013, 45, 46; por. Dąbrowska 2019b, 103]. O niedostatecznym zaopatrzeniu polskich bibliotek w rosyjskie książki i czasopisma Linde pisał jako bibliotekarz, od 1818 roku dyrektor Biblioteki Publicznej przy Królewskim Uniwersytecie Warszawskim; o tym, że – jak czytamy w przedmowie do „polskiego Grecza” – „dotąd u nas mało bardzo dzieł z rosyjskiego na polski język przełożono” [Linde 1823, XXIV], wypowiadał się jako tłumacz i popularyzator literatury rosyjskiej, starający się wypełnić luki w tym zakresie.

Zgodnie z klasyfikacją dzieł literackich, która legła u podstaw podziału materiału w dwóch pierwszych tomach *Naukowej księgi literatury rosyjskiej*, szkic o Kantemirze jest przykładem „rozmowy”, a szkic o Łomonosowie należy do „opisów” w ich odmianie zwanej „charakterem” [zob. Греч 1819, 195–197, 236–240]. W części aneksowej do „polskiego Grecza” w taki sposób można zakwalifikować tylko te dwie pozycje. W swoich kategoriach *Wieczór u Kantemira* i *O charakterze Łomonosowa* nie są natomiast odosobnione wśród ówczesnych przekładów dzieł pisarzy rosyjskich. Do pierwszej grupy należy *Rozmowa o szczęściu* Nikołaja Karamzina, której przekład wszedł w skład zbioru Sylwestra Wężyka *Grozy Myśli niektóre nad zdrożnościami ludzkimi...* z 1840 roku [zob. Dąbrowska 2018c, 221–229]. W drugiej grupie najliczniejszą reprezentację mają „opisy podróży”, wyodrębnione przez Grecza jako odmiana „opisów”, jak *Podróż z Moskwy do Trojeckiego klasztoru, z niektórymi historycznymi pamiątkami* Karamzina, opublikowana w „Dzienniku Wileńskim” w 1806 roku [zob. Dąbrowska 2018a, 29–42].

Zmian wniesionych przez polskiego tłumacza do *Wieczoru u Kantemira* i *O charakterze Łomonosowa* nie ma wiele, nie prowadzą one do przekonstruowania całości, czyli nie zdarza się, aby jakieś obszerne partie tekstu zostały pominięte albo w sposób znaczący uzupełnione o inne. W szkicu o Kantemirze Linde pozwala sobie na zmiany, po pierwsze, w oznaczeniach uczestników dialogu (aby być zrozumiałym dla polskich odbiorców, wprowadza pełne nazwiska Kantemira i Monteskiusza, gdy tymczasem Grecz poprzestaje na skróconych formach „Kant.” i „Mont.” [Grecz 1823, passim; Греч 1819, passim], po drugie, modyfikuje ton intonacyjny wypowiedzi (zdania pytające jak „И новое солнце?” czy „Но искусства?”

lub urwane jak „Искусства...” zastępuje wykrzyknikowymi „I nowym słońcem!” i „Lecz sztuki!” czy „Sztuki!”, wzmacniając przekazywany sens [Греч 1819a, 221, 225; Batuszkow 1823a, 436, 440]), po trzecie wreszcie, używa innego wariantu historycznego nazwy miasta (uważany przez Lindego za lepiej kojarzony przez Polaków „Stambuł” zamiast „Константинополь” w wypowiedzi Kantemira o miejscu swojego urodzenia [Batuszkow 1823a, 437; Греч 1819a, 222]). W szkicu o Łomonosowie znajdujemy wymianę treści przypisu: przypis autorski zawiera odsyłacz do części głównej *Naukowej księgi literatury rosyjskiej* („см. выше, стр. 62” [Греч 1819b, 296]; wskazana strona zawiera list Michaiła Łomonosowa do Iwana Szuwałowa z 1753 roku, w którym mowa jest o przyczynie śmierci fizyka Georga Wilhelma Richmana), w przypisie tłumacza przyczyna ta zostaje nazwana – było nią porażenie w trakcie eksperymentu elektrycznego [Batuszkow 1823b, 450]. Najliczniejsze zmiany wprowadzone przez Lindego w tych dwóch i pozostałych „dodatkach” uwidaczniają się właśnie na poziomie przypisów. Własne przypisy Linde opatrywał inicjałem swojego nazwiska „L.”

Część główną „polskiego Grecza” i „dodatki” do niego Linde traktuje jako jedną całość, łącząc je odsyłaczami, jak wyraźnie zaznacza w przedmowie, „częstokroć wzajemnymi”:

Wymienione tu Dodatki starałem się z głównym dziełem połączyć odsyłaczami częstokroć wzajemnymi, a gdzie nie mogłem w pierwszym skazać już Dodatków, to przynajmniej w tych wszędzie, gdzie się tylko okazała potrzeba, odsyłałem do Rysu historii literatury [Linde 1823, XXIV].

Wieczór u Kantemira Linde opatrzył sześcioma przypisami, z których dwa pierwsze mają charakter odsyłaczy do części głównej *Rysu historycznego literatury rosyjskiej*, pozostałe zawierają dodatkowe treści. Odsyłacze do części głównej, „przyklejone” przez Lindego do tytułu szkicu, nie są precyzyjne, ale pozwalają na zidentyfikowanie odpowiedniego fragmentu: brzmią one „Obacz wyżej § 3 nr 12. (L.)” i „Obacz wyżej § 44 nr 5. (L.)” [Batuszkow 1823a, 429], w istocie chodzi o ustępy oznaczone jako „Dział II. Oddział III. § 60 nr 12” (o Batuszkowie) i „Dział II. Oddział I. § 44 nr 5” (o Kantemirze) [zob. Grecz 1823, 118–123, 330–340]. Jeśli czytelnik zaczął lekturę „polskiego Grecza” nie od aneksów, ale od części głównej, znajdował w niej odsyłacze do nich: „Obacz na końcu dzieła dodatek IV Batuszkowa” oraz „A tu w Dodatku IV” [Grecz 1823, 118, 332]. Na tym polegają wspomniane przez Lindego w przedmowie „odsyłacze wzajemne”. W części głównej *Rysu historycznego literatury rosyjskiej* czytelnik znajdował zarys biografii Konstantina Batuszkowa, przegląd jego dzieł z wyeksponowaniem *Prób wierszem i prozą* i ich zawartości, porównanie z twórczością

Wasilija Żukowskiego, charakterystykę poezji jako reprezentującej „nowszą klasyczną szkołę”, różną od „szkoły romantycznej” [Grecz 1823, 338]. Kantemir był przedstawiony w niej od strony swojej biografii ze szczególnym uwzględnieniem edukacji oraz kariery dyplomatycznej, obszernie miejsce zajmuje opis jego satyr i opinii o nich Żukowskiego.

Oto fragment rozdziału o Kantemirze w „polskim Greczu” z przypisami Lindego, tak jak w „dodatkach” oznaczonymi małymi literami i opatrzonymi inicjałem jego nazwiska:

W stylu jego więcej jest mocy aniżeli przycinku, nie śmieje się, nie stara się zabawić, lecz rażącymi kresami rysuje śmieszności i tnie niekiedy nadspodzianie mimochodem.

Na przykład opój Łuka tak się tłumaczy:

„Skoro po niebie pługi orać będą,
A gwiazdy spod powierzchni ziemi nam przyświecać,
Gdy bystre rzeki ku swym źródłom spieszyć będą,
A wieki upłynione nazad nam powrócą,
Gdy mnich same kielbiki (a) w post zajadać będzie
Wtedy zostawię kielich, wezmę się za książki (b)”.

Tu wierszopis niby to z niechcenia tnie niewstrzeżliwych mnichów; niepodobieństwo wyżywienia się w wielki post samymi kielbikami kładzie po niepodobieństwie zwrotu wieków upłynionych; zbliżenie to nader zabawne!

(a) Xżę Kantemir pisze ВИЗИГУ; wyrazu tego w żadnym słowniku, nawet i Akademii, tak dawniejszym jako i nowszym nie znalazłem; domyślałem się, że oznacza rybkę jakąś postną i wyraziłem przez kielbiki. (L).

(b) „Как скоро по небу сохой бразды водить станут;

А с поверхности земли звезды уж поглянут.

Когда будет течь ко ключам своим быстры реки,

И возвратятся назад минувшие веки,

Когда в пост чернец одну есть станет визигу,

Тогда оставя стакан, примуся за книгу” [Grecz 1823, 122–123].

Powyższy fragment nie wyszedł spod pióra Grecza, ale pochodził z obszernie cytowanego przez niego artykułu Żukowskiego *O satyrze i satyrach Kantemira* (*O сатирах и сатирах Кантемира*) [zob. Жуковский 2012, 231]. Wierszowana wypowiedź pijaka Łuki to ustęp głośnej satyry I Kantemira (*На хулящих учения. К уму своему*). Linde decyduje się na przytoczenie jej w wariantcie oryginalnym w przypisie ze względu na problem, wobec którego stanął w procesie tłumaczenia: chodzi o nazwę pożywienia mnicha, którą, jak stwierdza, „wyraził przez kielbiki”. W przypisie tym w Lindem „odezwał się” nie tylko tłumacz, lecz także i leksykograf, w jego *Słowniku języka polskiego* znajdujemy bowiem hasło „kielb, kielbik” [Linde 1808, 992].

Takie samo rozwiązanie jak w przytoczonym wyżej przypisie drugim, czyli zacytowanie tekstu oryginalnego, Linde zastosował w przypisie do *Wieczoru u Kantemira*. W dwóch językach – przekładzie polskim w tekście głównym oraz po rosyjsku w przypisie – przytoczył on słowa o „ostatnim tchem wydanym wierszu ostatnim” [Batiuszkow 1823a, 431], stanowiące wyimek z satyry Piotra Wiaziemskiego *Do pióra mojego (K neryu моему)* z 1816 roku [zob. Вяземский 1958, 93]. Ani nazwisko autora wiersza, ani nazwisko osoby, którą miał on tutaj na myśli (przypuszcza się, że chodzi o Aleksandra Chwostowa [por. Семенко 1977b, 505]), nie pada w szkicu Konstantina Batiuszkowa, który zastępuje je określeniami „nasz Katullus” i „nasz Bawiusz”; tymi peryfrastycznymi formułami posługuje się też polski tłumacz. Bardziej skomplikowana konstrukcja myślowa legła u podstaw przypisu Lindego do przytoczonego przez Batiuszkowa wersu z satyry VI Kantemira (*О истинном блаженстве*): w przypisie nie cytuje go już w języku rosyjskim, ale przywołuje sentencję z *Georgik* Wergiliusza „Szczęśliwy, kto potrafił poznać przyczyny rzeczy” (II, 490; po łacinie, ze zmianą szyku zdania), którą rosyjski satyryk sparafrazował w tym miejscu swojego wiersza. Linde jawi się zatem jako tłumacz wyczulony na interteksty literackie, przekazujący wiedzę o nich polskiemu czytelnikowi. Dwa pozostałe przypisy do *Wieczoru u Kantemira* poświadczają zrozumienie przez Lindego zamiaru, którym kierował się Batiuszkow, mianowicie ujmowania przeszłości przez pryzmat współczesności. Oto druga – po przytoczonych wyżej rozważaniach o „filtrze” preromantycznym – wypowiedź Fridmana na ten temat: „Batiuszkow nakazał Kantemirowi obalać poglądy Monteskiusza po części z wykorzystaniem tych faktów rosyjskiej historii, które odnosiły się już do XIX wieku, z Monteskiuszem spierał się w istocie nie Kantemir, lecz sam Batiuszkow” [Фридман 1965, 118]. Linde poszedł śladem Batiuszkowa i w przypisach jakby jeszcze wzmocnił fundament tego pomostu między przeszłością a teraźniejszością, pisząc o „niezadługo potem wsławionym Łomonosowie” oraz o „ziszczeniu się przeczucia” zdobycia przez Rosjan Paryża [Batiuszkow 1823a, 441]. W drugim przypadku chodzi o zajęcie Paryża przez wojska rosyjskie w 1814 roku.

Jedyny w szkicu *O charakterze Łomonosowa* przypis objaśniający tłumacza, którym zastąpił on autorski przypis zawierający odsyłacz do części głównej *Naukowej księgi literatury rosyjskiej*, został omówiony już wyżej. Dwa pozostałe, którymi Linde opatrzył tytuł szkicu, są odsyłaczami do rozdziałów o Batiuszkowie i Łomonosowie w „polskim Greczu”. Jest to zatem rozwiązanie takie samo jak w aneksie ze szkicem o Kantemirze. Warta odnotowania wydaje się inna niż w poprzednim aneksie treść odsyłacza do rozdziału o Batiuszkowie w części głównej *Rysu historycznego literatury rosyjskiej*, tym razem bardziej precyzyjna:

„Obacz wyżej § 60 nr 12. (L.)” [Batiuszkwow 1823b, 446], a także oznaczenie przypisów tłumacza nie literami, jak wcześniej, lecz cyframi arabskimi. Tutaj również ma zastosowanie zasada „odsyłaczy wzajemnych”. W części głównej *Rysu historycznego literatury rosyjskiej* czytelnik znajduje zarys biografii Łomonosowa z wyeksponowaniem jego dzieciństwa na północy Rosji, studiów za granicą, spis dzieł oryginalnych i tłumaczeń z podziałem na prozatorskie i wierszowane, przytoczone zostają też wybrane opinie o nim Konstantina Batiuszkowa i Aleksieja Mierzłakowa [zob. Grecz 1823, 170–178].

Dorobek wymienionych w niniejszym artykule autorów stał się przedmiotem szerszego zainteresowania polskich tłumaczy dopiero w drugiej połowie XX wieku. Do rąk czytelników trafiły wtedy antologie literatury rosyjskiej [np. *Dwa wieki...* 1947 i wyd. nast.], wybory dzieł poszczególnych twórców [np. Łomonosow 1956], wybrane utwory w czasopismach literackich [np. Kantemir 1991, 3–8³]. Spuścizna prozatorska Batiuszkowa nie zajęła jednakże trwałej pozycji w świadomości polskich czytelników. *Rys historyczny literatury rosyjskiej* w opracowaniu Lindego wciąż pozostaje jedynym źródłem przekładów wielu dzieł pisarzy rosyjskich i pozycji o nich traktujących, rzucając światło, co wydaje się równie ważne, na praktykę tłumaczeniową w pierwszej połowie XIX wieku i indywidualny wkład w nią autora *Słownika języka polskiego*.

BIBLIOGRAFIA

- Batiuszkwow Konstantin. 1823a. *Wieczór u Kantemira*. W: *Dodatki do Mikołaja Grecza Rysu historii literatury rosyjskiej, zebrane i tłumaczone przez S.B. Lindego*. Warszawa: Nakładem i drukiem N. Glücksberga, księgarza i typografa Królewskiego Uniwersytetu: 429–445.
- Batiuszkwow Konstantin. 1823b. *O charakterze Łomonosowa*. W: *Dodatki do Mikołaja Grecza Rysu historii literatury rosyjskiej, zebrane i tłumaczone przez S.B. Lindego*. Warszawa: Nakładem i drukiem N. Glücksberga, księgarza i typografa Królewskiego Uniwersytetu: 446–451.
- Dąbrowska Magdalena. 2018a. „Podróż z Moskwy do Trojeckiego klasztoru, z niektórymi historycznymi pamiątkami” *Nikołaja Karamzina w strukturze czasopisma „Więstnik Jewropy” oraz całokształcie spuścizny pisarza*. „Polilog. Studia Neofilologiczne” nr 8: 29–42.

3 W związku z przywołaniem wyżej ustępu satyry I w przekładzie Samuela Bogumiła Lindego wraz z jego komentarzem odnoszącym się do dokonanego wyboru translatorskiego warto przytoczyć teraz te same wersy w przekładzie Bohdana Zadury:

„Kiedy po niebie sochą skiby zaczną orać,
A w ziemi gwiazdy jasne rozbłyszną z wieczora,
Kiedy zaczną ku źródłom płynąć bystre rzeki,
Kiedy dawno minione znów powrócą wieki,
Kiedy w poście mnich rybę będzie jadać – tuszę,
Iż kielich ostawiwszy, do ksiąg się przymuszę” [Kantemir 1991, 6].

- Dąbrowska Magdalena. 2018b. *Samuel Bogumił Linde i Tadeusz Bulharyn – wokół polskiego przekładu „Rysu historycznego literatury rosyjskiej” Nikolaja Grecza*. „Napis. Pismo poświęcone literaturze okolicznościowej i użytkowej” seria XXIV: 9–24.
- Dąbrowska Magdalena. 2018c. „Rozmowa o szczęściu” Nikolaja Karamzina i jej polski przekład. „Studia Rossica Gedanensia” t. 5: 221–229.
- Dąbrowska Magdalena. 2019a. *O „dodatkach” do „Rysu historycznego literatury rosyjskiej” Nikolaja Grecza w opracowaniu Samuela Bogumiła Lindego*. W: *Poza rusofobią i rusofilią? Poglądy, postawy i realizacje w literaturze polskiej od XIX do XXI wieku*. Red. Mikiciuk E., Pańczyk-Kozłowska K., Sucharski T. Słupsk–Gdańsk: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pomorskiej w Słupsku: 7–21.
- Dąbrowska Magdalena. 2019b. *Samuel Bogumił Linde w dziejach recepcji twórczości Nikolaja Karamzina (wokół polskiego przekładu „Rysu historycznego literatury rosyjskiej” Nikolaja Grecza)*. „Acta Polono-Ruthenica” t. XXIV, nr 3: 101–111.
- Dwa wieki... 1947: Dwa wieki poezji rosyjskiej. Antologia*. Oprac. Jastrun M., Pollak S. Pośl. Gomolicki L. Warszawa: Czytelnik.
- Grecz Nikolaj. 1823. *Rys historyczny literatury rosyjskiej, z rosyjskiego przez Samuela Bogumiła Lindego... z dodatkami z Batiuszkowa, Bestużewa, Bulharyna, Kaczenowskiego, Karamzina, Köppena, Kornilowicza, Wiaziemskiego*. Warszawa: Nakładem i drukiem N. Glücksberga, księgarza i typografa Królewskiego Uniwersytetu.
- Kantemir Antioch. 1991. *Satyra. Na oszczerców nauk. Do rozumu własnego*. Przekł. Zadura B. „Literatura na Świecie” nr 5: 3–8.
- Linde Samuel Bogumił. 1808. *Słownik języka polskiego*. T. 1. Cz. 2: G–L. Warszawa: U Autora.
- Linde Samuel Bogumił. 1823. *Przedmowa polskiego wydawcy*. W: *Rys historyczny literatury rosyjskiej, z rosyjskiego przez Samuela Bogumiła Lindego... z dodatkami z Batiuszkowa, Bestużewa, Bulharyna, Kaczenowskiego, Karamzina, Köppena, Kornilowicza, Wiaziemskiego*. Warszawa: Nakładem i drukiem N. Glücksberga, księgarza i typografa Królewskiego Uniwersytetu: I–XXX.
- Linde Samuel Bogumił. 2013. *Korespondencja Samuela Bogumiła Lindego z Bazylim Anastasewiczem 1822–1830*. Red. Ptaszyk M. Toruń: Biblioteka Uniwersytecka w Toruniu.
- Łomonosow Michał. 1956. *Pisma filozoficzne*. T. 1–2. Przeł. Błęszyński K., Gawecki B.J., Złotowski I. Oprac. Złotowski I. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Алексеев Михаил. 1955. *Монтескье и Кантемир*. „Вестник Ленинградского университета” № 6 (Серия общественных наук). Вып. 2: 55–78.
- Батюшков Константин. 1816. *О характере Ломоносова*. „Вестник Европы” № 17–18: 57–63.
- Батюшков Константин. 1817a. *О характере Ломоносова*. В: *Опыты в стихах и прозе Константина Батюшкова*. Ч. 1 (Проза). Санкт-Петербург: В типографии Н. Греча: 40–49.
- Батюшков Константин. 1817b. *Вечер у Кантемира*. В: *Опыты в стихах и прозе Константина Батюшкова*. Ч. 1 (Проза). Санкт-Петербург: В типографии Н. Греча: 50–80.
- Вяземский Петр. 1958. *К перу своему*. В: Вяземский Петр. 1958. *Стихотворения*. Ленинград: Советский писатель: 90–94.
- Гнедич Николай. 1817. [б.з.]. В: *Опыты в стихах и прозе Константина Батюшкова*. Ч. 1 (Проза). Санкт-Петербург: В типографии Н. Греча: б.н.с.
- Греч Н. 1819. *Учебная книга российской словесности или избранные места из разных сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики, и истории российской словесности*. Ч. 1. Санкт-Петербург: В типографии издателя.
- Греч Николай. 1819a. *Вечер у Кантемира*. В: *Учебная книга российской словесности или избранные места из разных сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики, и истории российской словесности*. Ч. 1. Санкт-Петербург: 215–230.

- Греч Н. 1819b. *О характере Ломоносова*. В: Греч Н. *Учебная книга российской словесности или избранные места из разных сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики, и истории российской словесности*. Ч. 1. Санкт-Петербург: 292–297.
- Греч Н. 1822. *Опыт краткой истории русской литературы*. Санкт-Петербург: В типографии Н. Греча.
- Жуковский Василий. 2012. *О сатире и сатирах Кантемира*. В: Жуковский В.А. 2012. *Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 12 (Эстетика и критика)*. Ред. Янушкевич А.С. Москва: Языки славянских культур: 217–246.
- Радовский Моисей. 1959. *Антиох Кантемир и Петербургская Академия Наук*. Ленинград: Издательство АН СССР.
- Семенко Ирина. 1977a. *Батюшков и его „Опыты“*. В: Батюшков К. *Опыты в стихах и прозе*. Ред. Семенко И. Москва: Издательство „Наука”: 433–492.
- Семенко Ирина. 1977b. *Примечания*. В: Батюшков К. *Опыты в стихах и прозе*. Ред. Семенко И. Москва: Издательство „Наука”: 493–595.
- Фридман Николай. 1965. *Проза Батюшкова*. Москва: Издательство „Наука”.

REFERENCES

- Alekseyev Mihail. 1955. *Montesk'e i Kantemir* [Montesquieu and Kantemir]. “Vestnik Leningradskogo universiteta” Vol. 6 (Seriâ obščestvennykh nauk) no 2, pp. 55–78. (In Russian)
- Batiuszkow Konstantin. 1823a. *Wieczór u Kantemira*. In: *Dodatki do Mikołaja Grecza Rysu historii literatury rosyjskiej, zebrane i tłumaczone przez S.B. Lindego*. Warsaw, Nakładem i drukiem N. Glücksberga, księgarza i typografa Królewskiego Uniwersytetu, pp. 429–445. (In Polish)
- Batiuszkow Konstantin. 1823b. *O charakterze Łomonosowa*. In: *Dodatki do Mikołaja Grecza Rysu historii literatury rosyjskiej, zebrane i tłumaczone przez S.B. Lindego*. Warsaw, Nakładem i drukiem N. Glücksberga, księgarza i typografa Królewskiego Uniwersytetu, pp. 446–451. (In Polish)
- Batůškov Konstantin. 1816. *O haraktere Lomonosova* [About Lomonosov's character]. “Vestnik Evropy” no 17–18, pp. 57–63. (In Russian)
- Batůškov Konstantin. 1817a. *O haraktere Lomonosova* [About Lomonosov's character]. In: *Opyty v stikhakh i proze Konstantina Batyushkova*. Č. 1 (Proza). St. Petersburg, V tipografii N. Greča, pp. 40–49. (In Russian)
- Batůškov Konstantin. 1817b. *Večer u Kantemira* [The evening at Kantemir's]. In: *Opyty v stihah i proze Konstantina Batůškova*. Part 1 (Proza). St. Petersburg, V tipografii N. Greča, pp. 50–88. (In Russian)
- Dąbrowska Magdalena. 2018a. “*Podróż z Moskwy do Trojeckiego klasztoru, z niektórymi historycznymi pamiątkami*” *Nikołaja Karamzina w strukturze czasopisma “Więstnik Jewropy” oraz całokształcie spuścizny pisarza*. “Polilog. Studia Neofilologiczne” no 8, pp. 29–42. (In Polish)
- Dąbrowska Magdalena. 2018b. *Samuel Bogumił Linde i Tadeusz Bulharyn – wokół polskiego przekładu “Rysu historycznego literatury rosyjskiej” Nikołaja Grecza*. “Napis. Pismo poświęcone literaturze okolicznościowej i użytkowej” Vol. XXIV, pp. 9–24. (In Polish)
- Dąbrowska Magdalena. 2018c. “*Rozmowa o szczęściu*” *Nikołaja Karamzina i jej polski przekład*. “Studia Rossica Gedanensia” Vol. 5, pp. 221–229. (In Polish)
- Dąbrowska Magdalena. 2019a. *O “dodatkach” do “Rysu historycznego literatury rosyjskiej” Nikołaja Grecza w opracowaniu Samuela Bogumiła Lindego*. In: *Poza rusofobią i rusofiliją? Poglądy, postawy i realizacje w literaturze polskiej od XIX do XXI wieku*. Eds Mikiciuk E., Pańczyk-Kozłowska K., Sucharski T. Słupsk–Gdańsk, Wydawnictwo Naukowe Akademii Pomorskiej w Słupsku, pp. 7–21. (In Polish)

- Dąbrowska Magdalena. 2019b. *Samuel Bogumił Linde w dziejach recepcji twórczości Nikolaja Karamzina (wokół polskiego przekładu "Rysu historycznego literatury rosyjskiej" Nikolaja Grecza)*. "Acta Polono-Ruthenica" Vol. XXIV, no 3, pp. 101–111. (In Polish)
- Dwa wieki... 1947: *Dwa wieki poezji rosyjskiej. Antologia*. Oprac. Jastrun M., Pollak S. Pośl. Gómolicki L. Warsaw: Czytelnik. (In Polish)
- Fridman Nikolaj. 1965. *Proza Batuškowa* [Batyushkov's prose]. Moscow, Izdatel'stvo "Nauka". (In Russian)
- Gnedič Nikolaj. 1817. [s. tit.]. In: *Opyty v stihah i proze Konstantina Batuškova*. Part 1 (*Proza*). St. Petersburg, V tipografii N. Greča: s.p. (In Russian) [
- Grecz Nikolaj. 1823. *Rys historyczny literatury rosyjskiej, z rosyjskiego przez Samuela Bogumila Lindego... z dodatkami z Batiuszkowa, Bestużewa, Bulharyna, Kaczenowskiego, Karamzina, Köppena, Kornilowicza, Wiaziemskiego*. Warsaw, Nakładem i drukiem N. Glücksberga, księgarza i typografa Królewskiego Uniwersytetu. (In Polish)
- Greč Nikolaj. 1819. *Učebnaya kniga rossijskoj slovesnosti...* [Scientific Book of the Russian Literature...]. Part 1. St. Petersburg, V tipografii izdatelâ. (In Russian)
- Greč Nikolaj. 1819a. *Večer u Kantemira* [The evening at Kantemir's]. In: Greč Nikolaj. *Učebnâ kniga rossijskoj slovesnosti ili izbrannyye mesta iz raznyh sočinenij i perevodov v stihah i proze s prisovokupleniem kratkih pravil ritorikii pütiki, i istorii rossijskoj slovesnosti*. Part 2. St. Petersburg, pp. 215–230. (In Russian)
- Greč Nikolaj. 1819b. *O haraktere Łomonosova* [About Lomonosov's character]. In: Greč N. *Učebnaya kniga rossijskoj slovesnosti ili izbrannyye mesta iz raznyh sočinenij i perevodov v stikhah i proze s prisovokupleniem kratkih pravil ritorikii pütiki, i istorii rossijskoj slovesnosti*. Part 1. St. Petersburg, pp. 292–297. (In Russian)
- Greč Nikolaj. 1822. *Opyt kratkoj istorii russkoj literatury* [An Attempt at the Short History of Russian literature]. St. Petersburg, V tipografii N. Greča. (In Russian)
- Kantemir Antioch. 1991. *Satyra. Na oszczerców nauk. Do rozumu własnego*. Transl. Zadura B. "Literatura na Świecie" no 5, pp. 3–8. (In Polish)
- Linde Samuel Bogumił. 1808. *Słownik języka polskiego*. Vol. 1. Part 2: G–L. Warsaw, U Autora. (In Polish)
- Linde Samuel Bogumił. 1823. *Przedmowa polskiego wydawcy*. In: *Rys historyczny literatury rosyjskiej, z rosyjskiego przez Samuela Bogumila Lindego... z dodatkami z Batiuszkowa, Bestużewa, Bulharyna, Kaczenowskiego, Karamzina, Köppena, Kornilowicza, Wiaziemskiego*. Warsaw, Nakładem i drukiem N. Glücksberga, księgarza i typografa Królewskiego Uniwersytetu: I–XXX. (In Polish)
- Linde Samuel Bogumił. 2013. *Korespondencja Samuela Bogumila Lindego z Bazyliem Anastasiewiczem 1822–1830*. Ed. Ptaszyk M. Toruń, Biblioteka Uniwersytecka w Toruniu. (in Polish)
- Łomonosow Michał. 1956. *Pisma filozoficzne*. Vol. 1–2. Transl. Błeszyński K., Gawecki B.J., Złotowski I. Ed. Złotowski I. Warsaw, Państwowe Wydawnictwo Naukowe. (In Polish)
- Radovskij Moisej. 1959. *Antioch Kantemir i Peterburgskaâ Akademiâ Nauk* [Antioch Kantemir and The Russian Academy of Sciences]. Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR. (In Russian)
- Semenko Irina. 1977a. *Batuškov i ego "Opyty"* [Batyushkov and his „The Trials”]. In: Batuškov K. *Opyty v stikhah i proze*. Ed. Semenko I. Moscow, Izdatel'stvo "Nauka", pp. 433–492. (In Russian)
- Semenko Irina. 1977b. *Primečaniâ* [Footnotes]. In: Batuškov K.N. *Opyty v stikhakh i proze*. Ed. Semenko I. Moscow, Izdatel'stvo "Nauka", pp. 493–595. (In Russian)
- Vâzemskij Petr. 1958. *K peru svojemu* [To My Own Pen]. In: Vâzemskij P. 1958. *Stihotvorenâ*. Leningrad, Sovetskij pisatel', pp. 90–94. (In Russian)
- Žukovskij Vasilij. 2012. *O satire i satirah Kantemira* [About Kantemir's satire and satires]. In: Žukovskij V. *Polnoe sobranie sočinenij i pisem: v 12 t*. Vol. 12 (*Estetika i kritika*). Ed. Ānuškevič A.S. Moscow, Āzyki slavânskikh kul'tur, pp. 217–246. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.7120>

Data przesłania artykułu: 6 lipca 2021 r.

Data akceptacji artykułu: 20 sierpnia 2021 r.

PRZYMIOTNIKI *RADOSNY* I *WESOŁY* I ICH ROSYJSKIE EKWIWALENTY PRZEKŁADOWE

Anna Rudyk

Uniwersytet Rzeszowski, Polska

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2238-9841>

e-mail: arudyk@ur.edu.pl

Abstrakt: Przedmiotem artykułu jest analiza rosyjskich odpowiedników przekładowych wyrazów *radosny* i *wesoły*, będących leksykalnymi wykładnikami radości i wesołości. Cel pracy to wyodrębnienie poszczególnych znaczeń emotywnych wyrażanych przez te leksemy. Znaczenia zostaną zilustrowane przykładami zaczerpniętymi z tekstów współczesnej polskiej prozy i jej tłumaczenia na język rosyjski. Kolejnym zadaniem jest przegląd zastosowanych odpowiedników tych wyrazów i porównanie ich z ekwiwalentami zamieszczonymi w słowniku przekładowym. Mimo iż *radość* i *wesołość* to odmienne doznania pozytywne, okazuje się, że poddane analizie przymiotniki mogą być w wielu kontekstach używane wymiennie. Rosyjskie leksemy *радостный* i *веселый* występują w słowniku przekładowym jako ekwiwalenty każdego z analizowanych wyrazów. Badanie pokazuje, że przymiotniki *radosny* i *wesoły* mogą wyrażać różne sensory emotywny. Oprócz odpowiedników zawartych w słowniku przekładowym wykorzystywane są też inne jednostki leksykalne, często inne części mowy. Badanie pokazało, że określone znaczenia emotywny mogą być wyrażane za pomocą różnych środków.

Słowa kluczowe: przymiotnik, radość, wesołość, emocje, językoznawstwo polsko-rosyjskie

Submitted on July 06, 2021
Accepted on August 20, 2021

ADJECTIVES *RADOSNY* AND *WESOŁY* AND THEIR RUSSIAN TRANSLATION EQUIVALENTS

Anna Rudyk

Univeristy of Rzeszów, Poland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2238-9841>

E-mail: arudyk@ur.edu.pl

Abstract: Emotions and feelings experienced by people create an interesting research area not only for psychologists, but also for linguists. The language we use is a specific link between the man and the surrounding world. This paper analyses the Russian translation equivalents of the words: *radosny* (*joyful*) and *wesoły* (*cheerful*), which are lexical exponents of joy and cheerfulness. The aim of the study is to isolate particular emotive meanings expressed by these lexemes. The examples taken from contemporary Polish prose and its translation into Russian are used to illustrate the different meanings. The next task is to review the equivalents of these words used in the Russian translation and compare them with the equivalents in the translation dictionary. Although joy and cheerfulness are different positive experiences, it turns out that the analysed adjectives can be used interchangeably in many contexts. The Russian lexemes *радостный* and *веселый* appear in the translation dictionary as equivalents of each of the analysed words. In addition to the dictionary equivalents, in the text of the Russian translation there are words referring to other parts of speech, containing the same stem as the main dictionary equivalent, as well as contextual solutions. The study shows that the adjectives *radosny* and *wesoły* can express different emotive meanings. Specific emotive content can be expressed in the translated text by various means.

Keywords: adjective, joy, cheerfulness, emotions, Polish and Russian linguistics

Język, którym się posługujemy, stanowi swoiste ogniwo łączące człowieka z otaczającym go światem [Piasecka 2013, 15]. To kapitalne narzędzie, w jakie wyposażyła nas natura, pozwala na nazywanie, wyrażanie i opisywanie wszelkich naszych potrzeb, opinii, myśli, a także na werbalizację tego, co często wydaje się niewyraźne, czyli naszych uczuć, emocji, subtelnych odcieni stanów wewnętrznych. Dostępna literatura lingwistyczna obejmuje liczne publikacje dotyczące

nazywania emocji, sposobów mówienia o nich oraz takie, w których opisywane są środki ich wyrażania [Data 2000, 245].

Przedmiotem niniejszego artykułu jest analiza rosyjskich odpowiedników przekładowych polskich przymiotników *radosny* i *wesoły*. Pod pojęciem odpowiedniki przekładowe rozumiem wszelkie rozwiązania translatorskie zastosowane w tekście tłumaczenia, obejmujące zarówno ekwiwalenty proponowane w słownikach, jak i inne zastosowane przez tłumacza jednostki leksykalne, których zadaniem jest przekaz znaczenia wyrazu oryginalnego. Korpus badawczy obejmuje łącznie 44 teksty zespolone (oryginalne zdania polskie i ich tłumaczenia na język rosyjski), zaczerpnięte ze współczesnej polskiej prozy obyczajowej i jej rosyjskiego przekładu¹. Poddany analizie zbiór przykładów nie jest zbyt liczny, jednak w mojej ocenie wystarczająco ciekawy i różnorodny, by stać się obiektem opracowania. Niniejsza praca stanowi wstęp do podjęcia nowego tematu badawczego, a jej dodatkowym celem jest poszukiwanie metodologii, która mogłaby zostać wykorzystana do uzyskania miarodajnych wniosków na podstawie bogatszego materiału empirycznego.

Radość i wesołość to emocje bardzo bliskie. Mimo iż te pozytywne doznania często są utożsamiane, istotną różnicę między nimi można zaobserwować już na poziomie definicji słownikowych:

radość ‘(...) stan psychiczny wywołany tym, co bardzo lubimy, co jest dla nas dobre i sprawia nam ogromną przyjemność, charakteryzujący się silnymi i widocznymi reakcjami, np. okrzykami czy podskokami (...)’ [*Wielki słownik języka polskiego*, online]

wesołość ‘(...) przyjemne uczucie związane z sytuacją, w której komuś chce się śmiać (...)’ [*Wielki słownik języka polskiego*, online]

радость ‘(...) Чувство удовольствия, ощущение большого душевного удовлетворения (...)’ [Кузнецов, online]

веселье ‘1. Беззаботно-радостное настроение, радостное оживление (...). 2. Веселое времяпрепровождение, развлечение, забава (...)’ [*Словарь русского языка*, online]

веселость, -и, ж. *Свойство и состояние по знач. прил. веселый* [*Словарь русского языка*, online]

¹ Źródła materiału faktograficznego i odpowiadające im skróty stosowane w tekście artykułu: M. Gretkowska, *Kobieta i mężczyźni* / M. Гретковская, *Женщина и мужчины* [KIM]; M. Gretkowska, *Polka* / M. Гретковская, *Полька* [P]; K. Grochola, *Ja wam pokażę!* / K. Грохоля, *Я вам покажу!* [JWP]; K. Grochola, *Nigdy w życiu* / K. Грохоля, *Никогда в жизни* [NWŻ]; K. Grochola, *Osobowość śmy* / K. Грохоля, *Бабочка на ладони* [OŚ]; K. Grochola, *Podanie o miłość* / K. Грохоля, *Заявление на любовь* (POM); K. Grochola, *Trzepot skrzydeł* / K. Грохоля, *Тренет крыльев* [TS]; K. Grochola, *Uproważnienie do szczęścia* / K. Грохоля, *Гарантия на счастье* [UDS]; J.L. Wiśniewski, *Los powtórzony* / Я.Л. Вишневикий, *Повторение судьбы* [LP].

W przywołanych definicjach zawarte są nazwy innych stanów emocjonalnych: *zadowolenie*, *удовольствие*, *удовлетворение*, *счастье*, co prowadzi do wniosku, że są to doznania podobne, bliskie, a ich nazwy można w określonym kontekście traktować jako synonimy. Jednak *radość* jako stan psychiczny wydaje się przeżyciem głębszym, z kolei *wesołość* – stanem bardziej powierzchownym. Carrol Izard określa *radość* jako „нечто большее, чем положительная установка на себя и на мир; это особого рода звено; это острое чувство торжества” [Изард 1980, 238]. Z kolei Anna Wierzbicka proponuje następującą definicję tej emocji: „Radość = uczucie, którego doznajemy wtedy, kiedy stwierdzamy, że dzieje się to, co pragniemy, aby się działo” [Wierzbicka 1971, 62]. *Wesołość* natomiast, jak pokazuje przytoczona wyżej eksplikacja, jest przyjemnym uczuciem, które wiąże się z sytuacją, kiedy komuś chce się śmiać [*Wielki słownik języka polskiego*, online], a zatem można ją uznać za odczucie bardziej powierzchowne i krótkotrwałe. W niniejszej pracy chciałbym porównać sytuacje użycia przymiotników, będących leksykalnymi markerami tych emocji, zestawiając je z tekstem rosyjskiego przekładu, by sprawdzić, czy bywają one używane wymiennie, czy raczej emocje, wskazywane przez nie literalnie, są rozróżniane. Co znamienne, w rosyjskim słowniku lingwo-psychologicznym, który prezentuje rezultaty badań psychologicznych, przymiotniki *радостный* i *веселый* zostały określone jako wyrażające średnią pod względem intensywności więz z doznaniem [Колбенева, Александров 2010, 156, 271].

W słowniku przekładowym można odnaleźć następujące ekwiwalenty przymiotnika *radosny*:

‘**radosny** радостный; отрадный; веселый; ~ **nastrój** радостное (веселое) настроение; ~**a nowina** радостная весть; ~**y uśmiech** веселая улыбка’ [Hessen, Stypuła 1979, 239]

Z kolei pod hasłem *wesoły* zamieszczone są takie oto odpowiedniki:

‘**wesoły** веселый, радостный; ~ **nastrój** веселое настроение; ~ usposobienie веселый характер; ◇ ~**e miasteczko** луна-парк; площадка с (увеселительными) аттракционами; ~**ych świąt!** с праздником!; ~**ej zabawy!** желаю хорошо веселиться!’ [Hessen, Stypuła 1979, 509]

Jak pokazują przywołane definicje słownikowe, analizowane przymiotniki są bardzo bliskie znaczeniowo i w wielu kontekstach mogą występować wymiennie. Poniżej przyjrzę się rozwiązaniom zastosowanym w tłumaczeniach polskich książek na język rosyjski.

W zebranych materiale wystąpiły następujące odpowiedniki przymiotnika *radosny*:

– przymiotnik *радостный*, np.

*Uśmiechnięty, **radosny** i zadowolony, traktował te wizyty jak powrót do świata najpiękniejszych wspomnień.*

*Улыбающийся, **радостный** и довольный, он воспринимал эти приезды как возвращение в мир самых прекрасных воспоминаний. [LP]*

Główny odpowiednik słownikowy został użyty w połowie zebranych przykładów.

– przymiotnik *счастливый*, np.

*I teraz jestem zadowolonym, **radosnym**, samotnym mężczyzną.*

*И сейчас я очень довольный, **счастливый**, одинокий мужчина. [UDS]*

Zastosowany ekwiwalent zachowuje tożsamość morfologiczną, jednak prymarnie służy jako leksykalny wykładnik innej emocji pozytywnej – szczęścia.

– przysłówek *радостно*, np.

*Usłyszała **radosny** krzyk matki w głąb mieszkania (...).*

*И мать **радостно** закричала отцу (...). [OĆ]*

Zamiana przymiotnika przysłówkiem w sytuacji, gdy w tekście wyjściowym czynność jest nazwana rzeczownikiem, a w docelowym – czasownikiem, stanowi pewną prawidłowość w obrębie zebranego materiału. Poruszę to zagadnienie w dalszej części artykułu.

– czasownik *радоваться*, np.

*Borys **radosny** jak pies.*

*Борис **радовался** по-собачьи. [NWŻ]*

Na zastosowanie czasownika w przekładzie mógł wpłynąć fakt, że w tekście oryginalnym wyróżniony przymiotnik pełni funkcję predykatywną.

– czasownik *обрадоваться*, np.

*(...) так są **radośni** oboje.*

*(...) так они оба **обрадовались**. [JWP]*

– czasownik *веселеть*, np.

*Pani mecenas robi się **radosna**.*

*Адвокатесса **веселела** на глазах. [OĆ]*

– czasownik *веселиться*, np.

*Gabrysia aż się jąka z radości, a Hanka, jakby mnie tu nie było, tak samo **radosna**.*

*Габрыся даже икает от радости, а Ханна так **веселится**, словно меня рядом нет. [UDS]*

– związek wyrazowy zawierający rzeczownik *радость*, np.

*(...) przedtem była **radosna** i żwawa, potem nieruchota i bezradosna.*

*До этого женщина была **полна радости** и энергии, а после – **недвижима** и равнодушна. [OĆ]*

Jak widać, znaczenie emotywnie niesione przez przymiotnik *radosny* w tekście rosyjskiego przekładu może być przekazane za pomocą różnych części mowy (przymiotniki, czasowniki, przysłówki, rzeczowniki), głównie współrzędnych, zawierających morfem *рад*: *радостный, радоваться, обрадоваться, радостно, радость*. Pozostałe odpowiedniki obejmują inne rdzenie emotywnie: *счаст* (przymiotnik *счастливый*) i *весел* (czasowniki *веселеть* i *веселиться*).

Przyjrzyjmy się teraz odnotowanym w materiale źródłowym odpowiednikom drugiego z analizowanych wyrazów – przymiotnika *wesoły*. Wyodrębniono następujące rozwiązania translatorskie:

– przymiotnik *веселый*, np.

То чудownie, będą wesołe święta (...).

Замечательно, получатся веселые праздники (...). [JWP]

Główny odpowiednik słownikowy wyrazu *wesoły* został odnotowany w tłumaczeniu połowy zebranych przykładów zawierających ten przymiotnik.

– przymiotnik *веселенький*, np.

Оповім ci jeszcze coś wesołego.

Расскажу тебе еще кое-что веселенькое. [POM]

Wyróżniony w tekście tłumaczenia przymiotnik jest potocznym, piśmianym wariantem wyrazu *веселый*.

– przysłówki predykatywne *весело*, np.

Julia śmieje się, doprawdy przecież to jest wesołe, bardzo wesołe (...).

Юлия хохочет. Ведь правда же весело (...). [OĆ]

W zdaniach obu języków wyróżnione leksemy pełnią funkcję predykatywną.

– czasownik *порадовать*, np.

(...) fakt, że świat przestanie istnieć, wydaje się wesołą nowiną.

(...) факт, что мир перестанет существовать, может их только порадовать. [JWP]

W tekście przekładu zostało zachowane znaczenie emocji pozytywnej.

– związek wyrazowy *игриво выведенная*, np.

Stała przy kontuarze, gdzie wesoły napis obwieszczał „Wymiana pieniędzy”, i powiedziała (...).

У стойки с игриво выведенной надписью „Обмен валюты” она остановилась и попросила (...). [OĆ]

Ponadto na miejscu frazy rzeczownikowej *wesołe miasteczko* w tekście przekładu został użyty słownikowy odpowiednik *луна-парк*, a zredukowana do członu określającego fraza wykrzyknikowa *wesołego Alleluja* – do formuły rosyjskiego wielkanocnego powitania (*Wesołego* → *Христос восрес*). Podobnie jak w przypadku przymiotnika *radosny* grupa ekwiwalentów tekstowych zdominowana jest

przez należące do jednej rodziny wyrazów przymiotniki i przysłówki (*веселый, веселенький, весело*). Jeśli chodzi o inne leksemy o charakterze emotywnym, wśród ekwiwalentów odnotowałam też czasownik zawierający rdzeń *рад* (*порадовать*).

Zebrane ekwiwalenty zostały zamieszczone w tabeli 1.

Tabela 1

Słownikowe i tekstowe odpowiedniki rosyjskie przymiotników *radosny* i *wesoły*

Przymiotnik	Odpowiedniki zawarte w słowniku przekładowym	Odpowiedniki odnotowane w materiale faktograficznym
Radosny	радостный, отрадный, веселый	радостный , счастливый, радостно, радоваться, обрадоваться, веселеть, веселиться, радость
Wesoły	веселый, радостный	веселый , веселенький, весело (pred.), порадовать, весело выведенная

Źródło: opracowanie własne

Jak widać, tylko podobnie brzmiący ekwiwalent powtarza się i w słowniku, i w tekstach będących źródłem materiału faktograficznego. Leksemy zawierające ematywne rdzenie *рад* i *весел* tworzą dominującą grupę odpowiedników przekładowych, a wyrazy należące do innych gniazd słowotwórczych występują incydentalnie.

Oba poddawane analizie przymiotniki są markerami wielu znaczeń emotywnych. Przymiotnik *radosny* wystąpił w zebranych materiale jako wykładnik następujących sensów związanych ze sferą emocjonalną człowieka:

- ‘przeżywający i okazujący radość’, np.

*I teraz jestem zadowolonym, **radosnym**, samotnym mężczyzną.*

*И сейчас я очень довольный, **счастливый**, одинокий мужчина.* [UDS]

*Pani mecenas robi się **radosna**.*

*Адвокатесса **веселела** на глазах.* [OĆ]

W pierwszym z przytoczonych przykładów polski i rosyjski przymiotnik pełnią rolę przydawek, w drugim – polski przymiotnik jest orzecznikiem w strukturze orzeczenia imiennego, a w tekście tłumaczenia występuje orzeczenie czasownikowe. Zastosowana w przekładzie forma czasu przeszłego czasownika niedokonanego (*веселела*) wskazuje na powstawanie przyjemnego stanu emocjonalnego, analogicznie do znaczenia oryginalnego, przy czym można zaobserwować pewną niespójność w zakresie kategorii czasu, która z pewnością znalazłaby uzasadnienie na tle szerszego kontekstu. Żaden z wyróżnionych ekwiwalentów nie został wymieniony w słowniku przekładowym. Użyty w pierwszym przykładzie odpowiednik zachowuje tożsamość morfologiczną względem wyrazu oryginalnego,

natomiast literalnie jest wykładnikiem innego stanu emocjonalnego niż leksem wyjściowy. Próby zdefiniowania szczęścia pokazują, że jest ono często utożsamiane z radością i zadowoleniem, natomiast różni się od nich intensywnością, o czym pisze Małgorzata Borek [Borek 2012, 186]. Z kolei w drugim przykładzie orzeczenia wskazują na przebieg procesu, przy czym w oryginale służy do tego orzeczenie imienne, w przekładzie – czasownikowe.

- ‘świadczący o tym, że ktoś odczuwa radość’, np.

*Z pokoju **radosny** głos.*

– *Daj mi sok... porzeczkowy...*

*Из спальни раздается **радостный** голос:*

– *Принеси мне сок... черносмородиновый...* [UDS]

*Wyczekane z **radosną**, pełną napięcia niecierpliwością dzieci spoglądających ukradkiem podczas wigilijnej kolacji na prezenty leżące pod choinką.*

*Ожидаемым с **радостным**, напряженным нетерпением, с каким дети поглядывают украдкой во время рождественской трапезы на подарки под елкой.* [LP]

*Usłyszała **radosny** krzyk matki w głąb mieszkania:*

– *Różyczka będzie miała dziecko! Tatusz, masz wnuka!*

*И мать **радостно** закричала отцу:*

– *У Розочки будет ребенок! Папочка, у тебя внук!* [OĆ]

We wszystkich powyższych przykładach przymiotnik *radosny* występuje jako określenie rzeczowników abstrakcyjnych (*głos, niecierpliwość, krzyk*). W pierwszym i drugim przykładzie zastosowano główny ekwiwalent słownikowy tożsame morfologicznie i funkcjonalnie. W ostatniej egzemplifikacji przymiotnik ze znaczeniem radości został zastąpiony przysłówkiem wskazującym na tę emocję, w związku z czym zmianie uległa również funkcja składniowa – przysłówek jest okolicznikiem przy czasowniku *закричала*.

- ‘wywołujący radość’, np.

*Zdążył w drodze powrotnej zahaczyć o duży sklep z glazurą i zamówić taką, jaką chciała Basia do łazienki – brązową z elementami złota, trochę przybrudzoną lekką kawą z mlekiem. On co prawda, marzył o złotych, słonecznych, **radosnych**, ciepłych.*

*По пути он успел заехать в магазин стройматериалов и заказать кафель, какой Бася хотела в ванную: коричневый с золотыми прожилками, настоящий кофе с молоком. Ему, правда, хотелось чего-то желтого, солнечного, **радостного**.* [OĆ]

W tekście docelowym użyto odpowiednika słownikowego, w zdaniach obu języków wyróżnione wyrazy współtworzą dopełnienia.

- ‘taki, który jest wypełniony miłymi przeżyciami, wesołością, a wolny od zmartwień i kłopotów’, np.

*To były bardzo **radosne** godziny...*

*Это были **радостные** часы.* [LP]

Podobnie jak w poprzedniej egzemplifikacji, w przekładzie zastosowano ekwiwalent słownikowy. Tym razem wyróżnione przymiotniki występują w typowej dla siebie roli składniowej, jako przydawki.

Oprócz wyżej wymienionych znaczeń szczegółowych *Wielki słownik języka polskiego* podaje jeszcze ‘taki, który przez swój dźwięk, kolor, charakter itp. wywołuje wrażenie radości i kojarzy się z czymś pozytywnym, wesołym i pełnym energii’. Nie odnotowałam adekwatnego przykładu, natomiast warto podkreślić, że w tym znaczeniu sens emotywny koreluje z oceniającym. W zebranych materiale wystąpiła też fraza rzeczownikowa *radosna twórczość* (żart. ‘działanie beztróskie, improwizowane, ale pozbawione sensu i niekiedy szkodliwe), której nie sposób rozdzielić, gdyż skutkowałoby to utratą znaczenia:

*Nie będzie to oczywiście **radosna** twórczość na temat dupy Maryni, bo nie o to chodzi.*

*В любом случае не к **радостному** воспеванию жопы панны Марыси – речь ведь не о том.* [P]

Okazuje się, że drugi z analizowanych leksemów, przymiotnik *wesoły*, jest nośnikiem podobnych treści:

- ‘przeżywający i okazujący radość’, np.

*Brakowało tu tamtej Basi, **wesołej** i ufnej.*

*Он скучал по прежней Басе, **веселой** и доверчивой.* [OĆ]

*Ale Marta wcale nie jest **wesoła**.*

*Но Марта не **весела**.* [POM]

Przywołane znaczenie odnosi się, rzecz jasna, do osób. W obu podanych przykładach występuje główny odpowiednik słownikowy, przy czym w zależności od pełnionej funkcji składniowej przymiotnik rosyjski przybiera typowe dla każdej z nich formy: w pierwszym fragmencie występuje w formie pełnej jako przydawka wyodrębniona, w drugiej jako orzecznik została użyta forma krótka, co podkreśla tymczasowość stanu emocjonalnego (użyta w takim zdaniu forma pełna wskazywałaby raczej na stałą cechę charakteru danej osoby).

- ‘świadczący o tym, że ktoś odczuwa radość’, np.

*W świetle świec, które Roman wtedy zapalał, i przy **wesołym** rozgardiaszu dziewczyn, strych wydawał się oazą sztuki i miejscem godnym pozazdroszczenia.*

*При свете свечей, наполненный **веселым** женским щебетом, чердак становился неким оазисом искусства, жилищем избранника судьбы.* [OĆ]

*I śmiech z tej gry słów, że nie widzi, a widać, **wesoły** śmiech, taki: fajnie, że ci jest dobrze!*

*И смеется **весело**: мол, тебе так хорошо!* [TS]

W pierwszej egzemplifikacji zastosowano główny odpowiednik słownikowy, w drugiej – przysłówek ze znaczeniem tej samej emocji.

- ‘wywołujący radość’, np.

*(...) przy stosunku moich rodziców do rzeczywistości, fakt, że świat przestanie istnieć, wydaje się **wesołą** nowiną.*

*(...) зная, как мои родители воспринимают действительность, – факт, что мир перестанет существовать, может их только **порадовать**.* [JWP]

*Opowiem ci jeszcze coś **wesołego**.*

*Расскажу тебе еще кое-что **веселенькое**.* [POM]

W obu przykładach zastosowano ekwiwalenty kontekstowe. W pierwszej parze zdań w tekście wyjściowym leksem *wesoły* jest przydawką przy rzeczowniku *nowina*, co przejrzysto ilustruje przywołane znaczenie jako cechę źródła, czynnika wywołującego pozytywny stan emocjonalny. W tekście docelowym znaczenie emotywnie ma bezokolicznik, wskazujący nie tyle na przyczynę, ile raczej na skutek. Jak widać, tłumaczenie nie jest dokładne nie tylko w zakresie analizowanego leksemu, jednak mimo dość znacznej modyfikacji tekstu docelowego nazwany w przekładzie skutek otwarcie koresponduje z przyczyną nazwaną w oryginale.

- ‘pełen radości’, np.

*– To cudownie, będą **wesołe** święta – powiedziała, starając się, żeby nie zabrzmiało to rozpaczliwie.*

*– Замечательно, получатся **веселые** праздники, – сказала я, стараясь не выдать отчаяния.* [JWP]

*Nie lubię urodzin, ostatnie **wesołe** obchodziłam, mając dziewięć lat, sylwestra chyba też wtedy.*

*Я не люблю день рождения, последний раз он был **веселым** в десять лет, да и Новый год, пожалуй, тогда же.* [P]

*– **Wesołego** – Klara wyjęła z kieszeni niebieskie jajko i rozbiła je o czoło Julka.*

*– **Христос воскрес**. – Клара вынула из кармана голубое яйцо и разбила его о лоб Юлека.* [KIM]

W pierwszym i drugim przykładzie został zastosowany odpowiednik słownikowy. W pierwszej parze zdań wyróżnione przymiotniki pełnią rolę przydawek zarówno w tekście polskim, jak i w rosyjskim. W drugiej egzemplifikacji w tekście docelowym leksem ze znaczeniem pozytywnej emocji jest orzecznikiem. Ciekawy jest ostatni z przytoczonych fragmentów, gdyż tłumaczenie nie zawiera

markera stanu emocjonalnego, lecz typową formułą życzeń wielkanocnych, które w oryginale mają eliptyczną postać, natomiast przytoczony fragment narracji, a tym bardziej szerszy kontekst zawiera odpowiednią informację. Jeśli przekład byłby dosłowny, zredukowana forma życzeń (*wesołego*) mogłaby stać się źródłem niezrozumienia, niedoinformowania odbiorcy tekstu docelowego. Zastosowane rozwiązanie translatorskie zapewnia, w mojej ocenie, spójność tekstu docelowego.

- ‘taki, które przez swój dźwięk, kolor, charakter itp. wywołuje wrażenie radości i kojarzy się z czymś pozytywnym oraz pełnym energii’, np.

*Wymyśliła sklep, trochę kawiarnię i gabinet odnowy razem. Nie było czegoś takiego, posłuchaj: wszystko dla osób z depresją. Płyty z muzyką polepszającą nastrój, komedie na DVD, książki, ubrania w **wesołych** kolorach i gadzety.*

*Она такое придумала! Немного магазин, немного кафе, немного реабилитационный кабинет, в общем, все в едином комплексе. Нигде ничего подобного еще не было. Вот послушай: все для людей с депрессией. Диски с музыкой, поднимающей настроение, комедии на DVD, книги, одежда **веселых** тонов и прочие приятные мелочи. [KIM]*

W tekście przekładu zastosowano odpowiednik słownikowy analizowanego przymiotnika, pełniący taką samą funkcję składniową, przydawki, w zdaniach obu języków.

Oprócz wymienionych wyżej znaczeń można wskazać frazę rzeczownikową z przymiotnikiem *wesoły*, w związku z czym w tekście przekładu wyróżniony leksem nie ma odpowiednika niosącego znaczenie emotywne, np.

*Wrzeszczałabym głośniejsz niż na diabelskim młynie w **wesołym** miasteczku. Орала громче, чем на „чертовом колесе” в луна-парке. [P]*

Uwagę zwraca fakt, że aż cztery z pięciu znaczeń wymienionych w słowniku przy hasłach *wesoły* i *radosny* brzmią praktycznie tak samo, a tylko jedno: ‘pełen radości’ (*wesoły*) i ‘taki, który jest wypełniony miłymi przeżyciami, wesołością, a wolny od zmartwień i kłopotów’ (*radosny*) na pierwszy rzut oka może wydawać się rozbieżne. Jednak obecność w obu eksplikacjach współrzędnych leksemów *pełny* i *wypełniony* oraz naprzemienne stosowanie nazw stanów emocjonalnych w obu definicjach (w definicji przymiotnika *wesoły* występuje rzeczownik *radość*, natomiast w objaśnieniu drugiego z przymiotników widnieje leksem *wesołość*) potwierdza ich bliskość znaczeniową.

Analizowane w niniejszych rozważaniach przymiotniki oraz ich rosyjskie odpowiedniki przekładowe najczęściej występowały w roli przydawek, określając następujące grupy rzeczowników:

- 1) nazwy osób: *radosny mężczyzna, wesoły człowiek, wesoły chłopak, wesoła Basia, счастливый мужчина, веселый парень, веселая Бася*;

- 2) nazwy przedmiotów: *wesołe gadżety*;
- 3) nazwy kategorii fizycznych: *wesołe kolory, веселые тоны*;
- 4) nazwy jednostek, odcinków lub punktów na osi czasu: *radosne godziny, wesołe urodziny, wesołe święta, радостные часы, веселый день рождения, веселые праздники*;
- 5) nazwy czynności: *radosny koziołek²*;
- 6) nazwy zachowań emocjonalnych: *radosny uśmiech*;
- 7) nazwy dźwięków: *radosny głos, radosny krzyk, wesoły śmiech, радостный голос*;
- 8) inne rzeczowniki abstrakcyjne: *wesoła nowina, wesoły rozgardiasz, radosna niecierpliwość, веселый щербет, радостное нетерпение*.

Różnorodność obiektów określanych przez analizowane przymiotniki prowadzi do oczywistego wniosku, że emocje stanowią nieodłączną część naszego życia, mogą się przejawiać w naszych zachowaniach, możemy ich doświadczać, ale również wywoływać je i obserwować.

Pewną prawidłowością w tłumaczeniu, dającą się zarejestrować w zebranych materiale, a wymagającą, rzecz jasna, potwierdzenia na reprezentatywnej grupie przykładów, jest zamiana wyrażenia złożonego z rzeczownika nazywającego niewerbalny lub parawerbalny przejaw emocji (*śmiech, krzyk, uśmiech*) i przymiotnika emotywnego rosyjskim czasownikiem określonym przez przysłówek ze znaczeniem emocji, np.

wesoły śmiech → *смеется весело*

radosny krzyk → *радостно закричала*

uśmiech radosny → *улыбается (...) радостно*

Przekaz emotywnego znaczenia przymiotników za pomocą adekwatnych przysłówków wiąże się z modyfikacją składniową – zamianą związku zgody na związek przynależności.

Jako podsumowanie przeprowadzonego badania mogą posłużyć następujące wnioski:

1. Mimo zauważalnej różnicy między emocjami radości i wesołości przymiotniki będące leksykalnymi markerami tych stanów są używane wymiennie, w słowniku przekładowym wyrazy *радостный* i *веселый* występują jako ekwiwalenty każdego z nich.

² Wyraz *koziołek* został odnotowany w znaczeniu przewrotu ciała – czynności związanej ze sportem.

2. Oprócz ekwiwalentów słownikowych w tekście przekładu na język rosyjski występują wyrazy odnoszące się do innych części mowy, zawierające ten sam rdzeń co główny odpowiednik słownikowy, a także rozwiązania kontekstowe.

3. Obecność wyrazów z rdzeniami *рад* i *весел* wśród odpowiedników analizowanych przymiotników podkreśla ich bliskość znaczeniową i synonimiczny charakter. Warto również zaznaczyć, że mając na uwadze przywołane wcześniej definicje poszczególnych znaczeń wyrażanych przez te przymiotniki, zdają się one do siebie bardziej podobne, bliższe znaczeniowo niż emocje nazwane przez rzeczowniki *radość* i *wesołość*.

4. Z uwagi na różnorodność odnotowanych ekwiwalentów przymiotników *radosny* i *wesoły* warto przeprowadzić badanie na bardziej obszernym materiale, co pozwoli ukazać szerokie spektrum możliwości przekazu konkretnych znaczeń emotywnych w drugim języku.

BIBLIOGRAFIA

- Borek Małgorzata. 2012. *Uczucia i emocje w rosyjskich i polskich metaforach*. Katowice: Oficyna Wydawnicza Waclaw Walasek.
- Data Krystyna. 2000. *W jaki sposób językoznawcy opisują emocje?*. W: *Język a kultura*. T. 14: *Uczucia w języku i tekście*. Red. Nowakowska-Kempna I., Dąbrowska A., Anusiewicz J. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego: 245–252.
- Hessen Dymitr, Stypuła Ryszard. 1979. *Wielki słownik polsko-rosyjski*. P–Ż. Moskwa–Warszawa: Wiedza Powszechna–Русский язык.
- Piasecka Agata. 2013. *Studium lingwistyczne i kulturologiczne rosyjskich frazeologizmów z komponentami cepte i dyua*. Łódź: Primum Verbum.
- Wielki słownik języka polskiego*. Red. Żmigrodzki P. (online) <http://wsjp.pl> (dostęp 10.06.2021).
- Wierzbicka Anna. 1971. *Kocha, lubi, szanuje. Medytacje semantyczne*. Warszawa: Wiedza Powszechna.
- Большой толковый словарь русского языка*. 2014. Red. Кузнецов С.А. (online) www.gramota.ru (dostęp 28.05.2021).
- Изард Кэррол. 1980. *Эмоции человека*. Москва: Издательство МГУ.
- Колбенева Марина, Александров Юрий. 2010. *Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка*. Москва: Языки славянских культур.
- Словарь русского языка*. 1999. Red. Евгеньева А.П. (online) <https://kartaslov.ru> (dostęp 21.06.2021).

REFERENCES

- Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo âzyka* [The Great Dictionary of Russian Language]. 2014. Ed. Kuznecov S.A. Available at: www.gramota.ru (Accessed 28 May 2021). (In Russian)
- Borek Małgorzata. 2012. *Uczucia i emocje w rosyjskich i polskich metaforach*. Katowice, Oficyna Wydawnicza Waclaw Walasek. (In Polish)

- Data Krystyna. 2000. *W jaki sposób językoznawcy opisują emocje?*. In: *Język a kultura*. Vol. 14: *Uczucia w języku i tekście*. Eds Nowakowska-Kempna I., Dąbrowska A., Anusiewicz J. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, pp. 245–252. (In Polish)
- Hessen Dymitr, Stypuła Ryszard. 1979. *Wielki słownik polsko-rosyjski. P–Ż*. Moscow–Warsaw, Wiedza Powszechna–Русский язык. (In Polish)
- Izard Kérrol. 1980. *Èmocii ÷eloveka* [Human emotions]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. (In Russian)
- Kolbeneva Marina, Aleksandrov Ūrij. 2010. *Organy ÷uvstv, èmocii i prilagatel'nye russkogo àzyka* [Sense organs, emotions and adjectives of the Russian language]. Moscow, Àzyki Slavànskikh Kul'tur. (In Russian)
- Piasecka Agata. 2013. *Studium lingwistyczne i kulturologiczne rosyjskich frazeologizmów z komponentami cepçe i душа*. Łódź, Primum Verbum. (In Polish)
- Slovar' russkogo àzyka* [Dictionary of the Russian Language]. 1999. Ed. Evgen'eva A.P. Available at: <https://kartaslov.ru> (Accessed 21 June 2021). (In Russian)
- Wielki słownik języka polskiego*. Ed. Źmigrodzki P. Available at: <http://wsjp.pl> (Accessed 10 June 2021). (In Polish)
- Wierzbicka Anna. 1971. *Kocha, lubi, szanuje. Medytacje semantyczne*. Warsaw, Wiedza Powszechna. (In Polish)

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.7121>

Дата подачи статьи: 30 июля 2021 г.

Дата принятия к печати: 30 августа 2021 г.

ПРОБЛЕМА ВАРИАТИВНОСТИ ПЕРЕВОДОВ БИБЛИИ НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПС. 2:12

Людмила Береснева

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4877-9792>

e-mail: mila1012101@mail.ru

Алексей Надежкин

Нижний Новгород, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6119-8677>

aleksej1001@gmail.com

Аннотация: Данное исследование посвящено проблеме возникновения вариантов в переводе текста Священного Писания на примере анализа Пс. 2:12. Цель научного исследования – выяснить, в чем заключается причина разночтений при переводе данного псалма. Значимость работы состоит в выявлении генезиса современных русских переводов Пс. 2:12, а также причин лингвистических затруднений, которые возникают при переложении еврейской и греческой Псалтири на другие языки. Практическая значимость работы заключается в использовании результатов статьи при переводе и комментировании исследованного текста. Основные результаты проведенной научной работы состоят в том, что причина возникновения «темного» для современного читателя места во втором псалме: «Примите наказание, да не прогневается Господь...», – кроется в полисемии греческого слова «παιδεία», которое может переводиться как «воспитание, обучение, образование, культура», а также «молодежь, юность». Переводчики, берущие за основу еврейский текст, интерпретировали данный стих, как «поклоняйтесь чисто», «поклонитесь с чистотою», «вооружайтесь чистотою».

Часть вариантов перевода данного стиха основывается на Септуагинте, дающей буквальное переложение на греческий еврейского текста: «Примите/сохраните поучение».

Разнообразие вариантов перевода Пс. 2:12 обусловлено полисемией в еврейском языке, наложившейся на заимствованные значения слова «bag» из халдейского языка на греческую многозначность в языке-реципиенте, а затем сложность этого стиха еще более возросла за счет буквализма церковнославянского перевода.

Ценность проведенного исследования заключается в сопоставлении вариантов русских переводов Пс. 2:12 и прояснении их истории.

Ключевые слова: вариативность, переводоведение, переводы Библии, Псалтирь, Септуагинта

Submitted on July 30, 2021
Accepted on August 30, 2021

THE PROBLEM OF VARIABILITY OF BIBLE TRANSLATIONS ON THE EXAMPLE OF THE ANALYSIS OF PS. 2: 12

Lyudmila Beresneva

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4877-9792>

e-mail: mila1012101@mail.ru

Aleksey Nadezhkin

Ph.D.in Philological, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6119-8677>

e-mail: aleksej1001@gmail.com

Abstract: This study is devoted to the problem of the appearance of variants in the translation of the text of the Holy Scriptures on the example of the analysis of Ps. 2:12. The aim of the study is to find out the reason for the occurrence of discrepancies in the translation of this psalm. The significance of the work lies in identifying the genesis of modern Russian translations of Ps. 2:12, as well as the reasons for linguistic difficulties that arise when translating the Hebrew and Greek Psalms into other languages. The results of the research may be used when translating and commenting on the studied text. The main conclusion is that the reason for the appearance of a “dark” place for the modern reader in the second psalm – “Accept the punishment, may the Lord not be angry” – stems from the polysemy of the Greek word “παιδείας”, which can be translated as “education, training, culture” as well as “youth”. The Hebrew translators have interpreted this verse as “worship purely”, “worship with purity”, “arm yourself with purity”. Some of the translation options for this verse are based on the Septuagint, which gives a literal translation into Greek of the Hebrew text: “Accept / keep the lesson”. The variety of translation options for Ps. 2:12 results from the polysemy in the Hebrew language, superimposed on the borrowed meaning of the word “bar” from the Chaldean language and on the Greek ambiguity in the recipient language; later on, the complexity of this verse increased even more due to the literalism

of the Church Slavic translation. The value of this research lies in comparing the variants of the Russian translations of Ps. 2:12 and clarifying their history.

Keywords: variability, translation studies, Bible translations, Psalter, Septuagint

В рамках изучения диалога, взаимодействия, взаимопроникновения культур особое значение представляет проблема перевода. Проблема художественного перевода всегда была в центре практического и научного интереса переводчиков и лингвистов. Одним из самых часто переводимых культурных памятников является Библия, переводы которой находятся в центре внимания нашей статьи. Сложной задачей для переводчика является передача смыслового и структурного своеобразия данного литературного произведения.

В статье мы рассматриваем генезис вариантов в Пс. 2:12 в еврейской и греческой версиях этой части Библии. На церковнославянском языке стих Пс. 2: 12 звучит так: «Примите наказание, да не когда прогневается Господь и погибнете от пути праведнаго, егда возгорится вскоре ярость Его. Блажени вси надеющиися Нань» [Псалтирь. Церковнославянский текст, online]. Но если обратимся к Синодальному переводу, то прочтем: «Почтите Сына, чтобы Он не прогневался и чтобы вам не погибнуть в пути вашем, ибо гнев Его возгорится вскоре. Блаженны все, уповающие на Него» [Синодальный перевод Библии. Псалтирь, online]. В данной статье попытаемся разобраться, отчего так разнятся церковнославянская и синодальная русская версии Псалтири.

Отметим, что перевод интересующей нас части стиха затемнен и требует пояснений, так как выражение «примите наказание» можно перевести как «примите поучение».

Смысл стиха стал понятен, но перевод на русский язык не объяснил лингвистическое отличие между переводами. Для объяснения этой языковой «загадки» нужно знать, что Синодальный и церковнославянский переводы Псалтири опираются на разные первоисточники: церковнославянский – на греческий текст, а русский синодальный – на еврейский, поэтому, чтобы понять генезис варианта данного стиха, нужно обратиться к тексту Псалтири, написанному на еврейском (масоретский текст) и греческом (Септуагинта) языках. На древнегреческом языке Пс. 2:12 выглядит так: «δράξασθε παιδείας, μήποτε ὀργισθῆι κύριος καὶ ἀπολεῖσθε ἐξ ὁδοῦ δικαίας. ὅταν ἐκκαυθῆι ἐν τῇχει ὁ θυμὸς αὐτοῦ, μακάριοι πάντες οἱ πεποθήτες ἐπ' αὐτῷ» [Септуагинта. Псалтирь, online].

Интересующая нас лексема «*παιδείας*» является многозначным словом в греческом языке и может переводиться как «воспитание, обучение, образование, культура», а также «молодежь», «юность» [Симфония словарных форм, online]. Обратим внимание на тот факт, что в греческом языке значение «юности» и «воспитания» могут аккумулироваться в одном слове и держаться в памяти в качестве ассоциации, чего нет в русском языке. Лексическое значение «наказание» у слова «*παιδεία*» существует, но в Симфонии словарных форм [Симфония словарных форм, online] оно указано последним.

Что же происходит в еврейском тексте? На месте слова «*παιδείας*» стоит *בן* (*bar*), что значит «сын» [Симфония словаря Стронга, online]. Возникает вопрос: каким образом на греческой почве возник данный вариант? Очевидно, переводчики греческого текста при переложении еврейской версии Псалмов создали некий компромиссный вариант перевода, где данный стих: «*δράξασθε παιδείας, μήποτε ὀργισθῆ κύριος καὶ ἀπολεῖσθε ἐξ ὁδοῦ δικαίας. ὅταν ἐκκαυθῆ ἐν τάχει ὁ θυμὸς αὐτοῦ, μακάριοι πάντες οἱ πεποιθότες ἐπ' αὐτῷ*» [Септуагинта. Псалтирь, online], – они восприняли как призыв учиться праведной жизни и выбрали такое слово, которое ассоциативно было бы связано со значением «юный», «молодой», «непорочный». Очевидно, так они поняли слово «*bar*». Таким образом, связь с еврейским словом «сын» была сохранена. Но в русских словах «поучение», «наказание» подобная связь отсутствует, так как «юный» и «обучение» в русском языке не родственные, поэтому смысл греческого переводческого эквивалента в русском языке затемнен.

Однако в некоторых источниках масоретское слово *בן* дается неогласованным, что, возможно, указывает на вариативность чтения. Об этой вариативности писал в своем переводе псалмов с еврейского св. Иероним, когда переводил этот стих: «*Adorate pure ne forte irascatur et pereatis de via*». Фраза означает: «Поклоняйтесь чисто, чтобы Он не прогневался и погибли бы вы от пути...» [Вульгата. Перевод Псалтири с еврейского, online]. Похожий перевод встречается в переводах проф. Василия Андреевича Левинсона и Даниила Авраамовича Хвольсона, опирающихся на еврейскую традицию: «Вооружайтесь чистотою, чтобы Он не прогневался» [Русская Библия в переводе с масоретского текста, online].

Св. Иероним дал еще один вариант перевода данного Псалма, но уже с греческого языка: «*Adprehendite disciplinam nequando irascatur Dominus*» // «Постигайте наставление, дабы не прогневался Господь» [Вульгата. Перевод Псалтири с греческого, online].

Словосочетание «adprehendite disciplinam» дается и как вариант «vetus latina», и как вариант «Vulgata nova»; в издании Пьера Сабатье приводится также и вариант Иеронима с еврейского текста: «Adorate pure» [Sabatier 1743, 12].

П. Сабатье указывает на дважды встречающийся в святоотеческих творениях вариант «continete disciplinam» от «contineo» – содержу, заключаю, держу, удерживаю, сохраняю, соблюдаю, где словосочетание «continete disciplinam» можно перевести, как «сохраните поучение или соблюдайте наставление», что является буквальным переводом слова «δράξασθε».

Интересен и другой древний перевод Ветхого Завета, сирийская Пешитта, которая дает следующий перевод этой строки: «Besen al Hijo para que no se enoje, no sea que se extravíen de su camino, pues su ira puede encenderse repentinamente». Высказывание можно перевести так: «Лобзайте Сына, дабы Он не разгневался и чтобы они не сбились с пути Его, ибо гнев Его может вспыхнуть внезапно» [Biblia Peshitta 2006, 1038]. С этим переводом согласны многие поздние авторы: «Лобызайте Сына, да не прогневается, и погибнете [на] пути, егда возгорится по не мало ярость Его» (архиеп. Амвросий) [Церковнославянский перевод Псалтири Амвросия Зертис-Каменского, online]; «Лобзайте жезл сыновней власти; // Да не прогневанный Отец, // Лишая вас избранных части, // Предаст погибели в конец» (свящ. Гавриил Пакацкий) [Поэтический перевод Псалтири Г. Пакацкого, online].

Очевидно, еврейское слово **נשק** в значении «целовать» толковалось переводчиками, например, прп. Макарием (Глухаревым), прот. Герасимом Павским, авторами Синодального перевода, как «почтите», они, воспользовавшись обортональным переводом, избежали слишком телесных эквивалентов.

Иудейский комментатор Танаха Раши так понимает этот стих: «Запаситесь чистотой, чтобы не разгневался, чтобы не прийти к погибели, ибо стремительно разгорается гнев Его», – оставляя на это место в Псалтири небольшой комментарий: «**רַב וְקִשְׁנָה**» – запаситесь чистотой... поспешите запастись чистотой сердца» [Книга Псалмов с комментариями Раши 2011, 41].

Комментаторы Псалтири пишут, что Менахем бен Сарук, автор танахического словаря на иврите, «относит **רַב וְקִשְׁנָה** как «вожделение», подобно Берешиту 3:16: «К мужу вожделение твое» [Книга Псалмов с комментариями Раши 2011, 41]. Редакторы русского издания комментария Раши к Псалмам пишут об этом толковании средневекового иудейского экзегета следующее:

Раши разбирает два трудных слова **רַב**, одно из которых в начале понимает как «чистота», от глагола «**ברר**» – очищать от примесей. Глагол «**שקנ**», согласно Менахему бен Саруку, имеет семь значений, и наш стих он относит к четвертому значению «вожделеть»; то есть смысл стиха: «Вожделайте чистоты»,

а не к шестому значению от слова «запасы, провиант», как это делает Раши. В комментарии к Берешит (41:40) Раши считает, что весь оборот «נשקו בר» означает «снабжать провиантом», производя слово «בר» от «провиант». Если не подвергать сомнению версию печатных изданий, то перед нами три варианта понимания этого оборота: «запаситесь чистотой» (Раши), «поставляйте урожай» (близок к Раши) и «вождейте чистоты» (вариант Менахема бен Сарука) [Книга Псалмов с комментариями Раши 2011, 41].

Представляет интерес для исследователя также слово «δράξασθε», которое имеет лексические значения: «возьмите» или же «воспользуйтесь». Многозначный глагол «אָרשׁ» имеет несколько значений: 1. Целовать, лобзать; 2. Вооружаться; 3. Руководствоваться; 4. Дотрагиваться, соприкасаться [Симфония словаря Стронга, 5401, online].

Соотнося известные значения еврейского слова «אָרשׁ» «запасаться», «вождесть» с греческим переводом, позволим себе выдвинуть гипотезу, что септуагинтальное соответствие слова «δράξασθε» («возьмите») основывается на буквальном переводе глагола «אָרשׁ» в значении «дотрагиваться, соприкасаться». Отсюда возник славянский вариант перевода «примите наказание», на котором чувствуется влияние значения «вождесть», чтобы передать смысл обладания. Ряд переводчиков в качестве переводческого эквивалента выбрали слово «целовать». На значении «вооружайтесь» основан перевод В.А. Левинсона и Д.А. Хвольсона [Русская Библия в переводе с масоретского текста, online].

В Симоновской псалтири, изданной митр. Амфилохием, приводится еврейское чтение: «Почтите Сына». На эту строку дается внушительный ссылочный аппарат и приводятся следующие варианты перевода: «Лобызайте Сына!», «поклонитесь с чистотой» (Симмах), а также «примите наказание» (LXX) [Сергиевский-Казанцев 1880, I, 8].

Для дальнейшего анализа стиха обратимся к христианской традиции комментирования этого места Священного Писания.

Афанасий Великий дважды обращался в своих трудах к данному стиху, толкуя слова «примите наказание» как призыв «принять евангельское поучение», а в другом месте как призыв «принять совершенство» [Экзегет. Библия и Толкования, online].

Также понимал это место в Псалтири блж. Феодорит Кирский: «Примите наказание, да не когда прогневаеся Господь, и погибните от пути праведнаго». Ибо для совершенства недостаточно одно приобретение Боговедения, но надобно упражняться и в деятельной добродетели, прилепившись к которой, пойдете путем непогрешительным» [Экзегет. Библия и Толкования, online].

Григорий Богослов писал об этом стихе: «Хорошо иметь освященные и очищенные плечи, чтобы можно было понести крест Христов, не для всякого удобоносимый. Хорошо иметь освященные руки и ноги. Руки – да на всяком месте воздеваются чистые и держатся учения Христа, чтобы никогда не прогневался Господь» [Экзегет. Библия и Толкования, online].

Из древних авторов, толковавших этот стих, только позднейший экзегет Евфимий Зигабен понимал слово «*παιδείας*» как наказание: «Примите наказание. Этими словами выражает Пророк Давид усиление того, что выше сказал в стихе 10: «Итак, вразумитесь, цари; научитесь, судьи земли!» (Пс. 2:10) Образумьтесь, умудритесь не как-нибудь, но совершенно и окончательно» [Экзегет. Библия и Толкования, online]. Возможно, значение «наказание» актуализировалось в византийском языке и потому стало основным в переводе второго псалма на старославянский язык.

Последний стих второго псалма в русском богословии довольно рано стал осмысляться как сложное место Священного Писания, так как библеисты замечали разность переводов данной строки.

Уже в XVIII в. архиепископ Ириней Клементьевский отмечал многообразие переводов Пс.2:12, пытаясь выделить в них общий смысл и «примирить» их через следующее толкование:

Сіе мѣсто съ Еврейскаго нѣкоторые переводятъ: лобзайте Сына, иные – поклонитесь Сыну, иные – поклонитесь чисто, иные – примите чистоту: съ чемъ удобно согласить можно и переводъ седмидесяти толковниковъ. Ибо принимать наказаніе то же есть, что и принимать чистоту ученія Христова, равно какъ и лобзать Сына, или поклоняться Сыну, то же есть, что принимать наказаніе, или ученіе Его [Экзегет. Библия и Толкования, online].

Феофан Затворник размышлял о соотношении церковнославянского и Синодального переводов Псалтири, ссылаясь на древность чтения LXX и согласие его с древними переводами, которых, к сожалению, не приводит:

В последних стихах пророческий взор Давида возвращается к земле. Пророк обращается к мятежным с увещанием, чтобы они образумились, обуздали себя, с благоговением подчинились Господу и приветствовали (радуйтесь!) Его, как Господа, в Лице Его Помазанника. Пророк приглашает поспешить исправлением своей жизни». Русский перевод еврейского слова «нашекувар» – почитите Сына – едва ли можно считать верным. Почти во всех древних переводах, согласно с переводом LXX – «примите наказание» [Экзегет. Библия и Толкования, online].

В качестве одного из таких «древних переводов» нужно, очевидно, понимать Иеронима, выполнившего перевод Псалтири по греческому тексту.

Протоиерей Григорий Глубоковский, ссылаясь на святых отцов, очевидно, на Афанасия Великого, толкует слово «наказание» как «поучение»:

Таким образом, по объяснению св. отцов, в этих последних словах псалма заключается такое наставление пророка: вразумитесь, цари и народы, и покайтесь; примите Евангельское учение Христово и исправьтесь, чтобы не прогневался на вас Господь, Сын Божий, и чтобы вам не погибнуть в вашем заблуждении, вне пути праведного, ведущего ко спасению [Экзегет. Библия и Толкования, online].

Западные комментаторы не расходятся с православными толкователями в мессианском понимании данного стиха. Так, Жан Кальвин писал об этом стихе:

Слово «целуйте» относится к торжественному стилю речи или знаку почтения, который подчиненные должны были отдавать своим господам. В итоге, Господь лишает славы, если он не служит Христу. Еврейское слово *ваг* имеет два значения: «Сын» и «Избранный», но как бы там ни было, мы принимаем это, ибо смысл тот же. Христос был истинно избран Отцом, дал Ему всякую власть, что Он Один будет стоять и над людьми, и над ангелами [цит. по: Calvin, 1745, 24-25].

Также Ж. Кальвин отмечает, что «некоторые переводчики толкуют это место как «лобзайте» или «примите то, что чисто», но считал это «насильственной интерпретацией». В качестве переводческого эквивалента для слова *Ваг* протестантский богослов выбирает значение «Сын», потому что этот смысл «хорошо сочетается с предыдущей строкой, в которой сказано: «Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя» (Пс.2:7).

И другой западный богослов Адам Кларк отмечал, что слово «*Ваг*» – халдейское заимствование, и писал о сложности исследуемого стиха:

Это примечательный случай, что в такой чистой части еврейского языка, как эта поэма, (то есть Псалом 2) может быть найдено халдейское слово *Ваг* вместо *Веп*, что ничего не прибавляет ни к силе, ни к выразительности или изысканности поэтического стиля. Я думаю, нужно полагать, что слово *Ваг* столь же характерно для еврейского языка, как и для халдейского, но оно взято из древнего языка в смысле «очищение», вариантах, возможно, понятых здесь таким образом. «Воспримите чистое» означает, например, «учение Божие» [цит. по: Calvin, 1745, 24–25].

Итак, в полисемии греческого слова «*παιδείας*» кроется причина возникновения «темного» для современного читателя места во втором псалме: «Примите наказание, да не прогневается Господь...», – так как оно является многозначным в греческом языке и может переводиться как «воспитание, обучение, образование, культура», а также «молодежь», «юность».

Мы увидели, как переводчики с еврейского языка по-разному интерпретировали данные строки: «поклоняйтесь чисто», «поклонитесь с чистотою», «вооружайтесь чистотою», «вождейте чистоты», «запасайтесь чистотою». Ряд источников, следующих за сирийской Пешиттой, переводили это место как «Лобзайте Сына» или подобным этому выражением. Такой перевод оказывается богословски значимым для читателей-христиан. Еврейское слово «קָרַב» в значении «целовать» толковалось многими переводчиками как «почтите», при этом некоторые из них давали буквальный перевод, а авторы Синадального перевода воспользовались обертональным переводом.

Часть вариантов перевода данного стиха основывается на Септуагинте, дающей буквальное переложение на греческий еврейского текста: «Примите / сохраните поучение».

Разнообразие вариантов перевода Пс. 2:12 обусловлено полисемией в еврейском языке, наложившейся на заимствование значения из халдейского языка и на греческую многозначность в языке-реципиенте, а затем сложность этого стиха еще более возросла за счет буквализма церковнославянского перевода.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архиеп. Амвросий Зертис-Каменский. *Церковнославянский перевод Псалтири*. (online) <https://ekzeget.ru/bible/psaltir/glava-2/> (доступ 21.03.2021).
- Архимандрит Амфилохий Сергиевский-Казанцев. 1880. *Древлеславянская Симоновская Псалтирь, сличенная с рукописями и старопечатными книгами*. Т. 1. Москва.
- Книга Псалмов с комментариями Раши*. 2011. Москва–Нью Йорк: Лехаим; Книжники.
- Левинсон В.А., Хвольсон Д.А. *Русская Библия в переводе с масоретского текста*. (online) http://biblia.russportal.ru/index.php?id=masor.hvols.psal_h02 (доступ 21.03.2021).
- Пакацкий Г. *Поэтический перевод Псалтири*. (online) <https://ekzeget.ru/bible/psaltir/glava-2/> (доступ 21.03.2021).
- Псалтирь. Церковнославянский текст*. (online) <https://www.molivoslov.com/text303.htm> (доступ 21.03.2021).
- Септуагинта. Псалтирь*. (online) <http://barnascha.narod.ru/biblia/lxx/u/psa.htm> (доступ 21.03.2021).
- Симфония словарных форм*. (online) <https://manuscript-ible.ru/S/D/7061.htm#paide%u042Ba> (доступ 21.03.2021).
- Симфония словаря Стронга*. (online) <https://manuscript-bible.ru/S/S/h12.htm#1248> (доступ 21.03.2021).
- Синадальный перевод Библии. Псалтирь*. (online) <http://www.my-bible.info/biblio/biblija/psaltir.html> (доступ 21.03.2021).
- Современный перевод Библии РБО*. (online) <https://ekzeget.ru/bible/psaltir/glava-2/> (доступ 21.03.2021).
- Экзегет. Библия и Толкования. Толкования на 2-ой псалом*. (online) <https://ekzeget.ru/bible/psaltir/glava-2/stih-12/> (доступ 21.03.2021).

- Biblia Peshitta. Traduccion de los antiguos manuscritos arameos.* 2006. Nashville: Holman Bible Publishers.
- Calvin J. 1745. *Commentary on the Book of Psalms.* V. 1. Edinburgh.
- Sabatier P. 1743. *Bibliorum sanctorum latinae versiones antiquae seu vetus italica.* T. 2. Remis.
- Vulgata. (Psalterium ex Graeco).* (online) <http://magister.msk.ru/library/bible/latin/vul-ps-g.htm> (доступ 21.03.2021).
- Vulgata. (Psalterium ex Hebraeo).* (online) <http://magister.msk.ru/library/bible/latin/vul-ps-h.htm> (доступ 21.03.2021).

REFERENCES

- Архиеп. Амвросий Зертис-Каменский. *Cerkovnoslavyanskij perevod Psaltiri* [Old Slavic interpretation of Psalter]. Available at: <https://ekzeget.ru/bible/psaltir/glava-2/> (Accessed 21 March 2021). (In Russian)
- Arhimandrit Amfilokij Sergievskij-Kazancev. 1880. *Drevleslavyanskaya Simonovskaya Psaltir', slichennaya s rukopisyami i staropechatny'mi knigami* [Old Slavic Simons's Psalter compared with manuscripts and early printed books]. Vol. 1. Moscow. (In Russian)
- Biblia Peshitta. Traduccion de los antiguos manuscritos arameos.* 2006. Nashville: Holman Bible Publishers. (In Spanish)
- Calvin J. 1745. *Commentary on the Book of Psalms.* Vol. 1. Edinburgh. (In English)
- Ekzeget. Bibliya i Tolkovaniya. Tolkovaniya na 2oj psalom* [Exegete. Bible and Interpretations. Interpretations on the 2nd psalm]. Available at: <https://ekzeget.ru/bible/psaltir/glava-2/stih-12/> (Accessed 21 March 2021). (In Russian)
- Kniga Psalmov s kommentarijami Rashi* [Psalter with Rashi's commentary]. 2011. Moscow, New York, Lexaim, Knizhniki. (In Russian)
- Levinson V.A., Xvol'son D.A. *Russkaya Bibliya v perevode s masoretskogo teksta* [Russian Bible translated on masoretic text]. Available at: http://biblia.russportal.ru/index.php?id=masor.hvols.psal_h02 (Accessed 21 March 2021). (In Russian)
- Pakaczkiy G. *Poe'ticheskij perevod Psaltiri* [Poetic translation of Psalter]. Available at: <https://ekzeget.ru/bible/psaltir/glava-2/> (Accessed 21 March 2021). (In Russian)
- Psaltir'. Cerkovnoslavyanskij tekst* [Psalter. Old Slavic text]. Available at: <https://www.molitvoslov.com/text303.htm> (Accessed 21 March 2021). (In Russian)
- Sabatier P. 1743. *Bibliorum sanctorum latinae versiones antiquae seu vetus italica.* Vol. 2. Remis. (In Latin)
- Septuaginta. Psaltir'.* Available at: <http://barnascha.narod.ru/biblia/lxx/u/psa.htm> (Accessed 21 March 2021). (In Greek)
- Simfoniya slovarny'x form.* Available at: <https://manuscript-bible.ru/S/D/7061.htm#paide%u042Ba> (Accessed 21 March 2021). (In Greek)
- Simfoniya slovary Stronga.* Available at: <https://manuscript-bible.ru/S/S/h12.htm#1248> (Accessed 21 March 2021). (In Hebrew)
- Sinodal'ny'j Perevod Biblii. Psaltir'* [Synod's translation of Bible. Psalter]. Available at: <http://www.my-bible.info/biblio/biblija/psaltir.html> (Accessed 21 March 2021). (In Russian)
- Sovremenny'j perevod Biblii RBO* [Modern translation of Bible, edited by RBO] Available at: <https://ekzeget.ru/bible/psaltir/glava-2/> (Accessed 21 March 2021). (In Russian)
- Vulgata. (Psalterium ex Graeco).* Available at: <http://magister.msk.ru/library/bible/latin/vul-ps-g.htm> (Accessed 21 March 2021). (In Latin)
- Vulgata. (Psalterium ex Hebraeo).* Available at: <http://magister.msk.ru/library/bible/latin/vul-ps-h.htm> (Accessed 21 March 2021). (In Latin)

Kulturoznawstwo

WACŁAWA ALEKSANDRA MACIEJOWSKIEGO SPOJRZENIE NA ROSJĘ I SŁOWIAŃSZCZYNĘ A JEGO IZOLACJA W SPOŁECZEŃSTWIE POLSKIM W LATACH 50. I 60. XIX WIEKU

Piotr Koprowski

Uniwersytet Gdański, Polska

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3843-3640>

e-mail: piotr.koprowski@ug.edu.pl

Abstrakt: Historyk prawa, sławista Wacław Aleksander Maciejowski (1792–1883) był znaną postacią XIX-wiecznego polskiego i europejskiego życia naukowego. Tezy, opinie zawarte w jego pracach sławistycznych wywołały znaczny oddźwięk w świecie słowiańskim, w tym i wśród Polaków. W gronie tych ostatnich znaleźli się liczni adwersarze uczonego, krytykujący preferowany przezeń sposób postrzegania Rosji i Słowiańszczyzny. W artykule przybliżono podłoże i uwarunkowania izolacji Maciejowskiego w społeczeństwie polskim w latach 50. i 60. XIX wieku, ściśle związane z jego poglądami zawartymi w drugim wydaniu *Historii prawodawstw słowiańskich* oraz w *Piśmiennictwie polskim od czasów najdawniejszych aż do roku 1830*. Uczony jawił się wówczas jako słowianofil-rusofil, nie będąc jednak panslawistą. W wymienionych dziełach Maciejowskiego nie spotyka się akcentów panslawistycznych. Dominuje w nich idea ogólnosłowiańska, która nie może być utożsamiana z panslawizmem. Znaczna część współczesnych slawistów rodaków zarówno w kraju, jak i na emigracji traktowała fakt uwypuklenia znaczenia wspólnoty słowiańskiej w połączeniu z jego ugodową postawą wobec władz rosyjskich w Królestwie Polskim jako wymowny wyraz panslawizmu i swoistej zdrady narodowej. Stała na stanowisku, że spojrzenie uczonego na Rosję i Słowiańszczyznę jest następstwem przyzwolenia na związek państw słowiańskich, kierowany przez absolutystycznie rządzoną monarchię rosyjską. W pracach historyka prawa nie pojawiła się teza potwierdzająca zarzuty adwersarzy o akcentowaniu przez niego przewodnictwa Rosji w świecie słowiańskim i pragnieniu ścisłego związania z nią Polski w ramach jednej rodziny słowiańskiej. Maciejowski opowiadał się za równouprawnieniem obydwu krajów słowiańskich: Polski i Rosji w Słowiańszczyźnie, co nie było równoznaczne ze zgodą na wyrzeczenie się aspiracji narodowych przez Polaków. Lata 50. i 60. XIX w. to okres, w którym uczonego próbował własną postawą

i różnymi deklaracjami przełamać izolację i zmienić swój niekorzystny wizerunek dominujący w społeczeństwie polskim. Jego naznaczone dobrymi intencjami działania w tym zakresie nie były wynikiem politycznego wyrachowania ani troski o korzyści finansowe.

Słowa kluczowe: Rosja, Słowiańszczyzna, Polacy, panslawista, panslawizm, słowianofil-rusofil, Słowianie

Submitted on June 20, 2021
Accepted on August 20, 2021

WACŁAW ALEKSANDER MACIEJOWSKI'S VIEW OF RUSSIA AND THE SLAVIC REGION, AND HIS ISOLATION IN POLISH SOCIETY IN THE 50S AND 60S OF THE 19TH CENTURY

Piotr Koprowski

University of Gdańsk, Poland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3843-3640>

e-mail: piotr.koprowski@ug.edu.pl

Abstract: Legal historian, Slavist Waclaw Aleksander Maciejowski (1792–1883) was a famous figure of Polish and European scholarly life in the 19th century. The arguments and opinions contained in his work in the field of Slavic studies made a significant impact in the Slavic world, including Poles. Among the latter there were numerous adversaries of the scholar who criticized the way he perceived Russia and the Slavic region. The article presents the background and conditions of Maciejowski's isolation in Polish society in the 1850s and 1860s, closely related to the views he expressed in the second edition of the *History of Slavic Legislation* and in *Polish Literature from the Earliest Times until 1830*. The scholar was then perceived as a Russophilizing Slavophile, though not a pan-Slavic one. Pan-Slavic accents are not present in Maciejowski's above mentioned works. Instead, it is the Slavic idea which dominates there, and it cannot be equated with Pan-Slavism. A significant number of Maciejowski's contemporary compatriots, both at home and abroad, treated the fact of emphasizing the importance of the Slavic community in conjunction with his conciliatory attitude towards the Russian authorities in the Kingdom of Poland as an expression of Pan-Slavism and a kind of national treason. In their opinion, the scholar's view of Russia and the Slavic region was a consequence of his approval of the idea of a union of Slavic states led by the absolutist Russian monarchy. However, the works of the legal historian do not support the accusations of his adversaries that he approved of Russia's presidency in the Slavic world and that he wanted Poland to be

closely bound with it within one Slavic family. Maciejowski advocated the equality of both Slavic countries, Poland and Russia, in the Slavic region, which was not tantamount to consenting to the renunciation of Poles' national aspirations. The 1850s and 1860s were a period in which the scholar tried to break the isolation and change his predominantly unfavourable image in Polish society with his own attitude and various declarations. His well-intentioned activities in this respect were not the result of political expediency or concern for financial gain.

Keywords: Russia, the Slavic region, Poles, pan-Slavic, pan-Slavism, Slavophile-Russophile, Slavic

Historyk prawa, slawista Wacław Aleksander Maciejowski (1792–1883) był znaną postacią XIX-wiecznego polskiego i europejskiego życia naukowego. Współcześnie zainteresowanie jego dorobkiem naukowym i dylematami ideowymi jest znikome. Wybór materiałów do biografii uczonego przynosi praca Stanisława Borowskiego [Borowski 1959]. Podstawowym opracowaniem na temat działalności i poglądów Maciejowskiego na temat prawodawstwa słowiańskiego jest monografia Juliusza Bardacha [Bardach 1971]. Spojrzenie na twórczość slawisty z punktu widzenia historii literatury przynosi praca Janusza Kapuścika [Kapuścik 1985], zaś jego miejsce, pozycję w warszawskim środowisku historycznym w pierwszej połowie XIX wieku przybliża Jerzy Maternicki [Maternicki 1970, 58–66]. Wspomnieć warto również o autorach nielicznych ujęć cząstkowych odnoszących się do wybranych aspektów myśli Maciejowskiego, starających się choćby w pewnym stopniu wypełnić lukę w badaniach nad tą postacią i jej dokonaniem [zob. m.in. Michalski 2013, 58–61; Koprowski 2020].

Tezy, opinie zawarte w pracach slawistycznych Maciejowskiego wywołały w XIX wieku znaczny oddźwięk w świecie słowiańskim, w tym i wśród Polaków. W gronie tych ostatnich znaleźli się liczni adwersarze uczonego, krytykujący preferowany przez niego sposób postrzegania Rosji i Słowiańszczyzny. Celem artykułu jest przybliżenie podłoża i uwarunkowań izolacji historyka prawa w społeczeństwie polskim w latach 50. i 60. XIX stulecia, ściśle związanych z jego poglądami zawartymi w drugim wydaniu *Historii prawodawstw słowiańskich* oraz w *Piśmiennictwie polskim od czasów najdawniejszych aż do roku 1830*.

Początki niechęci znacznej części światłych Polaków do osoby i poglądów Maciejowskiego można datować na schyłek lat 30. XIX wieku i wiązać z wydaniem przez niego *Pamiętników o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian* [Maciejowski 1839]. *Pamiętniki...* spowodowały wielkie poruszenie w środowiskach polskich zarówno w kraju, jak i na emigracji. Znaczna część Polaków oceniła to dzieło nieprzychylnie, widząc w nim zbyt dużo akcentów świadczących

o dominującej roli Rosji w ówczesnym świecie słowiańskim [Koprowski 2020, 79–82]. W zasadzie wszystkie polskie ugrupowania emigracyjne, niezależnie od wyznawanej ideologii i stosunku do państwa carów, zgodnie potępiły poglądy uczonego. Nieco inny charakter przybrała krytyka tego ostatniego na ziemiach polskich. Konserwatyści poznańscy zarzucili Maciejowskiemu m.in. gloryfikowanie reformacji, niedocenywanie roli i znaczenia Kościoła katolickiego oraz to, że rozważając spór między biskupem krakowskim Stanisławem a królem Bolesławem Śmiałym w XI wieku, opowiedział się po stronie króla. Niechęć do autora *Pamiętników...* szybko wzrastała. Na początku lat 40. XIX stulecia zdecydowanie nieprzychylnie zaczęli oceniać uczonego nawet ci, którzy wcześniej bardzo pozytywnie odbierali jego poczynania naukowe. Postawę taką przyjął chociażby Joachim Lelewel.

Maciejowskiego potępił również Mickiewicz, w latach 1840–1844 prowadzący wykłady z historii literatur słowiańskich w College de France, w Paryżu. Podczas wykładu ogłoszonego w kwietniu 1842 roku autor *Dziadów* zaliczył Wacława Aleksandra Maciejowskiego – obok Adama Gurowskiego – do grupy pisarzy-zdradców „dopuszczających się zdrady głównej, którzy zapierają się władzy ojczystej, przeszłości ojczystej, usiłują oczernić dzieje, obyczaj Polski, znieślawić charakter narodowy, ażeby tylko uniknąć prześladowania niszczącego tych co służą idei polskiej, ażeby pozyskać łaski ciemiężców” [cyt. za: Bardach 1964, 120]. Opinia wyrażona przez Mickiewicza odbiła się szerokim echem w środowiskach polskich, przyczyniając się do spotęgowania niechęci do autora *Pamiętników...*

Zarzuty wieszczki-wykładowcy wysunięte pod adresem Maciejowskiego miały się jednak z prawdą. Historyk prawa nie był autorem tez, które mogłyby spowodować uznanie go za zdrajcę [Maternicki 1979, 129]. Szczególnie uwłaczające dla uczonego było postawienie go obok zdeklarowanego panslawisty Gurowskiego¹. Autor *Pamiętników...* nie akceptował wizji przyszłości tego ostatniego, wizji, kiedy pod sztandarem rosyjskim (wielkosłowiańskim) „będzie potężnie (...) od Oceanu Lodowatego, aż do Morza Śródziemnego, od Wisły aż do Oceanu Spokojnego” [cyt. za: Janik 1934, 69]. Nie podzielał poglądów Gurowskiego na temat miejsca Polski i Rosji w Słowiańszczyźnie, sprowadzających się – generalnie rzecz ujmując – do przeswiadczenia, iż istnienie obydwu wymienionych państw jest

¹ Panslawizm można – najogólniej rzecz ujmując – rozumieć jako wspólnotę kulturową i językową wszystkich Słowian. Współcześni badacze wiążą go z rosyjską polityką imperialną, wskazując na jego dwa odłamy: panslawizm demokratyczny Michaiła Pogodina i panslawizm nacjonalistyczny Nikołaja Danilewskiego. W znacznej części XIX-wiecznych środowisk polskich panslawizm postrzegano jako reprezentowanie interesów Rosji w jej dążeniach do politycznego podporządkowania innych narodów słowiańskich [Eberhardt 2010; Stefaniuk 2006].

niemożliwe, koniecznością jest unicestwienie Polski, bowiem Słowiańszczyzna potrzebuje „jedności, jednej głowy, jednego ogniska, jednego celu, jednej woli” [cyt. za: Janik 1934, 69; zob. także Głębocki 2012]. Uczony nie godził się ponadto z Gurowskiego krytyką języka polskiego, sprowadzoną do absurdu, kiedy zafascynowany państwem Mikołaja I hrabia podkreślał, iż język polski – z filozoficznego punktu widzenia – jest zepsutym językiem rosyjskim, który z kolei stanowi szczyt doskonałości języka słowiańskiego [Walicki 1983, 173].

Maciejowski nie należał do zwolenników poglądów Gurowskiego. Nieprzychylna ocena wystawiona uczonemu przez Mickiewicza nie była więc raczej następstwem wnikliwej analizy rozważań obydwu autorów. Poeta łączył osobę historyka prawa i jego dorobek naukowy z ugodową postawą wobec elity Rosjan, sprawującą rządy w Królestwie Polskim i to w głównej mierze rzutowało na jego stanowisko. Tego rodzaju podejście było krzywdzące dla Maciejowskiego. Nie ulega bowiem wątpliwości, że jedynym miarodajnym źródłem poglądów uczonego i tego, „co chciał zaprezentować opinii publicznej, może być jedynie jego twórczość” [Maternicki 1979, 129].

Niechęć do Maciejowskiego nasiliła się w drugiej połowie lat 40. XIX wieku, nie bez pośredniego wpływu wydarzeń rabacji galicyjskiej 1846 roku. Będąc pod wrażeniem okrucieństw, do jakich wówczas dochodziło, Aleksander Wielopolski wystosował 15 kwietnia 1846 roku list do kanclerza Austrii księcia Klemensa Metternicha zatytułowany *List szlachcica polskiego o rzezi galicyjskiej do księcia Metternicha*. Podkreślił w nim bardzo mocno zasadność unii polsko-rosyjskiej, która stanowiłaby przeciwwagę dla narastającego wpływu germanizmu na Słowiańszczyznę. Rosja miała być, zdaniem margrabiego, opiekunką Polski i mściwielką krzywd wyrządzonych jej przez Austrię.

Rabacja galicyjska i list Wielopolskiego przyczyniły się do tego, że orientacja na Rosję przestała być traktowana w niektórych środowiskach polskich jako swego rodzaju zdrada narodowa i odstępstwo od postawy patriotycznej. „Fala panslawistycznych tendencji (...) przeszła nie tylko przez krajowe ziemiaństwo, ale i przez emigrację” [Nowak 1994, 310]. Czy jednak wpłynęło to na zmianę postrzegania i oceniania Maciejowskiego? Wiele wskazuje na to, że nie. Co więcej, uczony był jeszcze bardziej oczerniany i dyskredytowany jako badacz.

W artykule z 1848 roku zamieszczonym w „Przeglądzie Poznańskim” zarzucano autorowi *Pamiętników...*, że nie reprezentuje stanowiska polskiego, analizując m.in. kwestię obrządku wschodniego i wpływu tegoż na Polskę. Nawet jeśli on sam sądzi inaczej, czyli wierzy, iż stoi na gruncie propolskim, to bez wątpienia „stoi bardzo niepewnie i nachylony mocno ku wschodowi, za Dniepr” [Przegląd Poznański 1848, 102]. Redakcja „Przeglądu Poznańskiego” zwróciła również uwagę

na warsztat naukowy Maciejowskiego, dostrzegając w jego słabościach przyczynę przyjęcia przez autora błędnej tezy o szkodliwym wpływie obrządku zachodniego na Polskę. Podkreśliła zarazem, że brak w dokumentach i literaturze historycznej dowodów na to, iż przyjęcie zachodniego katolicyzmu zaowocowało naznaczeniem narodowości polskiej negatywnymi cechami [b. a. 1848, 104].

„Przegląd Poznański” wskazał ponadto na charakterystyczne dla Maciejowskiego zacięcie polemiczne, co wiązało się z faktem udzielania przezeń odpowiedzi na każdą, nawet najdrobniejszą uwagę. To uczony, zdaniem redaktorów, spowodował wystąpienie „Przeglądu Poznańskiego” z krytyką *Pamiętników...*, „zaczepiając” wcześniej pismo na łamach „Przyjaciela Ludu” [Borowski 1959, 30; Michalski 2013, 60]. Przyznać trzeba, że Maciejowski rzeczywiście miał dosyć ostre pióro, co również powodowało zwiększanie się rzeszy jego przeciwników.

Pod koniec lat 40. Maciejowski nosił się z zamiarem napisania obszernej historii literatury polskiej, doprowadzonej chronologicznie do wybuchu powstania listopadowego. Sfinalizował swój pomysł i wydał pracę na ten temat na początku lat 50. [Maciejowski 1851–1852]. Od razu pojawiły się zarówno pozytywne, jak i negatywne recenzje dzieła. W gronie oponentów uczonego był tradycyjnie m.in. „Przegląd Poznański” oraz Mickiewicz.

W *Piśmiennictwie polskim od czasów najdawniejszych aż do roku 1830* nie ma zbyt wielu uwag i przemyśleń na temat Rosji i Słowiańszczyzny. Te zaś, które można odnaleźć, nie potwierdzają przyjęcia przez Maciejowskiego poglądów charakterystycznych dla przedstawicieli panslawizmu, co mu wówczas zarzucano. Przykładowo: autor, zastanawiając się nad relacjami między piśmiennictwem polskim i ruskim, podkreślił, że w przypadku obydwu tych piśmiennictw można mówić o obopólnych wpływach. Obecne są przeto zarówno przykłady rusycyzmów w literaturze polskiej, jak i polonizmów w pismach ruskich [Maciejowski 1852, t. 2, 878–879]. Gdyby Maciejowski był zdeklarowanym panslawistą, starałby się raczej udowodnić, że dominującym językiem w świecie słowiańskim jest język rosyjski, któremu podporządkowałby język polski [por. Lewaszkiewicz 1980].

Warto podkreślić, że również rozważania szczegółowe slawisty nad językiem słowiańskim i polskim, zwłaszcza nad stroną bierną, czasem przeszłym i trybem rozkazującym są dalekie od tendencji panslawistycznych w tym zakresie. Uczony nie próbował już – co czynił w *Pamiętnikach...* – na podstawie częstotliwości występowania trybu rozkazującego w języku słowiańskim i polskim budować tezy o określonym charakterze Słowian, konstytuowanym przez dwie główne cechy: posłuszeństwo i bezwarunkowe wykonywanie rozkazów [Maciejowski 1852, t. 2, 293–314]. Trudno stwierdzić, czy u podstaw nowego poglądu Maciejowskiego na temat trybu rozkazującego leżało przeświadczenie o niewielkiej sile argumentacji

tego dowodu, potwierdzającego specyficzny charakter Słowian, czy też mamy do czynienia z pewnym, zamierzonym przezeń łagodzeniem wymowy niektórych własnych sądów.

W *Piśmiennictwie polskim...* Maciejowski po raz kolejny potwierdził wielką wagę obrządku wschodniego dla Rusi, przyczyniającego się do tego, że „cywilizacja ruska nabrała znaczenia” i wykształciła cechy, które głęboko zakorzeniły się w umysłowości ruskiego ludu [Maciejowski 1851, t. 1, 24]. Podkreślił jednak zarazem, iż wyznanie łacińskie bardzo mocno „wkorzeniło się w umysłowość polskiego ludu” [Maciejowski 1851, t. 1, 24], zaprzeczając tym samym przeciwstawnej tezie zawartej w *Pamiętnikach...* W tych ostatnich autor dowodził faktu silnego związania polskiego ludu z obrządkiem wschodnim, czego dowodem było dlań powstanie ludowe w Polsce, w latach 30. XI wieku skierowane swym ostrzem przeciwko zachodniemu chrześcijaństwu [Koprowski 2020, 81].

Pomimo łagodzenia przez Maciejowskiego wymowy niektórych tez i poglądów, nieakceptowanych przez część polskich środowisk krajowych i emigracyjnych, w latach 50. XIX stulecia nasiliły się bezpardonowe ataki i napaści na uczonogo. Podsycalo je dzieło, nad którym sławista długo i intensywnie pracował i które było wydawane przez 9 lat (w latach 1856–1865) [Kapuścik 1985, 221].

Drugie wydanie *Historii prawodawstw słowiańskich* [Maciejowski 1856–1865] – o tę pracę bowiem chodzi – różni się w wielu znaczących kwestiach od wydania pierwszego [Maciejowski 1832–1835]. Maciejowski przede wszystkim przeniósł punkt ciężkości z prawa polskiego na prawo ogólnosłowiańskie. Dla jemu współczesnych miało to bardzo istotne znaczenie – odczytano tę zmianę jako wyraz rusofilskich poglądów autora. Wskazywano, iż Maciejowski, zacierając różnice między poszczególnymi prawodawstwami narodowymi, służy idei panslawistycznej. Oponenti historyka prawa stawiali znak równości między ogólnosłowiańskim prawodawstwem (bez zwracania uwagi na odrębności poszczególnych praw narodowych) a koncepcją związku państw słowiańskich ze zdecydowaną supremacją Rosji.

Zaskakujący jest fakt, że Maciejowski, odpierając zarzuty o przypisywanym mu panslawizmie politycznym, jednocześnie przyznał, iż jest panslawistą, ale ograniczonym tylko do sfery prawa [Bardach 1964, 121]. Przyznał się – dodajmy – w sposób bezpośredni, a wcześniej zdecydowanie unikał podobnych deklaracji. Można zastanawiać się, czy była to deklaracja skierowana pod adresem władz carskich w Królestwie Polskim, by utwierdzić je w przekonaniu o własnej lojalności, czy też specyficzna próba złagodzenia ataków na swoją osobę, poprzez częściowe przyznanie się do tego, co mu zarzucano. Warto w tym kontekście pamiętać również o tym, że do sfinansowania drugiego wydania *Historii prawodawstw słowiańskich*

przyczynił się hrabia Dymitr Błudow, wpływowy rosyjski dygnitarz, prezes Rosyjskiej Akademii Nauk. Nieodzowne jest ponadto odwołanie się do rzeczoności dzieła i namysł nad tym, czy wspomniana deklaracja „panslawistyczna” znalazła w nim odzwierciedlenie.

W drugim wydaniu *Historii prawodawstw słowiańskich* Maciejowski opowiedział się – co prawda – za zjednoczeniem Słowiańszczyzny, ale bezpośrednio nie wskazał, kto miałby stanąć na jej czele. Urzeczywistnienie idei zjednoczenia Słowian w jedno państwo było, zdaniem sławisty, możliwe i bliskie, ponieważ oni sami „czują coraz bardziej potrzebę zbliżenia się do siebie, pilnie wyszukując i w jedno gromadzą, cokolwiek je ścisłym połącza węzłem jako to: język, prawo, piśmiennictwo, obyczaje” [Maciejowski 1856, t. 1, 99]. Idea ta zostanie zrealizowana w pełniejszym stopniu, jeśli Słowianie szczególną uwagę zwrócą na własne prawo i ściśle z nim się łączącą literaturę. Dokładne rozeznanie się w prawodawstwie i literaturze powinno „dopomóc Słowianom do poznania samych siebie lepiej, wyrozumienia swych dziejów dokładniej, pojęcia swojej starożytności jaśniej” [Maciejowski 1856, t. 1, 3].

Po konsolidacji narodów słowiańskich w sferze kultury i prawa może – w przeświadczeniu Maciejowskiego – nastąpić ich zjednoczenie polityczne. Słowianie wówczas „poznają potrzebę wzajemnego sił własnych połączenia i spojenia ich ścisłym węzłem, podania sobie bratniej dłoni i we wspólnym związku szukania środków do wzmocnienia i ustalenia swojej narodowości” [Maciejowski 1856, t. 1, 42]. Co ciekawe, historyk prawa również w tym przypadku konsekwentnie unikał wskazania tego, kto pokierowałby zjednoczoną już wspólnotą słowiańską.

Maciejowski, umieszczając w centrum swoich rozważań nie Polskę, lecz całą Słowiańszczyznę, naraził się na zarzut zdrady narodowej. Nie bez znaczenia było również to, że z kart *Historii prawodawstw słowiańskich* wyłonił się pozytywny obraz narodu i państwa rosyjskiego. Warto jednak dodać, iż nie jest to obraz Rosji tożsamy z tym, który znalazł odzwierciedlenie w poglądach i opisach reprezentantów panslawizmu polskiego.

Charakterystyczne dla stosunku Maciejowskiego do Rosji są m.in. jego rozważania na temat sposobu podbijania i traktowania nowych ziem przez Moskwę. Chwalił on postępowanie Rosji, gdyż zagarniając pod swoje panowanie coraz to nowe kraje „zostawiła własne ich urządzenia, dosyć mając na tem, że zwierzchni nad nim rozciągnie nadzór” [Maciejowski 1862, t. 4, 22]. Jako dowód na prawdziwość tej tezy posłużył uczonemu sposób podboju Nowogrodu². Stwierdzenie

² Proces podboju Nowogrodu przypadł na okres panowania wielkiego księcia moskiewskiego Iwana III (druga połowa XV w.). W rzeczywistości to bogate i wpływowe miasto po utracie w 1478 r. niezależności politycznej zostało przez Moskwę potraktowane niezwykle surowo. Skonfiskowano

o liberalnym podejściu i gestach Moskwy wobec zajmowanych ziem w procesie powstawania monarchii rosyjskiej nie jest zasadne. Sławista idealizował pod tym względem poczynania Rosji.

Nie sposób nie wspomnieć również o wizjach ustroju Słowian, zaprezentowanych na kartach *Historii prawodawstw słowiańskich*. Pierwotnym ustrojem społecznym Słowian był, zdaniem historyka prawa, ustrój rodowo-gminowładczy. W tym ostatnim centralne miejsce zajmowały gminy, tworzące coraz bardziej złożone jednostki terytorialne i sukcesywnie zastępujące patriarchalną władzę ojca [Maciejowski 1856, t. 1, 387–388, 443–445]. Gminy, łącząc się ze sobą, przyczyniły się do powstania wieców, czyli będących odpowiednikiem rządu sejmów. Tego typu ustrój Słowian nie utrzymał się – w przeświadczeniu Maciejowskiego – zbyt długo z powodu prowadzonych przez nich wojen. Wojny przyczyniły się do powstania instytucji wodza, który był w tej sytuacji niezbędny. Wódz z czasem stał się monarchą, którego władza była większa i pełniejsza po przyjęciu obrządku rzymsko-katolickiego jako religii panującej. Prawidłowość ta, dodał uczony, odnosi się w głównej mierze do Polski i Czech [szerzej zob. Maciejowski 1842, t. 1, 39].

Maciejowski nie był – co warto podkreślić – bezkrytycznym zwolennikiem rządów monarchicznych. Nie utożsamiał ich z samowładztwem, wskazując na ograniczenie władzy monarchy przez lud [Maciejowski 1858, t. 2, 21].

W Rosji, zdaniem Maciejowskiego, jeszcze w XVII wieku istniało gminowładztwo. Car Rosji i książęta żywo interesowali się życiem gmin. Chcąc ułatwić egzystencję ludowi, dowartościowali gminę postanawiając, że każda gmina ma prawo rządzić się sama, wybierać sobie odpowiedniego urzędnika reprezentującego ją w kontaktach ze światem zewnętrznym [Maciejowski 1862, t. 4, 38]. Postanowienie to nie miało dotyczyć gmin będących w bezpośrednim władaniu carów.

Liberalne – w przeświadczeniu sławisty – podejście monarchy rosyjskiego do gminu w istocie nie oznaczało przyzwolenia na samodzielny rozwój gmin. Wiele wskazuje na to, że panującemu chodziło przede wszystkim o łatwiejsze ściąganie należności, które każda gmina musiała świadczyć. Wybór jednego urzędnika bardzo to ułatwiał – przedstawiciele monarchy nie musieli bowiem rozmawiać z całym gminem, lecz tylko z jego reprezentantem.

Maciejowski idealizował rosyjski i – przynajmniej w pewnej mierze – słowiański system społeczno-ekonomiczny. Świadczy o tym m.in. sposób rozpatrywania przezeń kwestii dziesięciny i innych danin. Uczony podkreślił, że „u Słowian

wielkie majątki bojarów i kupców, którzy musieli opuścić miasto i osiedlić się na obszarach nad Wołgą. Usunięty został dotychczasowy symbol niezależności Nowogrodu, jakim był wielki dzwon, którego dźwięk oznajmiał o mającym rozpocząć się wiecu. Przestały odbywać się wiece. Zamknięto w mieście kantor Hanzy [Bratkowski 1999].

obrządku rzymsko-katolickiego [dziesięcina] obciążała wszystkie majątki ziemskie jako podatek krajowy”, natomiast u wyznawców prawosławia różne formy danin uiszczaly tylko niektóre dobra ziemskie [Maciejowski 1858, t. 2, 220]. Wskazał również, iż mimo sprzyjających warunków ekonomicznych na terenie Słowiańszczyzny, przywiązującej dużą wagę do zasad sprawiedliwości społecznej, „ani wasalstwo feudalne, ani nawet lenne nie mogło się (...) zakorzenić” [Maciejowski 1858, t. 2, 180].

W drugim wydaniu *Historii prawodawstw słowiańskich* bardzo mocno został zaakcentowany pozytywny stosunek do całej Słowiańszczyzny, w obrębie której autor nie starał się eksponować żadnego z narodów. Uczony darzył swoistym podziwem Rosję, nie przedstawiając zarazem w nieprzychylnym świetle Polski i nie negując polskiej narodowości.

Interesujące są rozważania Maciejowskiego na temat różnic między prawodawstwami słowiańskimi i prawem niemieckim. Historyk prawa przeciwstawiał sobie obydwie prawodawstwa. O ile prawo niemieckie „odznaczyło się ostrością, surowością, a nawet pewną nieludzkością, o tyle [słowiańskie] miało w przeznaczeniu naprawić jego szwanki, tudzież odrabiać czyli oddziaływać, cokolwiek tamto na szkodę działy ludzkości” [Maciejowski 1856, t. 1, 32].

Warto dodać, że zostało przez uczonego wyszczególnione prawo polskie jako niezwykle konkurencyjne wobec prawodawstwa niemieckiego. Fakt ów może być m.in. pretekstem do namysłu nad deklaracją Maciejowskiego, w której uznał się on za panslawistę w dziedzinie prawodawstwa. Mimo iż w *Historii prawodawstw słowiańskich* historyk prawa generalnie nie wyeksponował żadnego z praw słowiańskich, jego oponenci sformułowali tezę o panslawizmie autora. Co ciekawe, krytykowano Maciejowskiego za to, że „nie potrafił wyodrębnić praw odrębnych narodów słowiańskich od praw wspólnych” [Bardach 1964, 120]. Fakt, iż dużo miejsca poświęcił prawodawstwu rosyjskiemu nie budził zastrzeżeń.

Pojawił się również inny, poważny problem nurtujący uczonego. Dwa dzieła Maciejowskiego: *Pamiętniki...* i *Historia prawodawstw słowiańskich* zostały w 1858 roku wpisane do indeksu ksiąg zakazanych. Była to dla autora, pragnącego upowszechnić tezy zawarte w tych pracach, bardzo duży cios. W związku z tym podjął on intensywne starania o zmianę decyzji Kongregacji Świętego Oficjum. W liście do „Przeglądu Poznańskiego” Maciejowski odpierał zarzuty postawione mu przez Kongregację, podkreślając, że w rzeczonych dziełach nie znajduje się „nic wierze katolickiej przeciwnego” i gorąco zapewniając, iż mogą to potwierdzić „dzisiejsi i potomni pisarze” [Maciejowski 1858, 469–470].

W styczniu 1859 roku Maciejowski w liście do papieża Piusa IX stwierdził, że dekret Kongregacji o umieszczeniu dwóch jego dzieł na indeksie jest dlań bardzo

krzywdzący. W związku z tym uczony prosił biskupa Rzymu o cofnięcie tego niesprawiedliwego postanowienia. Wskazując, iż zarzuty skierowane przeciw niemu są niezgodne z prawdą, pisał m.in. „Bogu Najwyższemu niechaj będą dzięki, że ze sporów obu Kościołów Kościół Katolicki wyszedł bez szwanku, gdyż wschodni był niższy od zachodniego (...) i z tego powodu zawsze zachodniemu ustępował pierwszeństwo” [Bardach 1971, 231]. Ów ukłon sławisty w stronę Kościoła rzymskokatolickiego nie zaowocował uznaniem przez Piusa IX werdyktu za niesprawiedliwy.

Dyskusje na temat potępionych dzieł Maciejowskiego po 1858–1859 roku nie ucihły. Nieprzychylnie ocenił *Historię prawodawstw słowiańskich* m.in. poeta-tradycjonalista Wincenty Pol. Za główną wadę dzieła uznał brak w nim myśli, którą „można byłoby przyjąć, przerobić i z niej moralne siły czerpać” [cyt. za: Bardach 1964, 121]. Z oceną tą nie sposób się nie zgodzić, przy czym trzeba pamiętać, że zamiarem historyka prawa nie było napisanie pracy „ku pokrzepieniu serc”, lecz prezentacja w naukowy sposób własnych poglądów i ustaleń badawczych na temat prawodawstw słowiańskich. Nie brakowało głosów, że w *Historii prawodawstw słowiańskich* Maciejowski – autor określonych tez występuje bardziej jako Słowianin niż Polak [Bardach 1971, 234]. Nie były one bezzasadne.

Niezwykle trudnym, wręcz dramatycznym rokiem był dla Maciejowskiego rok 1863. Polskie środowiska opiniotwórcze poznały wówczas treść listów, którymi wymieniali się biskup warszawski Antoniusz i arcybiskup mohylewski Gawriła. Dygnitarze Kościoła prawosławnego w swojej korespondencji m.in. prowadzili ożywioną dyskusję na temat planów naukowych swego protegowanego, którym był Maciejowski. Szczególnie obciążające dla tego ostatniego było przyrzeczenie, że napisze rozprawę o unii kościelnej i jej skutkach w takim duchu, w jakim hierarchowie sobie tego życzą [Kucharzewski 1914, 488–489, 498–500]. Opublikowanie tej korespondencji w trudnej dla społeczeństwa polskiego sytuacji, związanej z wybuchem powstania styczniowego i wrogością w relacjach polsko-rosyjskich, nie mogło pozostać bez wpływu na ocenę osoby i dzieł uczonego. Nie bez znaczenia był też fakt niezbyt przejrzystego czy wręcz wrogiego, zdaniem niektórych badaczy, stosunku Maciejowskiego do zrywu powstańczego [Ergetowski 1972, 148].

Klęska powstania styczniowego miała wyraźny wpływ na ewolucję myśli słowianofilstwa polskiego. W obrębie tego ostatniego wykształcił się wówczas kierunek zakładający sojusz zachodnich Słowian zarówno przeciwko Rosji, jak i naciskowi germanizacyjnemu [Bardach 1971, 16]. W związku z tym idea oparcia się Polaków na wschodniej części Słowiańszczyzny uosabianej przez Rosję przeciw naporowi żywiołu germańskiego przestała – przynajmniej na pewien czas – być aktualna. Realizację tej idei uniemożliwiła ponadto zdecydowana niechęć

większości społeczeństwa polskiego do nawiązania ściślejszej współpracy polsko-rosyjskiej. W dobie powstania styczniowego i po jego zakończeniu nasiliła się również niechęć do Polaków w Rosji, przybierając we wszystkich generalnie środowiskach opiniotwórczych, w tym i w środowisku rosyjskich słowianofilów, postać zbliżoną do oficjalnej wykładni patriotyzmu i narodowości, wpisującą się w wielkomocarstwowy nacjonalizm [Głębocki 2000; Walicki 1991].

Nieustanne ataki na Maciejewskiego i będące ich następstwem jego osamotnienie przyczyniły się do ewolucji postawy uczonego w drugiej połowie lat 60. XIX wieku. Autor *Historii prawodawstw słowiańskich* rozpoczął wówczas walkę o poprawę swojego wizerunku wśród współczesnych mu rodaków w kraju i na emigracji. Starał się modyfikować przynajmniej niektóre własne poglądy w ten sposób, by spełniały oczekiwania opinii publicznej.

Pierwszym zwiastunem świadczącym o tego rodzaju metamorfozie był stosunek Maciejewskiego do Zjazdu Słowiańskiego w Moskwie w 1867 roku. Został on zorganizowany pod pretekstem Wystawy Etnograficznej przez Towarzystwo Przyjaciół Nauk przy Uniwersytecie Moskiewskim. Ów ogólnosłowiański kongres miał w istocie wydźwięk polityczny. Wiele bowiem uczestniczących w nim osób³ zastanawiało się nad problemem zjednoczenia Słowiańszczyzny, rolą w niej Rosji i innych narodów słowiańskich. Podkreślono solidarność narodów słowiańskich, nie akcentowano generalnie wyjątkowej pozycji Rosji. Rozważano kwestię języka ogólnosłowiańskiego, który w opinii Rosjan – uczestników zjazdu mógłby zbliżyć do siebie Słowian [Tanty 1970, 114–115].

Zjazd Słowiański był też swoistą manifestacją solidarności słowiańskiej, skierowaną swym ostrzem przeciwko Austrii. Jego uczestnicy starali się zachowywać powściągliwość w wypowiedziach na temat wzajemności słowiańskich czy też kwestii polskiej. Niemniej jednak w odniesieniu do Polaków dominowały oceny negatywne, zwłaszcza formułowane przez Rosjan. Ci ostatni widzieli w Polakach „obcy element Słowiańszczyzny, związany z kulturą zachodnią” [Tanty 1970, 135]. Słowianofil, ksiądz Władimir Czerkasski winą za złe stosunki polsko-rosyjskie obarczał wyłącznie Polaków. Podkreślił, że jeśli Polacy zgłoszą się do Rosji z prośbą o przyjęcie do wielkiej rodziny słowiańskiej, Rosjanie mogą anulować polskie

³ Na Zjazd Słowiański w 1867 r. przybyły, oprócz Rosjan (m. in. Dymitr Howajski, Michaił Katkow, Iwan Aksakow, Władimir Łamański, Michaił Pogodin, Fiodor Tiutczew, Orest Miller, Sergiusz Sołowjow, Władimir Czerkasski) 84 osoby reprezentujące narody słowiańskie: 27 Czechów, 16 Serbów z Austro-Węgier, 12 Serbów z Księstwa Serbskiego, 13 Chorwatów, 4 Rusinów z Galicji (o orientacji moskalofilskiej), 3 Słowaków, 3 Słoweńców, 2 Czarnogórców, 2 Serbołużyczan, 1 Bułgar oraz przedstawiciel regionu kaszubskiego, którym był Florian Ceynowa. Polacy zbojkotowali zjazd, odbywający się trzy lata po stłumieniu przez Rosję powstania styczniowego.

winy [Giza 1983, 51; Kulczycki 1916, 27]. Działacze czescy František Palačky i František Rieger starali się w pewnym, niewielkim stopniu być orędownikami sprawy polskiej.

Maciejowski nie wziął udziału w Zjeździe Słowiańskim⁴. Ustosunkował się doń bardzo negatywnie [Tanty 1970, 74], negując zasadność hołdowania idei ogólnosłowiańskiej z prymatem Rosji. W dalszym ciągu podkreślał pozytywne znaczenie czynnika ogólnosłowiańskiego, jednak znacznie silniej niż w latach 50. uwypuklił rolę poszczególnych narodów słowiańskich wchodzących w skład Słowiańszczyzny. Tendencja ta jest szczególnie widoczna w odniesieniu do ówczesnych wypowiedzi uczonego na temat Polski. Maciejowski przedstawiał tę ostatnią jako odrębny kraj słowiański, legitymujący się własną historią i tradycją.

Na uwagę zasługuje fakt, że w drugiej połowie lat 60. XIX wieku Maciejowski nadal znajdował się pod wrażeniem kulturowo-cywilizacyjnych osiągnięć Rosji. W liście do rosyjskiego historyka, ideologa panslawizmu Michaiła Pogodina z listopada 1867 roku stwierdził on m.in. „Chciałbym zakończyć swoje prace [nad całokształtem praw słowiańskich] przeglądem, w którym najwyżej oceniam zbiór praw imperium rosyjskiego, ze względu na ogrom zawartych w nim materiałów” [cyt. za: Kucharska 1978, 183–184]. W liście do tego samego adresata z kwietnia 1871 roku Maciejowski podkreślił, że „przegląda obecne prawodawstwo Słowian”, w pierwszej kolejności rosyjskie, dodając: „z radością przekonałem się, że [Rosja] zgodnie z duchem swojej narodowości, zawarła w cywilnym zbiorze praw, które nie będąc zapożyczone ze starożytności słowiańskiej (...) wielkie ważne znaczenia” [cyt. za: Kucharska 1978, 187].

Wydaje się, że stwierdzenia zawarte w obydwu listach można potraktować jako wyraz pewnej stałości poglądów sławisty w stosunku do Rosji. Maciejowski, bez wątpienia, bardziej zjednałby sobie polską opinię publiczną, zdecydowanie krytyczniej odnosząc się do prawa rosyjskiego czy szerzej – cywilizacji i kultury rosyjskiej. Niezależnie od preferowanego sposobu postrzegania Rosji uczonego nie zrezygnował z prezentacji własnych dokonań naukowych i postawy ideowej rodakom, zwłaszcza tym, którzy żyli i działali na emigracji. Sprzyjała temu chociażby prowadzona przez niego korespondencja z niektórymi działaczami emigracyjnymi, m.in. z Feliksem Michałowskim, Janem Nepomucenem Janowskim. W liście do tego ostatniego z lipca 1874 roku Maciejowski pytał: „Pomyślałem sobie: Boże mój, czyż tyle ofiar poniesionych dla Ojczyzny – mają przejść bezowocnie? Nie, nigdy:

⁴ Podczas Zjazdu Słowiańskiego w zasadzie nikt nie reprezentował ziem polskich postrzeganych jako całość. Obecny na zjeździe działacz kaszubski F. Ceynowa, osobiście nastawiony propolsko, tłumaczył swoje uczestnictwo koniecznością ukazania trudnej sytuacji Kaszubów, zmagających się z germanizacją.

Polska powstanie z upadku” [cyt. za: Bardach 1971, 282]. Warto dodać, że utrzymanych w podobnym tonie wyznań uczonego nie spotykamy w listach do innych adresatów. Nie oznacza to jednak braku jego pośrednich deklaracji o charakterze patriotycznym.

Maciejowski pojednał się w swoisty sposób również z jednym z głównych swoich antagonistów, którym był Mickiewicz. Charakterystyczny jest wpis autora *Pamiętników...* do pamiątkowego albumu uzdrowiska w Karlowych Warach, gdzie przez kilka tygodni w 1829 roku mieszkał ten ostatni [Ćwik 1894]. Historyk prawa, nawiązując do potępienia go przez Mickiewicza, napisał: „Wyczytałem z listu Twoich adeptów Adamie, żeś żałował tego, iż mnie nie poznałeś. Pisał Bogdan Zaleski do Michałowskiego Feliksa w Saint-Etienne, a ten doniósł mi o tym do Warszawy. A więc zgoda z nami. Pisał d. 24-go sierpnia 1873, Wacław Aleksander Maciejowski” [Borowski 1959, 41].

W latach 50. i 60. XIX wieku Maciejowski żywił określoną sympatię do dawnej Rosji i podziw dla jej dokonań. Warto jednak podkreślić, że podobny stosunek widać u uczonego do Słowiańszczyzny w ogóle. Autor *Historii prawodawstw słowiańskich* jawił się w tym okresie jako słowianofil-rusofil, nie będąc jednak panslawistą. Zgodzić się można z opinią współczesnego badacza, że „stanął on w środku drogi [do panslawizmu], potem cofnął się na pozycje akceptowane przez opinię publiczną” [Bardach 1971, 300]. W najważniejszych ówczesnych dziełach Maciejowskiego nie spotyka się akcentów panslawistycznych. Dominuje w nich idea ogólnosłowiańska, która nie może być utożsamiana z panslawizmem. Znaczna część współczesnych słańców rodaków zarówno w kraju, jak i na emigracji traktowała fakt uwypuklenia znaczenia wspólnoty słowiańskiej w połączeniu z jego ugodową postawą wobec władz rosyjskich w Królestwie Polskim jako wymowny wyraz panslawizmu i swoistej zdrady narodowej. Stała na stanowisku, że spojrzenie uczonego na Rosję i Słowiańszczyznę jest następstwem przyzwolenia na związek państw słowiańskich, kierowany przez absolutystycznie rządzoną monarchię rosyjską. W pracach sławisty nie pojawiła się teza potwierdzająca zarzuty adwersarzy o akcentowaniu przez niego przewodnictwa Rosji w świecie słowiańskim i pragnieniu ścisłego związania z nią Polski w ramach jednej rodziny słowiańskiej. Maciejowski opowiadał się za równouprawnieniem obydwu krajów słowiańskich: Polski i Rosji w Słowiańszczyźnie, co nie było równoznaczne ze zgodą na wyrzeczenie się aspiracji narodowych przez Polaków. Lata 50. i 60. XIX wieku to okres, w którym uczonego próbował własną postawą i różnymi deklaracjami przełamać izolację i zmienić swój niekorzystny wizerunek dominujący w społeczeństwie polskim. Jego naznaczone dobrymi intencjami działania w tym zakresie nie były wynikiem politycznego wyrachowania ani troski o korzyści finansowe.

BIBLIOGRAFIA

- [b.a.]. 1848. *Pan W.A. Maciejowski i jego odpowiedź*. „Przegląd Poznański” t. 6: 97–107.
- Bardach Juliusz. 1964. *Nauka historii państwa i prawa w Królestwie Polskim doby Szkoły Głównej*. „Roczniki Uniwersytetu Warszawskiego” R. V, z. 2: 105–145.
- Bardach Juliusz. 1971. *Wacław Aleksander Maciejowski i jego współcześni*. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk: Ossolineum.
- Borowski Stanisław. 1959. *Maciejowskiana. Materiały do biografii Wacława Aleksandra Maciejowskiego*. Wrocław: Wydawnictwo Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego.
- Bratkowski Stefan. 1999. *Pan Nowogród Wielki*. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza.
- Ćwik Władysław. 1894. *Kult pamięci Adama Mickiewicza w Karlowych Warach*. Czerniowce: Nakładem autora.
- Eberhardt Piotr. 2010. *Rosyjski panslawizm jako idea geopolityczna*. „Przegląd Geopolityczny” T. 2: 43–64.
- Ergetowski Ryszard. 1972. *Wacław Aleksander Maciejowski i jego współcześni*. Juliusz Bardach. Wrocław 1971 [rec.]. „Kwartalnik Historii Nauki i Techniki” nr 1: 144–149.
- Głębocki Henryk. 2000. *Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866)*. Kraków: Arcana.
- Głębocki Henryk. 2012. „Diabeł Asmodeusz” w niebieskich binoklach i kraj przyszłości. Hr. Adam Gurowski i Rosja. Kraków: Arcana.
- Giza Antoni. 1983. *Słowianofile rosyjscy a sprawa polska w latach 1856–1878*. „Slavia Orientalis” nr 1–2: 47–7.
- Janik Michał. 1934. *Prądy panslawistyczne i rusofilskie w okresie Wielkiej Emigracji*. „Pamiętnik Literacki” t. 31: 58–88.
- Kapuścik Janusz. 1985. *W. A. Maciejowski i jego „Piśmiennictwo polskie”. Między bibliografią a historią literatury*. Warszawa: Książka i Wiedza.
- Koprowski Piotr. 2020. *Rosja i Słowiańszczyzna w oglądzie Wacława Aleksandra Maciejowskiego (do połowy lat 40. XIX wieku)*. „Acta Polono-Ruthenica” t. XXV, nr 4: 71–85.
- Kucharska Eugenia. 1978. *Michała Pogodina zainteresowania polskie*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Kucharzewski Jan. 1914. *Epoka paskiewiczowska. Losy oświaty*. Warszawa–Kraków: Skład Główny w Księgarni Gebethnera i Wolffa.
- Kulczycki Ludwik. 1916. *Panslawizm a sprawa polska*. Kraków: Nakładem Centralnego Biura Wydawnictw N.K.N.
- Lewaszkiwicz Tadeusz. 1980. *Panslawistyczne osobliwości leksykalne S. B. Lindego i jego projekt stworzenia wspólnego języka słowiańskiego*. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Maciejowski Wacław Aleksander. 1832–1835. *Historia prawodawstw słowiańskich*. Wyd. 1. T. 1–4. Warszawa–Lipsk: Księgarnia Brzeziny i Hinrichsa, Księgarnia Sennewalda i Hinrichsa.
- Maciejowski Wacław Aleksander. 1839. *Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian*. T. 1–2. Petersburg–Lipsk: W księgarniach Eggersa i Hinrichsa.
- Maciejowski Wacław Aleksander. 1842. *Polska aż do pierwszej połowy XVII wieku pod względem obyczajów i zwyczajów w czterech częściach opisana*. T. 1. Warszawa–Petersburg: W księgarniach Eggersa i Sennewalda.
- Maciejowski Wacław Aleksander. 1851–1852. *Piśmiennictwo polskie od czasów najdawniejszych aż do roku 1830*. T. 1–4. Warszawa: Nakładem i drukiem S. Orgelbranda.
- Maciejowski Wacław Aleksander. 1856–1865. *Historia prawodawstw słowiańskich*. Wyd. 2. T. 1–6. Warszawa: Drukarnia Rządowa przy Komisji Rządowej Sprawiedliwości, Drukarnia S. Orgelbranda, Drukarnia Karola Kowalewskiego.

- Maciejowski Wacław Aleksander. 1858. *List do redakcji „Przeglądu Poznańskiego” z powodu doniesienia przez nią o umieszczeniu dwóch dzieł moich na indeksie rzymskim.* „Przegląd Poznański” nr 26: 469–470.
- Maternicki Jerzy. 1970. *Warszawskie środowisko historyczne 1832–1869*, Warszawa: PWN.
- Maternicki Jerzy. 1979. *Kultura historyczna dawna i współczesna. Studia i szkice*, Warszawa: PWN.
- Michalski Maciej. 2013. *Dawni Słowianie w tradycji polskiej I połowy XIX w. W poszukiwaniu tożsamości wspólnotowej*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.
- Nowak Andrzej. 1994. *Między carem a rewolucją. Studium politycznej wyobraźni i postaw Wielkiej Emigracji wobec Rosji 1831–1849*. Warszawa: Warszawska Oficyna Wydawnicza „Gryf”, Instytut Historii PAN.
- Stefaniuk Tomasz. 2006. *Danilewski: pansławizm i wielość cywilizacji*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Tanty Mieczysław. 1970. *Pansławizm, carat, Polacy. Zjazd Słowiański w Moskwie 1867 roku*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Walicki Andrzej. 1991. *Aleksander Hercen. Kwestia polska i geneza pewnych stereotypów*. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN.
- Walicki Andrzej. 1983. *Między filozofią, religią i polityką. Studia o myśli polskiej epoki romantyzmu*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.7123>

Дата подачи статьи: 30 августа 2021 г.

Дата принятия к печати: 20 сентября 2021 г.

АГРЕССИВНОСТЬ И АССЕРТИВНОСТЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОТ ЧЁРНОЙ К БЕЛОЙ РИТОРИКЕ

Николай Барышников

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5501-6339>

e-mail: metodika@pgu.ru

Аннотация: Представлена авторская интерпретация нового подхода к исследованию проблем межкультурной коммуникации на основе сходств культур, представителями которых являются партнёры по межкультурному диалогу. С гуманистических позиций доказывается необходимость перехода от чёрной риторики к белому межкультурному диалогу, средством реализации которого является ассертивное поведение его участников. Анализируются основные причины недостаточной результативности межкультурного диалога, в том числе недоброжелательность его участников, этноцентризм.

Ключевые слова: чёрная риторика, бесперспективность манипуляций, белый межкультурный диалог, агрессивность, ассертивность, помехи диалога, недоброжелательность коммуникантов, воинствующий этноцентризм, новый вектор исследования, сходство культур

Submitted on August 30, 2021
Accepted on September 20, 2021

AGGRESSIVENESS AND ASSERTIVENESS IN INTERCULTURAL COMMUNICATION: FROM BLACK TO WHITE RHETORIC

Nikolay Baryshnikov

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5501-6339>

e-mail: metodika@pgu.ru

Abstract: This article presents the author's interpretation of a new approach to the study of cross-cultural communication problems based on similarities of different cultures, whose representatives are partners in cross-cultural dialogue. From a humanistic standpoint, it is argued that there is an urgent need to change the paradigm of professional cross-cultural communication from black rhetoric to white cross-cultural dialogue – a transition which can be implemented especially through the assertive behavior of its participants as an alternative to aggressive behavior. The main reasons for the insufficient effectiveness of cross-cultural dialogue with representatives of Russian culture are analyzed, including the historically conditioned unfriendly attitude of the world community towards Russia and foreign participants' militant ethnocentrism.

Key words: black rhetoric, hopelessness of manipulation, white cross-cultural dialogue, aggression, assertiveness, interference in dialogue, unfriendly attitude towards Russia, militant ethnocentrism, a new vector of research, similarity of cultures

1. Введение

Для современного состояния межкультурной коммуникации как отрасли отечественного научного гуманитарного знания характерно парадоксальное противоречие: с одной стороны, межкультурная коммуникация укрепляет свои позиции новыми теоретическими концепциями, подходами и эффективными практиками ведения межкультурного диалога, с другой стороны, межкультурное взаимодействие представителей различных культур трудно квалифицировать как продуктивное, поскольку они продолжают испытывать значительные трудности. В этой связи исследование проблем профессиональной межкультурной коммуникации с новых теоретических позиций,

выявление объективных причин невысокой результативности межкультурного диалога приобретает исключительную актуальность. Однако продолжать научный поиск в области межкультурной коммуникации с теоретических позиций вчерашнего дня означает ориентироваться не на современные международные политические, социокультурные реалии, а на сомнительные факты иллюзорного мира, которого больше не существует. Объективно мир претерпел много кардинальных изменений. Сегодня муссируется мнение, что именно Covid-19 изменил мир, для которого характерна неопределенность, и эта неопределенность, как предсказывают футурологи, будет возрастать и станет его функциональной особенностью. Бесспорно, мир стал другим, однако, начал он меняться задолго до пандемии, которая обнажила агрессивность международных отношений и межкультурной коммуникации.

Мир оказался перед выбором: продолжать усиливать агрессивность межгосударственных контактов, ведущую к неминуемому уничтожению не только человеческой цивилизации, но и самой жизни на Земле или активизировать совместный поиск путей перехода от агрессивности к асертивности во взаимодействии между странами и соответственно в межкультурной коммуникации их представителей от полномочных и чрезвычайных до рядовых граждан. Здравый смысл подсказывает: асертивному межкультурному диалогу альтернативы нет. И несмотря на то, что существуют деструктивные силы, толкающие мир в пропасть ядерной катастрофы, переход от агрессивности к асертивности является единственным вариантом гармонизации международных отношений и роста продуктивности межкультурной коммуникации представителей различных культур.

Цель данной статьи – рассмотреть причины невысокой результативности межкультурного диалога, предложить новый подход к исследованию проблем межкультурной коммуникации, основанный на сходстве контактируемых культур, обосновать асертивность как средство реализации белого межкультурного диалога.

2. От чёрной риторики к белому межкультурному диалогу

Цвет – одна из категорий познания мира и один из ключевых концептов в культурах народов мира, который «служил обозначением наиболее важного в природе и наиболее ценного в человеке» [Бакеева 212, 31]. Культурологические и лингвистические исследования свидетельствуют о том, что основой цветовой символики является противопоставление света и тьмы.

Д.А. Бакеева, основываясь на том, что жизнь человека регулируется сменой дня и ночи, вследствие чего свет и день ассоциировались с активной деятельностью, теплом, жизнью, а ночь и темнота – с пассивностью, холодом, опасностью, делает вывод о том, что «универсальными для каждой культуры являются представления о положительном значении белого и светлых цветов спектра и негативном – чёрного и темных цветов спектра. «Оппозиция белый цвет – чёрный цвет доказывает, что в большинстве культур – это первооснова» [там же, 32]. Данный вывод положен в основу дифференциации чёрной и белой риторики¹.

Чёрная риторика: Власть и магия слова – так называется книга К. Бредемайера, которая в переводе на русский язык переиздавалась в издательстве «Альпина Бизнес Букс» пять раз. За истекший период понятие «чёрная риторика» основательно вошло в научный оборот в область коммуникологии вообще и в межкультурную коммуникацию, в частности. Автор чёрной риторики дает ей следующее определение: «это манипулирование всеми необходимыми риторическими, диалектическими, эристическими и рабулистическими приемами ради того, чтобы направлять беседу в желаемое русло и подводить оппонента или публику к желаемому для нас заключению или результату» [Бредемайер 2007, 12]. Из приведенной цитаты следует, что чёрная риторика представляет собой манипулятивный тип коммуникации, получивший широкое распространение в международной коммуникативной практике. Сложившиеся в течение многих столетий общие правила коммуникации объявлены устаревшими и подвергаются осмеянию. К. Бредемайер настоятельно советует «целенаправленно нарушать общепринятые правила коммуникации», рекомендуя при этом «не обрывать разговор, а делать его более эмоциональным, выводить партнёра из равновесия, чтобы в результате получать тактическое преимущество» [там же, 15].

Автор окрасил свою риторику чёрной краской, чтобы она воспринималась как суровое коммуникативное оружие по аналогии с чёрным цветом, который в культурах многих народов мира символизирует что-то грозное, злобное, зловещее. В культуре эвенков, например, чёрный цвет символизирует злых духов, в русской культуре он ассоциируется с чем-то недобрым, отрицательным.

В качестве антипода чёрной риторики введено понятие «белый межкультурный диалог» для обозначения неманипулятивного типа межкультурного

¹ Имеющиеся исключения в значении белого цвета в некоторых культурах в данном контексте не рассматриваются.

общения, поскольку в культурах многих народов мира белый цвет является символом светлого, доброго, чистого. В калмыцкой культуре существует напутствие отправляющегося в путешествие: «белой дороги», которое означает пожелание чистого, благополучного пути.

Культура эвенков, проживающих в уникальном уголке России – Забайкалье, имеет много отличительного от культур других народов, однако, имеются сходства: белый цвет у эвенков – символ светлого разума. В соответствии с традициями этнической культуры эвенков гостя положено угощать молоком, так как белый цвет является символом добрых помыслов.

В культуре русского народа белый цвет также символизирует светлое, доброе, чистое.

Дополнительным аргументом в пользу правомерности введения в научно-исследовательский оборот понятия «белый межкультурный диалог» явилось принятие Советом Европы *Белой книги Европы* по межкультурному диалогу, в которой межкультурный диалог интерпретируется как открытый и уважительный обмен мнениями на основе взаимопонимания между отдельными людьми, а также группами людей различной этнической, культурной, религиозной и языковой принадлежности, имеющих разные исторические корни. Диалог действует на всех уровнях – внутри общества, между европейскими языковыми сообществами, а также между Европой и остальным миром.

В Белой книге сформулирован простой, но весьма существенный тезис о том, что превентивный диалог лучше, чем ситуация конфликта. Вместе с тем, в Европейском документе утверждается, что диалог в условиях культурного многообразия и языковой диверсификации сопряжен с многочисленными трудностями и проблемами. Межкультурный диалог – не панацея от всех зол и не дает ответа на все возможные вопросы; необходимо признать, что сфера его применения может оказаться ограниченной.

Часто справедливо отмечается, что диалог с теми, кто отказывается от него, невозможен. С другой стороны, диалог с теми, кто готов принимать участие в нем, но не разделяет «наши» ценности (или разделяет их не полностью), может стать отправной точкой более длительного процесса взаимодействия, в результате которого вполне может быть достигнуто согласие [Игумен 2009, 45–66].

Белая книга Европы определяет некий согласованный порядок ведения межкультурного и межконфессионального диалога, направленного на взаимопонимание и взаимодействие представителей всех языков и культур, проживающих в Европе. Книга Совета Европы названа «Белой» как символ

не манипулятивного, а доброжелательного диалога, обеспечивающего в отличии от чёрной риторики равностороннее общение представителей различных языков и культур.

Таким образом, белый цвет профессионального межкультурного диалога предполагает беседу с добрыми намерениями в духе взаимного стремления собеседников к достижению консенсуса, к взаимоприемлемому решению. Безусловно, белый межкультурный диалог – это идеал, на некоротком пути к которому не исключены, образно выражаясь, различные оттенки белого, сопоставимые со степенью белизны снега в культуре эскимосов. «Для большинства североамериканцев снег – это не более, чем вид осадков, и в их языке для обозначения понятия «снег» имеется два слова: *snow* (снег) и *slush* (слякоть). В то время как в языке эскимосов Аляски существует более 20 слов, описывающих снег в разных состояниях» [Садохин 2004, 65–66.]. Таким образом, степень белизны снега в культуре эскимосов можно принять как ценностный ориентир для теоретической разработки концепции белого межкультурного диалога, основу которой составляет идея поступательного движения от загрязненного снега чёрной риторики к снегу безупречной белизны и прозрачности белого межкультурного диалога.

3. Агрессивность и ее истоки в межкультурном диалоге

Процесс межкультурного взаимодействия становится все более жестким и агрессивным. Агрессивность, выражаемая гневом, злобностью, негативными действиями, является помехой продуктивности межкультурного диалога.

В психологической науке агрессивность интерпретируется с двух диаметрально противоположных позиций. С одной стороны, сторонники З. Фрейда доказывают, что «склонность к агрессивному поведению является неистребимым инстинктом человеческой природы». С другой стороны, последователи австралийского философа Вальтера Холличера, автора известной книги *Человек и агрессия* [Холличер 1975], утверждают, что агрессивное поведение людей обусловлено социальными причинами. Из двух противоположных точек зрения вытекает один общий вывод – агрессивность наличествует в психической природе представителей всех языков и культур, однако, она может доминировать, а может не проявляться в зависимости от психотипа, ценностных ориентиров, социокультурных предпочтений личности и многих других факторов.

Таким образом, агрессивность в межкультурной коммуникации не является культурно обусловленным феноменом. Если участники межкультурного диалога дают волю своим эмоциям, не сдерживают агрессивность, более того – культивируют в себе агрессивное отношение к партнёру и стране, которую тот представляет, то о продуктивности такого межкультурного диалога говорить не приходится. И наоборот, межкультурный диалог будет результативным, если партнёры контролируют свои эмоции, проявляют выдержку, самообладание, толерантное отношение друг к другу.

Для разработки эффективных стратегий и технологий ведения белого межкультурного диалога, а также определения путей и способов снижения агрессивности, существенное значение имеет выявление истоков агрессивности в межкультурном диалоге. Априори можно утверждать, что агрессивность в межкультурном диалоге объясняется недоброжелательным отношением друг к другу представителей различных языков и культур, воинствующим этноцентризмом большинства партнёров по межкультурному диалогу, считающих свою культуру эталонной, и рядом других факторов.

Недоброжелательное, граничащее с агрессивностью, отношение к России сформировано давно. Менялась страна, трансформировался ее социально-экономический строй, но отношение к ней мирового сообщества всегда было негативным. На различных этапах развития и становления современной России, включая эпоху царской империи, период Советского союза стрелка барометра отношения к ней зарубежных партнёров фактически никогда не останавливалась на отметке «ясно», в течение столетий преобладал показатель «пасмурно». Вследствие чего в мировом сообществе сформировалась устойчивая русофобия. Политологи утверждают, что русофобия – явление не исключительное. В мировом сообществе сложился такой порядок вещей, когда все недолюбливают всех, вследствие чего в современном мире мультиплицируются фобии: германофобия, полонофобия, туркофобия, и др. Более пяти столетий складывался комплекс негативных идей о России, который и сегодня используется в пропагандистских целях. В свете русофобской идеологии русские представляются тяготеющими ко всему низменному, неспособными к тому, что составляет человеческое достоинство у других народов. «Логика русофобии, – пишет Е.П. Белозерцев, – основана на противопоставлении русского и европейского как дурного хорошему. В связи с этими свойствами русские как народ видятся принципиально враждебными Западу, а Россия – как сущностно иная, чужая цивилизация» [Белозерцев 2014, 254]. Автор подчеркивает, что радикально негативная оценка

России и всего русского «почти в неизменном виде существует в западной культуре до сих пор» [там же].

Чтобы преодолеть агрессивное отношение к России, сломить стереотипы восприятия ее мировым сообществом требуется значительная работа не только руководства страны, но и каждого ее гражданина. Новый имидж России в мировом сообществе должен ассоциироваться с достоинством. Главной отличительной чертой современной России и каждого ее гражданина должно быть достоинство. В самых непростых ситуациях международной жизни важно сохранять достоинство, никому не навязываться в друзья. Тем более, что дипломатическая мудрость гласит о том, что в политике друзей не бывает.

Речевое поведение представителей некоторых неформальных объединений правомерно выделить в отдельную проблему, требующую всестороннего изучения. В данном контексте ограничимся упоминанием о недопустимом поведении российских граждан в зарубежных поездках, которое не прибавляет авторитета нашей стране, не способствует формированию ее положительного имиджа. Слишком эпатажной стала субкультура молодых футбольных фанатов, для которой характерны вседозволенность и обостренная агрессивность. Футбольный фанатизм, приобретающий все более уродливые формы и приводящий его приверженцев к неспособности ведения цивилизованной дискуссии о спорте, о культуре, не такой безобидный, как об этом принято полагать. Агрессивность и неспособность к диалогу фанатов проникают в другие сферы общения, в том числе в межкультурную коммуникацию. Очевидно, что предстоит большая разъяснительная, просветительская и воспитательная работа среди разновозрастных граждан в контексте реализации задачи повышения общей культуры российского социума.

Параллельно с устранением проблем внутреннего характера, сверхзадачей является изменение отношения мирового сообщества, демонтаж русофобии во всех ее проявлениях, чтобы осуществить переход от агрессивной чёрной риторики к белому межкультурному диалогу.

Что касается этноцентризма, следует со всей определенностью отметить удивительную живучесть и высокую степень контагиозности данного явления. Представители практически всех культур высказываются против проявлений этноцентризма. В процессе ознакомления с научной литературой по данной проблематике мы не обнаружили ни одного одобрительного мнения об этноцентризме как «склонности человека оценивать все жизненные явления сквозь призму ценностей своей этнической группы, рассматриваемой в качестве эталона; предпочтение собственного образа жизни всем

остальным» [*Совтская энциклопедия*]. Однако в межкультурной коммуникативной практике доминирует этноцентрическое поведение инофонных партнёров, которое несовместимо с белым межкультурным диалогом.

Не впадая в эйфорию всеобщего межкультурного благодушия, мы выражаем надежду на то, что человечество в конце концов преодолеет воинствующий этноцентризм. Эта надежда основана на примерах из практики межкультурного общения, один из которых в лаконичной форме представлен в дальнейшем изложении. Из письма пастора лютеранской церкви В.В. Меликьяна: «Как-то гости из дружественного финского прихода в неформальном общении задали мне совершенно не свойственный для финнов вопрос: “Пастор, а Вы кто по национальности?”. Мой ответ был таким: это очень хороший вопрос, благодаря которому я сам задумался о своей национальности. И, не торопясь, начал издали: моя бабушка – украинка вышла замуж за армянина. В этом браке родился мой отец, который был, таким образом, полукровкой. (О, да-да, мы понимаем, оживились мои финские собеседники, это метис). Потом, – продолжил я, – этот метис вырос и женился на моей маме – чистокровной кабардинке. Таким образом, я уже стал квартирантом. Позже я крестился в Лютеранской церкви, выучился в Евангелично-лютеранском теологическом институте и был рукоположен на пасторское служение в российской лютеранской церкви Ингрии. Поэтому я считаю себя русским. После они говорили, что из этой исповеди они сделали очень важное заключение: земное деление людей по национальностям ничтожно и смешно. Истина в том, что во Христе происходит подлинное единение народов» [из личного архива автора].

Как очевидно, единение народов, о котором упоминает пастор, произойдет не завтра, однако, сама высказанная мысль о том, что деление людей по национальному/этническому признаку препятствует единению народов, укрепляет надежду и уверенность в том, что этноцентризм, если его не культивировать преднамеренно, может в значительной мере ослабить свое влияние на сознание человека.

4. Белый межкультурный диалог – основа продуктивного взаимодействия

Социокультурные, политические, идеологические реалии современного миропорядка являются не самыми благоприятными для реализации белого межкультурного диалога. Как уже упоминалось, в мировых коммуникативных процессах преобладают агрессивные отношения партнёров, нередко вместо

конструктивного межкультурного диалога «разыгрывается карта этноцентризма», используются манипулятивные стратегии и технологии.

Белый межкультурный диалог изменит мир: в нем будет процветать не изощренная чёрная риторика с уловками, манипуляциями и ловушками, а нормальная коммуникация, которая по выражению А. де Сент-Экзюпери, является человеческой роскошью.

Теоретическое обоснование белого межкультурного диалога, потребовавшее пересмотра отдельных постулатов теории межкультурной коммуникации, позволяет с оптимизмом размышлять о белом межкультурном диалоге.

Отечественные и зарубежные исследователи проблем межкультурной коммуникации, как правило, придерживаются мнения о том, что основой межкультурной коммуникации является различие в культурах ее партнёров. Однако имеется и противоположная точка зрения. В частности, С.Г. Тер-Минасова утверждает, что «межкультурная коммуникация осложнена различием культур» [Тер-Минасова 2008, 63]. Подобное утверждение, по нашему мнению, представляется весьма спорным. Мы считаем, что в данном случае истина находится не где-то посередине, а в полной противоположности авторской формулировки. Доказательством тому является факт отсутствия межкультурного диалога, когда нет различий в культурах его участников. Рассуждения в данном направлении приводят к непротиворечивому утверждению о том, что различия в культурах являются первоосновой межкультурной коммуникации [Барышников 2013]. Данный вывод, однако, не означает, что исследовать проблемы межкультурной коммуникации необходимо исключительно в сепаративной парадигме, путём выявления всё новых и новых различий в контактируемых культурах. Объективная реальность свидетельствует о том, что поиск различий в культурах в контексте межкультурной коммуникации непременно способствует отдалению культур. Можно сказать, что выявление различий культур приводит их к самоизоляции. И чем тщательнее дифференцируются культуры, тем больше они удаляются друг от друга.

Продуктивным представляется подход к исследованию проблем межкультурной коммуникации, основанный на поиске сходств контактируемых культур, поскольку даже при значительных различиях взаимодействующих культур в них можно найти много общего. Достаточно упомянуть объективно существующий факт того, что носители различных языков и культур разделяют одинаковые жизненные установки и ценностные ориентиры, в том числе домашний очаг, родительский дом, любовь, семья, дети, друзья. Лишь

при первом приближении представители разных культур кажутся непохожими, однако, стоит внимательно к ним присмотреться, как станет ясно, что у них имеется очень много сходного. Чтобы увидеть то общее, что имеется в культурах народов мира, надо найти соответствующий ракурс рассмотрения. Необходимо: а) научиться воспринимать другие культуры не как плохие или хорошие, а как просто иные; б) воспринимать межкультурную коммуникацию с гуманистических позиций, с учётом её естественного акцента [Барышников 2020, 175–185], обусловленного различным уровнем владения языком общения партнёрами по межкультурному диалогу.

Выбору адекватного ракурса рассмотрения сходных черт культур партнёров по межкультурному диалогу препятствует известный ошибочный тезис о том, что в межкультурной коммуникации следует не только воспринимать, понимать, но и безоговорочно принимать культурные факты инофонного партнёра. Поиск сходств культур не отменяет их самобытность.

Исследование межкультурной коммуникации на основе сходств контактируемых культур представляется жизнеспособным и перспективным, однако, на данном пути неизбежны трудности, связанные с восприятием партнёром по межкультурной коммуникации чужой культуры сквозь призму его родной (национальной), поэтому выявление сходств культур может иметь субъективный, этноцентрический характер.

Проблема безоговорочного восприятия фактов одной культуры представителями других культур относится к числу наиболее сложных, трудных и дискуссионных. Объективные трудности восприятия чужой культуры сопряжены прежде всего с психологическими установками партнёров по межкультурной коммуникации, со степенью их этноцентризма. Различные ракурсы данной проблемы были предметом дискуссий на втором Всемирном конгрессе «Восток-Запад: пересечения культур» в октябре 2019 г. в японском городе Киото. В работе конгресса нашли отражение проблемы нового вектора исследования межкультурной коммуникации на основе поиска сходств контактируемых культур [Барышников 2019, 635–639]. Мы убеждены, что оптимальные результаты исследования проблем межкультурной коммуникации могут быть получены интернациональным исследовательским коллективом, который обеспечит объективность и надёжность выводов, которые станут теоретической базой внедрения в межкультурную коммуникативную практику белого диалога.

Ориентир на сходства в культурах партнёров по межкультурному взаимодействию способен оказать благоприятное воздействие на общую атмосферу межкультурного диалога, на увеличение точек соприкосновения

договаривающихся сторон, на устранение конфликтогенных аспектов обсуждаемой проблематики.

Таким образом, высокая продуктивность белого межкультурного диалога обеспечивается не выявлением различий, а поиском сходств в культурах, представителями которых являются партнёры по межкультурному взаимодействию.

5. Ассертивность как атрибут белого межкультурного диалога

Ассертивность – от англ. *to assert* – утверждать, отстаивать, – понятие, введенное в научный оборот американским психотерапевтом Мануэлем Смитом (Manuel J. Smith), которое в монокультурной коммуникации обозначает способность индивида быть свободным от внешних позиций и оценок, самому выбирать речеповеденческие стратегии общения и нести ответственность за них.

Анализ основных принципов ассертивного поведения позволяет утверждать, что ассертивность как философия личной ответственности, предусматривающая самоуважение и уважение к партнёру по общению, умение внимательно слушать собеседника вполне релевантна к профессиональному межкультурному диалогу.

Как уже упоминалось, в межкультурном диалоге различают два типа:

- а) стандартный, зеркальный диалог, реализуемый доброжелательными, добросовестными коммуникантами, цель общения которых достижение консенсуса, взаимовыгодного решения;
- б) манипулятивный диалог, в котором оба участника или один из них использует трюки, уловки, манипулятивные стратегии общения в целях достижения преференций, бонусов, преимуществ, то есть любыми средствами достигает желаемого результата.

В настоящее время в межкультурном общении преобладает манипулятивный тип коммуникации. Использование чёрной риторики стало вполне обычным явлением. Целесообразно повторить, что чёрная риторика представляет собой искусство изощрённой аргументации одного из участников диалога, позволяющее ему в диалоге выставить предмет обсуждения в нужном для него свете. Правила чёрной риторики, точнее сказать, их отсутствие, быстро распространились в мировом коммуникативном пространстве и преимущественно занимают лидирующие позиции, вследствие чего межкультурные диалоги нередко приобретают недоброжелательный, жестокий, агрессивный характер.

Антиподом агрессивной чёрной межкультурной коммуникации является белый межкультурный диалог, характерной чертой которого является асертивность, которая понимается как способность участника межкультурного диалога эффективно выражать свои коммуникативные намерения в гармоничном сочетании с умением деликатно, но твёрдо и последовательно отстаивать свои позиции, защищать свои интересы и не идти на поводу у партнёра по межкультурной коммуникации. Таким образом, характер межкультурной коммуникации зависит от коммуникативных намерений его участников, а результативность межкультурного диалога обеспечивается обоюдным стремлением партнёров к достижению взаимоприемлемого решения обсуждаемой проблемы. Такой тип белого межкультурного диалога мы определяем как равностатусный с акцентом [Барышников 2020, 175–185]. Нельзя не упомянуть, однако, что в литературе встречается интерпретация межкультурного диалога в контексте конфликта культур. В частности, С.Г. Тер-Минасова, как нам представляется, преувеличивает роль и значение культурных ошибок в межкультурном диалоге, которые, по мнению автора, провоцируют конфликт культур. Культурные ошибки «воспринимаются гораздо болезненнее и вызывают более негативную реакцию, чем ошибки языковые» [Тер-Минасова 2008, 68]. Автор квалифицирует как конфликт культур даже незначительные несовпадения, примеров которых «бесконечно много. Их последствия варьируются от курьёзов, мелких личных обид и испорченного настроения до разрывов дипломатических отношений и вооружённых столкновений» [там же, 69].

А.П. Садохин высказывает противоположную точку зрения, утверждая, что в реальной жизни «чисто» межкультурные конфликты не встречаются. Автор пишет: было бы ошибкой считать, что в основе любого конфликта между представителями различных культур лежит незнание межкультурных особенностей партнёра по коммуникации. Поэтому не стоит питать иллюзий относительно того, что лишь знание культурных различий является ключом к разрешению межкультурных конфликтов» [Садохин 2004, 201].

Нам представляется, что конфликт культур – это такая же метафора, как и «диалог культур», т.к. культуры между собой не конфликтуют. Конфликт – это проявление противоборства или несовпадения интересов представителей различных культур. Однако если у партнёров по белому межкультурному диалогу сложились добрые, уважительные отношения друг к другу, то никакие культурные ошибки никогда не приведут к конфликту, ибо сторонники белого межкультурного диалога не ждут друг от друга «культурного

или языкового подвоха», а руководствуются принципами кооперации и стремления к взаимопониманию.

Ассертивность – означает способность эффективно излагать мысли и намерения и не менее эффективно отстаивать, и защищать свои интересы в межкультурном диалоге, не прибегая к агрессивному типу поведения. Для ассертивного типа межкультурного диалога характерны: умение обходить острые углы, умение не обращать внимание на разногласия в диалоге с партнёром, умение идти на допустимые уступки, умение создавать и поддерживать визуальный контакт с партнёром.

Манипулятивные стратегии межкультурного диалога, разработка агрессивных приемов межкультурного общения бесперспективны, поскольку на самую изощренную коммуникативную манипуляцию обязательно будет разработан коммуникативный антидот в виде безотказного приема ее нейтрализации. И, как очевидно, этот процесс бесконечен, бесполезен и бессмысленен, ведущий человечество в никуда.

Ассертивность в межкультурной коммуникации позволяет увидеть мир во всем его великолепии, обеспечивает переход от чёрной риторики к белому межкультурному диалогу – надёжному средству взаимодействия и взаимопонимания представителей различных языков и культур.

6. Заключение

Пандемия преподнесла тяжёлый, но весьма поучительный урок, из которого следует императив единения народов и установления между ними добрых отношений. Аргументирован новый тип межкультурного взаимодействия, построенного не на агрессивности, а на ассертивности как способности к гармоничному сочетанию умения деликатно и последовательно высказывать свои позиции, стремясь к достижению взаимоприемлемого решения по обсуждаемой проблеме, теоретически обосновано эффективное средство межкультурного взаимодействия в виде белого межкультурного диалога как антипода манипулятивной чёрной риторики.

Доказаны важность и необходимость нового вектора исследования проблем межкультурной коммуникации, основанного на сходстве культур, к которым принадлежат участники диалога.

Высокая результативность межкультурного взаимодействия может быть обеспечена белым межкультурным диалогом без взаимных фобий и воинствующего этноцентризма.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бакеева Диана Анваровна. 2012. *Символика цвета в разнообразных культурах мира: мифологический этап*. «Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2 ч.». Тамбов: Грамота № 6 (20): 30–33.
- Барышников Николай Васильевич. 2013. *Основы профессиональной межкультурной коммуникации: Учебник*. Москва: Вузовский учебник «ИНФРА-М».
- Барышников Николай Васильевич. 2020. *Профессиональная межкультурная коммуникация с акцентом*. «Язык и культура». Томск: Томский национальный государственный университет № 49: 175–185.
- Барышников Николай Васильевич. 2019. *Новые векторы исследования межкультурной коммуникации. New Research Vectors of Intercultural Communication*. В: *II Всемирный конгресс в реальном и виртуальном режиме. ЗАПАД–ВОСТОК: ПЕРЕСЕЧЕНИЯ КУЛЬТУР*. Т. 2: *Научно-практические материалы II Всемирного конгресса в Японии 2019 года. Япония, Киото, Университет Киото Сангэ (2–6 октября 2019 г.)*. Ред. Минасян С. Киото: Изд. «Tanaka Print». С. 635–639.
- Белозерцев Евгений Петрович. 2015. *Образование в контексте геополитических событий*. «Берегиня.777.Сова. Научный журнал». Воронеж: ОАО «Воронежская областная типография» № 2 (25): 253–266.
- Бредемайер Карстен. 2007. *Чёрная риторика: Власть и магия слова*. 5-е изд. Москва: Альпина Бизнес Букс.
- Игумен Филарет (Булеков). 2009. *О политике межкультурного и межрелигиозного диалога, предложенной государствам и обществу Советом Европы*. «Церковь и время» № 1 (46): 45–66.
- Садохин Александр Петрович. 2004. *Межкультурная коммуникация: Учебное пособие*. Москва: Альфа-ИНФРА-М.
- Тер-Минасова Светлана Григорьевна. 2008. *Война и мир языков и культур: Учебное пособие*. Москва: Слово/Slovo.
- Холличер Вальтер. 1975. *Человек и агрессия*. Пер. с нем. Ред. Денисов В.В. Москва: Прогресс.

REFERENCES

- Bakeeva, Diana Anvarovna. 2012. *Simvolika cveta v raznobraznych kul'turah mira: mifologičeskijè tap*. [Color Symbolism in Different World Cultures: Mythological]. "Istoričeskie, filozofskie, političeskie i űridičeskie nauki, kul'turologià i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki: v 2 vol.'" [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice in two parts]. Tambov, Diploma no 6 (20), Vol. 2, pp. 30–33. (In Russian)
- Baryšnikov Nikolaj Vasil'evič. 2013. *Osnovy professional'noj mežkul'turnoj komunikacii: Učebnik* [Fundamentals of professional cross-cultural communication. Textbook]. Moscow, University textbook: INFRA-M. (In Russian)
- Baryšnikov Nikolaj Vasil'evič. 2019. *Novye vektory issledovanià mežkul'turnoj komunikacii. New Research Vectors of Cross-cultural Communication. Zapad–Vostok: Pročtenie kul'tur* [II World Congress in Real and Virtual Mode. West–East: Crossing of Cultures]. Vol. 2: *Naučno-praktičeskie materialy II Vsemirnogo kongressa v Àponii 2019 goda. Àponià, Kioto, Universitet Kioto Sangè (2–6 oktàbrà 2019 g.)* [Scientific and practical materials of the II World Congress in Japan. Japan, Kyoto, Kyoto Sangyo University (October 2–6)]. Ed. Minasàn S. Kyoto, Izd. "Tanaka Print", pp. 635–639. (In Russian)

- Baryšnikov Nikolaj Vasil'evič. 2020. *Professional'naâ mežkul'turnaâ komunikaciâ s akcentom* [Professional cross-cultural communication with emphasis]. "Âzyk i kul'tura" [Language and culture]. Tomsk, Tomsk National State University no 49, pp. 175–185. (In Russian)
- Belozercev Evgenij Petrovič. 2015. *Obrazovanie v kontekstegeopolitičeskikh sobytij* [Education in the context of geopolitical events]. "Bereginya.777.Sova. Nauchnyy zhurnal" [Bereginya. 777. Sova. Scientific journal]. Voronezh, JSC "Voronezh Regional Printing House" no 2 (25), pp. 253–266. (In Russian)
- Bredemajer Karsten. 2007. *Čërnaâ ritorika: Vlast'i magiâ slova* [Black rhetoric: Power and magic of the word]. 5th ed. Alpina Business Books. (In Russian)
- Holličer Val'ter. 1975. *Čelovek i agressiâ* [Man and aggression]. Russian translation from German. Ed. Denisov V.V. Moscow, Progress. (In Russian)
- Igumen Filaret (Bulekov). 2009. *O politike mežkul'turnogo i mežreligioznogo dialoga, predloženoj gosudarstvam i obšestvu Sovetom Evropy* [About the policy of intercultural and interreligious dialogue proposed to states, and society by the Council of Europe]. "Cerkov' i vremâ" [Church and Time] no 1 (46), pp. 45–66. (In Russian)
- Sadohin Aleksandr Petrovič. 2004. *Mežkul'turnaâ komunikaciâ: Učebnoe posobie* [Intercultural Communication: A Study Guide]. Moscow, Alpha–INFRA-M. (In Russian)
- Ter-Minasova Svetlana Grigor'evna. 2008. *Vojna i mir âzykov i kul'tur: Učebnoe posobie* [War and Peace of Languages and Cultures: textbook]. Moscow, Slovo.

Polacy na Kaukazie

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.7124>

Дата подачи статьи: 25 июня 2021 г.

Дата принятия к печати: 20 сентября 2021 г.

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (КУЛЬТУРНО-ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «КУХНЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА». ИЗ ОПЫТА МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ВМУ И ПГУ)

Iwona Anna NDiaye

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Polska

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3881-0474>e-mail: anna.ndiaye@uwm.edu.pl**Нина Орлова**

Пятигорский государственный университет, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7389-5499>e-mail: onina@yandex.ru

Аннотация: В данной статье речь идет о методе проектов как одной из универсальных современных технологий обучения на занятиях по литературе в аудитории иностранцев, изучающих русский язык. В качестве примера рассматривается реализация польско-русского культурно-переводческого проекта «Кухня народов Северного Кавказа». На конкретном примере описываются цели, последовательность действий, формы и результаты дидактической работы, даются рекомендации по работе со студентами-филологами.

Ключевые слова: проектные формы обучения, проектная деятельность, русский язык как иностранный, интерактивные формы обучения, метод проектов, кухня народов Северного Кавказа

Submitted on June 25, 2021

Accepted on September 20, 2021

**PROJECT ACTIVITIES IN TEACHING RUSSIAN
LANGUAGE AS A FOREIGN LANGUAGE
(CULTURAL AND TRANSLATION PROJECT
“THE CUISINE OF THE PEOPLE
OF THE NORTH CAUCASUS”.
FROM THE EXPERIENCE OF INTERNATIONAL
COOPERATION VMU AND PSU)**

Iwona Anna NDiaye

University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3881-0474>e-mail: anna.ndiaye@uwm.edu.pl**Nina Orlova**

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7389-5499>e-mail: onina@yandex.ru

Abstract: This article deals with the project method as one of the universal modern teaching technologies in literature classes in the audience of foreigners studying Russian. The implementation of the Polish-Russian cultural and translation project “The Cuisine of the Peoples of the North Caucasus” is discussed. Using this particular example, the goals, sequence of actions, forms and results of the didactic process are described, and recommendations are given as regards working with students-philologists.

Keywords: project forms of education, project activities, Russian as a foreign language, interactive forms of education, project method, cuisine of the peoples of the North Caucasus

В XXI веке буквально во всех областях науки и техники широкое при-
менение находит метод проекта. В нашей статье мы уделим внимание функ-
циональному богатству универсальной проектной деятельности в аспекте
преподавания русского языка как иностранного, перевода и межкультурной
коммуникации. Сегодня эта тема особенно актуальна, так как при переходе
на дистанционное обучение в мировом образовательном пространстве метод

проекта обрел новый функциональный подтекст – это и самопроверка, и контроль знаний, и пример продуктивного научного поиска.

Говоря об истории, необходимо отметить, что проектная деятельность берет свои истоки в Западной Европе в XVI веке. Изначально проект как термин подразумевал под собой архитектурный план выражения – дословно обозначал «эскиз, план». Именно проектный подход имел широкую популярность при подготовке будущих архитекторов в Академии Святого Луки в Риме. Позже в Европе и Северной Америке. Затем метод проекта стал применяться в различных дисциплинах.

В настоящее время определение «проект» имеет разные значения в научных источниках, которые находятся в тесной связи друг с другом. Таким образом, проект (от лат. *projectus* «брошенный вперед, выступающий, выдающийся вперед») – это деятельность, которая ориентирована на получение определенного продукта; в более широком смысле – это набор организованных, спланированных действий, направленных на достижение цели, требующей получения результата.

Обратим внимание на богатый потенциал проектной деятельности. Несомненно, метод проекта стал одним из современных образовательных кейсов для студентов и магистрантов. Так, например, в процессе обучения можно адаптировать применение метода проектной деятельности с целью расширения кругозора обучающихся по изучаемой теме, в рамках разного типа занятий: семинаров, лекций, спец-курсов, а также во внеклассной работе (мастер-классы, студенческие кружки) и др. В области преподавания РКИ применение интерактивных проектов позволяет работать студентам, с одной стороны, с аутентичным материалом, а с другой стороны, приобретать практические навыки (работа с компьютерными программами, фото-изображением и др.).

Под проектной деятельностью мы будем понимать «специальную форму организации познавательной деятельности, в которой реализуется традиционная типология методов. Ведущая роль отводится развивающим, поисковым и исследовательским учебным действиям» [Бородина, Сумбулова].

Итак, **метод проектов** – это технология педагога, направленная не на объединение уже имеющихся знаний, а на получение и практическое применение новых. Опыт применения метода проекта на практике впервые был описан в научной работе американского философа и педагога Дж. Дьюи, а также его ученика Уильяма Хёрда Килпатрика в его научном эссе *Метод проектов. Применение целевой установки в педагогическом процессе* [Килпатрик 1925].

Действительно, проектный метод предусматривает, во-первых, решение определенной проблемы с использованием необходимых методов, интегрированием знаний различных областей науки, техники, а, во-вторых, получение «осязаемого» практического результата. Проектная деятельность обеспечивает увеличение вовлеченности в процесс обучения и активности познавательной деятельности обучающихся. В методике преподавания метод проектов рассматривается как совокупность учебно-познавательных приемов, позволяющих студентам решить ту или иную проблему в результате самостоятельных действий с обязательной презентацией этих результатов [Бородина].

Обучение в XXI веке приобрело еще одну черту данного метода – практикоориентированность. В настоящее время метод проектов обогатил свой потенциал, в том числе, из-за перехода на обучение в онлайн-формат.

Методу проекта отведено важное значение в образовательном процессе, ведь он способен повысить интерес обучающегося к изучаемой программе, развить умение мыслить нестандартно, использовать в полной мере свой творческий потенциал. Лингводидактический потенциал этого вида работы определяется способами и возможностями использования его на различных этапах обучения. Прежде всего, его потенциал может быть продемонстрирован в различных способах использования материалов на языке изучения (фильмов, музыкальных произведений, веб-страниц, интерактивных платформ, приложений).

Благодаря своей универсальности, метод проекта может использоваться в курсе русского языка как иностранного практически по любой теме, ведь отбор осуществляется в связи с практическим значением для студента. Именно проектная деятельность способна реализовать ключевые подходы при изучении РКИ (компетентностный, коммуникативный, личностно-ориентированный) в учебном процессе. Итак, применение метода проектов способствует формированию всех основных компетенции (коммуникативной, общекультурной, профессиональной и др.). Включение метода проекта в учебный процесс, несомненно, повышает качество обучения РКИ, литературному переводу и межкультурной коммуникации. Более того, он формирует самостоятельность в обучении, умение работать в команде, а также развивает творческие способности учащихся.

Сегодня метод проектов является составной частью учебного процесса, интерактивным методом обучения. Коммуникативная компетенция – одна из главных задач, основная цель в обучении иностранному языку. Именно метод проектов способен решить задачу овладения коммуникативной

компетенцией и реализовывать уроки иностранного языка в рамках дискуссий и исследований, проводимых самостоятельно студентами, изучающими русский язык. Задача педагога – создать необходимые условия для развития навыков и умений общения. Метод проектов в обучении иностранному языку призван переключить внимание с различного рода упражнений и заданий на мыслительную способность учащихся, которая подразумевает овладение определенными языковыми средствами. Особенно необходимо обращаться к данному методу на этапе творческой реализации языкового материала.

Обратим внимание на виды проектной деятельности. Мы предлагаем следующие варианты проектной деятельности, которые можно применять на занятиях по РКИ для студентов-иностранцев: создание web-сайта или страницы; создание атласа, карты; создание видеофильма; представление выставки произведений искусства; создание стенгазеты или журнала; создание бизнес-плана; представление нового законопроекта; представление театральной постановки; разработка справочника, словаря; представление прогноза погоды; разработка экскурсии по городу, стране.

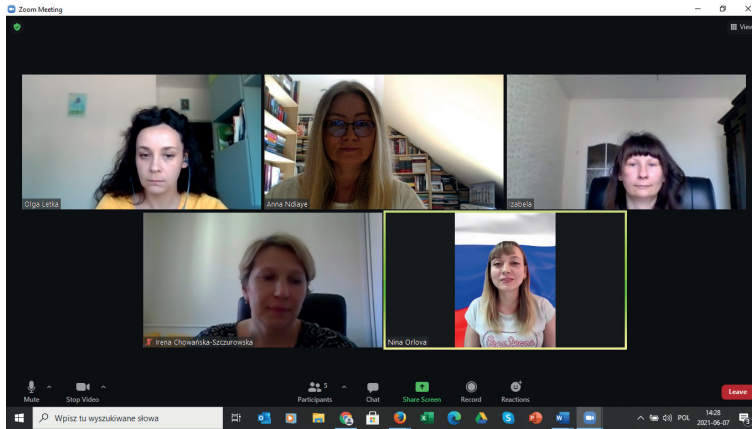
Отдельно необходимо подчеркнуть научно-исследовательский потенциал проектной деятельности. Мы убедились в том, что правильно организованный проект с верно поставленной задачей способен выступать как международное звено для реализации научно-исследовательских и коммуникативных единиц.

Успешным примером проектной деятельности являются культурно-переводческие проекты, осуществляемые в рамках сотрудничества Центра международного образования Пятигорского государственного университета (Россия), Центра русского языка и культуры «Института Пушкина» в ПГУ и Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша).

Принимая во внимание тот факт, что ПД занимает важное место в современном учебном процессе, в том числе в практике обучения иностранным языкам, а также преимущества данного приема, в первую очередь, заключающиеся в том, что он позволяет активно участвовать студентам в процессе изучения определенной темы, была предпринята идея международного проекта, ориентированного на межкультурную коммуникацию, страноведение, изучение и совершенствование навыков устной речи и навыков перевода «Кухня народов Северного Кавказа».

Данный проект был реализован польскими студентами-русистами первого курса магистратуры Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (8 человек) и русскими студентами Пятигорского государственного университета (6 человек). Проект осуществлялся в академическом году 2020/2021

под методическим руководством координаторов – преподавателями обеих ВУЗов, авторами настоящей статьи. К работе проекта присоединились также преподаватели кафедры восточнославянской литературы Варминско-Мазурского университета: к.ф.н. Ольга Летка-Спыхала, к.ф.н. Изабелла Семяновска, к.ф.н. Ирена Хованьска-Шчуровска.

Фот. 1. Координаторы и преподаватели проекта
Источник: архив проекта

Культурно-переводческий проект предполагал деятельность студентов, в результате которой должны произойти конкретные изменения в области знаний культуры и традиций народов Северного Кавказа, развития переводческих умений, формирования языковых и коммуникативных компетенций.

Реализация проекта на занятиях русского языка (введение в страноведение, письменный перевод, устный перевод), позволяет решить следующие задачи:

- дифференцировать отбор материала;
- развивать самостоятельность при работе с материалом;
- развивать переводческую компетенцию;
- повышать интерес к учебно-познавательной деятельности;
- расширять эрудицию;
- формировать умение работать и сотрудничать в парах;
- развивать интерес к традициям страны изучаемого языка.

Основная цель проекта: практико-ориентированный перевод на материале культуры народов Кавказа, межкультурная коммуникация и совершенствования русского языка как иностранного для польских студентов и магистрантов. В центре нашего внимания – традиции и кухня народов Северного Кавказа.

Составляющие проекта. Компонентами проекта «Кухня народов Северного Кавказа» являются:

- а) проблема;
- б) цели проекта;
- в) план действий по достижению целей;
- г) механизм контроля и управления реализацией плана;
- д) действия, обеспечивающие реализацию проекта;
- е) результаты реализации проекта;
- ж) субъект проекта.

Алгоритм работы организаторы расширили: проект реализовывался поэтапно. Временной промежуток для реализации данного проекта – 5 месяцев.

На подготовительном этапе реализации проекта было организовано несколько совместных онлайн-встреч, а также осуществлено деление на рабочие группы студентов-исследователей и тьюторов. Первая рабочая группа – тьюторы ПГУ (магистранты 1 и 2 курсов ЛМОРЯИ) знакомили польскую аудиторию с народами Дагестана (ногайцы, даргинцы и лезгины кумыки), обычаями и традициями. Вторая рабочая группа под руководством тьюторов ПГУ представила Карачаево-Черкесскую Республику, Северную Осетию, Чеченскую Республику и Кабардино-Балкарию.

Обратим внимание на последовательность этапов реализации:

- 1) отбор материалов;
- 2) подготовка презентаций на тему культуры народов Северного Кавказа;
- 3) представление подготовленного материала;
- 4) перевод презентаций на польский язык;
- 5) самоконтроль;
- 6) перевод рецептов на польский язык;
- 7) создание путеводителя по Северному Кавказу;
- 8) подведение итогов проекта.

Обратим внимание на каждый из этих этапов.

На подготовительном этапе кураторы проекта определили *концепцию научного мероприятия, определили алгоритм для решения практической проблемы*. На данном этапе действия координаторов учитывали следующие аспекты: объяснение задач и планирование работы по осуществлению проекта, обсуждение организации работы и реализации отдельных этапов. Цель этого этапа – обеспечить понимание студентов их заданий, ожидаемых результатов и хода учебных действий.

Первый этап – *отбор материалов*. Обращению к текстам должен предшествовать этап лингвистической и страноведческой работы с оригинальным

материалом. Преподаватель знакомит студентов с классическими и современными источниками информации – энциклопедии, словари (бумажные носители и электронные версии), монографии, научные и публицистические статьи. Кроме того, источником получения необходимой студентам информации могут служить документальные, художественные фильмы, аудиозаписи. После ознакомления студентов с основной литературой осуществлялась работа с различными научными источниками (электронные публикации, учебные пособия). Основная форма работы – индивидуальная: студенты ведут самостоятельную поисковую работу, используя учебные пособия, материалы, подготовленные преподавателями и тьюторами, интернет-ресурсы. Исследовательская работа направлена на поиск интересных (или значимых) фактов, касающихся народов Северного Кавказа. Материал, самостоятельно собранный студентами, корректировался и дополнялся преподавателями и тьюторами.

Цель данного этапа: изучить основные факты, собрать общую информацию и интересные факты; самостоятельная работа с электронными материалами, с использованием персонального компьютера, мобильного телефона.

Второй этап – *подготовка презентаций на тему культуры народов Северного Кавказа*. Данный этап был направлен на выборку добавочной информации со стороны студентов-исследователей с учетом замечаний и советов преподавателей. Основная работа осуществляется русскими студентами. Именно этот этап определял отбор и редакция материала. Несомненно, этот этап был направлен на достижение следующих целей: научить активному универсальному способу получения знаний; сформировать коммуникативную компетенцию.

Третий этап – *представление подготовленного материала*. Тьюторы ПГУ представили кухню каждого народа, обозначенного для изучения в проекте: познакомили польских студентов с блюдами Кавказа с помощью мультимедийных презентаций и видео. Этот этап вызвал особенный интерес со стороны польских исследователей.

Четвертый этап – *перевод собранного материала на польский язык*. В ходе занятий по письменному и устному переводу осуществлялась работа с языковым и страноведческим материалом. Лингвистический анализ-комментарий и культурологический анализ текста обеспечивают русские студенты и преподаватели. В ходе занятий по письменному переводу студенты готовили переводы на польский язык. Основные формы работы: индивидуальная (авторский перевод), групповые (теория перевода, редакция), в парах (языковые консультации). Получение консультаций, советов, оценок

у русских студентов, возможность дистанционного взаимодействия. В ходе виртуального общения и консультаций студенты предоставили качественный итоговый результат перевода страноведческого материала. Особенно ценным, на наш взгляд, стал полноценный процесс межкультурной коммуникации и самостоятельный подход польских студентов в предоставлении переводного материала: лингвистическое, переводческое, редакторское и графическое оформление.

Следующий этап – самоконтроль. Студенты предоставляют преподавателю концепцию презентационного материала. Этот этап позволяет выявить слабые стороны в переводческом оформлении, а также дает возможность студентам анализировать и вносить последние коррективы для будущего выступления. Особое внимание уделяется оформлению будущего выступления: технической (компьютерной) обработке фотографий, распределению текстового материала с использованием персонального компьютера. Интересным на данном этапе является эмоциональная подача студентом собственного материала, так как по мимо основательной подготовки, проделанной практической работы впервые для студента ставится задача публичного выступления перед аудиторией (в том числе, иностранной). После публичной презентации предполагается обсуждение: достигнута ли поставленная автором цель, была ли понятна аудитории презентация (с точки зрения грамотного оформления устного и письменного выступления – грамматика, лексика, стилистика), правильно ли были выбраны средства, стиль подачи материала.

Пятый этап – отбор практического материала. Как было отмечено ранее, реализация проекта была направлена на предметное изучение культуры Кавказа, а практический материал сфокусирован на изучении особенностей кухни. По этой причине отбор практического материала был ориентирован, в основном, на подборку традиционных рецептов кавказского народа. Ознакомление студентов с текстами осуществлялся как в рамках индивидуальной работы, так и с помощью консультаций с тьюторами. На данном этапе важное значение имела успешная межкультурная коммуникация, которая осуществлялась между польскими и русскими студентами. Практикоориентированный проект позволил улучшить коммуникативные навыки, укрепить взаимный культурный интерес двух стран.

Шестой этап – перевод рецептов на польский язык. Перевод рецептов предусматривал глобальную самостоятельную работу, редакцию, корректуру, а также лингвистический комментарий со стороны преподавателей и координаторов. Особенностью этого этапа стало выявление «образцового

перевода», выверенного преподавателем, сравнение его с переводом студентов и проведение анализа ошибок.

Седьмой этап – создание путеводителя по Северному Кавказу в электронном формате на польском языке. Особое внимание студенты из Польши уделили Карачаево-Черкесской Республике и популяризации горнолыжных курортов этого края. Итогом проекта стало создание рекламной продукции (буклетов в электронном формате, презентации с интерактивными анимационными средствами) на двух языках. Несомненным плюсом данного этапа стала демонстрация практических умений и навыков новейших информационных технологий.

Восьмой этап – *подведение итогов проекта*. Для подведения итогов проекта был использован формат круглого стола. Во время совместной встречи были представлены практические результаты, а также видеоматериал, в котором были представлены студенческие презентации. В конце проекта также был произведен опрос участников в виде анкетирования. С помощью обратной связи удалось выявить сильные и слабые стороны проекта.

Результаты проекта. Необходимо отметить многоцелевой компонент работы. Реализация проекта предполагала различные цели: учебные, познавательные, переводческие, коммуникативные. Также практикоориентированной доминантой стала межкультурная коммуникация, совершенствование коммуникативным умений и навыков.

Итак, проект был ориентирован на получение знаний в сфере русской культуры, изучение традиций, опыт в области перевода, формирование языковых и коммуникативных компетенций. Поэтому вполне обоснованно мы можем его определить как исследовательский и познавательный проект. В рамках проекта были рассмотрены особенности национальной ногайской, кумыкской, лезгинской, даргинской, кабардинской, черкесской, балкарской, чеченской, осетинской кухонь. Тьюторы (магистранты 1 и 2 курсов ЛМОРЯИ) продемонстрировали авторские материалы и видео приготовления любимого блюда представленного народа. Практический выход данного проекта – создание книги рецептов кавказских блюд на польском языке и успешная межкультурная коммуникация.

Проект имел и практикоориентированный формат. На занятиях по изучению русской культуры в иностранной аудитории для реализации целей и задач учебной программы, а также для повышения познавательной, творческой активности студентов важным стало общение на русском языке. Коммуникация с носителями языка, несомненно, стало основной ценностью данного проекта. Дистанционный проект предполагал общение: асинхрон-

ное (почта) и синхронное (чат, скайп). Дистанционные консультации и общение позволяют выбрать метод коммуникации с учетом индивидуальных требований и предпочтений студентов (удобное время, индивидуальный график встреч и т.д.).

Одним из условий реализации данного проекта стал вопрос воспитания у студентов культуры общения, формирования межкультурной компетенции. Контакт, консультации и сотрудничество с носителями русского языка позволили развивать межкультурную, коммуникативную и языковую компетентность, что подтверждают анкеты, заполненные участниками проекта. Анкеты участников проекта дали возможность обратной связи. Именно здесь отразилась мотивировка студентов, оценки основных этапов, а также трудностей.

Все участники проекта высказали положительное мнение относительно участия в проекте. По их мнению, проектный метод является полезным и эффективным методическим приемом в образовательном процессе. Свое мнение они мотивировали тем, что у них не было раньше опыта участия в образовательных международных проектах. Чаще всего назывались следующие аргументы:

- дает возможность сотрудничать с носителями языка;
- позволяет использовать свои знания и умения на практике;
- развивает умение осуществлять отбор необходимой информации из разных источников;
- развивает креативность;
- способствует приобретению навыков необходимых для успешной работы в команде и др.

Самым ценным и интересным этапом проекта признан этап переписки и общения с партнером, во время которого могли обменяться мнениями и решить практическую задачу. По мнению студентов, самым ценным результатом проекта явилась «живая коммуникация»: преодоление языкового барьера, практика письменной и устной речи.

Одновременно студенты отметили, что на этапе реализации проекта они сталкивались с разными трудностями. Данные трудности были связаны с интеграцией знаний и умений из различных образовательных областей; применением исследовательских, поисковых, проблемных, творческих методов; с переходом студента от роли участника к роли консультанта; недостаточными компетенциями в области межкультурного диалога.

Таким образом, основные цели настоящего проекта были достигнуты, в том числе создание условий, при которых студенты самостоятельно

и с желанием приобрели недостающие знания из разных источников; учились пользоваться приобретенными знаниями для решения познавательных и практических задач, приобрели коммуникативные умения, развивали исследовательские умения.

Следует отметить значение данного проекта в контексте активной вовлеченности студентов и преподавателей вузов в различные формы международного университетского сотрудничества. Участие в межкультурном взаимодействии на основе виртуальной и реальной коммуникации содействует самореализации в профессиональной деятельности, обеспечивает формирование межкультурной компетентности студентов. Несомненно, важность таких проектов и в туристической популяризации – к региону проявляется интерес потенциальных студентов академического обмена.

Однако следует помнить, что эффективность данной работы обусловлена соблюдением определенных принципов. В ходе дидактической работы предлагается применение следующих рекомендаций: использовать такие формы работы, которые позволят расширить учебные знания студентов; развивать творческий подход к изучаемому материалу; вовлечь в процесс познания каждого студента. Такой метод обучения, с одной стороны, требует от преподавателя постоянных методических находок. С другой, постановка познавательных и практических задач, требуют больших усилий со стороны самих студентов, перед которыми ставится задание самостоятельного творческого решения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бородина Надежда Петровна, Сумбулова Татьяна Николаевна. *Интерактивные формы обучения на уроках литературы*. (online) <https://urok.1sept.ru/articles/629899> (доступ: 19.05.2021).
- Бородина Галина Николаевна. *Использование мультимедийных презентаций на уроках русского языка и литературы*. (online) <http://nsportal.ru/shkola/materialy-metodicheskikh-obedinenii/library/2013/04/19/prezentatsii-na-urokakh-russkogo> (доступ: 19.05.2021).
- Килпатрик Уильям Хёрд. 1925. *Метод проектов. Применение целевой установки в педагогическом процессе*. Ленинград: Брокгауз-Ефрон.
- Пузырёва Людмила Александровна. *Проектная деятельность учащихся при изучении иностранных языков*. (online) <http://festival.1september.ru/articles/516478/> (доступ: 19.05.2021).

REFERENCES

- Borodina Galina Nikolaevna. *Ispol'zovanie mul'timedijnyh prezentacij na urokah russkogo âzyka i literatury* [Using multimedia presentations in Russian language and literature lessons]. Available at: <http://nsportal.ru/shkola/materialy-metodicheskikh-obedinenii/library/2013/04/19/prezentatsii-na-urokakh-russkogo> (Accessed 19 May 2021). (In Russian)
- Borodina Nadežda Petrovna, Sumbulova Tat'âna Nikolaevna. *Interaktivnye formy obučeniâ na urokah literatury* [Interactive forms of education in literature lessons]. Available at: <https://urok.1sept.ru/articles/629899> (Accessed 19 May 2021). (In Russian)
- Kilpatrik Uil'âm Hërd. 1925. *Metod proektov. Primenenie celevoj ustanovki v pedagogičeskom processe* [Method of projects. Application of the target attitude in the pedagogical process]. Leningrad, Brokgauz-Efron. (In Russian)
- Puzyrëva Lûdmila Aleksandrovna. *Proektnââ deâtel'nost' učašihsâ pri izučenii inostrannyh âzykov* [Project activities of students in the study of foreign languages]. Available at: <http://festival.1september.ru/articles/516478/> (Accessed 19 May 2021). (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.7125>

Дата подачи статьи: 20 июня 2021 г.

Дата принятия к печати: 20 августа 2021 г.

ВКЛАД АРХИТЕКТОРОВ ПОЛЬСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КУРОРТОВ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Виктор Акоюн

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-003-4734-1905>

e-mail: zaven2005@yandex.ru

Аннотация: Кавказские Минеральные Воды (Кавминводы, КМВ) – группа северокавказских бальнеологических курортов федерального значения в Ставропольском крае. Регион КМВ включает города-курорты: Пятигорск, Кисловодск, Железноводск, Ессентуки. Указом императора Александра I от 1803 г. началось их официальное существование как курортного района. С первых лет возникновения курортов сюда начинают прибывать представители польского народа. Они составляли значительную долю среди офицерства, управленческого состава и интеллигенции: ученые, врачи, инженеры, зодчие, преподаватели, литераторы. Данной статьей открывается портретная галерея, посвященная деятельности на Кавминводах выдающихся архитекторов и инженеров-строителей польского происхождения, благодаря вкладу которых курорты КМВ приобрели достойный облик и мировую славу. Результаты их труда и сегодня продолжают служить фундаментальной основой и образцом для дальнейшего развития курортов.

Ключевые слова: Кавказские Минеральные Воды, архитектура, поляки, курорты, галерея, проект

Submitted on June 20, 2021
Accepted on August 20, 2021

THE CONTRIBUTION OF ARCHITECTS OF POLISH ORIGIN TO THE DEVELOPMENT OF RESORTS OF THE CAUCASIAN MINERAL WATERS (19TH TO EARLY 20TH CENTURY)

Victor Akopyan

Pyatigorsk State Universty, Pyatigorsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-003-4734-1905>
e-mail: zaven2005@yandex.ru

Abstract: Caucasian Mineral Waters (Kavminvody, KMV) is a group of North Caucasian balneological resorts of federal significance in the Stavropol Territory. The CMS region includes the resort cities of Pyatigorsk, Kislovodsk, Zheleznovodsk, and Yessentuki. By the decree of Emperor Alexander I of 1803, their official existence as a resort area began. Representatives of the Polish people began to arrive there from the very beginning. They made up a significant proportion of the officers, managers, and intellectuals: scientists, doctors, engineers, architects, teachers, and writers. This article opens a portrait gallery dedicated to the activities of outstanding architects and civil engineers of Polish origin in Kavminvody, thanks to whose contribution the KMV resorts have acquired a worthy appearance and world fame. The results of their work today continue to serve as a fundamental basis and a model for further development of the resorts.

Keywords: architecture, Caucasian Mineral Waters, Poles, resorts, gallery, project

Настоящая статья посвящена выдающимся архитекторам польского происхождения, благодаря вкладу которых курорты Кавказских Минеральных Вод приобрели мировую славу.

Кавминводы – группа бальнеологических курортов федерального значения в Ставропольском крае Российской Федерации (РФ), особо охраняемый эколого-курортный регион со своей администрацией. Регион-агломерация занимает южную часть края и расположен на северных склонах Главного Кавказского хребта (ГКХ), в непосредственной близости от горы Эльбрус (5642 м) – самой высокой вершины России и Европы при условии проведения границы между Европой и Азией по ГКХ. Регион КМВ (площадь более

5,3 тыс. кв. км) включает известные курортные города: Пятигорск (основан в 1780 г.), Кисловодск (1803), Железноводск (1810), Ессентуки (1825), бальнеогрязевой курорт Кумагорск, здесь расположены озеро с лечебными грязями Тамбукан, Долина Нарзанов, а также промышленные и транспортные города Минеральные Воды, Георгиевск, Лермонтов. Курортный город Пятигорск является центром Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) – одного из восьми округов в РФ. В Кавминводской агломерации проживает около 1,1 млн. человек (2020).

Территория КМВ со всех сторон окаймлена 17-ю изолированными магматическими горами-лакколитами: Бештау, Железная, Машук, Змейка, Развалка, Джуца, Юца (Джуца 2) и др., образовавшимися путем постепенного поднятия сквозь толщу осадочных отложений остывающей лавы. Самая высокая из них – пятиглавая гора Бештау, имеющая высоту 1400 м [*Кавказские Минеральные Воды* 2003, 5–15].

КМВ – один из старейших курортов России. Первые письменные сведения о его минеральных источниках встречаются в трудах врача Г. Шобера (1717), который был направлен Петром I для обследования минеральных источников Северного Кавказа. Подробные описания их сделаны в 1773 г. И.А. Гюльденштедтом и в 1793 г. П.С. Палласом. После обследования медиками вод Пятигорья в 1798 г. Медицинская коллегия одобрила использование минеральных вод для лечения больных из числа проходивших службу в войсках.

Указом императора Александра I от 24 апреля 1803 г. было утверждено Положение о Кавминводах и подписан рескрипт «О признании государственного значения Кавказских Минеральных Вод и необходимости их устройства». С того времени началось их официальное существование как курортного района.

В декабре 1823 г. была учреждена особая строительная комиссия при КМВ, на которую впоследствии было возложено управление Водами, сооружение курортных объектов, благоустройство территории и организация лечения. Затем вместо нее в 1847 г. была учреждена Дирекция КМВ, а возглавляющий ее директор был наделен правами военного губернатора.

В начале 1860-х гг. государственное (казенное) управление Водами было признано неэффективным и 29 октября 1861 г. упразднено, а курорты КМВ переданы в управление арендатору – частной дирекции КМВ.

В 1884 г. Кавминводы переведены в ведение Министерства государственного имущества. Установлена деятельность правительственного комиссара КМВ, непосредственно подчинявшегося министру. В марте 1896 г.

в соответствии с «Положением об управлении Кавказскими Минеральными Водами» должность комиссара была переименована на Директора КМВ [*Кавказские Минеральные Воды* 2003].

При советской власти курорты КМВ были национализированы, а курортное управление вошло в подчинение Комиссариата здравоохранения РСФСР. Этот этап не рассматривается, так как данная статья ограничивается досоветским периодом.

С первых лет после возникновения российских укреплений и крепостей вдоль Азово-Моздокской оборонительной линии в соответствии с указом императрицы Екатерины II от 24 апреля 1777 г., куда с 1780 г. (год основания Пятигорска) вошел нынешний регион КМВ, в него начинают прибывать представители польского народа. Процесс добровольного и принудительного перемещения поляков на Северный Кавказ усиливается после трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795), когда большая часть польских земель вошла в состав Российской империи [Акоюн 2007].

Принудительные переселения поляков в регион осуществлялись с завидной регулярностью: от военнопленных наполеоновской армии, рекрутов, политических ссыльных, осужденных за участие в польских восстаниях (1830–1831 и 1863–1864 гг.), до военных, служащих и интеллигенции, направленных для работы. Так, после второго польского восстания 1863–1864 гг. на Северном Кавказе находилось около 10 тыс. поляков – как ссыльных, так и военнослужащих царской армии [Боголюбов 2008, 112]. Немало из них после завершения службы и срока ссылки оставались в регионе вместе со своими семьями. Так на курортах КМВ возникают польские общины, составлявшие значительную часть пятигорского церковного прихода Римско-католической церкви (РКЦ).

Представители польского народа внесли значительный вклад в становление и развитие КМВ. В досоветский период (в XIX – начале XX в.) в курортном регионе поляки составляли значительную долю среди офицерства, гражданских служащих и интеллигенции. Среди последних заметно выделялись архитекторы и инженеры-строители польского происхождения как постоянно проживавшие на КМВ, так и временно работавшие над реализацией тех или иных проектов. В их числе: Н.А. Зборжевский, Н.И. Невинский, И.И. Зелинский, В.А. Ковальский, Т.А. Свирчевский, М.С. Кербедз, А.В. Скибинский, С.И. Белзецкий, С.Т. Шиллер, З.Х. Хржановский, Л.А. Дитрих, Л.К. Шодкий, М.М. Перетяткович, Б.К. Правдзик, В.В. Воллодко, С.С. Якубовский, К.Ф. Ругевич и др. Результаты их труда и сегодня продолжают служить фундаментальной основой для дальнейшего развития архитектурного облика курортов.

Несмотря на такую значимую роль зодчих польского происхождения, эта тема не стала объектом отдельного рассмотрения в российской полонистике. В то же время имеющаяся пусть даже отрывочная информация в научной и краеведческой литературе позволяет сделать определенное обобщение, которое предпринято в данной работе. Мы использовали информацию о зодчих-поляках из многочисленных опубликованных работ досоветского, советского и современного периодов. Особо выделим сборники документов *Пятигорск в исторических документах 1803–1917 гг.* (Ставрополь, 1985), *Кисловодск в исторических документах 1803–1917* (Ставрополь, 1997), ежегодно издававшиеся до 1917 г. в Тифлисе *Кавказский календарь*, а во Владикавказе *Терский календарь*. Значительный интерес представляют многочисленные путеводители, издававшиеся как в досоветские, так и в последующие десятилетия. В их числе *Путеводитель по Кавказским минеральным водам: Пятигорск, Ессентуки, Железноводск, Кисловодск* (Пятигорск, 1912), ежегодно издававшийся *Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказским Минеральным водам* Григория Москвича и многие другие. Ценная информация по теме содержится в газетных и журнальных публикациях краеведа Вадима Хачикова, в четырех книгах петербургского историка архитектуры Сергея Боглачева, написанных самостоятельно или в соавторстве: *Архитектура старого Пятигорска* (2007), *Архитектура старого Железноводска* (2010), в соавторстве с Сергеем Савенко *Архитектура старого Кисловодска* (2006) и в соавторстве с Элеонорой Жатьковой *Архитектура старых Ессентуков* (2008). Отдельные сведения узнаем из *Летописи города-курорта Пятигорска* (составители О.А. Полякова и Л.Ф. Чегутаева), из книги Леонида Польского *Летопись Пятигорска* (Пятигорск, 1993) и других.

Настоящая статья, первая из этой серии, представляет собой начало портретной галереи и посвящается первым трем из перечисленных выше зодчих польского происхождения.

Нашу портретную галерею открывает архитектор Наркиз Адальбертович (Альбертович) Зборжевский (1815 – после 1881 г.). В 1838 г. он окончил Санкт-Петербургскую академию художеств и получил звание свободного художника. В следующем году Зборжевского определили архитектором в город Ставрополь в Кавказскую казенную палату. После того как летом 1840 г. в Пятигорске скончался архитектор Джузеппе Бернардацци (1788–1840), Наркиз Адальбертович стал первым официально назначенным архитектором Пятигорска [Полякова 2013, 20]. Эту должность он занимал два года – 1841–1842. За этот период им сделаны проекты частных и казенных построек в городе.

Это был важный временной отрезок в становлении бальнеологического курорта. Историческую актуальность ему придает то, что приезд Н.А. Зборжевского в Пятигорск совпал с трагическим событием – гибелью 15 (27) июля 1941 г. поэта М.Ю. Лермонтова на дуэли с Н.С. Мартыновым, проходившей недалеко от Перкальской скалы. В рамках данной статьи уместно заметить, что названный пятигорский топоним связан с именем разжалованного польского офицера Перхальского, сосланного в Пятигорск за участие в восстании 1830–1831 гг. В 1830-е гг. он был назначен на должность смотрителя Бештаугорского лесничества. Недалеко от своего дома на северо-восточном склоне Машука Перхальский высаживал деревья и кустарники из разных мест Пятигорья. Так образовался уникальный дендрологический питомник площадью около 40 гектаров, получивший в 1878 г. официальный статус – Перкальский дендрарий (арборетум) [Хачиков 2000].

Кратковременное пребывание архитектора Н.А. Зборжевского в Пятигорске стало трамплином для его дальнейшей карьеры. В 1842 г. он переведен в Комиссию для строений в Москве помощником известного русского архитектора А.С. Никитина, в 40–60-х гг. XIX в. являвшегося старшим архитектором Правления Московского округа, а впоследствии председателем Московского Архитектурного Общества. В 1850 г. переехал в Варшаву, однако после Польского восстания в 1863 г. переведен в Томск на должность городского (как тогда говорили, городского) архитектора. В последующие годы он работал архитектором в Петербурге, Тифлисе, Кутаиси и опять в Москве. Во второй столице империи работал и его брат архитектор Александр Адальбертович [*Зодчие Москвы* 1998].

Продолжает галерею Николай Иосифович Невинский (1831–1901) – архитектор Пятигорска в 1858–1864 и КМВ в 1864–1876 гг., внесший значительный вклад в формирование неповторимого облика Кавминвод.

Н.И. Невинский родился в губернском центре Могилеве и был младшим сыном чиновника губернской казенной палаты надворного советника Юзефа Лях-Невинского. В 1840–1845 гг. Николай Иосифович учился в Могилевской гимназии. В сентябре 1845 г. он был определен воспитанником в Петербургское строительное училище как казенный стипендиат Могилевской губернии. В июне 1853 г. окончил курс наук в училище по 1-му разряду (с правом на чин 12-го класса) и через месяц был назначен архитекторским помощником для производства работ в Ставропольской губернской строительной и дорожной комиссии. В мае 1858 г. титулярный советник Н.И. Невинский был назначен на должность городского архитектора г. Пятигорска.

В Пятигорске по его проектам были построены ряд зданий, включая и его собственный дом. После Невинского в Пятигорске на протяжении почти 30 лет городская управа не имела средств для содержания постоянного архитектора. Функции последнего выполняли землемеры и строительные техники [*Кавказский календарь* 1866]. В числе последних с 1878 г. значился техник Э.Р. Кошинский [*Кавказский календарь* 1880; Боглачев 2010, 47].

В 1864 г. Невинский занял должность архитектора КМВ при контрагентстве Н.А. Новосельского. В следующем году он женился на Надежде Ливановой православного вероисповедания. В браке у них родились четверо детей: три дочери и сын. Для своей большой семьи Невинский построил два красивых дома в Пятигорске – на Новом бульваре (ныне – пр. Кирова) и на Театральной улице (ул. Братьев Бернардацци). В Железноводске Невинский в 1872 г. также приобрел большой участок и записал на супругу. В нижней части усадьбы в том же году он построил двухэтажное здание, а в юго-западном углу – кирпичный флигель. В 1886 г. Надежда Невинская получила разрешение на постройку нового двухэтажного кирпичного дома в верхнем, северо-западном углу усадьбы [Боглачев 2010, 391–395].

Дома железноводской усадьбы Невинских приносили хорошую прибыль. После установления советской власти усадьба с домами была национализирована. Верхнее здание использовалось в качестве государственного учреждения: Управление курорта, а после войны – курортная библиотека. С 1988 г. в здании размещается краеведческий музей. Восточную часть бывшей усадьбы ныне занимают 4-этажное здание корпуса № 2 санатория «Здоровье».

В 1869 г. Невинский был переведен в Тифлис – административный центр всего Кавказского края и место пребывания наместника, на должность делопроизводителя 8-го класса (коллежский асессор) в технической канцелярии Строительной комиссии при Управлении Кавказского наместника. В этом качестве он не только осуществлял контроль за строительной деятельностью контрагента А.М. Байкова на КМВ, но и продолжал заниматься на курортах Кавминвод различными строительными и ремонтными работами.

В июле 1873 г. Невинский был возведен особой аттестационной комиссией при Петербургском строительном училище в звание «инженер-архитектор» за составленный им в 1872 г. оценочный проект железного моста.

В 1874–1875 гг. он участвовал в работе Комиссии по переустройству КМВ, возглавляемой бывшим генеральным инспектором минеральных вод Франции Жан-Жюлем Франсуа де Нёфшато. Там он составлял чертежи необходимых сооружений и рассчитывал их сметы [Боглачев 2010, 49].

В 1876 г. Невинский назначен инженером Строительной части Дагестанской области, а с 1891 г. ее заведующим [*Кавказский календарь* 1893]. Вышел в отставку в чине статского советника и вернулся в Пятигорск, где и скончался 17 января 1901 г.

Назовем основные курортные объекты, возведенные Невинским на КМВ.

Не без участия архитектора Невинского существенно изменялся внешний вид Железноводска – самого маленького из курортных городов Кавминвод, расположенного на склоне горы Железной. Долгое время Железноводск являлся лишь местом, куда приезжали из других городов КМВ только для принятия ванн. Так, в 1820 г., когда на Железных Водах вместе с семьей генерала Раевского побывал А.С. Пушкин, здесь стояли только шалаши и кибитки, а посетители купались в яме, огороженной плетнем. В положительную сторону развитие Железноводска происходит после передачи в 1861 г. КМВ в аренду частному предпринимателю Н.А. Новосельскому [Москвич 1914].

Наместник Кавказа Великий князь Михаил Николаевич 17 ноября 1872 г. утвердил план застройки Железноводска, до этого незначительного селения. Этот план, по поручению наместника, составил Николай Иосифович. По его проектам осуществлено коренное переустройство Железноводска, построены здания Калмыцких, Ново-Барятинских и Ново-Муравьевских ванн, грот для бювета Михайловского источника, Архиерейская беседка, Музыкальная чугунная ротонда, гимнастический павильон, павильоны по продаже минеральной воды и кумыса, дома на собственной усадьбе и др. [Боглачев 2010, 68, 459].

Невинский – признанный специалист малых архитектурных форм.

Так, грот Михайловского источника был признан самым удачным образцом надбюветного сооружения на КМВ. Спустя восемь лет подобный по композиции грот был сооружен в Эссентуках над бюветом источника № 18. Искусственный сводчатый грот правильной геометрической формы был сложен из белого машукского камня. Центральную арку входа поддерживали две круглые каменные дорические колонны с абаками. Внутри грота находилась арочная ниша с чашей. Над гротом была сделана смотровая площадка, огражденная металлической решеткой. После посещения грота наместником 29 сентября 1872 г. он получил название «Источник Великого князя Михаила» (фото № 1). В мае 1927 г. источник был переименован в Незлобинский [Москвич 1914; *Кавказские Минеральные Воды* 2003].

Летом 1872 г., по заказу управляющего КМВ А.М. Байкова, Невинский спроектировал Музыкальную беседку-ротонду у западного входа в лечеб-

ный парк. Проект реализован на Луганском чугунолитейном заводе. Доставили и установили беседку весной 1873 года. В первое время в беседке во время курортного сезона регулярно играл приглашенный военный оркестр. Впоследствии павильон стал выполнять функцию обзорной беседки, которую иногда называли Капитанским мостиком (фото № 2). За многие годы в беседке выступило много артистов, оркестров [Боглачев 2010, 436].

Фото № 1. «Источник Великого князя Михаила» (начало XX в.)¹
Источник: <https://pastvu.com/p/1195912>

Фото № 2. Грот с бюветом источника №18 и «Музыкальная беседка» (начало XX в.)
Источник: http://russiahistory.ru/essentuki_chast_1/

¹ Эта и другие фотографии взяты из открытых источников.

На Ессентукском курорте по проектам Николая Невинского построены здания парковой Ресторации и курортной конторы (1868), произведена капитальная перестройка старых Серно-щелочных ванн (1873) и казармы (1874), он соорудил парковую ограду (1874), каменный грот с бюветом источника № 18 и другие объекты малых архитектурных форм. Невинскому принадлежал первый проект большой казенной (Кампанейской) гостиницы, реализованный позже другими архитекторами, после того как появилась возможность финансировать строительство. Среди упомянутых объектов, построенных зодчим, выделялись грот с бюветом источника № 18 и Музыкальная беседка (фото № 2), объединенные в единый архитектурный комплекс [Боглачев 2007, 486, 520].

В Кисловодске по проектам Николая Невинского построены первая дача сенатора Николая Ивановича Барановского (1829–1878) [Яновский, online], гостиница пятигорского купца В.Н. Смирнова (там, где в настоящее время находится современное здание «Гранд-отеля»), частные дачи на Тополевой аллее, Летняя читальня, Музыкальный павильон и другие сооружения в парке. Под его руководством в 1867 г. перестроено здание купальни у Семиградусного источника на реке Ольховке, а в здании знаменитой Нарзанной галереи произведена замена труб длиной более 80 метров. Это далеко не полный перечень объектов, осуществленных зодчим в самом элитарном курорте КМВ [Яновский 2017].

И все же больше всего объектов было возведено зодчим в Пятигорске, где с 1858 по 1864 г. он находился на должности городского архитектора.

Николай Иосифович принял непосредственное участие в реконструкции Южного павильона Елизаветинской галереи – одного из самых лучших сооружений Пятигорского курорта. Галерея была построена по проекту зодчего Самуила Уптона в 1850 г. Павильон имел высокий цоколь с пятью арочными окнами по фасаду и боковым входом под аркой [Полякова 2014, 18].

В 1863 г. в южной части бывшей усадьбы главного врача КМВ Ф.П. Конради, у входа в парк «Цветник» (ныне пр. Кирова, 25), Невинский построил каменное двухэтажное здание Химической лаборатории для проведения анализа вод минеральных источников. Увы, впоследствии при расширении большой Казенной гостиницы все соседние здания, включая лабораторию, были снесены [Польской 1993, 24; Полякова 2014, 10].

В самом начале ул. Соборной, на земле купца А.А. Тупикова, Невинский в 1870-х гг. построил частную гостиницу. Двухэтажное здание имело два чугунных навеса перед входами и въездную арку между ними. На фотогра-

фиях начала XX века это сооружение имеет роскошный вид. В настоящее время в нем проживают домовладельцы, которые своими надстройками придали фасаду этого сооружения убогий облик [Хачиков 1958].

В 1862–1868 гг. Н.И. Невинский вместе с другими зодчими и инженерами принял активное участие в завершении строительства Спасского собора города Пятигорска. Его возведение под руководством архитектора Самуила Уптона началось в 1847 г. Однако из-за некачественной кладки и многочисленных трещин стены храма в 1857 г. полностью разобрали. По существу началось новое строительство храма, завершившееся только к осени 1868 г. Высокий пятиглавый кубовидный собор из машукского камня был построен в византийском стиле [Польской 1993, 25; Боглачев 2007, 188]. В результате богоборческой деятельности советов осенью 1936 г. Спасский собор был разрушен. Восстановленный по старому плану, в наше время кафедральный собор стал главным храмом Пятигорска.

Фото № 3. Дом графа Н.И. Евдокимова (фото начала XX в.)
Источник: <http://www.pkm1903.ru/images/3-680-news-33508805.jpg>

Еще два известных нам великолепных дома, построенных Н.И. Невинским, увы, не сохранились: первый – известного генерала графа Н.И. Евдокимова (фото № 3). В 1895 г. этот дом вдова генерала Евдокимова подарила женской гимназии, начальницей которой была Анна Кржановская. В период советской власти в здании находилась армянская школа, а впоследствии оно было снесено и построено новое безликое здание школы № 6 [Хачиков 2000]; второй – дом самого архитектора, выделявшегося изысканной кирпичной кладкой. Трудно представить себе, какими соображениями руководствовались городские власти, сохранившие одно сооружение (дом капитана Мисостова, ныне здание ЗАГСа) и уничтожившие находящийся по соседству архитектурный памятник XIX века с изысканной архитектурной формой.

Н.И. Невинский, будучи прихожанином католического храма во имя Преображения Господня, возведенного в 1845 г. по проекту братьев Бернардацци, внес свой значительный вклад в его развитие. По проекту зодчего рядом с храмом была возведена колокольня с куполом и высоким шпилем. Благодаря колокольне костел, имевший простую архитектуру, приобрел нарядный вид. Невинский также построил дом для церковного причта [Полякова 2013, 25–26].

В подвальном помещении единственного на КМВ католического храма (фото № 4) были похоронены десятки известных прихожан общины. В склепе костела нашло земное пристанище и тело почившего архитектора. В 1937 г. здание костела было национализировано, а захоронения, в том числе и прах Н.И. Невинского, перенесли на городское кладбище – Пятигорский Некрополь.

Так сложилось, что в Пятигорске начиналась профессиональная деятельность зодчего, здесь и завершился его жизненный путь.

Фото № 4. Храм во имя Преображения Господня (современный вид)

Источник: <http://fotokto.ru/photo/view/5248972.html>

Завершает галерею Иосиф Иванович Зелинский (1860 – после 1908 г.) – главный архитектор при Управлении КМВ в 1901–1904 гг.

Иосиф Зелинский родился в польской семье города Каменец-Подольского. В начале 1880-х гг. окончил архитектурное отделение Московского училища живописи, ваяния и зодчества со званием неклассного художника архитектуры. Работал по частным заказам в Царстве Польском, Одессе

и Ростове-на-Дону. С конца 1901 г. поступил на службу вольноопределяющимся на должность помощника главного архитектора КМВ. Зелинский занимался строительством во всех курортных городах. В архитектурных кругах России он получил известность как представитель конструктивизма². Ему принадлежит более десятка проектов различных зданий и малых архитектурных форм (например, бюветов) в Ессентуках, Кисловодске, Железноводске и Пятигорске, в том числе конкурсный проект грязелечебницы в Пятигорске [Хачиков 2003; Боглачев 2007, 488].

Иосиф Иванович – автор проектов и строитель ряда казенных гостиниц в Пятигорске, Ессентуках, Кисловодске и Железноводске.

Наибольшую известность приобрели построенные им гостиницы и здания фахверковой конструкции. Последняя представляет собой каркас, образованный системой горизонтальных и вертикальных деревянных брусьев и раскосов с заполнением промежутков камнем, кирпичом и другими материалами.

Фото № 5. «Новоказенная гостиница» в Ессентуках (начало XX в.)

Источник: <https://san-moscow.ru/o-sanatorii/istoriya.html>

Наиболее известное сооружение такого типа – Новоказенная гостиница в Ессентуках на 200 номеров (Фото № 5). Фундамент здания был заложен в 1902 г., а построено оно в 1903 г. Единый комплекс из трех двухэтажных длинных корпусов, соединенных крытыми переходами, напоминал в плане

² Конструктивизм выделялся стремлением соединить функциональность здания с художественными средствами выражения, но не с помощью декора, а работой с материалами (бетон, стекло, металл) и формой. Для этого стиля типичны массивные опоры, плоские крыши, удлиненные оконные проемы. Архитекторы новой волны отрицали историческую преемственность, а потому с легкостью отказались от украшательства классических стилей [Сидорина 1995].

букву «Ж». В настоящее время от первоначальной постройки осталась только первая часть – один из корпусов санатория «Москва» (ул. Аджиевского, 8) [Ольховский 2003].

Иосиф Иванович являлся автором проекта здания Института механотерапии (Цандеровский механотерапевтический институт), ставшего украшением Эссентукского курорта (фото № 6). Идея создания института принадлежала директору Управления Кавминвод В.В. Хвощинскому. Он же предложил Зелинскому не только спроектировать здание, но и руководить его строительством. Уникальный институт расположен в нижней части Курортного парка, недалеко от питьевой галереи № 17. Фундамент здания состоит из машукского камня.

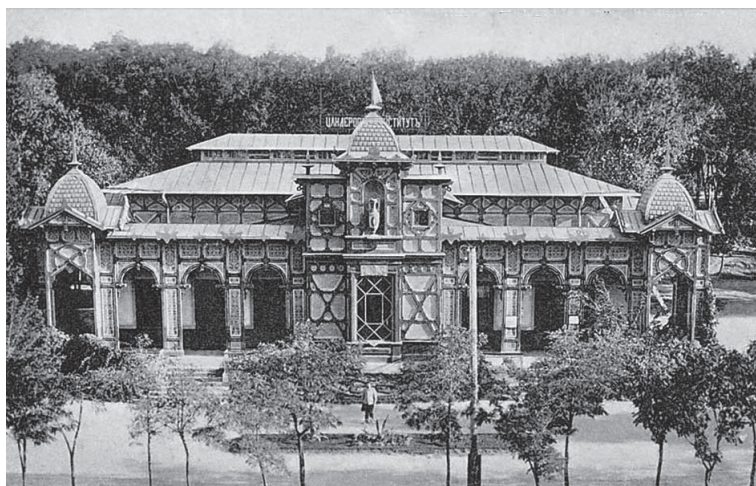

Фото № 6. Здание Института Механотерапии в Эссентуках (начало XX в.)
Источник: <https://disk.yandex.ru/a/Uc3PJ93Z3ZNszv/5b5197e6ed76ad3ea824b629>

Основная часть строения выполнена в фахверковом стиле с купольными башнями, деревянными резными шпильями, ажурными фасадами и башенками. Для отделки стен использовали природный камень, белый кирпич и сосну. Нишу центральной башни дополнили изящной керамической вазой [Боглачев 2008, 129].

И.И. Зелинского считают автором проекта здания Театра-Парка в Эссентуках (фото № 7), расположенного перед колоннадой южного фасада питьевой галереи источника № 17. Будущий театр в стиле классицизма задумывался как летняя пристройка к этому источнику. Планировалось, что здание днем будет служить местом для прогулок в ненастную погоду, а вечером – театральным залом со сценой. К постройке театрального павильона при-

ступили в 1901 г. Главным инженером был назначен Зенон Хржановский. Металлические конструкции для театрального павильона (десять столбов ажурной работы и фигурные детали) выполнены варшавской фирмой «Вл. Гостынский и К^о». Железный каркас здания снаружи облицевали кирпичом и местным камнем. С постройкой в 1980 г. гастрольного театра им. Федора Шаляпина функцию театра здание перестало выполнять. Начавшаяся в 2005 г. реконструкция спасла памятник архитектуры, хотя и изменила его внешний облик [*Teatr-Парк*, online].

Фото № 7. Современный облик здания Театра-Парка в Эссентуках
Источник: <https://img.tourister.ru/files/2/6/6/2/8/7/6/1/original.jpg>

В Эссентуках И.И. Зелинский спроектировал и другие курортные объекты. В их числе: каркасный восьмигранный павильон для отдыха у бювета источника № 4 и полукруглая беседка на 18-ти столбах при бювете источника № 16, возведенные в 1905 г., то есть уже после отъезда архитектора из Кавминвод [Хачиков 2003; Боглачев 2008].

Иосиф Зелинский являлся автором проекта Казенной гостиницы А.М. Михайлова в Пятигорске (1909) – одного из лучших сооружений на КМВ.

В 1901 г. директор Управления КМВ В.В. Хвощинский заключил договор с владельцем усадьбы Михайловым, согласно которому последний должен был выстроить Казенную гостиницу и новое здание Химической лаборатории. Над проектом гостиницы работал Иосиф Зелинский, которого особо ценил директор управления КМВ. В мае 1904 г. состоялось открытие трехэтажного здания гостиницы, построенного в стиле раннего модерна (фото № 8).

Роскошное здание Казенной гостиницы с комфортабельными номерами стало украшением центральной части курорта. Первые этажи были сложены из машукского камня, верхние – из желтого кирпича. Срезанный угол здания с эркерами, венчал купол с видовой площадкой. Фасад здания украшали лепной декор, колонны, статуи, ажурные решетки балкончиков и открытой веранды. На первом этаже помещались магазины, парикмахерская и первый пятигорский кинотеатр. Второй этаж был занят самыми комфортабельными гостиничными номерами с балконами и рестораном с летней верандой на металлических столбах. Более дешевые номера располагались на третьем и на мансардном этажах, декорированных кирпичными арками и гипсовыми фигурами.

Фото № 8. Казенная гостиница А.М. Михайлова в Пятигорске (1909)
Источник: <https://pastvu.com/p/714372>

В 1918 г. в гостинице произошел пожар. Восстановленное в 1925 г. здание потеряло свой прежний роскошный облик [Польской 1993, 42].

Будучи членом Пятигорского отделения (Колонии) Российского Общества Красного Креста (РОКК) Зелинский спроектировал третий жилой корпус Колонии РОКК, располагавшийся в юго-западной части усадьбы Колонии. Двухэтажное здание фахверковой конструкции, построенное в 1901 г., получило название «Голицинская». По предложению директора КМВ В.В. Хвоцинского и атамана Пятигорского отдела Терской области Адама Ржевусского (тоже польского происхождения) в северо-восточном углу участка Зелинский возвел четвертый корпус, получивший название «Лермонтовский». В нем было 16 номеров для лечившихся студентов и учителей [Боглачев 2007, 101–103].

В элегантном курортном Кисловодске Зелинский оставил после себя уникальное сооружение – большое здание казенной гостиницы «Гранд-отель» в начале Курортного бульвара (фото № 9). Идея строительства гостиницы принадлежала министру земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову (1847–1917). По его указанию В.В. Хвоцинский в 1902 г. обеспечил выделение самого престижного места для строительства и предложил осуществить проект Зелинскому. В декабре того же года Хвоцинский заключил договор на постройку гостиницы с предпринимателем К.Ф. Тахтамировым. Последний своим строительным подрядчиком выбрал Павла Миклашевского.

Фото № 9. Казенная гостиница «Гранд-отель» в Кисловодске (начало XX в.)

Источник: <https://www.oldgravura.ru/prod/oldgravura--i7522/>

К лету 1904 г. была завершена восточная часть здания, включавшая 60 номеров и прилегающие к ним помещения. В следующем году завершилось возведение второй очереди гостиницы из 140 комнат, восьми магазинов и других помещений. Отель был оборудован водопроводом, котельной, электрическим освещением, лифтами, имел элитный ресторан, гостиные, читальный зал, нарзанные и пресные ванны. В июне 1905 г. Казенная гостиница, получившая название «Гранд-отель», была принята в ведение Управления КМВ. В настоящее время в здании отеля, ставшего одним из лучших сооружений на КМВ, располагается корпус санатория «Нарзан» [*Казенная гостиница*, online].

Иосиф Иванович являлся и автором проекта изящной кисловодской дачи П.И. Миклашевского в стиле классицизированного «ампирного» модерна.

Архитектура модерна – стиль, получивший распространение в Европе на рубеже XIX–XX веков в рамках художественного направления. Архитектуру модерна отличает отказ от классических линий и углов в пользу более декоративных линий при использовании новых материалов, таких как металл, бетон, железобетон и стекло [Костылев 2007].

Зелинский внес весомый вклад и в развитие Железноводска, который во второй половине XIX в. значительно преобразился, особенно к концу века, когда до Железноводска дотянулась железнодорожная ветка, построенная под руководством Михаила Станиславовича Кербедза (1854–1932) – главного инженера по сооружению Минераловодской железной дороги, представителя известной династии путейцев польского происхождения [Гриценко 1994].

В Железноводске появляются уникальные архитектурные сооружения, спроектированные архитектором И.И. Зелинским, которые украсили курортный город. Это проекты нового здания отделения Российского Общества Красного Креста (РОКК), Кумысной лаборатории, построенной около восточного края Пушкинской галереи, фахверковое здание паровой электростанции Управления КМВ у южной границы курортного парка и др. Жаль, что некоторые проекты так и остались не реализованными (например, Грязелечебные ванны).

Особо выделяется здание Казенной гостиницы, возведенной в 1903 г. Еще в 1889 г. Правительственный комиссар КМВ Петр Петрович Сущинский (1842–1907) сообщал в Министерство земледелия и государственных имуществ, в ведомственном подчинении которого находилось Управление КМВ, об отсутствии в Железноводске гостиницы. Однако тогда не удалось решить вопрос с финансированием строительства. И только в 1901 г. министерство приняло решение к 100-летию КМВ в 1903 г. построить две гостиницы: упоминавшуюся гостиницу в Эссентуках и такую же в Железноводске на 120 номеров.

Приказом В.В. Хвощинского от 31 января 1902 г. Иосиф Зелинский не только назначался казенным производителем работ по строительству гостиниц, но ему также поручался и технический контроль за работами подрядчика по их постройке в Железноводске и Эссентуках. Главным подрядчиком по строительству гостиниц в Эссентуках и Железноводске стал инженер путей сообщений этнический поляк Иосиф Казимирович Бялый [Гриценко 1994].

Оба проекта Зелинского представляли собой фехверковые постройки в эклектическом стиле. Однако железноводский проект значительно отли-

чался от эссентукского. Ограниченные размеры участка в парке у подножия горы Железной повлияли на общую форму постройки. Гостиница в форме угла имела три этажа на высоком цоколе из тесаного камня: нижний этаж – кирпичный, два верхних – фахверковые. Главный южный фасад имел в длину 106 м, а в ширину – 12 м. Прямоугольные окна нижнего этажа, его карнизы и простенки были украшены лепниной. При 36 номерах имелись ажурные балконы, откуда открывался завораживающий вид на окружающие горы, покрытые лесами. На втором этаже с задней стороны здания находились две ресторанные залы, из которых можно было выйти на обширную террасу, примыкавшую к горе Железной. На третьем этаже, прямо над ресторанной, располагалась верхняя терраса. Боковые торцы здания имели двухъярусные деревянные веранды и башню с высокой шатровой крышей и флагштоком [Боглачев 2010, 255].

Казенная гостиница, ставшая самым большим зданием Железноводска (фото № 10), имела современную инфраструктуру: водопровод, электрическое освещение, ресторан, ваннные комнаты, телефоны, почту и др. Ее построили в рекордно короткие сроки. 9 мая 1902 г. Хвоцинский заложил первый кирпич в фундамент здания, а к началу курортного сезона 20 мая 1903 г., в юбилейный для КМВ год, состоялось торжественное освящение здания гостиницы.

Фото № 10. Казенная гостиница в Железноводске (начало XX в.)

Источник: <https://pastvu.com/p/782001>

После установления советской власти в здании Казенной гостиницы размещался санаторий им. С.М. Кирова – самый большой в довоенном Железноводске. Немецкие оккупанты перед своим отступлением в начале января 1943 года подожгли здание. И только в 1980-е гг. на этом месте появился Лермонтовский сквер, где установили памятник М.Ю. Лермонтову.

В ноябре 1904 г. талантливый архитектор покинул Кавминводы и продолжил свою деятельность в других городах Российской империи. Одно только перечисление построенных по проекту И.И. Зелинского зданий в Одессе – южной столице Российской империи займет не одну страницу. Но этот этап в жизни и деятельности зодчего выходит за рамки настоящей статьи.

Данной статьей открывается портретная галерея, посвященная деятельности на Кавминводах зодчих польского происхождения. В следующих публикациях будет представлена деятельность других известных архитекторов и строителей, в немалой степени благодаря вкладу которых Кавказские Минеральные Воды обрели достойный облик и стали главным бальнеологическим курортом страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акопян Виктор. 2007. *Северный Кавказ: история и современность*. Пятигорск: ПГЛУ.
- Андреев Юрий. 2007. *Ессентуки и Кавминводы в истории Кавказа и России. Хронологический очерк событий*. Минеральные Воды.
- Боглачев Сергей. 2007. *Архитектура старого Пятигорска*. Пятигорск: Издательство «Снег».
- Боглачев Сергей, Савенко Сергей. 2006. *Архитектура старого Кисловодска*. Пятигорск: Издательство «Снег».
- Боглачев Сергей, Жатькова Элеонора. 2008. *Архитектура старых Ессентуков*. Пятигорск: Издательство «Снег».
- Боглачев Сергей. 2010. *Архитектура старого Железноводска*. Пятигорск: Издательство «Снег».
- Боголюбов Александрович. 2008. *Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв.* Краснодар.
- Гриценко Виктор. 1994. *Дорога на курорт (Очерки о строительстве и развитии железнодорожной ветви Минеральные Воды – Кисловодск)*. Пятигорск: Кавказ. здравница.
- Зодчие Москвы времени эклектики, модерна и неоклассицизма (1830-е – 1917 годы)*. 1998. Москва: КРАБиК.
- Зодчие Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века*. 1998. Сост. Исаченко В.Г. Санкт-Петербург: Лениздат.
- Кавказские Минеральные Воды. К 200-летию Юбилею, 1803–2003*. 2003. Москва.
- Кавказский календарь на 1867 год*. 1866. Тифлис.
- Кавказский календарь на 1881 год*. 1880. Тифлис.
- Кавказский календарь на 1894 год*. 1893. Тифлис.
- Казенная гостиница «Гранд-отель»*. (online) http://kmvline.ru/arch_kislovodsk/40.php (доступ 17.05.2021).

- Костылев Роман, Пересторонина Галина. 2002. *Петербургские архитектурные стили (XVIII – начало XX века)*. Санкт-Петербург: «Паритет».
- Москвич Григорий. 1914. *Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказским Минеральным водам*. 21-е изд. Санкт-Петербург.
- Ольховский Олег. 2003. *Ессентуки*. Ростов-на-Дону: Ростиздат.
- Польской Леонид. 1993. *Летопись Пятигорска*. Пятигорск.
- Полякова Ольга, Чегутаева Людмила. 2013. *Летопись города-курорта Пятигорск*. Раздел 2. Ставрополь: Графа.
- Полякова Ольга, Чегутаева Людмила. 2014. *Летопись города-курорта Пятигорск*. Раздел 3. Ставрополь: Графа.
- Пятигорск в исторических документах 1803–1917 гг.* 1985. Ставрополь.
- Сидорина Елена. 1995. *Русский конструктивизм: Идеи, истоки, практика*. Москва.
- Театр-Парк в Ессентуках*. (online) <https://edem-v-gosti.ru/rus/essentuki/guide/teatr-park-v-essentukakh.html> (доступ 17.05.2021).
- Хачиков Вадим. 1958. *Архитектурные памятники Пятигорска*. «Пятигорская правда» 5 декабря.
- Хачиков Вадим. 2000. *Пятигорск. Вечно юный и прекрасный*. Пятигорск: Вестник Кавказа.
- Хачиков Вадим, Стативкин Эдуард. 2003. *Питьевые галереи и бюветы Кавказских Минеральных Вод*. Пятигорск: Вестник Кавказа.
- Яновский Вячеслав. 2017. *Кисловодск и его окрестности. Путеводитель*. Пятигорск: Издательство «Снег».
- Яновский Вячеслав. *Дачи мадам Барановской*. (online) <https://nash-kislovodsk.ru/dachi-madam-baranovskoy> (доступ 17.05.2021).

REFERENCES

- Akopyan Viktor. 2007. *Severnyj Kavkaz: istoriya i sovremennost'* [The North Caucasus: History and Modernity]. Pyatigorsk, PGLU. (In Russian)
- Andreev Yurij. 2007. *Essentuki i Kavminvody v istorii Kavkazai Rossii. Hronologicheskij ocherk sobytij* [Essentuki and Kavminvody in the history of the Caucasus and Russia. Chronological outline of events]. Mineral Waters. (In Russian)
- Boglachev Sergej. 2007. *Arhitektura starogo Pyatigorska* [Architecture of old Pyatigorsk]. Pyatigorsk Izdatel'stvo "Sneg". (In Russian)
- Boglachev Sergej. 2010. *Arhitektura starogo Zheleznovodska* [Architecture of old Zheleznovodsk]. Pyatigorsk Izdatel'stvo "Sneg". (In Russian)
- Boglachev Sergej, Savenko Sergej. 2006. *Arhitektura starogo Kislovodska* [Architecture of old Kislovodsk]. Pyatigorsk Izdatel'stvo "Sneg". (In Russian)
- Boglachev Sergej, Zhat'kova Eleonora. 2008. *Arhitektura staryh Essentukov* [Architecture of old Essentuki]. Pyatigorsk Izdatel'stvo "Sneg". (In Russian)
- Bogolyubov Aleksandrovich. 2008. *Polyaki na Severnom Kavkaze v XIX–XX vv.* [Poles in the North Caucasus in the XIX–XX centuries]. Krasnodar. (In Russian)
- Gricenko Viktor. 1994. *Doroga na kurort (Ocherki o stroitel'stve i razviii zheleznodorozhnoj vetvi Mineral'nye Vody – Kislovodsk)* [The road to the resort (Essays on the construction and development of the railway branch Mineralnye Vody – Kislovodsk)]. Pyatigorsk, Kavkaz. zdravnica. (In Russian)
- Hachikov Vadim. 1958. *Arhitekturnye pamyatniki Pyatigorska* [Architectural monuments of Pyatigorsk]. "Pyatigorskaya Pravda" 5 dekabrya. (In Russian)
- Hachikov Vadim. 2000. *Pyatigorsk. Vечно юный и прекрасный* [Forever young and beautiful]. Pyatigorsk, Vestnik Kavkaza. (In Russian)

- Hachikov Vadim, Stativkin Eduard. 2003. *Pit'evye galerei i byuvety Kavkazskih Mineral'nyh Vod* [Drinking galleries and pump rooms of the Caucasian Mineral Waters]. Pyatigorsk, Vestnik Kavkaza. (In Russian)
- Kavkazskie Mineral'nye Vody. K 200-letnemu Yubileyu, 1803–2003* [Caucasian Mineral Waters. For the 200th Anniversary, 1803–2003]. 2003. Moscow. (In Russian)
- Kavkazskij kalendar' na 1867 god* [Caucasian calendar for 1867]. 1866. Tiflis. (In Russian)
- Kavkazskij kalendar' na 1881 god* [Caucasian calendar for 1881]. 1880. Tiflis. (In Russian)
- Kavkazskij kalendar' na 1894 god* [Caucasian calendar for 1894]. 1893. Tiflis. (In Russian)
- Kazennaya gostinica "Grand-otel"*. Available at: http://kmvline.ru/arch_kislovodsk/40.php (Accessed 17 May 2021). (In Russian)
- Kostylev Roman, Perestoronina Galina. 2002. *Peterburgskie arhitekturnye stili (XVIII – nachalo XX veka)* [St. Petersburg architectural styles (XVIII – early XX century)]. St. Petersburg, "Paritet". (In Russian)
- Moskvich Grigorij. 1914. *Illyustrirovannyj prakticheskij putevoditel' po Kavkazskim Mineral'nym vodam* [Illustrated practical guide to the Caucasian Mineral Waters]. 21-e izd. St. Petersburg. (In Russian)
- Ol'hovskij Oleg. 2003. *Essentuki* [Essentuki]. Rostov-on-Don, Rostizdat. (In Russian)
- Pol'skoj Leonid. 1993. *Letopis' Pyatigorska* [The Chronicle of Pyatigorsk]. Pyatigorsk (In Russian)
- Polyakova Ol'ga, Chegutaeva Lyudmila. 2013. *Letopis' goroda-kurorta Pyatigorsk. Razdel 2* [Chronicle of the resort city of Pyatigorsk. Section 2]. Stavropol, Grafa. (In Russian)
- Polyakova Ol'ga, Chegutaeva Lyudmila. 2014. *Letopis' goroda-kurorta Pyatigorsk. Razdel 3* [Chronicle of the resort city of Pyatigorsk. Section 3]. Stavropol, Grafa. (In Russian)
- Pyatigorsk v istoricheskikh dokumentah 1803–1917 gg.* [Pyatigorsk in historical documents 1803–1917]. 1985. Stavropol. (In Russian)
- Sidorina Elena. 1995. *Russkij konstruktivizm: Idei, istoki, praktika* [Russian Constructivism: Ideas, Origins, and Practice]. Moscow. (In Russian)
- Teatr-Park v Essentukah* [Theater-Park in Yessentuki]. Available at: <https://edem-v-gosti.ru/rus/essentuki/guide/teatr-park-v-essentukakh.html> (Accessed 17 May 2021). (In Russian)
- Yanovskij Vyacheslav. 2017. *Kislovodsk i ego okrestnosti. Putevoditel'* [Kislovodsk and its surroundings. Travel guide]. Pyatigorsk, Izdatel'stvo "Sneg". (In Russian)
- Yanovskij Vyacheslav. *Dachi madam Baranovskoj* [Madame Baranovskaya's summer cottages]. Available at: <https://nash-kislovodsk.ru/dachi-madam-baranovskoy> (Accessed 17 May 2021). (In Russian)
- Zodčie Moskvyy vremeni èklektiki, modernaineo klassicizma (1830-e – 1917 gody)* [Architects of Moscow of the time of eclecticism, Art Nouveau and neoclassicism (1830s–1917)]. 1998. Moscow, KRABIK. (In Russian)
- Zodčie Sankt-Peterburga. XIX – načalo XX veka* [Architects of St. Petersburg. XIXth – early XX century]. 1998. Ed. Isačenko V.G. St. Petersburg, Lenizdat. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.7126>

Дата подачи статьи: 20 июня 2021 г.

Дата принятия к печати: 20 августа 2021 г.

УЧАСТИЕ ПОЛЬСКИХ ВОЕННЫХ ЧИНОВ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 30-Х ГГ. XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ТЕНГИНСКОГО ПОЛКА)

Юрий Клычников

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>

e-mail: klichnikov@mail.ru

Аннотация: Среди военнослужащих Отдельного Кавказского корпуса встречались и выходцы из Польши. Обстоятельства их появления в регионе были различными. Сюда отправляли попавших в плен солдат и офицеров ликвидированной армии Царства Польского, а также лиц, распределённых согласно конскрипционным спискам и т.п. Направлялись они в разные части, но особенно много их попадало в Тенгинский полк, считавшийся наиболее подходящим для «исправления» неблагонадёжных. Полк принимал активное участие в боевых действиях, привлекался к строительству цепи укреплений на Черноморском побережье Кавказа. За это участники сражений, в числе которых упоминаются и поляки, были отмечены командованием и лично императором.

Ключевые слова: поляки, солдаты, укрепления, горцы, Кавказ

Submitted on June 20, 2021
Accepted on August 20, 2021

THE PARTICIPATION OF POLISH MILITARY OFFICIALS IN THE HOSTILITIES IN THE NORTH CAUCASUS IN THE 30S OF THE 19TH CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE TENGIN REGIMENT)

Yuriy Klychnikov

Pyatigorsk State Universty, Pyatigorsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>

e-mail: klichnikov@mail.ru

Abstract: Among the servicemen of the Separate Caucasian Corps, there were also immigrants from Poland. The circumstances of their appearance in the region were different. The captured soldiers and officers of the liquidated army of the Kingdom of Poland, as well as persons distributed according to conscription lists, etc., were sent here. They were sent to different units, but a lot of them were assigned to the Tengin Regiment, which was considered the most suitable for reforming the “unreliable ones”. The regiment took an active part in hostilities and was involved in the construction of a chain of fortifications on the Black Sea coast of the Caucasus. For this, the participants in the battles, including the Poles, were decorated by the command and personally by the emperor.

Keywords: Poles, soldiers, fortifications, mountaineers, Caucasus

Начало 30-х гг. XIX в. на Северном Кавказе ознаменовалось обострением военно-политической ситуации, вызванным распространением среди местных племён идей мюридизма, вокруг которых спланивались наиболее непримиримые противники русской власти. Всё это потребовало от командования усиления частей, расположенных в регионе. Одним из источников пополнения стали польские военнослужащие, многие из которых ранее служили в частях польской армии, попали в плен и были отправлены служить уже под новыми знамёнами на Кавказ.

По данным на 1832 г. сюда прибыло 1017 «военнопленных поляков», которых предстояло распределить между различными частями Отдельного Кавказского корпуса. Были и те, кто поступил на службу добровольно, очевидно, рассчитывая на карьерный рост и получение приличного казённого

содержания. Таких было 669 человек. Кроме того, здесь оказалось и 5386 военнослужащих расформированной Польской армии, передислоцированных на беспокойный фронт, подальше от прежнего места жительства. За их счёт будут пополняться местные части и в последующие два года. В 1833 г. их будет 3896, а в 1834 г. 801 человек [РГИА, Ф.932. Оп.1. Д.51. Л.2]. В дальнейшем поляки станут служить в имперской армии согласно конскрипционным спискам и к середине 40-х гг. обеспечат личным составом десятую часть корпуса [Нечитайлов 2021].

Учитывая обстоятельства, при которых они оказались в самой воюющей части армии Российской империи, командование старалось отправлять их в те полки, которые считались наиболее надёжными и боеспособными. Наличие общего с русскими неприятеля и те опасности, с которыми предстояло столкнуться полякам, давали властям повод рассчитывать на скорую ресоциализацию этих людей. Как показывал опыт, случаи дезертирства были скорее исключением, чем правилом, и большинство военнослужащих, прибывших из Польши, сохраняли верность присяге.

На хорошем счету у командования был Тенгинский полк, характеризуемый «самым исправным из кавказских полков» [Марченко 1984, 293]. Командовавший им в тот период подполковник Тихон Тихонович Лисаневич обладал, помимо прочих умений, ещё и педагогическим талантом, что позволяло ему находить общий язык с самым разным контингентом из числа своих подчинённых. Он старался не злоупотреблять наказаниями, даже если по уставу вина солдата считалась бесспорной. Так, столкнувшись с фактами дезертирства, когда в 1831 г. часть незаконно покинули 131 человек, он потребовал от ротных командиров «употреблять вместо строгости кротость и благонравие; доводить к познанию порядка военной службы постепенно, но не вдруг требовать от них всего» [Ракович 1900, 107].

Для недавно призванных рекрутов армейская жизнь была непривычной и тягостной. Стрессовая ситуация усиливалась ещё и военной обстановкой, когда в любой момент приходилось опасаться неожиданного нападения неприятеля. От своих офицеров подполковник хотел видеть такие меры, при которых «каждого солдата нужно иметь у себя на замечании, особенно из определённых вновь бродяг, преступников и рекрутов, коим первоначально даже не должно давать свободы к тайным разговорам с людьми, подвергшими себя неоднократным наказаниям; они подговаривают и других к сделанным ими порокам» [Ракович 1900, 107]. Это снижало вероятность побега, позволяло достигнуть взаимопонимания с новичками. Командир Тенгинского полка хотел, чтобы все его подчинённые знали об имевшийся

у них возможности исправить свои проступки, а «милость императора простирается даже на самых закоренелых злодеев, и вы хорошим поведением и усердием к службе не можете лишиться права на внимание высшего начальства» [Ракович 1900, 107]. Видимо, неслучайно в его часть стали присылать польское пополнение, рассчитывая, что здесь с ним будут налажены конструктивные отношения. Будут периоды, когда в полку не менее трети личного состава будет считаться «неблагонадёжными», что не помешает этому подразделению выполнять ответственные и трудные приказы командования [Ульянов 1996, 217; Ракович 1900, 169].

Т.Т. Лисаневич постарался, чтобы его новые подчинённые были обеспечены всем необходимым, и не делал различия между ними и солдатами из других губерний России. Он потребовал, чтобы рядовые не подвергались притеснениям и насмешкам за их прошлые проступки. Следовало мерами «кротости и благоразумия» добиваться исправления «их нравственности», при этом, не забывая о дисциплине [Ракович 1900, 108]. Отметим, что такой подход к полякам практиковался не только в Тенгинском полку. Уже по пути следования на Кавказ в отношении этих военнослужащих действовала директива, согласно которой к «военнопленным, как со стороны твоей, равно и всего конвоя, отнюдь никаких обид не чинить» [РГВИА, Ф.13454. Оп.5. Д.462. Л.22 об.]. Наличие таких приказов наводит на мысль об имеющихся предубеждениях к выходцам из Польши, но связано это было не с официальной политикой властей, а с настороженным отношением в российском обществе к вчерашним противникам. Сказывалась и враждебность со стороны некоторых польских солдат и офицеров, не смирившихся со своим положением [ГАРФ, Ф.109. Оп.7. Д.406. Л.2].

Безусловно, насильственное привлечение к службе не добавляло полякам желания сохранять верность монархии, которую они считали поработителем своей отчизны. Это служило дополнительным аргументом для тех, кто, не выдержав тягот армейских будней, собирался дезертировать и найти приют у «немирных» горцев. Они были уверены, что об их положении хорошо известно среди местных племён. Недаром, сдаваясь в плен, они спешили сообщить о своей национальной принадлежности. Кто-то действительно затем начинал сражаться против российской армии в рядах её противников, но немало было и тех, кому пришлось сделаться рабами, горько разочаровавшись в подобных «союзниках» [Лапинский 1995, 144, 285]. Молва преувеличивала число таких перебежчиков и формировала негативный имидж поляков. Преодолеть эти фобии можно было лишь в процессе совместной службы, когда общая опасность сблизила бы вчерашних антагонистов.

В конце зимы 1831 г. в полк прибыло 95 бывших польских пленных, которых потребовалось срочно снабдить необходимой формой. Вплоть до начала марта эта задача считалась приоритетной, т.к. «многие из них продолжали ещё носить обмундирование бывшей польской армии, иные же ходили в крестьянских кафтанах и другой одежде», не соответствующей их новому статусу [Ракович 1900, 107–108]. И уже скоро им предстояло наравне с прочими тенгинцами принять участие в изнурительной и полной опасностей «малой войне» против горцев.

Отметим, что проблема обмундирования будет и дальше считаться одной из самых болезненных. Каждый поход будет заканчиваться сильной изношенностью одежды и обуви, а средств на её починку и приобретение новой не хватало. В полковом архиве сохранилась информация о том, что уже после первого похода многие солдаты вернулись с обмотанными кусками бурки ногами, т.к. их сапоги пришли в полную негодность. Больше всего от этого страдали поляки и декабристы, которые также оказались высланными на Кавказ. Они «в большинстве случаев люди очень бедные, без всяких посторонних средств» [Ракович 1900, 136]. Командир полка вынужден был просить выдать ему дополнительные полушубки «в счёт отпуска будущего года» и приказал тем ротам, которые не участвуют в боевой операции, передать своим товарищам собственную тёплую одежду [Ракович 1900, 136–137]. Представляется, что такое решение укрепляло боевое братство однополчан, формировало из них единую семью. Этим и отличались кавказские полки от прочих подразделений императорской армии, которым не пришлось пройти через горнило непрерывной войны [Лапин 2008, 279].

В дальнейшем число поляков в полку возросло до 500 человек [ГАРФ, Ф.109. Оп.7. Д.406. Л.1 об.]. К 1837 г. в полку числилось 83 военнослужащих из числа попавших в плен выходцев из Царства Польского [Ракович 1900, 83]. Остальные, видимо, прибывали сюда уже по конскрипционным спискам.

В полковой документации не акцентировали внимание на том, военнослужащие какой национальности принимали участие в тех или иных боестолкновениях. Отсюда невозможность выявить факт участия именно поляков в каждом конкретном деле. Но то, что они принимали участие во многих операциях, нет основания подвергать сомнению. Тенгинцев часто привлекали к выполнению различных заданий, в которых успели отличиться абсолютно все роты. К числу приоритетов относилась охрана и оборона границы от набегов «хищнических» партий. Они регулярно пытались пробраться вглубь Линии с целью грабежа и захвата пленников.

Между тем в полк постоянно прибывали новички, которым только предстояло узнать все тонкости службы. Для эффективного противодействия замыслам опытного противника приходилось обучать новобранцев всем особенностям войны с мобильными отрядами противника, прежде всего, уделив внимание меткой стрельбе. Немало хлопот доставляли и болезни, которые были особенно опасны для людей, ещё не прошедших процесс акклиматизации. Сказывалась непривычная пища, особенно фрукты, употребление которых нередко приводило к желудочно-кишечным заболеваниям. От офицеров требовали проводить с нижними чинами разъяснительные беседы, поддерживать их в этот непростой период. Если же спасти заболевшего не удавалось, командир требовал отдать ему последние почести в соответствии со «своим обрядом церкви и с должным почтением», что было важно для католиков, оказавшихся в преимущественно православном окружении [Ракович 1900, 91].

По инициативе И.Ф. Паскевича в октябре 1830 г. началось масштабное наступление вглубь черкесской территории, прежде всего, против многочисленного племени шапсугов. Этот генерал надеялся, что одним ударом он сможет покорить непокорные народы и победно завершить затянувшееся противостояние [Потто 1994, 6–7]. Но столь оптимистичный план оказался не реализован. Горцы отступали перед превосходящими силами неприятеля, а потом возвращались на временно покинутые территории. Между тем в столкновениях с ними российский отряд нёс потери, и за десять дней экспедиции только Тенгинский полк потерял убитыми 4 и ранеными 32 человека [Ракович 1900, 95]. Компенсировать убыль приходилось за счёт недавно присланных рекрутов, потребность в которых сохранялась постоянно. Тем временем натиск на пограничье в 1831 г. только усилился, что приводило к новым жертвам среди личного состава, который нёс службу на многочисленных секретах и караулах, расположенных на Кубанской линии. Привлекали тенгинцев и к охране курортов Пятигорья, где поселились женатые солдаты полка.

Успехи набегчиков приводили к тому, что лояльные ещё вчера поселения начинали поддерживать своих беспокойных сородичей. Для того чтобы ослабить их натиск, решено было организовать экспедицию вглубь горских территорий и наказать неприятеля за его хищничество. Эти акции сопровождались перестрелками и уничтожением покинутых жителями домов. Не стала исключением и операция, проведённая в ноябре 1831 г., завершившаяся разорением аула нелояльного к властям абазинского князя Али-Мурзы Лоова. Её сочли удачной и наградили отличившихся участников. Но и после

завершения этого похода тенгинцы без дела не остались. Одна из рот была отправлена на истребление шайки беглых дезертиров, терроризировавшей своими грабежами местных жителей [Ракович 1900, 104–105].

Это наполненная тревогами и опасностями служба становилась привычной и даже рутинной для опытных солдат. Но для вновь прибывшего пополнения такие экспедиции были серьёзным испытанием. До конца 1832 года, считавшегося спокойным, полк потерял ещё несколько солдат и офицеров (в их числе командира батальона), которые стали жертвами нападений противника на пограничные посты. Нередки были ранения, полученные в ходе боестолкновений. При этом тенгинцами освобождались пленники, захваченные хищниками. Личный состав непрестанно проводил учения, и новички, среди которых было немало поляков, быстро осваивали воинскую науку, стремясь не уступать старослужащим солдатам.

В конце июля 1833 г. часть на короткое время возглавил подполковник Иван Данилович Шостенко, при котором полк из трёхбатальонного превратился в пятибатальонный. В марте 1834 г. его сменил подполковник Василий Алексеевич Кашутин, на время командования которого выпадает активизации усилий российского командования по усмирению «немирных» горских обществ и закрепление пограничной Линии на новых рубежах.

Три батальона Тенгинского полка были привлечены к строительству дороги от Ольгинского укрепления к Геленджику. Она проходила по горской территории и должна была обеспечить связь с укреплениями на Черноморском побережье. Начавшийся 4 августа 1834 г. поход сразу же показал, что неприятель будет всячески препятствовать воплощению в жизнь замысла командования. Обстрелы, рукопашные схватки чередовались с трудными инженерными работами, когда приходилось засыпать заболоченные места и вырубать мешавшую растительность. Об интенсивности противостояния говорит тот факт, что к 21 августа отряд потерял двух офицеров и 12 нижних чинов убитыми, один офицер и 49 солдат были ранены. Это была цена за возведение промежуточного Абинского укрепления, ставшего важным форпостом, обеспечивавшим бесперебойную работу будущей важной коммуникации. И в дальнейшем бои продолжались с серьёзными потерями для обеих сторон. Горцы стремились помешать строительству, а русские, в свою очередь, отесняли их от возводимого укрепления.

После того как работы были завершены к 10 октября, в Абинском осталась часть тенгинцев, а остальные двинулись дальше к Геленджику. Этот изнурительный переход длился почти две недели, и лишь 23 октября отряд вышел к конечной точке маршрута. Оставив здесь раненых и пополнив

запасы провианта, генерал А.А. Вельяминов отдал приказ выдвигаться обратно. Вновь начались жаркие перестрелки, и войскам то и дело приходилось прорывать горские заслоны. Ко 2 ноября отряд дошёл до Абинского укрепления, где 3-й батальон Тенгинского полка был оставлен в качестве гарнизона на всю зиму.

В дальнейшем тенгинцам придётся регулярно участвовать в таких экспедициях. Привлекались они и к набегам, которые устраивал на «немирные» аулы начальник Кубанской линии генерал Г.Х. Засс. Он был известен своей удалью, воинским мастерством и характеризовался как человек «замечательно храбрый, но благоразумно осторожный» [Ракович 1900, 137]. Участники операций получали неоценимый опыт малой, или партизанской войны. Помимо участия в боевых операциях, личный состав занимался чтением воинских артикулов, проводил строевые занятия. Условия для этого отсутствовали, что приводило к дефициту грамотных офицеров, не говоря уже о солдатах. Учитывая, что многие поляки ранее уже получили образование, это открывало для них широкие возможности для карьерного роста [Матвеев 2015, 236–237]. Сохранилась отрывочная информация об их успешном продвижении по служебной лестнице в других полках, а потому резонно предположить, что аналогичная ситуация была и среди тенгинцев [РГИА, Ф.932. Оп.1. Д.51. Л.3, 5–6 об.].

Начавшийся 1835 г. вновь был наполнен походами и сражениями. Дальнейшее обустройство Черноморской линии сопровождалось регулярными столкновениями с горцами, в которых отличились и воины Тенгинского полка. Одних только Георгиевских крестов за это было получено 32 награды. «За отличие, оказанное в зимнюю экспедицию 1834–1835 годов» был награждён Юзеф Бруницкий [Ракович 1900, Приложения 51]. Существенно возрос уровень боевой подготовки личного состава.

Столь же насыщенным испытаниями стал и следующий, 1836 г. Масштабное наступление, задуманное и осуществлённое А.А. Вельяминовым, в очередной раз подтвердило высочайший авторитет полка. Скупой на похвалы, генерал счёл своим долгом «засвидетельствовать пред высшим начальством об отличной храбрости и примерной ревности командира Тенгинского полка и всех его подчинённых» [Ракович 1900, 150]. Одна из рот активно привлекалась Г.Х. Зассом для его стремительных рейдов против «немирных» горских поселений.

Примечательно, что среди награждённых за участие в боевых действиях в этом году встречается фамилия капитана Дзвонкевича, которому было

объявлено монаршее благоволение. Резонно предположить польское происхождение этого офицера, который и в дальнейшем будет фигурировать в наградных списках полка.

Строительство береговых укреплений будет завершено к 1842 г., хотя очертания самой Линии проявились уже в 1837 г. Крепости должны были препятствовать контрабандной торговле, связанной, среди прочего, с вывозом рабов на территорию Турции. Служба в гарнизонах этих крепостей считалась гибельной, т.к. непривычный климат, скудная и однообразная пища, частые нападения со стороны неприятеля приводили к высокой смертности среди солдат и офицеров [Клычников 2002, 479–482]. Были здесь и чины Тенгинского полка, в том числе выходцы из Польши.

Принимать новую Линию прибыл лично император, который в 1837 г. с инспекционными целями посетил Кавказ. Среди прочих воинских частей, собранных в Геленджике, удостоились высочайшего внимания и тенгинцы, со славными делами которых государь имел возможность ознакомиться из рапортов местного командования. Среди награждённых за ратные подвиги звучали фамилии Миткевича, Рацынского, Левандовского, отличившихся в недавних сражениях против горцев [Ракович 1900, 167]. В наградных документах не указывались ни национальность, ни вероисповедание этих людей, но такие фамилии встречаются среди поляков достаточно часто, что даёт основание отнести вышеназванных офицеров к их числу.

Редкие периоды затишья старались скоротать, проводя различные весёлые пирушки, сопровождавшиеся музыкой и танцами. Примечательно, что «на всех этих вечеринках обязательно присутствовали сосланные и разжалованные; с ними все обращались вежливо и чисто по-товарищески» [Ракович 1900, 168]. Всё это позволяло снижать взаимные предубеждения, которые, безусловно, имелись среди личного состава полка, учитывая весьма непростой контингент, собранный в нём. К числу «ненадёжных» по официальной статистике относили 1348 человек, в том числе 83 поляка из пленных.

Но, как и прежде, это не мешало активно задействовать Тенгинский полк при строительстве новых укреплений на побережье. Командование посчитало, что уже имеющихся крепостей недостаточно для надёжной блокады этой территории. В течение 1838 г. часть проводила работы в устье рек Туапсе и Шапсухо. Выстроенные форты были названы Вельяминовским и Тенгинским. И вновь среди награждённых, среди прочих, были отмечены Дзвонкевич, Пршигодский, заслужившие награды и монаршее благоволение.

Судя по тому, что командир полка пошёл на повышение, его часть находилась на хорошем счету у руководства. На смену Кашутину в ноябре 1838 г.

был прислан подполковник Пётр Васильевич Выласков, с которым тенгинцы в апреле следующего года приняли участие в высадке десанта близ устья реки Субаши. Эта была одна из сложнейших боевых операций, когда контратаковавшие горцы не раз были близки к тому, чтобы сбросить десант в море. По итогам боёв, результатом которых стало возведение ещё одного укрепления – Головинского, командование отмечало храбрость «унтер-офицера Феликса Ордынского (из государственных преступников)» [Ракович 1900, 186]. Речь идёт о Феликсе Викентьевиче Ордынском, прибывшем из Сибири, где он оказался как осуждённый по делу о выступлении Литовского пионерного батальона. За боевые заслуги он будет повышен и получит чин подпрапорщика.

Это не единственный случай, когда осуждённые поляки продвигались по служебной лестнице. Достаточно вспомнить ещё об одном тенгинце – князе Романе Адаме Станиславе Сангушко. За участие в выступлении против российских властей он был лишён дворянства и всех прав состояния. Его отправили в Сибирь, а в 1834 г. перевели на Кавказ. Здесь у него появился шанс вернуть потерянный статус. За свои боевые заслуги он не только получил офицерский чин и право на отставку, но и в дальнейшем, уже при Александре II, возвратил свой титул. Похожая судьба была у Феофила Яковлевича Даниловского, который в мае 1831 г. попал в плен и был отправлен служить в Тенгинский полк унтер-офицером. В дальнейшем он дослужился до штабс-капитана и командовал ротой [ГАКК, Ф.260. Оп.1. Д.954. Л.33 об.].

Отметим, что российская администрация рассматривала военные испытания как эффективное средство воспитания верноподданнических чувств среди нелояльных групп населения [Матвеев 2015, 211]. Поэтому для тех, кто готов был рискнуть жизнью, чтобы заслужить прощение, предоставлялась такая возможность. Среди поляков находилось немало отчаянных храбрецов, сумевших воспользоваться этим шансом, заслужить награды и продвижение по карьерной лестнице [Филипсон 2000, 161–162].

Тем временем освободившиеся части погрузились на корабли, чтобы высадиться на этот раз в устье реки Псезуапэ, где 7 июля 1839 г. был заложен форт Лазарева. Здесь предстояло нести гарнизонную службу 4-й мушкетёрской роте Тенгинского полка. А остальные силы были направлены на постройку промежуточного укрепления между Анапой и Новороссийском, названного фортом Раевского. Его оборону поручили 6-й мушкетёрской роте тенгинцев.

Многие чины полка были отмечены наградами за свои подвиги в эту кампанию. Так, упоминается поручик Миткевич, который был представлен

к ордену св. Анне VI степени с надписью «за храбрость». Орденом Св. Георгия был награждён «за отличия против горцев» Людвиг Матвееви Коретковский, бывший дворянин Августовской губернии, который был сослан на Кавказ [ГАКК, Ф.260. Оп.1. Д.944. Л.185 об.].

Дальнейшая история полка будет связана среди прочего и с обороной прибрежных укреплений, которые будут непрестанно подвергаться нападениям со стороны горцев. По словам наказного атамана Черноморского казачьего войска, а в последствии командующего войсками правого фланга Кавказской линии Григория Ивановича Филипсона, поляки составляли десятую часть их гарнизонов [Филипсон 2000, 142]. На службу здесь смотрели как на каторгу. Отрезанные большую часть времени от остальных подконтрольных российской власти территорий, гарнизоны лишь изредка могли пополнять продовольствие и боеприпасы, увозить раненых и больных, получать подкрепление. Опаснее неприятельских пуль были болезни, приводившие к высокой смертности личного состава. Сохранилось немало документальных свидетельств, которые демонстрируют все тяготы жизни в условиях черноморского пограничья [Архив Раевских 1910, 423].

Серьёзным потрясением стало падение нескольких фортов (Лазарева, Головинского, Вельяминовского, Михайловского и Николаевского), захваченных неприятелем в феврале – марте 1840 г. [Клычников 2002, 483]. Ослабленные и малочисленные гарнизоны, несмотря на отчаянное сопротивление, не смогли отбиться от многократно превосходящих сил противника. Среди тех, кто до последнего оставался верен воинской присяге и погиб в бою были Марцелий Сторжинский, Войцех Яничиковский, Войцех Краснопольский, Ян Вечеркович, Виктор Родзиевский, Казимир Петрушкевич, Людвиг Черский, Томаш Буцек и др.

Были и те, кто в итоге оказался в плену у горцев и позднее был выкуплен или обменян у них. Среди них оказались рядовой Ефим Комаровский и Ян Вертохович служившие в форте Лазарева. Благодаря рассказам этих людей удалось узнать о гибели героических гарнизонов, чей подвиг не был забыт современниками и потомками.

За героизм, проявленный в отражении нападений на укрепления, получили награды Фердинанд Кочаровский, Бенавентур Козырский, Казимир Рожинский [Ракович 1900, Приложения 55]. Все эти факты заставляют усомниться в утверждении, что произошедшая трагедия была связана с предательством поляков-перебежчиков, сообщившим горцам о бедственном положении гарнизонов [Берже 1877, 277]. Г.И. Филипсон писал в своих воспоминаниях: «Беглецов к горцам было между поляками соразмерно не более

чем между русскими; сообщать же сведения могли бы как те, так и другие, если бы горцам нужны были эти сведения. С гор, которые возвышались над укреплениями, ... они могли видеть всё, что делается в укреплении до малейшей подробности» [Филипсон 2000, 142].

Без жертв людских потерь пресечь набег и работоторговлю в этих местах было невозможно. Свой вклад в дело умиротворения края внесли и те поляки, которые волей судьбы оказались на Кавказе и сочли для себя правильным выбрать в этом конфликте сторону России. Столкнувшись с местными реалиями, они, в большинстве своём, не захотели принимать сторону чуждого им горского мира, ценностные приоритеты которого оказались ещё более далёкими и неприемлемыми, в сравнении с державными порядками *Российской империи*.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив Раевских. 1910. Санкт-Петербург.
- Берже Адольф. 1877. *Защита Михайловского укрепления*. «Русская старина» № 6: 275–286. ГАКК. Государственный архив Краснодарского края. Фонд 260. Гражданская канцелярия командующего Правого фланга Кавказской линии и наказного атамана Черноморского казачьего войска.
- ГАРФ. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 109. Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.
- Клычников Юрий. 2002. *Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.)*. Пятигорск: Издательство ПГЛУ.
- Лапин Владимир. 2008. *Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв.* Санкт-Петербург: Издательство «Европейский дом».
- Лапинский Теофил. 1995. *Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Тэффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев*. Пер. Гарданова В.К. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа».
- Марченко Алла. 1984. *С подорожной по казенной надобности*. Москва: Книга.
- Матвеев Олег. 2015. *Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки*. Краснодар: Эдви.
- Нечитайлов Максим. *Отдельный Кавказский корпус (1817–1864 гг.)*. (online) https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5441 (доступ 6.03.2021).
- Потто Василий. 1994. *Кавказская война: в 5 т. Т. 5: Время Паскевича*. Ставрополь: Кавказский край.
- Ракович Дмитрий. 1900. *Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846*. Тифлис.
- РГВИА. Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 13454. Штаб войск Кавказской линии и Черномории расположенных.
- РГИА. Российский государственный исторический архив. Фонд 932. Дондуков-Корсаков Александр Михайлович, князь.
- Ульянов Илья. 1996. *Регулярная пехота 1801–1855*. Москва: Издательство АСТ.
- Филипсон Григорий. 2000. *Воспоминания. 1837–1847. В: Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века*. Сост. Гордин Я. Санкт-Петербург: Издательство журнала «Звезда»: 76–197.

REFERENCES

- Arhiv Raevskih [Raevsky Archive]. 1910. St. Petersburg. (In Russian)
- Berzhe Adol'f. 1877. *Zashchita Mihajlovskogo ukrepleniya* [Defense of the Mikhailovsky fortification]. "Russkaya starina" no 6, pp. 275–286. (In Russian)
- Filipson Grigorij. 2000. *Vospominaniya. 1837–1847* [Memories. 1837–1847]. In: *Osada Kavkaza. Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoj vojny XIX veka*. Ed. Gordin A. St. Petersburg, Izdatel'stvo zhurnala "Zvezda", pp. 76–197. (In Russian)
- GAKK. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja. Fond 260. Grazhdanskaya kancelyariya komanduyushchego Pravogo flanga Kavkazskoj linii i nakaznogo atamana Chernomorskogo kazach'ego vojska [State Archives of the Krasnodar Territory. Fund 260. Civil Chancellery of the Commander of the Right Flank of the Caucasian Line and the Order Ataman of the Black Sea Cossack Army]. (In Russian)
- GARF. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. Fond 109. Tret'e Otdelenie Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii [State Archive of the Russian Federation. Fund 109. The Third Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery]. (In Russian)
- Klychnikov Yurij. 2002. *Rossijskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.)* [Russian policy in the North Caucasus (1827–1840)]. Pyatigorsk, Izdatelstvo PGLU. (In Russian)
- Lapin Vladimir. 2008. *Armija Rossii v Kavkazskoj vojne XVIII–XIX vv.* [The Russian army in the Caucasian war of the 18th–19th centuries]. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Evropejskij dom". (In Russian)
- Lapinskij Teofil. 1995. *Gorcy Kavkaza i ih osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh. Opisanie ochevidca Teofila Lapinskogo (Teffik-beya), polkovnika i komandira pol'skogo otryada v strane nezavisimyh kavkazcev* [Highlanders of the Caucasus and their liberation struggle against the Russians. Description of the eyewitness Teofil Lapinsky (Teffik-bey), colonel and commander of a Polish detachment in the country of independent Caucasians]. Transl. Gardanova V.K. Na'chik, Izdatel'skij centr "El'-Fa". (In Russian)
- Marchenko Alla. 1984. *S podorozhnoj po kazennoj nadobnosti* [From the road by the government's need]. Moscow, Kniga. (In Russian)
- Matveev Oleg. 2015. *Kavkazskaya vojna: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki* [Caucasian War: From Front to Frontier. Historical and anthropological essays]. Krasnodar, Edvi. (In Russian)
- Nechitajlov Maksim. *Otdel'nyj Kavkazskij korpus (1817–1864 gg.)* [Separate Caucasian Corps (1817–1864)]. Available at: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5441 (Accessed 6 March 2021). (In Russian)
- Potto Vasilij. 1994. *Kavkazskaya vojna. 1819–1846* [Caucasian war]. Vol. 5: *Vremya Paskevicha*. Stavropol', Kavkazskij kraj. (In Russian)
- Rakovich Dmitrij. 1900. *Tenginskij polk na Kavkaze* [Tengin regiment in the Caucasus. 1819–1846]. 1900. Tiflis. (In Russian)
- RGVIA. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv. Fond 13454. Shtab vojsk Kavkazskoj linii i Chernomorii raspolozhennyh [Russian State Military Historical Archive. Fund 13454. The headquarters of the troops of the Caucasian line and Montenegro located]. (In Russian)
- RGIA. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. Fond 932. Dondukov-Korsakov Aleksandr Mihajlovich, knyaz' [Russian State Historical Archives. Fund 932. Dondukov-Korsakov Alexander Mikhailovich, Prince]. (In Russian)
- Ul'yanov Il'ya. 1996. *Regulyarnaya pekhota 1801–1855* [Regular infantry 1801–1855]. Moscow, Izdatel'stvo AST. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.7127>

Дата подачи статьи: 20 июня 2021 г.

Дата принятия к печати: 20 августа 2021 г.

ПОЛЯКИ НА СЛУЖБЕ РУССКОГО ЦАРЯ

Сергей Лазарян

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-2440-7118>

e-mail: aflost@yandex.ru

Аннотация: В статье идет речь о поляках, служивших на Кавказе в российских войсках или гражданскими чиновниками на протяжении почти всего XIX века. Независимо от того, каким образом поляки попадали в этот край, по собственной воле, в качестве представителей «экономической эмиграции», или вопреки ей, в качестве рекрутов-конскриптов или арестантов, они много поспособствовали экономическому и социокультурному освоению этого края, укоренению там начал европейской цивилизации. Исследуя биографии таких поляков, можно с большой уверенностью отметить, что они сделались частью жизни Кавказского края, вписав свои имена в скрижали местной истории. Крайне сложно выявить фактическое число поляков, участвовавших в покорении Кавказа, как и трудно сказать, осознавали ли эти люди свою роль в данном процессе, но результат есть результат – поляки помогли России завоевать этот край, превратив его в неотъемлемую часть российского государства.

Ключевые слова: поляки, Кавказ, ссыльные, служба, Российская империя, горцы

Submitted on June 20, 2021
Accepted on August 20, 2021

POLES IN THE SERVICE OF THE RUSSIAN TSAR

Sergey Lazarian

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2440-7118>

e-mail: aflost@yandex.ru

Abstract: This article deals with Poles who served in the Caucasus in the Russian troops or as civilian officials throughout almost the entire 19th century. Regardless of how the Poles came there, of their own free will, as representatives of “economic emigration”, or, conversely, as recruits-conscripts or prisoners, they contributed a lot to the economic and socio-cultural development of the land, which has been identified with the roots of the European civilization. While studying the biographies of such Poles, it can be noted with great confidence that they became a vital part of the life of the Caucasian region, having inscribed their names in the annals of local history. It is extremely difficult to identify the actual number of Poles who participated in the conquest of the Caucasus, just as it is difficult to say whether these people were aware of their role in this process, but the result is indisputable – the Poles helped Russia to conquer this region, turning it into an integral part of the Russian state.

Keywords: Poles, Caucasus, exiles, service, Russian Empire, highlanders

В 30–50-х гг. XIX в. из Польши в Грузию стали прибывать чиновники, педагоги, купцы, участники т.н. «экономической эмиграции». Расселялись они как в Тифлисе, в Кутаиси, Гори, Телави, Батуми и многих других местах. Среди тех, кто искал лучшей доли на Кавказе были также инженеры, музыканты, врачи и художники. Они надеялись преуспеть за счет гражданской или военной службы, поскольку у образованных поляков в местных условиях почти не было конкурентов. Эту категорию людей привлекали льготы, которыми имперские власти стремились привлечь нужный им в крае служебный люд. Для поляков, прежде всего, представителей многочисленной безземельной шляхты-голоты, большей частью уроженцев Подолии, Галиции, Волыни, Белорусии, данная ситуация была одним из способов сохранить свой шляхетский статус и содержать в достатке свои семейства.

Гражданская служба в России не была легким занятием ни по содержанию, ни по организации её бюрократического устройства. Особое положение составляло управление Кавказом, большей частью укомплектованное чиновниками, которые в первую очередь имели единственной целью прослужить в крае только определенный срок за полученный чин коллежского асессора, а потом оставляли службу. Едва ли кто решался после 3-х лет службы служить ещё 7 лет, чтобы получать треть пенсии в качестве надбавки. Приезд новых чиновников на Кавказскую линию и в Закавказье после 1832 г. чрезвычайно уменьшился. В силу этих обстоятельств приезд поляков на Кавказ был хорошим решением для имперских властей. Поэтому у поляков всегда были шансы для карьерного роста.

Имперские власти не препятствовали полякам в возвращении им утраченных ранее прав их дворянского достоинства, если они своей службой и поведением выказывали свою лояльность России. В то же время после Ноябрьского восстания 1830-1831 гг. в Царстве Польском, многим представителям польской безземельной шляхты приходилось доказывать своё дворянское происхождение и получать подтверждение своего статуса в Департаменте герольдии. Данная мера позволяла имперским властям исключить из дворянского сословия наиболее радикальные элементы, настроенные исключительно враждебно к России и одновременно, производить отбор тех, кто способен был к лояльности.

Пример механизма реализации данной меры можно было наблюдать по указу Правительствующего Сената от 14 апреля 1847 г. № 5344 Минскому губернскому правлению, где объявлялось, что лица бывшей польской шляхты, не представившие до 1 января 1844 г. в Дворянские депутатские собрания доказательств на дворянское свое происхождение, на основании решения Государственного Совета, Высочайше утвержденного 27 марта 1847 г. обязаны были подавать о себе ревизские сказки по званию граждан или однодворцев в Казенную палату. Неисполнение данного требования до 1 января 1848 г. вело к переводу таких людей в разряд государственных крестьян с соответствующими данному сословию обязанностями [ГАСК, Ф.68. Оп.1. Д.534. Л.1-1 об.].

Некоторые поляки делали на Кавказе блестящие карьеры, несмотря на то что для них он был совершенно чужим, незнакомым краем. Таким был Альберт Артурович Иедлинский, прослуживший в кавказских войсках с 1845 по 1878 гг. Будучи выходцем из Галиции, начал службу в австрийской имперской армии, где находился до 32-летнего возраста. В 1845 г. А.А. Иедлинский попросился на русскую службу. Австрийская служба была слишком пресной

и скучной для его энергичной натуры. Кроме того, молва гласила, что он был побочным сыном графа Артура Яновича Потоцкого, жил на широкую ногу и довольно быстро прокутил всё наследство, полученное от графа и, чтобы поправить свое материальное положение записался в российскую службу. Он достаточно быстро выучился русскому языку, изучил топографию тех мест Кавказа, где ему приходилось действовать с войсками, быстро приунылся к новым для него условиям. Ему благоволил князь-наместник М.С. Воронцов. Тому объяснением может служить то обстоятельство, что женами графа А.Я. Потоцкого и князя М.С. Воронцова были родные сестры Екатерина и Елизавета Браницкие. В связи с этим А.А. Иедлинский не был совсем чужим человеком для князя-наместника. Но расположение это не давало особых привилегий, поскольку М.С. Воронцов тут же вовлек А.А. Иедлинского испытать судьбу в несчастном для русских Даргинском походе против горцев летом 1845 г., где Иедлинский был ранен, но никогда не унывал, обладал бездной юмора и всегда оживлял сложную ситуацию, снимая каким-нибудь каламбуром возникавшую напряженность, грозившую потерей духа. Испытания отпрыск А. Потоцкого выдержал с честью, но потом много и шумно кутил в Тифлисе, за что князь М.С. Воронцов перевёл его в Моздокский казачий полк поручиком, где тот не преминул прославиться замечательным наездником и слыл даже между линейными казаками отменным джигитом.

Далее за него говорил послужной список: начинал службу в мае 1845 г. поручиком по кавалерии Отдельного Кавказского корпуса (ОКК). Уже через 3 месяца за отличие в сражении с горцами был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Ещё через 5 месяцев (1846 г.) производится в штаб-ротмистры; в 1847 г. – ротмистр; в 1848 г. – награждён орденом Св. Владимира 4-й степени; в 1849 г. производится в майоры и награждается орденом Св. Анны 2-й степени; в 1850 г. назначается командовать Лабинским казачьим полком.

Такая быстрая карьера свидетельствовала о незаурядных способностях и храбрости А.А. Иедлинского, который сумел выдвинуться на первые роли среди кавказских героев ОКК, которых трудно было чем-либо удивить. Он быстро получил доверие от корпусного командования, которое поручило ему командовать полком после всего 5 лет пребывания в войсках. В 1852 г. он – подполковник и назначается командиром Моздокского казачьего полка и одновременно ему поручается командование 8-й бригадой Кавказского линейного казачьего войска; в 1857 г. – награждается орденом Св. Анны 2-й степени с короной и назначается командовать 9-й бригадой Кавказского

линейного казачьего войска и одновременно 6-м Сунженским казачьим полком; в 1858 г. – полковник; в 1860 г. – награждается орденом Св. Владимира 4-й степени, бриллиантовым перстнем с вензелем ЕИВ, и ему поручается начальствование над Осетинским (Владикавказским) округом; в 1861 г. награждается золотым оружием; в 1862 г. – генерал-майор; в 1863 г. – начальник Восточного отдела; 1865 г. награжден орденом Св. Станислава 1-й степени и исполняет должность помощника начальника Кавказской кавалерийской дивизии; в 1867 г. награжден единовременной суммой в 2 418 рублей серебром; 1869 г. – орден Св. Анны 1-й степени и Высочайше пожаловано в вечное и потомственное владение 1 000 десятин земли в Кубанской области; в 1871 г. – орден Св. Анны 1-й степени с короной; в 1874 г. – орден Св. Владимира 2-й степени [Марков 1911, I, 203-208]. С 1874 г. он состоял при Кавказской армии, а с 1876 г. – лично при генерал-фельдмаршале князе Барятинском. В генерал-лейтенанты произведен 1 января 1878 г. Почти сорок лет прослужил Иедлинский на Кавказе. Этот край стал его судьбой. Там он и умер 6 июня 1878 г., до последнего дыхания оставаясь в строю (похоронен во Владикавказе).

Все свои отличия и награды А.А. Иедлинский получал, состоя ни при штабах, а в действующих отрядах войск. Помимо выдающейся храбрости в войсках очень ценили его ум, сообразительность и находчивость в минуты смертельной опасности. Многие ценили в нем непритворную правдивость, гордость и достоинство. Он никогда ни перед кем не заискивал. Кроме того, А.А. Иедлинский обладал неподражаемым чувством юмора, облекал свои слова и реплики «в такую остроумную форму, что лица, к которым они относились, не сразу догадывались о соли, заключавшейся в сказанной фразе» [Марков 1911, II, 320; III, 588]. Шутки Иедлинского с удовольствием обсуждали в войсках и в российском кавказском обществе. У него было также немало завистников и врагов, но все столкновения всегда заканчивались в его пользу, т.к. «слишком очевидны были его боевые заслуги, слишком было всем в глаза, что при всех столкновениях правда всегда была на стороне Иедлинского» [Марков 1911, I, 206].

Несколько иной была карьера Феликса Лисовского, который оказался на Кавказе не по своей воле. В 1828 г. за участие в тайном обществе «Сарматское племя, или приверженцы отечества» Феликс Лисовский вместе с Константином Захом и Адамом Тржасковским (Trzaskowski), будучи студентами Виленского университета, были арестованы и после следствия и суда, который назначил им наказание в виде 50 ударов шпицрутенами (Лисовскому-25 ударов), отданы в солдаты в ОКК, где поступили рядовыми в 44-й егерский

полк, командиром которого был полковник А.Г. Пацковский. С ними прибыл также бывший учащийся Виленской гимназии Викентий Захватович, которого отдали в солдаты за намерение выпускать фальшивую монету и «за дерзкую готовность покуситься на жизнь ректора Виленского университета» [РГВИА, Ф.395. Оп.140. Д.77. Л.1-1 об.]. На Кавказ Викентий Захватович попал по предписанию цесаревича Константина Павловича.

Далее необходимо сказать несколько слов о командире 44-го егерского полка. Андрей Григорьевич Пацковский, поляк, сын Стародубского помещика Григория Пацковского, родился в Вильно. Начал службу на Кавказе с 1805 г. Находясь на службе и участвуя во многих войнах, приобрел имя храброго и распорядительного офицера. Служил под началом князя П.Д. Цицианова, генерала А.П. Ермолова и барона Г.В. Розена. Каждый чин брал с боя. Будучи полковником при начале командования Кавказским корпусом А.П. Ермоловым, был назначен сначала комендантом Тифлиса, а затем с 1825 г. командиром 44-го егерского полка, действовавшего в Абхазии. Это назначение служило в пользу хорошего мнения о полковнике А.Г. Пацковском, какое имел о нем генерал А.П. Ермолов, назначавший командовать полками с большим разбором. Полковник А.Г. Пацковский был направлен в Абхазию не только управлять, но устраивать эту территорию. Он построил укрепления Бомборы, Пицунду, Драны, Илори и Гагры [Дьячков-Тарасов 1910, 161]. В 1827 г. за проявленную распорядительность и храбрость был награжден орденом Св. Станислава 4-й степени. В 1829 г. с 2-мя батальонами егерей, 4-мя орудиями и 500 человек гурийской милиции ходил к берегу Черного моря к укрепленному турецкому завалу Лиман и участвовал в разгроме турок. В августе 1830 г. за отличие в сражении получил орден Св. Георгия 4-й степени, а в июне 1831 г. – орден Св. Анны 2-й степени. В 1835 г. А.Г. Пацковский был произведен в генерал-майоры и назначен командовать войсками в Абхазии, а затем был начальником Ахалцихской провинции. Его служба прервалась в 1839 г. – он был исключен из состава армии за смертью. Абхазы очень любили генерала А.Г. Пацковского, а солдаты его могли безбоязненно заходить в самые отдаленные селения, оставаясь невредимыми и всюду встречали гостеприимство [Дьячков-Тарасов А. 1910, 162].

Вступив в службу в 44-й егерский полк, Феликс Лисовский, Константин Зах, Адам Тржасковский и Викентий Захватович попали в добрые руки полковника А.Г. Пацковского. По отзывам непосредственных начальников с самого поступления на службу в 44-й егерский полк они стали «известны похвальным поведением и отличным усердием к службе» [РГВИА, Ф.395.

Оп.140. Д.77. Л.1-1 об.], за что командир полка А.Г. Пацковский просил корпусного командира произвести их в унтер-офицеры. На рапорте корпусного командира военный министр граф А.И. Чернышев начертал резолюции о согласии с данной просьбой.

Командир полка хотел немного посодействовать молодым людям, вопреки данному ему в 1831 г. предписанию, «дабы он усугубил секретный надзор за всеми присланными в сей полк лицами, принадлежащим к тайным обществам» [Шадури 1958, 212]. В Российской армии унтер-офицерам, прослужившим 2 года в солдатах, разрешалось жить не в казармах, а на частной квартире. Таким образом бывшие студенты Виленского университета получали возможность использовать свое свободное от службы время с пользой для собственного развития, направив его на изучение края, обычаев и языков местных горских народов и отчасти освободиться от жесткого быта казарменного существования. Ф. Лисовский, А. Тржасковский и К. Зах участвовали в войне против персов в 1828 г. и против турок в 1828–1829 гг., а затем их перевели в батальоны Черноморской береговой линии.

Дальнейшая судьба Феликса Лисовского прослеживается по формулярному списку, составленному в 1834 г., когда нашему герою было от роду 28 лет. Римско-католического исповедания, вступил в службу рядовым 1 июня 1828 г., а затем, после расформирования 44-го егерского полка был переведен в Черноморский линейный батальон № 6, кроме которого проходил также службу в таковых батальонах № 4, № 5, № 8, № 9. Неоднократно принимал участие в военных операциях и походах против турок в составе отряда генерал-майора К.Ф. Гессе, участвовал в осаде и взятии крепости Потти. Был в войсках, занявших Гурию и в перестрелке с неприятельскими партиями горцев на территории крепости Св. Николая. За проявленные усердие и храбрость был награжден серебряной медалью.

Летом 1830 г. под командой того же генерал-майора К.Ф. Гессе был в десанте против абхазцев при высадке в Гагрской бухте. Летом и осенью 1834 г. находился в составе войск, продвигавшихся от Кутаиси через Мегрелию для прокладки сухопутного сообщения в Абхазию и возведения укреплений в Илоре и Дранде. Его товарищи, в частности А. Тржасковский и К. Зах долгое время служили вместе с Ф. Лисовским. В том же 1834 г. Ф. Лисовскому и К. Заху поручалось провести рекогносцировку Гагринского ущелья. В дальнейшем служба и личные способности каждого из них разбросала их по разным воинским подразделениям.

Из отношения корпусного командира Г.В. Розена к дежурному генералу Главного штаба от 24 января 1835 г. стало известно, что унтер-офицера

Феликса Лисовского, назначенного к переводу в Тенгинский пехотный полк, по ходатайству командира Абхазским отрядом полковника А.Г. Пацковского, решено было оставить в составе Черноморского линейного батальона №6 для выполнения инженерных работ при устройстве укреплений и зданий для нижних чинов «по уважению тому, что за неимением в Абхазии инженерного офицера, делают ему по способностям его разные поручения» [РГВИА. Ф.395. Оп.140. Д.77. Л.10].

Бомборы были выстроены и имели вид большого параллелограмма с бастионом. Внутренняя часть была разбита на 6 правильных кварталов и застроена небольшими чисто выбеленными домами, длинными казармами и провиантскими магазинами. По мнению А.Н. Дьячкова-Тарасова, «политическое и стратегическое положение Бомбор давало возможность наблюдать за страной» [Дьячков-Тарасов А. 1910, 162] и полностью контролировать ситуацию. Недостатком крепости было то, что она была выстроена на глинистом грунте и солдаты гарнизона сильно страдали малярийной лихорадкой. Кроме того, были выстроены также редуты на берегу моря для склада провианта, на речке Хипсте – для охраны полковых лошадей, пасшихся там; на речке Мцыше – для защиты водяной мельницы.

С 1 по 30 мая 1836 г. по решению корпусного командира барона Г.В. Розена, уже хорошо знавшего Ф. Лисовского по его незаурядным способностям в инженерном деле и познаниях в топографии, он был направлен в командировку для рекогносцировки берегов Черного моря. В составе отряда штабс-капитана Назимова унтер-офицер Ф. Лисовский осматривал местность от Гагр к мысу Адлер. Во время этого исследования участвовал в перестрелках с горцами и штурмовал завалы, и был контужен пулей в правый висок. «За отличие против горцев» 3 августа 1836 г. Ф. Лисовский был произведен в прапорщики [*Западный Кавказ в первой половине XIX века...* 2019, 14].

В декабре 1836 г. прапорщик Ф. Лисовский во время обозрения тропинок, пролегавших по высотам Гагрского хребта, под прикрытием команды из 224 человек нижних чинов, находившихся под командою капитана Подгурского (поляка), был атакован горцами. Толпа горцев набросилась на арьергард и боковоекрытие отряда, но была остановлена ружейным огнем, а потом рассеяна. При этом капитан Подгурский заметил, что значительное число неприятелей скопилось на направлении, по которому отряд начинал восхождение в горы, готовясь устроить отряду засаду. Поэтому по окончании исследований Ф. Лисовского капитан Подгурский повел отряд по иному направлению. Горцы, заметив это, бросились за отрядом, но достигли его только тогда, когда он миновал наиболее опасные места. Горцы стали сбра-

сывать на солдат с окрестных вершин камни. От камнепада был убит один солдат, а прапорщик Ф. Лисовский получил ранение [РГВИА, Ф. 846. Оп.16. Д.6323. Л.12-20 об.]. В феврале-апреле 1837 г. Ф. Лисовский снова направлялся в командировку для осмотра горских окрестностей и ведения топографической съемки, которая завершилась также перестрелкой с горцами.

В мае 1837 г. Ф. Лисовский был в отряде барона Г.В. Розена при покорении Цебельды, которую штурмовал в составе 8-ми тысячного отряда. Для управления этой территорией «соответственно обычаям и понятиям жителей» прапорщик Черноморского линейного батальона №5 Феликс Лисовский был назначен приставом. Выбор корпусного командира не был случайным, поскольку во время продолжительной службы в Абхазии, Феликс Лисовский хорошо познакомился с характером и обычаями местных народов и мог даже объясняться с цебельдинцами на их языке. Кроме того, он овладел и грузинским языком. Уже это само по себе было редкостью в войсках. Кавказское военное начальство всегда испытывало большие затруднения с подбором нужных офицеров, владеющих туземными наречиями, которым можно было бы поручить начальствование над горскими народами.

От приставов требовались не только добротные профессиональные знания, но, прежде всего, особые нравственные качества представителя империи, воплощавшего собой справедливость, честность и доброжелательное участие в судьбах туземных народов, которых часто многим назначенцам не хватало, что в конечном счете способствовало неудаче их миссии. Важность именно нравственной стороны в деятельности приставов определялась также тем, что «место пристава не доставляло в то время никаких выгод в служебном отношении, вызывая между тем большие расходы на лазутчиков и вооруженную стражу, тогда как не все пристава получали жалование, и ничем не вознаграждая постоянных забот, опасностей и лишений» [Юров 1886, X, 271].

После своего назначения приставом у цебельдинцев прапорщик Ф. Лисовский 16 мая 1837 г. направил докладную записку командиру ОКК барону Г.В. Розену с просьбой о необходимых ему средствах для управления Цебельдой и изучения края [РГВИА, Ф.14719. Оп.3. Д.178. Л.47-47 об.]. Он просил корпусного командира, дабы можно было «с большим умением действовать в Цебельде соответственно видам правительства», назначить ему средства не только для приличного содержания, которое соответствовало бы достоинству русского чиновника, но и для сближения с цебельдинцами быть в состоянии не отказывать им в некоторых подарках.

Имея там приятелей, можно обозреть край, узнать о преднамерениях жителей и действовать посредством этих приверженных людей на других цебельдинцев. А, поскольку, там господствовал исламизм, было бы полезным, если правительство одного из местных священнослужителей, пользующихся лучшим уважением у цебельдинцев, приласкав какими-нибудь подарками, сделать орудием действий пристава.

Для пользы дела, надо чтобы находились при приставе, по крайней мере, 6 человек цебельдинцев, которые со своими выгодами служили с пользой и усердием, составляя приставу стражу и были проводниками при перевозке бумаг. Ф. Лисовский также просил для этих людей купить новое горское платье. Кроме того, самому приставу требовалась покупка 3-х лошадей для разъездов, черкесское платье, вооружение и конская сбруя. Эта просьба была вызвана тем, что из-за недавнего производства в офицеры Ф. Лисовский не имел каких-либо личных средств.

Для ведения делопроизводства пристав просил назначить к нему писаря с канцелярскими припасами, а для производства топографической съемки просил отражательную буссоль и чертежные принадлежности. Также просил прислать все имеющиеся сведения о Цебельде и карту Цебельды с обозначенными окрестными племенами, составленную полковником Генерального штаба Нордестамом. Наконец пристав просил прислать к нему дворянина Бзыбского округа Коташ Лакобу в качестве переводчика с абхазского языка.

Должность приставов среди горских народов помимо всего прочего, требовала немалой выдержки, дипломатических качеств и храбрости. 3 июня 1839 г. прапорщик Ф. Лисовский производится в подпоручики за отличия по службе. Ему удалось погасить ссору между двумя партиями местной княжеской фамилии Маршаниа. В рапорте корпусного командира А.Е. Головина военному министру графу А.И. Чернышеву было отмечено, что «пристав благоразумными мерами, с приверженными нам князьями Цебельдинскими, прекратил междоусобие и остановил кровопролитие» [АКАК, 1884, IX,490].

В 1840 г. произошел инцидент, который едва не привел к гибели цебельдинского пристава. Достигнутое было согласие между князьями Маршаниа снова разрушилось действиями одного из них – князя Шабата, который превратил семейную ссору в возмущение против правительства. Князь Шабат, склонив на свою сторону всю Нагорную Цебельду (Дал) и Псху, напал на своих братьев. Другая партия из 60 человек напала на жилище пристава, подпоручика Ф. Лисовского, который вместе с шестью донскими казаками и пятью поселенцами мужественно защищался от нападавших. Во время этого боя подпоручик Ф. Лисовский был ранен пулей в голову и двумя

шашечными ударами в щеку и подбородок. Мужественные защитники были спасены подошедшей подмогой, оказанной приставу лояльными к русским цебельдинскими князьями. Израненного пристава Ф. Лисовского доставили в Сухум для перевязки ран. После чего подпоручик Ф. Лисовский снова отправился в Цебельду с отрядом. Он сообщил, что в Цебельде голод и мятежники не смогут долго содержать людей, которые могли бы прийти им на выручку. Кроме того, такая помощь невозможна была из-за полноводности реки Бзыбь, которая отрезала на время Абхазию от других частей Кавказа.

По прибытии в Цебельду отряда подполковника В.М. Козловского (поляка), милиции князя Михаила Шервашидзе и цебельдинских князей, верных российским властям, мятежники были рассеяны. Пристав Ф. Лисовский вступил в переговоры с князем Шабатом в селении Джиша, куда Шабат прибыл по вызову пристава. От князя Шабата взяли аманатов и поручителей в его безусловной покорности. Девять почтеннейших представителей Дальского ущелья принесли присягу на Коране в покорности правительству. Под присмотром 2-х рот Мингрельского полка во главе с подполковником В.М. Козловским и командой донских казаков жители Дальского ущелья в Марамбе восстановили и отстроили заново разрушенный дом пристава таким образом, чтобы дом был способен к обороне, возвратили все похищенное и разграбленное [РГВИА, Ф.846. Д.6417. Л.7-17; АКАК, 1884, IX, 492].

После выказанной незаурядной выдержки, храбрости и стойкости подпоручик Ф. Лисовский 10 октября 1840 г. был произведен в поручики. В декабре 1840 г. поручик Ф. Лисовский помог отряду генерала-майора Н.Н. Муравьева благополучно совершить переход от крепости Сухум-кале в Цебельду, предоставив самые верные топографические сведения. За проявленное усердие Ф. Лисовский был отмечен производством в штабс-капитаны. В 1841 г. он командовал отрядом цебельдинской милиции.

Приставство его длилось с 1837 по 1841 гг. Ф. Лисовский приобрел в Цебельде расположение и уважение многих главных лиц среди местных жителей. Эти связи для него были вернее всяких проводников и ручательств [ГАКК, Ф.260. Оп.1. Д.297. Л.13-15]. Побывал во всех ущельях и населенных пунктах Сванетии и составил глазомерную карту. В 1842 г. По приказу Военного министра графа А.И. Чернышева совершил двукратный переход через Главный Кавказский хребет – из Абхазии на Лабинскую линию. Штабс-капитан Ф. Лисовский сделал описание путей сообщения по южному склону Большого Кавказского хребта, что давало возможность открыть удобное сообщение через Кавказский хребет из Цебельды в Карачай и Теберду и соединить Сухум с Пятигорском и Ставрополем.

Исследования станового хребта было связано с большими опасностями, которые преследовали Ф. Лисовского и его спутников на каждом шагу. Они подвергались угрозе смерти или тяжелой неволе среди непокорных племен. Сама природа беспрестанно угрожала им смертью: крутые скалы, быстрые потоки на всем пути, выюга и жестокий мороз в снежных сугробах Главного хребта, наконец, голод, вставали на их пути. Ф. Лисовский заболел, обморозил обе ноги и левую руку, получил сильный ревматизм в плече и в бок [РГВИА, Ф.14719. Оп.2. Д.910. Л.1-1 об.].

Добравшись до ближайшего госпиталя, который находился в укреплении Махошевском, штабс-капитан Ф. Лисовский получил посильную медицинскую помощь, но одновременно оказался под сильным подозрением у местного военного начальства, которое ограничило его свободу до выяснения всех обстоятельств его миссии. Проблема возникла из-за того, что, отправляясь в горы, Ф. Лисовский забыл соответствующие сопроводительные документы в исходном пункте своего движения. Будучи сопровождаем группой горцев, он не мог не вызвать подозрений у военных властей.

Для разъяснения ситуации Ф. Лисовский обратился с рапортом к командующему Черноморской береговой линии генералу-майору И.Р. Анрепу, в котором просил снестись с начальником Правого фланга Кавказской линии генерал-майору С.Д. Безобразову и подтвердить, что он действительно состоит на службе в Черноморском линейном батальоне №9; что исправляет должность старшего адъютанта в Штабе управления начальника Черноморской береговой линии и действительно отправлен в командировку по воле Военного министра. Кроме того, штабс-капитан Лисовский просил, чтобы генерал-майор Безобразов распорядился выдать ему подорожную и денег на прогоны при возвратном пути до Тамани [ГАКК, Ф.260. Оп.1. Д.297. Л.35-37].

Генерал-майор С.Д. Безобразов по получении рапорта от начальника Черноморской береговой линии приказал выдать Ф. Лисовскому испрашиваемые им документы через командира линейного батальона № 4 и 20 червонцев [РГВИА, Ф. 13454. Оп.6. Д.1150. Л.1-2]. По представлению командованию результатов своего исследования, штабс-капитан Ф. Лисовский удостоился благодарности, а после ознакомления с ними в Петербурге, император Николай I на листе № 41 сделал помету: «Весьма важный во всех отношениях любопытный труд». Рядом была приписана помета Военного министра: «Его Величество изволил читать 18 мая. Высочайше повелено штабс-капитана Лисовского произвесть за отличия в капитаны» [РГВИА, Ф.38. Оп.4. Д.429. Л.41-41 об.]. Производство состоялось 21 мая 1843 г.

Из-за большого напряжения сил и многочисленных ран Ф. Лисовский вынужден был выйти в отставку майором. В 1851 г. он ушел из жизни 45-ти лет от роду. Однако пока остается не выясненным, когда именно состоялась отставка, где он жил после отставки и где похоронен. Кроме чинов Ф. Лисовский был отмечен командованием двумя орденами: Св. Станислава 3-й степени в 1842 г. и Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

Адам Тржасковский десять лет прослужил в Абхазии рядом с Феликсом Лисовским в нижних чинах в убийственном климате. В 1838 г. был произведен в прапорщики. Как отмечал Г.И. Филипсон, оба эти поляка были хорошо образованы, жили дружно, как братья. Несчастье солдатчины только закалило их характер [Филипсон 2000, 161].

Как человек образованный и с исследовательскими наклонностями (изучил грузинский язык, быт и жизнь жителей Гурии) Адам Тржасковский обратил на себя внимание начальников и был назначен заведовать канцелярией управляющего Абхазией, Мегрелией и Гурией генерала Я.М. Эспехо. Некоторое время А. Тржасковский состоял офицером для особых поручений при абхазском владетеле князе Михаиле Шервашидзе [РГВИА, Ф.14719. Оп.3. Д.217. 1843 г. Л.10]. В 1840-х гг., когда Абхазия вошла в состав Черноморской береговой линии, начальник Штаба линии генерал Г.И. Филипсон взял А. Тржасковского в свой штаб старшим адъютантом. В этой должности, по словам начальства, Адам Тржасковский работал толково и усердно. Адъютанты руководили канцеляриями, то есть заведовали делопроизводством в штабе или управлении. Адъютанты, состоящие лично при генерале, командующем какой-нибудь частью войск или заведующем какой-либо частью военного управления Русской армии, должны были всюду следовать за своим генералом и выполнять его поручения, а также заниматься ведением корреспонденции, приёмом и передачей указаний и распоряжений, развозить письменные и словесные приказы военачальника, в походе и бою находиться при военачальнике безотлучно и оставлять его только для исполнения его поручений [*Полковой адъютант*, online].

Перед началом всякой экспедиции в горы генерал Г.И. Филипсон посылал А. Тржасковского на пароходе по всем укреплениям собирать всех разжалованных, желающих участвовать в военных действиях. Таковых обычно набиралось до 200 человек. Многие из них были поляками. В шутку эту команду называли иностранным легионом. А. Тржасковский часто был их командиром. Этот легион лез в огонь и воду, чтобы отличиться и выбиться из своего незавидного положения. Многим это удавалось [Филипсон 2000, 161].

В 1843 г. Адам Тржасковский – капитан. Будучи офицером – исследователем, выступал со статьями о сословном устройстве в Гурии в газете «Кавказ» [Тржасковский 1847, XL,156–157]. В 1850-е выходит в отставку в чине майора и служит управляющим имениями жены генерала Н.Н. Раевского [АКАК, 1904, XII, 12].

Константин Зах прошел путь от рядового до прапорщика сапёров. Служба его большей частью проходила в Дагестане. Он, как и его товарищи по Виленскому университету, много интересовался языками и традиционным бытом местного населения, владел персидским и тюркским языками. В 1846 г. он погиб под обвалом во время ремонта дороги вместе со своими подчиненными [Боголюбов 2008,36].

Российские власти совершенно не препятствовали служебной карьере поляков и не обходили наградами, находившимся в рядах Отдельного Кавказского корпуса, независимо от оснований их пребывания на Кавказе. Определенная первоначальная настороженность в отношении к полякам исчезала сразу же после их участия в делах против горцев. По большей части поляки всегда выказывали отменную храбрость и распорядительность, хорошую воинскую выучку, что неизменно находило отражение в приказах по корпусу и в объявлениях, печатавшихся на страницах газеты «Кавказ», официального органа кавказской администрации, находившейся в Тифлисе.

Взяв на выбор несколько номеров этого печатного издания за 1846 г., в которых была помещена информация о наградах, произведенных Российским императором по представлению кавказского наместника князя М.С. Воронцова за участие в делах против горцев в 1845 г., можно было встретить немало польских фамилий. Так, орденом Св. Анны 3-й степени с бантом был награжден штабс-капитан Прагского пехотного полка Скоповский, того же полка подпоручик Пашковский; орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» были награждены подпоручики Шимановский, Гаевский, Осмоловский; орденом Св. Анны 2-й степени награжден майор Мингрельского егерского полка Лисовский [*Высочайшие приказы по Военному ведомству* 1846, II, 5].

Кроме того, поляки активно продвигались по службе. Из подполковников в полковники в 1846 г. был произведен командир Горной № 3 батареи 14 артиллерийской бригады Годлевский; командир подвижного Запасного артиллерийского парка капитан Кончевский производился в подполковники; юнкер Юркевич – в прапорщики; егерского Литовского полка поручики Лехницкий и Островский – в штабс-капитаны, подпоручик Хельмицкий – в поручики, прапорщики Малявский и Стефанович – в подпоручики;

егерского Люблинского полка штабс-капитан Ковальковский – в капитаны, юнкера Томашевич, Ковальский и Кучевский – в прапорщики; полка имени генерал-адъютанта князя А.И. Чернышова прапорщик Навроцкий – в подпоручики, поручик Гостиминский – в штабс-капитаны, юнкер Броденский и унтер-офицер Липский – в прапорщики; полка имени генерала-адъютанта М.С. Воронцова прапорщик Бардичевский – в подпоручики, унтер-офицеры Кучковский и Лашевский – в прапорщики; инженерного корпуса 5-го саперного батальона подпоручик Корватовский – в поручики; объявлено Высочайшее императорское благоволение подпоручику Прагского пехотного полка Подревскому за отличие в делах против горцев [*Высочайшие приказы по Военному ведомству* 1846, IV, 13].

За отличие по службе унтер-офицер Кавказского линейного батальона № 1 производится в прапорщики из юнкеров Миткевич, Костюшко-Волюжевич, из портупей-юнкеров в прапорщики – Вилькашевский. Переводились в полки и батальоны: из Кавказского линейного батальона № 2 в Грузинский батальон № 3 прапорщик Сезеневский, из Кавказского линейного батальона №16 в Апшеронский пехотный полк майор Вержицкий.

Не оставлялись на произвол судьбы заслуженные воины. После увольнения от службы по невозможности её продолжения из-за ранений их повышали в звании и назначали соответствующий пенсион. Так, например, уволенный из пехотного генерал-фельдмаршала князя Варшавского полка поручик Жельский получил отставку с производством в штабс-капитаны с правом ношения мундира и пенсионом полного жалования [*Высочайшие приказы по Военному ведомству* 1846, VII, 26]. Кроме того, присутствие на Кавказе выходцев из Царства Польского можно было выявить из скорбных списков умерших, исключенных из состава полков за 1846 г.: из Тифлисского егерского полка прапорщик Плачковский и плац-адъютант Эриванской крепости капитан Клопотовский.

Вышеприведенная информация является лишь небольшим примером военной службы поляков на Кавказе. Чтобы представить полный перечень участия поляков в деле покорения Кавказа, пришлось бы цитировать все номера газеты «Кавказ», выходившие за весь период существования этого издания (1846–1917 гг.). Вообще среди поляков на Кавказе было много отличных офицеров и солдат. «Они были заметнее других, потому что их положение придавало им особую оригинальность» [Филипсон 2000,161].

Своеобразной получилась служба на Кавказе у Франца Вояковского, которому удалось достаточно быстро выбиться из солдатской шинели. В 1843 г. за проявленную храбрость он производится в прапорщики. В этом

же году «за отличие против горцев произведён в подпоручики». 21 апреля 1848 г. «за отличия, оказанные в делах и перестрелках 1847 года, бывших на Черноморской береговой линии, награждён орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» [Матвеев 2007, IV, 22–31]. В 1853 г. Франц Вояковский – поручик и начальник укрепления Гостогаевского. Начальники и сослуживцы знали его как человека развитого и распорядительного по службе. Он интересовался бытом горцев (черкесов), заводил с ними через переводчиков разговоры во время сотовок (торговля, обмен с горцами Кавказа), даже приобрел среди них кунаков, которых нередко угощал водкой с закуской. Как отмечал Н. Дьячков-Тарасов, «ласковое обращение воинского начальника расположило к нему горцев, а кунаки нередко предостерегали Вояковского о замыслах своей молодежи против гарнизона и его скудного стада коров» [Дьячков-Тарасов Н. 1904, X, 317]. Это позволило ему принять превентивные меры, провести подготовительные работы перед нападением большой партии натухайцев и шапсугов на укрепление Гостогаевское, произошедшее на рассвете 26 июля 1853 г.

Гарнизон укрепления, благодаря стратегическим упущениям генерала-майора И.Л. Дебу и полковника Миронова был до смешного мал. Укрепление Гостогаевское имело слабый гарнизон, состоявший из гренадерской роты Черноморского линейного № 1 батальона с 1 орудием и около 300 человек. Ф. Вояковский скрытно поставил гарнизон под ружье. Оружие было роздано всем, кто мог с ним управляться, в том числе, провиантской команде и некоторым лазаретным служителям.

Для подноса патронов и зарядов поручик Ф. Вояковский обратился с просьбой к семьям солдат. Женщины и дети изъявили полное понимание и готовность помогать гарнизону. Патроны и заряды были доставлены к батареям. На рассвете укрепление подверглось атаке горцев, которые волна за волной накатывались на него с визгом и гиканьем для устрашения защитников. На батареях стало не хватать воды. Вездесущий поручик Вояковский, перебегавший с места на место с резервом в 30 человек, являлся всегда на помощь тем, кому особенно было трудно. Он снова обратился к солдатским женам, и они поднесли воду на батареи, где время от времени вспыхивали рукопашные схватки с горцами, взбиравшимися на стены укрепления.

Понеся большой урон, нападавшие переменили образ своих действий. Они рассредоточились вокруг укрепления в удобных местах и стали обстреливать его ружейным огнем. Поручик Франц Вояковский приказал усилить огонь батарей, зная, что горцы не смогут долго выдержать такого огня, и одновременно надеясь, что орудийный грохот подаст знак в станицу

Витязевскую и в Анапу, из которых придет помощь. Во второй половине дня 26 июля 1853 г. к Гостогаевскому подошли две сотни казаков, а к вечеру две роты солдат. Потеря гарнизона составила 47 человек. Во рвах укрепления было найдено 78 трупов горцев, а вокруг его по кустам еще более 200. Подошедшие роты стали рыть большие ямы для погребения убитых горцев. Начальник гарнизона и многие офицеры и солдаты были награждены командованием: офицеры – очередными званиями и орденами. Поручик Ф. Вояковский – штабс-капитан и орден Св. Георгия 4-й степени, «нижним чинам строевым и нестроевым по 3 рубля серебром и на раздачу отличившимся 6 знаков отличия военного ордена; женам и детям по 1 руб., а жене поручика Булича золотую медаль за усердие и пенсион по жизнь, по жалованью мужа» [Зайончковский 2002, II, 201; Дьячков-Тарасов Н. 1904, X, 320].

А. Боголюбов, опираясь на В. Шлизовску, сообщает, что в 1858 г. Ф. Вояковский получил высочайшее позволение выйти в отставку и вернуться на родину [Боголюбов 2008, 68]. Однако мы не имеем информации, воспользовался ли Ф. Вояковский этой монаршей милостью. После окончания военных действий на Северном Кавказе управление краем все больше становилось гражданским, но с военным уклоном. Поэтому оно называлось – военно-народное управление. Энергичность и распорядительность Ф. Вояковского нашли свое применение на новом поприще. В 1866–1869 гг. Ф. Вояковский – полковник, начальник Кумыкского округа Терской области. Начальника округа обычно назначал начальник Терского областного управления из числа офицеров Кавказской военной администрации. Начальнику округа принадлежала вся полнота власти на территории: военная, административно-полицейская, хозяйственная. Начальник округа в военное время формировал воинские подразделения из местных жителей, организовывал поставку лошадей в кавалерийские части, реквизировал у населения скот и продукты для нужд войск. В мирное время он следил за состоянием боевой готовности воинских подразделений, дислоцированных на территории округа, руководил работой всех подразделений административной системы округа. Кроме того, контролировал исполнение обязанностей помощников по управлению, участковых начальников, сельских старшин, членов окружного и сельских судов. Под надзором окружного управления находилось школьное образование и культурно-просветительская деятельность.

Исполняя свои служебные обязанности по проведению в жизнь требований Петербурга, связанных с распространением в Терской области крестьянской реформы, полковник Ф. Вояковский потребовал от горских владельцев освободить ясырей (рабов) и представить ему свои соображения

на каких началах и когда можно будет это осуществить [ЦГА РД, Ф.105. Оп.1. Д.44а. Л.3]. Будучи начальником Кумыкского округа Терской области, Ф. Вояковский вынужден был участвовать в решении судьбы князя Хасая Уцмиева из деревни Бота-юрт, генерал-майора русской службы, пожелавшего эмигрировать в Турцию. В 1869–1871 гг. Ф. Вояковский – начальник Кабардинского округа. В 1871 г. – генерал-майор. На родину не вернулся. Умер во Владикавказе в 1887 г.

Представленные в статье имена и биографии поляков – это лишь малая часть из того обширного массива имен и биографий, связанных с польским присутствием на Кавказе в XIX веке, которые ждут дальнейших исследований. Имена этих людей долго не были востребованы как в России, так и в Польше. Виной тому стали социально-политические события, в которые были погружены общества обоих государств. В России после октябрьского переворота 1917 г. и последующим развитием коммунистической государственности и общественно-политической системы перестали нуждаться в героях бывшей царской империи.

События, совершившиеся в Польше в 1918 г., связанные с возрождением государства (*polskie dwudziestolecie*), затем Вторая мировая война и годы оккупации страны, послевоенное коммунистическое правление также мало нуждались в поляках, связавших свою судьбу с Кавказом.

Теперь (2021 г.) ситуация изменилась как в России, так и в Польше. Осознание непрерывности своей истории и необходимости восстановления её страниц в полном объеме, без купюр и фальсификаций, позволяют надеяться на то, что все факты, связанные с нашей общей историей, не канут в туну.

Поляки, жившие и действовавшие на Кавказе, принадлежат мирам – польскому, российскому и кавказскому. Они в равной степени со всеми другими представителями Российской империи преобразовывали Кавказский край, утверждали там не только власть русского царя, но и основы европейской цивилизации. Эти люди за малым исключением никогда не забывали о своем польском происхождении, где бы и на каких бы поприщах не трудились. Потому они не могут не быть интересными сегодняшней Польше, как и не могут быть забыты в России.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АКАК. 1884. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 9. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского.
- АКАК. 1904. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 12. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского.

- Боголюбов Александр. 2008. *Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв.* Краснодар: Кубанский государственный университет.
- Высочайшие приказы по военному ведомству.* 1846. «Кавказ» № 2: 5.
- Высочайшие приказы по военному ведомству.* 1846. «Кавказ» № 4: 13.
- Высочайшие приказы по военному ведомству.* 1846. «Кавказ» № 7: 25.
- ГАКК. Государственный архив Краснодарского края. Фонд 260. Канцелярия начальника Черноморской береговой линии.
- ГАСК. Государственный архив Ставропольского края. Ф 68. Ставропольское губернское правление.
- Дьячков-Тарасов Николай. 1904. *Черноморская кордонная, Черноморская береговая линия и правый фланг Кавказа перед Восточною войною – в 1853 году (Военно-исторический очерк).* «Кубанский сборник» Т. 10.
- Дьячков-Тарасов Александр. 1910. *Абхазия и Сухум в XIX столетии.* Т. 20. Вып. 2. Тифлис: «Известия Кавказского отдела ИРГО».
- Западный Кавказ в первой половине XIX века: по материалам Ф.Я. Лисовского и В.Л. Чуркина. Сборник архивных документов.* 2019. Сост. Цвижба Л.И. Москва: Наука – Вост. лит.
- Зайончковский Андрей. 2002. *Восточная война 1853–1856.* Т. 2. Санкт-Петербург: «Полигон».
- Марков Владимир. 1911. *Генерал-лейтенант А.А. Иедлинский.* «Русская старина» № 1: 203–208.
- Марков Владимир. 1911. *Генерал-лейтенант А.А. Иедлинский.* «Русская старина» № 2: 320.
- Марков Владимир. 1911. *Генерал-лейтенант А.А. Иедлинский.* «Русская старина» № 3: 588.
- Матвеев Олег. 2007. *Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии.* «Польские ведомости» № 4 (19): 22–31.
- Полковой адъютант в 1711–1918 гг.* (online) <http://www.imha.ru/1144543865-polkovoy-adyutant.html#Xs55pDAzaM8> (доступ 22.01.2021).
- РГВИА. Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 38. Главное управление Генерального штаба.
- РГВИА. Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 395. Инспекторский департамент.
- РГВИА. Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 846. Военно-ученый архив. Коллекция.
- РГВИА. Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 13454. Штаб войск Кавказской линии и Черномории.
- РГВИА. Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 14719. Главный штаб Кавказской армии (1811–1865).
- Тржасковский Адам. 1847. *О сословиях Гурии (из записок капитана Тржасковского).* «Кавказ» № 40: 156–157.
- Филипсон Григорий. 2000. *Воспоминания 1837–1847 гг. В: Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века.* Сост. Гордин Я. Санкт-Петербург: Издательство журнала «Звезда»: 161.
- ЦГА РД. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Фонд 105. Кумыкский окружной отдел комиссии по правам личным и поземельным туземцев Терской области. Управление Хасавюрта. 1890–1918 гг.
- Шадури Ваню. 1958. *Декабристская литература и грузинская общественность.* Тбилиси: Заря Востока.
- Юров Александр. 1886. *1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе.* «Кавказский сборник». Т. 10. Тифлис: 225–404.

REFERENCES

- АКАК. 1884. Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, Tip. Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo. Vol. 9. (In Russian)
- АКАК. 1904. Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, Tip. Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo. Vol. 12. (In Russian)
- Bogolyubov Aleksandr. 2008. *Polyaki na Severnom Kavkaze v XIX–XX vv.* [Poles in the North Caucasus in the 19th–20th centuries]. Krasnodar, Kubanskij gos. universitet. (In Russian)
- CGA RD. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan. Fond 105. Kumykskij okružnoj otdel komissii po pravam lichnym i pozemel'nym tuzemcev Terskoj oblasti. Upravlenie Hasavyurta. 1890–1918 gg. [Central State Archives of the Republic of Dagestan. Fund 105. Kumyk district department of the commission on the rights of personal and land natives of the Terek region. Khasavyurt administration. 1890–1918]. (In Russian)
- D'yachkov-Tarasov Nikolaj. 1904. *Chernomorskaya kordonnaya, Chernomorskaya beregovaya liniya i pravij flang Kavkaza pered Vostochnoyu vojnoyu – v 1853 godu (Voenno-istoricheskij ocherk)* [Black Sea cordon, Black Sea coastline and the right flank of the Caucasus before the Eastern War – in 1853 (Military-Historical Essay)]. "Kubanskij sbornik" Vol. 10. (In Russian)
- D'yachkov-Tarasov Aleksandr. 1910. *Abhazija i Suhum v XIX stoletii* [Abkhazia and Sukhum in the 19th century]. In: «Izvestiya Kavkazskogo otdela IRGO». Tiflis, vol. 20, pub. 2. (In Russian)
- Filipson Grigorij. *Vospominaniya 1837–1847gg.* [Memoirs of 1837–1847]. 2000. In: *Osada Kavkaza. Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoj vojny XIX veka.* Ed. Gordin A. St. Petersburg, Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», p. 161. (In Russian)
- GAKK. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja. Fond 260. Kanceljariya nachal'nika Chernomorskoj beregovoj linii [State Archives of the Krasnodar Territory. Fund 260. Office of the Chief of the Black Sea Coastline]. (In Russian)
- GASK. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja. F 68. Stavropol'skoe gubernskoe pravlenie [State Archives of the Stavropol Territory. F 68. Stavropol provincial government]. (In Russian)
- Markov Vladimir. 1911. *General-lejtenant A.A. Iedlinskij* [Lieutenant General A.A. Iedlinsky]. "Russkaya starina" no 1, pp. 203–208. (In Russian)
- Markov Vladimir. 1911. *General-lejtenant A.A. Iedlinskij* [Lieutenant General A.A. Iedlinsky]. "Russkaya starina" no 2, p. 320. (In Russian)
- Markov Vladimir. 1911. *General-lejtenant A.A. Iedlinskij* [Lieutenant General A.A. Iedlinsky]. "Russkaya starina" no 3, p. 588. (In Russian)
- Matveev Oleg. 2007. *Polyaki v ukreplenyah Chernomorskoj beregovoj linii* [Poles in the fortifications of the Black Sea coastline]. "Pol'skie vedomosti" no 4 (19), pp. 22–31. (In Russian)
- Polkovoj ad'yutant v 1711–1918 gg.* [Regimental adjutant in 1711–1918]. Available at: <http://www.imha.ru/1144543865-polkovoy-adyutant.html#.Xs55pDAzaM8> (Accessed 22 January 2021). (In Russian)
- RGVIA. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv. Fond 38. Glavnoe upravlenie General'nogo shtaba [Russian State Military Historical Archive. Fund 38. Main Directorate of the General Staff]. (In Russian)
- RGVIA. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv. Fond 395. Inspektorskij departament [Russian State Military Historical Archive. Fund 395. Inspection Department]. (In Russian)
- RGVIA. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv. Fond 846. Voенно-uchenyj arhiv. Kollekcija. [Russian State Military Historical Archive. Fund 846. Military Scientific Archive. Collection]. (In Russian)

- RGVIA. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv. Fond 13454. Shtab vojsk Kavkazskoj linii i Chernomorii [Russian State Military Historical Archive. Fund 13454. Headquarters of the troops of the Caucasian line and the Black Sea coast]. (In Russian)
- RGVIA. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv. Fond 14719. Glavnyj shtab Kavkazskoj armii (1811–1865) [Russian State Military Historical Archive. Fund 14719. General Staff of the Caucasian Army (1811–1865)]. (In Russian)
- Shaduri Vano. 1958. *Dekabristskaya literatura i gruzinskaya obshchestvennost'* [Decembrist literature and the Georgian public]. Tbilisi, Zarya Vostoka. (In Russian)
- Trzhaskovskij Adam. 1847. *O sosloviyah Gurii (iz zapisok kapitana Trzhaskovskogo)* [On the estates of Guria (from the notes of Captain Trzhaskovsky)]. "Kavkaz" no 40, pp. 156–157. (In Russian)
- Vysochajshie prikazy po voennomu vedomstvu* [Supreme Orders for the War Department]. 1846. "Kavkaz" no 2, p. 5. (In Russian)
- Vysochajshie prikazy po voennomu vedomstvu* [Supreme Orders for the War Department]. 1846. "Kavkaz" no 4, p. 13. (In Russian)
- Vysochajshie prikazy po voennomu vedomstvu* [Supreme Orders for the War Department]. 1846. "Kavkaz" no 7, p. 25. (In Russian)
- Yurov Aleksandr. 1886. *1840, 1841 i 1842 gody na Kavkaze* [1840, 1841 and 1842 in the Caucasus]. "Kavkazskij sbornik" (Tiflis) Vol. 10, pp. 225–404. (In Russian)
- Zajonchkovskij Andrej. 2002. *Vostochnaya vojna 1853–1856* [Eastern War 1853–1856]. Vol. 2. St. Petersburg, Poligon. (In Russian)
- Zapadnyj Kavkaz v pervoj polovine XIX veka: po materialam F.Ya. Lisovskogo i V.L. Churkina. Sbornik arhivnyh dokumentov* [Western Caucasus in the first half of the 19th century: based on the materials of F.Ya. Lisovsky and V.L. Churkina]. 2019. Ed. Cvizhba L.I. Moscow, Nauka – Vost. lit. (In Russian)

Zasady przygotowania artykułów nadsyłanych do druku w czasopiśmie naukowym „Acta Polono-Ruthenica” (teksty w języku polskim)

Teksty (wyłącznie w formatach doc) prosimy nadsyłać za pośrednictwem platformy czasopism UWM: <https://czasopisma.uwm.edu.pl/index.php/apr/about/submissions> lub drogą elektroniczną na adres redakcji: acta.pol.rut@gmail.com

W oddzielnym pliku należy dołączyć **Oświadczenie** o tym, że publikacja nie była wcześniej opublikowana oraz o wkładzie poszczególnych autorów w jej powstawanie (zob. Oświadczenie na <http://czasopisma.uwm.edu.pl/indeks.php/apr/about/submissions>).

Doktoranci zobowiązani są ponadto do dołączenia opinii swojego opiekuna naukowego/promotora, dotyczącej składanego tekstu.

1. Układ tekstu

- tytuł artykułu w języku polskim,
- abstrakt w języku polskim,
- słowa kluczowe w języku polskim,
- tytuł artykułu w języku angielskim,
- abstrakt w języku angielskim,
- słowa kluczowe w języku angielskim,
- tekst zasadniczy,
- BIBLIOGRAFIA,
- REFERENCES.

2. Wymogi formalne

Tytuł

Tytuł artykułu powinien być możliwie krótki i wskazywać o czym jest artykuł. Powinny pojawiać się w nim najważniejsze słowa kluczowe. Należy unikać użycia sformułowań metaforycznych oraz cytatów literackich.

Abstrakt

Powinien w jak najmniejszej liczbie słów przedstawiać treść artykułu (tło, cele, wyniki, wnioski). Główną funkcją abstraktu jest informowanie czytelnika o najważniejszym wkładzie artykułu do stanu badań. Dlatego powinien on obejmować: tezę artykułu, opis metodologii badań, najważniejsze informacje zawarte w tekście, słowa kluczowe i frazy, które umożliwiają szybką identyfikację zawartości i głównych zagadnień artykułu. Należy operować krótkimi zdaniami, które w sposób precyzyjny i konkretny definiują problem przedstawiony w artykule.

Nie należy: przekraczać objętości 150 słów, używać wielosłownych sformułowań i określić abstrakcyjnych, odnosić się szczegółowo do innych badań, podawać informacji niezawartych w artykule, podawać definicji.

Słowa kluczowe

Należy unikać zbyt ogólnych terminów. Pożądane są nazwiska, nazwy własne. Wyrażenia wielowyrazowe nie mogą być zbyt długie. Powinny występować w tytule oraz abstrakcie, ale nie należy ograniczać się tylko do tych elementów artykułu.

Struktura treści

Kompozycja wskazująca, że tekst jest artykułem naukowym, np. w artykule badawczym –wprowadzenie, materiały i metody, wyniki, dyskusja. Wskazane jest używanie śródtytułów zgodnych z kompozycją artykułu. W tekście głównym powinny pojawiać się synonimy słów kluczowych.

3. Wymogi redakcyjne

Objętość artykułów nie powinna przekraczać 15 stron (ok. 25 000 znaków ze spacjami), a objętość recenzji – 5 stron (ok. 10 000 znaków ze spacjami).

Tytuł artykułu (pogrubiony, wyśrodkowany, czcionka Times New Roman 14).

Abstrakt: (nazwa pogrubiona, dwukropek, czcionka Times New Roman 11)

Streszczenie w języku polskim (do 1000 słów, czcionka Times New Roman 11).

Słowa kluczowe: (nazwa pogrubiona, dwukropek, czcionka Times New Roman 11)

5–6 słów lub wyrażeń (bez pogrubienia, rozdzielonych przecinkami, bez kropki na końcu (czcionka Times New Roman 11).

Abstract: (nazwa pogrubiona, czcionka Times New Roman 11).

Streszczenie w języku angielskim (do 1000 słów, czcionka Times New Roman 11).

Keywords: (nazwa pogrubiona, dwukropek, 5 słów kluczowych w języku angielskim, bez pogrubienia, rozdzielonych przecinkami, bez kropki na końcu, czcionka Times New Roman 11).

5–6 słów lub wyrażeń (bez pogrubienia, rozdzielonych przecinkami, bez kropki na końcu (czcionka Times New Roman 11).

Tekst artykułu

Preferowany edytor tekstu Word.

Czcionka: Times New Roman, wielkość czcionki – 12; odstęp między wierszami – 1,5.

Marginesy każdej kartki wydruku powinny mieć wymiary: górny, dolny, prawy – 25 mm, lewy – 35 mm.

- W wydruku dopuszcza się stosowanie wyróżnień, np. kursywę w wyrazach obcych, ale bez podkreślenia wyrazów.
- Kursywą podajemy tytuły cytowanych pozycji zwartych i artykułów (w tekście, bibliografii).
- W cudzysłów (bez kursywy) ujmujemy w tekście tytuły rozdziałów (powieści i prac naukowych) oraz tytuły czasopism.
- Wszystkie człony w nazwach czasopism piszemy wielkimi literami (oprócz spójników).
- W tekście polskim stosujemy cudzysłów polski, w tekście rosyjskim – cudzysłów rosyjski.
- Cytaty ujmujemy w cudzysłów (bez kursywy). Cytaty przekraczające trzy linijki tekstu wydzielamy wcięciem z lewej strony – 1,25; zmniejszamy czcionkę na 11 Times New Roman, interlinia 1,5.
- Fragmenty opuszczone należy oznaczyć trzema kropkami w nawiasach okrągłych (...). W takich nawiasach umieszcza się wszystkie odautorskie komentarze.
- Dopuszczalne są komentarze w formie przypisów dolnych (czcionka 10 pkt., interlinia pojedyncza).
- W tekście stosujemy półpauzy (np. 1990–2000, s. 10–20) i dywizy (np. polsko-rosyjski).
- Przy zapisie lat stosujemy liczebnik zapisany cyfrą (liczebniki porządkowe z kropką) np. lata 70.

- Przy nazwiskach w tekście po raz pierwszy stosujemy pełny zapis imienia, następnie inicjał.
- Tabele i rysunki powinny być opatrzone opisem oraz źródłem opracowania (np. Tab. 1. Przykłady użycia zwrotów obcojęzycznych. Źródło: opracowanie własne).

Sposoby zapisu przypisów

W czasopiśmie stosujemy jeden rodzaj przypisów. Przypisy zamieszczane są w tekście głównym, (**bez wariantu transliterowanego**) zgodnie z następującą konwencją:

[nazwisko rok wydania, strony], np. [Bartmiński 1999, 105]

[nazwisko rok wydania, tom, strony], np. [Балдаев 1997, I, 45–46]

[tytuł rok wydania, strony], np. [*Słownik biograficzny teatru polskiego...* 1973, 73]

- Odwołanie do kilku źródeł

[nazwisko rok wydania, strony; tytuł rok wydania, strony; nazwisko rok wydania, strony], np. [Mościcki 2010, 47; *Słownik biograficzny teatru polskiego...* 1979, 52; Нитрауп 1989, 17]

Źródła internetowe

[nazwisko, online], np. [Спиридонова, online]

Sposoby zapisu bibliografii

- Autor sporządza jeden wykaz literatury dla całej pracy (Bibliografia, Библиография).
- Kolejność pozycji bibliograficznych powinna być alfabetyczna, według nazwisk autorów lub tytułów prac zbiorowych.
- **W bibliografii nie stosujemy numeracji.**

Monografie

Kozak Jolanta. 2009. *Przekład literacki jako metafora. Między logos a lexis*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

Język – stereotyp – przekład. 2002. Red. Skibińska E., Cieński M. Wrocław: Dolnośląskie Wydawnictwo Edukacyjne.

Kasack Wolfgang. 1996. *Leksykon literatury rosyjskiej XX wieku: od początku stulecia do roku 1996*. Przekł., oprac., bibliografia pol. i indeks osób Kodzis B. Wrocław–Warszawa–Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

Куприн Александр Иванович. 1970–1973. *Собрание сочинений в девяти томах*. Москва: Издательство Художественная Литература.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. 1998. Ред. Скляревская Г.Н. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс.

Rozdziały w monografiach

Redaktorów zbiorów należy oznaczyć przed nazwiskiem skrótem w języku zgodnym z publikacją (Red. / Ed. / Hrsg. / Ред.)

Munia Henryka. 2010. *Semantyka nazw własnych w tytułach utworów rosyjskiej prozy wiejskiej*. W: *Literatury i języki wschodniosłowiańskie wobec swego czasu*. Red. Ksenicz A., Łuczuk M. Zielona Góra: Wydawnictwo Uniwersytetu Zielonogórskiego: 75–81.

Трубилова Елена. 1997. *Тэффи*. В: *Литературная энциклопедия Русского Зарубежья (1918–1940)*. Ред. Никулюкин А. Т. 1. Москва: Российская политическая энциклопедия: 395–398.

Artykuły w czasopismach

Pietraś Elżbieta. 2007. *Moskiewski konceptualizm – między awangardą a postmodernizmem*. „Acta Neophilologica” nr 9: 131–142.

Łanda Siemion. 1982. *Jak Odyniec redagował „Czaty” Mickiewicza*. Z „Kroniki życia i twórczości Mickiewicza. 1824–1829”. „Pamiętnik Literacki” nr 73, z. 1–2: 225–235.

Publikacje internetowe

Piętkowa Romualda. *Językowy obraz świata i stereotypy a nauczanie języka obcego*. (online) http://sjikp.us.edu.pl/pliki/ksiazki/romualda_pietkowa.pdf (dostęp 3.02.2015).

Кодзис Бронислав. 2011. *Драматургия первой волны русской эмиграции*. «Новый журнал» № 236. (online) <http://magazines.russ.ru/nj/2011/263/ko20-pr.html> (dostęp 20.06.2017).

(online) <https://www.starinnyje-noty.ru/песни-романсы-и-арии/песенка-о-трех-пажах-вертинский/> (dostęp 4.06.2017).

References

Jeśli w bibliografii uwzględniono literaturę w języku rosyjskim, białoruskim lub ukraińskim, należy dodatkowo sporządzić wykaz REFERENCES.

Wykaz powinien obejmować wszystkie pozycje ujęte w bibliografii (w nowym układzie alfabetycznym).

- Tytuły zapisujemy kursywą.
- Należy podać angielski wariant miejsca wydania (np. zamiast Москва – Moscow, Warszawa – Warsaw, Kraków – Cracow).
- Zamienić W: lub B: na In:
- Zamienić Red., Ред. na Ed. lub Eds
- Dwukropek po nazwie miejsca wydania należy zamienić na przecinek.
- Zamienić zaznaczenie zakresu stron: zamiast s. 45–47 – pp. 45–47.
- Zamienić (online) na Available at:; (dostęp), (dostęp) na Accessed:
- Na koniec adresu bibliograficznego dodać wskazania na oryginalny język artykułu (In Russian), (In Polish), (In Belarusian), (In English) itd.
- Pozycje bibliograficzne zapisane cyrylicą powinny posiadać wariant transliterowany zgodnie z PN-ISO 9:2000. Transliteracji dokonujemy automatycznie na stronie <https://www.ushuaia.pl/transliterate/> (należy sprawdzić, czy został wybrany system PN-ISO 9:2000).
- Po zapisie transliterowanym w nawiasie kwadratowym (bez kursywy) umieszczamy tłumaczenie tytułów publikacji w języku angielskim.
- Literatura w innych językach niż cyrylica nie jest zarówno transliterowana, jak i tłumaczona na język angielski.

Przykłady

Bakuntsev Anton. 2012. *I. A. Bunin v Pribaltike. Literaturnoye turne 1938 goda* [Bunin in the Baltics. 1938 Literary Tour]. Moscow, Dom Russkogo Zarubež'a im. A. Solženicyna. (In Russian)

Berberova Nina Nikolaevna. 1983. *Kursiv moj* [The Italics are Mine]. New-York, Russica Publishers. (In Russian)

Berdâev Nikolaj Aleksandrovič. 1949. *Samopoznanie (Opyt filozofskoj avtobiografii)* [Self-knowledge (An Essay of Philosophical Autobiography)]. Paris, IMKA-Press. (In Russian)

- Bukalov Aleksej. 2019. *Obšij sleng i gorodskoe prostorečie: problema differenciacii* [Common slang and urban prostorechie: the problem of differentiation]. Available at: <http://eKhSUIR.kspu.edu/handle/123456789/181> (Accessed 26 December 2019). (In Russian)
- Jarniewicz Jerzy. 2000. *Przekład tytułu: między egzotyką a adaptacją*. In: *Przekładając nieprzekładalne: materiały z I Międzynarodowej Konferencji Translatorycznej*. Eds Kubiński W., Kubińska O., Wolański T.Z. Gdańsk, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, pp. 477–483. (In Polish)
- Kapanadze Lamara. 1984. *Sovremennoe gorodskoe prostorečie i literaturnyj âzyk* [Modern urban prostorechie and literary language]. In: *Gorodskoe prostorečie. Problemy izučeniâ* [Urban prostorechie. Problems of Study]. Eds Zemskaâ E., Šmelev D. Moscow, Nauka, pp. 5–12. (In Russian)
- Nowak Marta. 2017. *Tłumacz jako autor tytułów filmów i seriali*. “Białostockie Archiwum Językowe” no 17, pp. 151–161. (In Polish)
- Ocup Nikolaj Avdeevič. 1933. *Klim Samgin* [Klim Samgin]. “Čisla” no 7–8, pp. 178–183. (In Russian)

Prace nie zaopatrzone w wersję elektroniczną oraz nie spełniające wymogów przygotowania prac naukowych do czasopisma „Acta Polono-Ruthenica” nie będą przyjmowane do druku.